

III КАЛЬДЕРОН • ДРАМЫ

ПЕДРО
КАЛЬДЕРОН
ДЕ ЛА БАРКА
—
ДРАМЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

PEDRO
CALDERON
DE LA BARCA

DRAMAS

Traducidos
POR CONSTANTIN BALMONT

ПЕДРО
КАЛЬДЕРОН
ДЕ ЛА БАРКА

ДРАМЫ

Перевод
КОНСТАНТИНА БАЛЬМОНТА

В двух книгах
КНИГА ВТОРАЯ

Издание подготовили
Н. И. БАЛАШОВ и Д. Г. МАКОГОНЕНКО

МОСКВА «НАУКА»
1989

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*Н. И. Балашов, Г. П. Бердников, И. С. Брагинский,
М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Н. А. Жирмунская, Д. С. Лихачев (председатель),
А. Д. Михайлов, Д. В. Ознобишин, Д. А. Ольдерогге,
И. Г. Птушкина (ученый секретарь), Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

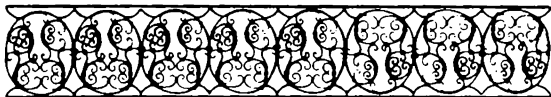
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Г. В. СТЕПАНОВ

К $\frac{4703000000-245}{042(02)-89}$ без объявления © Издательство
«Наука», 1989

ISBN 5—02—012710—8

Составление,
статьи, примечания

© Скан и обработка: *glarus63*

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Б а с и л и о, король польский
С е х и с м у н д о, принц
А с т о л ь ф о, герцог Московии
К л о т а л ь д о, старик
К л а р и н, шут
Э с т р е л ь я, инфанта
Р о с а у р а, дама
С о л д а т ы
С т р а ж а
М у з ы к а н т ы
С в и т а
С л у г и
Д а м ы

*Действие происходит при дворе
в Полонии (Польше) в крепости, находящейся
в некотором отдалении, и в лагере.*

ХОРНАДА ПЕРВАЯ

С одной стороны обрывистая гора, с другой башня, основание которой служит тюрьмой для Сехисмундо. Дверь, находящаяся против зрителей, полуоткрыта. С началом действия совпадает наступление сумерек.

СЦЕНА 1-я

Росаура, Кларин.

(Росаура, в мужской одежде, появляется на вершине скалы и спускается вниз, за ней идет Кларин.)

Р о с а у р а

Бегущий в уровень с ветрами,
Неукротимый гиппогриф¹,
Гроза без ярких молний, птица,
Что и без крыльев — вся порыв,
Без чешуи блестящей рыба,
Без ясного инстинкта зверь,
Среди запутанных утесов
Куда стремишься ты теперь?
Куда влачишься в лабиринте?
Не покидай скалистый склон,
Останься здесь, а я низвергнусь,
Как древле — павший Фаэтон².
Иной не ведая дороги,
Чем данная моей судьбой,
В слепом отчаяньи пойду я
Меж скал запутанной тропой,
Сойду с возвышенной вершины,
Меж тем как, вверх подняв чело,
Она нахмурилась на солнце

За то, что светит так светло.
Как неприветно ты встречаешь,
Полония, приход чужих,
Ты кровью вписываешь след их
Среди песков пустынь твоих:
Едва к тебе приходит странник,
Приходит к боли он, стена.
Но где ж несчастный видел жалость?

К л а р и н

Скажи: несчастные. Меня
Зачем же оставлять за флагом?
Вдвоем, покинув край родной,
Пошли искать мы приключений,
Вдвоем скитались мы с тобой
Среди безумий и несчастий,
И, наконец, пришли сюда,
И, наконец, с горы скатились,—
Где ж основание тогда,
Раз я включен во все помехи,
Меня из счета исключать?

Р о с а у р а

Тебя, Кларин, я не жалела,
Чтобы, жалея, не лишать
Законных прав на утешенье.
Как нам философ возвестил,
Так сладко — сетовать, что нужно б
Стараться изо всех нам сил
Себе приискивать мученья,
Чтоб после жаловаться вслух.

К л а р и н

Философ просто был пьянчужка.
Когда бы сотню оплеух
Ему влепить, блаженством жалоб
Он усладился бы как раз!

Но что предпримем мы, сеньора,
Что здесь нам делать в этот час?
Уходит солнце к новым далям,
И мы одни меж диких гор.

Р о с а у р а

Кто ведал столько испытаний!
Но если мне не лжет мой взор,
Какое-то я вижу зданье
Среди утесов, и оно
Так узко, сжато, что как будто
Смотреть на солнце не должно.
Оно построено так грубо,
Что точно это глыба скал,
Обломок дикий, что с вершины
Соседней с солнцем вниз упал.

К л а р и н

Зачем же нам смотреть так долго?
Пускай уж лучше в этот час
Тот, кто живет здесь, в темный дом свой
Гостеприимно впустит нас.

Р о с а у р а

Открыта дверь, или скорее
Не дверь, а пасть, а из нее,
Внутри родившись, ночь роняет
Дыханье темное свое.

(Внутри слышится звон цепей.)

К л а р и н

О, небо, что за звук я слышу!

Р о с а у р а

От страха я — огонь и лед!

К л а р и н

Эге! Цепочка зазвенела.
Испуг мой весть мне подает,
Что здесь чистилище преступных.

СЦЕНА 2-я

Сехисмундо, в башне — Росаура, Кларин.

С е х и с м у н д о (за сценой)

О, я несчастный! Горе мне!

Р о с а у р а

Какой печальный слышу голос!
Он замирает в тишине
И говорит о новых бедах.

К л а р и н

И возвещает новый страх.

Р о с а у р а

Кларин, бежим от этой башни.

К л а р и н

Я не могу: свинец в ногах.

Р о с а у р а

Но не горит ли там неясный,
Как испаренье слабый свет,
Звезда, в которой бьются искры,
Но истинных сияний нет?
И в этих обморочных вспышках
Какой-то сумрачной зари,
В ее сомнительном мерцаньи
Еще темнее там внутри.
Я различаю, хоть неясно,
Угрюмо мрачную тюрьму,

Лежит в ней труп живой, и зданье —
Могила темная ему.

И, что душе еще страшнее,

Цепями он обременен,

И, человек в одежде зверя,

Тяжелым мехом облечен.

Теперь уж мы бежать не можем,

Так встанем здесь — и в тишине

Давай внимать, о чем скорбит он.

*(Створы двери раскрываются, и предстает Се-
хисмундо в цепях, покрытый звериной шкурой.*

В башне виден свет.)

С е х и с м у н д о

О, я несчастный! Горе мне!

О, небо, я узнать хотел бы,

За что ты мучаешь меня?

Какое зло тебе я сделал,

Впервые свет увидев дня?

Но раз родился, понимаю,

В чем преступление мое:

Твой гнев моим грехом оправдан,

Грех величайший — бытие.

Тягчайшее из преступлений —

Родиться в мире³. Это так.

Но я одно узнать хотел бы

И не могу понять никак.

О, небо (если мы оставим

Вину рожденья — в стороне),

Чем оскорбил тебя я больше,

Что кары больше нужно мне?

Не рождены ли все другие?

А если рождены, тогда

Зачем даны им предпочтенья,

Которых я лишен всегда?

Родится птица, вся — как праздник,

Вся — красота и быстрый свет,

И лишь блеснет, цветок перистый,
Или порхающий букет,
Она уж мчится в вольных сферах,
Вдруг пропадая в вышине:
А с духом более обширным
Свободы меньше нужно мне?
Родится зверь с пятнистым мехом,
Весь — разрисованный узор,
Как символ звезд, рожденный кистью
Искусно — меткой с давних пор,
И дерзновенный и жестокий,
Гонимый вражеской толпой,
Он познает, что беспощадность
Ему назначена судьбой,
И, как чудовище, мятется
Он в лабиринтной глубине:
А лучшему в своих инстинктах,
Свободы меньше нужно мне?
Родится рыба, что не дышет,
Отброс грязей и трав морских,—
И лишь чешуйчатой ладьею,
Волна в волнах, мелькнет среди них,
Уже кружиться начинает
Неутомимым челноком,
По всем стремиться направленьям,
Безбрежность меряя кругом,
С той быстротой, что почерпает
Она в холодной глубине:
А с волей более свободной,
Свободы меньше нужно мне?
Ручей родится, извиваясь,
Блестя, как уж, среди цветов,
И чуть серебряной змеею
Мелькнет по зелени лугов ⁴.
Как он напевом прославляет
В него спешащие взглянуть
Цветы и травы, меж которых

Лежит его свободный путь,
И весь живет в просторе пышном,
Слагая музыку весне:
А с жизнью более глубокой
Свободы меньше нужно мне?
Такою страстью проникаясь
И разгораясь, как вулкан,
Я разорвать хотел бы сердце,
Умерить смертью жгучесть ран.
Какая ж это справедливость,
Какой же требует закон,
Чтоб человек в существованьи
Тех преимуществ был лишен,
В тех предпочтеньях самых главных
Был обделенным навсегда,
В которых взысканы Всевышним
Зверь, птица, рыба и вода?

Р о с а у р а

Печаль и страх я ощутила,
Внимая доводам его.

С е х и с м у н д о

Кто здесь слова мои подслушал?
Клотальдо?

К л а р и н (*в сторону, к Росауре.*)

Успокой его,
Скажи, что да.

Р о с а у р а

Нет, я, несчастный,
Здесь услышал, как ты, скорбя,
Под темным сводом сокрушался.

С е х и с м у н д о

Так я сейчас убью тебя,

Что б ты не знал, что вот я знаю,
Что знаешь слабости мои;

(Схватывает ее.)

И лишь за то, что ты услышал,
Как тосковал я в забытьи,
Тебя могучими руками
Я растерзаю.

К л а р и н

Глухоты

Порок наследственный спасает
Меня от казни.

Р о с а у р а

Если ты

Родился в мире человеком,
Довольно пасть к твоим ногам —
И пощадишь.

С е х и с м у н д о

Смущенный, кроткий,

К твоим склоняюсь я мольбам:
К тебе я полон уваженья.
Хоть я, в тюрьме своей стена,
Из мира знаю столь немного,
Что эта башня для меня
Как колыбель и как могила,
Хотя с тех пор, как я рожден,
Лишь этой дикою пустыней
Без перемены окружен,
И в ней влачу существованье,
Живой мертвец, скелет живой,
Хотя до этого мгновенья
Я не беседовал с тобой
И не видал тебя, и только
Всегда с одним я говорил,
Кто знает скорбь мою, и знанью

Земли и неба научил,
Хотя ты видишь пред собою
Живого чудища пример,
Что пребывает одиноко
Средь изумлений и химер,
Хотя я зверь меж человеков
И человек среди зверей,
И в столь значительных несчастьях
Внимал зверям, чтоб стать мудрей,
И государственную мудрость,
Смотрев на птиц, я изучал,
И к звездам взор свой устремляя,
Круги их в небе измерял,
Но только ты, лишь ты был властен
Внезапно укротить мой дух,
И усмирить мои страданья,
И усладить мой жадный слух.
И на тебя я с каждым взглядом
Все ненасытнее смотрю,
И каждым взглядом я как будто
Об этой жажде говорю.
И смерть я взглядами впиваю,
И пью, без страха умереть,
И, видя, что, смотря, я гибну,
Я умираю, чтоб смотреть.
Но пусть умру, тебя увидев,
И если я теперь сражен,
И если видеть — умиранье,
Тебя не видеть — смертный сон,
Не смертный сон, а смертный ужас,
Терзанье, бешенство, боязнь,
Ужасней: жизнь,— а ужас жизни,
Когда живешь несчастным,— казнь.

Роса у ра

Тебя я слышу — и смущаюсь,
Гляжу — не в силах страх смирить,

И что сказать тебе, не знаю,
Не знаю, что тебя спросить.
Скажу одно, что верно небо
Сюда направило мой путь,
Дабы утешенный в несчастьи,
Я мог свободнее вздохнуть,
Когда возможно, чтоб несчастный
В своей беде был облегчен,
Увидя, что другой печальный
Несчастьем большим удручен.
Один мудрец, в нужде глубокой,
Среди таких лишений жил,
Что только травами питался,
Которые он находил.
Возможно ли (так размышлял он),
Чтоб кто беднее был? О, нет!
И тут случайно обернулся
И на вопрос нашел ответ.
Другой мудрец, идя за первым,
Чтобы своей нужде помочь,
Те травы подбирал с дороги,
Которые бросал он прочь,
Я жил печальный в этом мире,
И вот когда, гоним судьбой,
Я вопрошал: ужели в мире
Еще несчастней есть другой?
Ты милосердно мне ответил,
И вижу, что в такой борьбе
Ты мог бы все мои несчастья,
Как утешенье, взять себе.
И ежели мои мученья
Твой дух способны облегчить,
Внимай, я разверну охотно
Меня постигших бедствий нить...

СЦЕНА 3-я

*Клотальдо, солдаты.— Сехисмундо,
Росаура, Кларин.*

Клотальдо *(за сценой)*

Солдаты, стражи этой башни,
Вы испугались, или спали,
Двоим дозволивши нарушить
Уединение тюрьмы...

Росаура

Еще беда, еще смущенье!

Сехисмундо

Тюремщик это мой, Клотальдо.
Так нет конца моим мученьям?

Клотальдо *(за сценой.)*

Сюда, и, прежде чем они
Окажут вам сопротивление,
Возьмите их или убейте.

Голоса *(за сценой.)*

Измена!

Кларин

Стражи этой башни,
Нас пропустившие сюда,
Коль вы оставили нам выбор,
Так нас схватить — гораздо легче.

*(Выходят Клотальдо и солдаты:
он с пистолетом, и лица у всех закрыты.)*

Клотальдо

(в сторону, к солдатам при входе.)

Закройтесь все, нам очень важно,

Чтобы никто нас не узнал,
Пока мы здесь.

Кларин

Мы в маскараде?

Клотальдо

Вы, что вступили по незнанию
В пределы этих мест, запретных
По повеленью Короля,
Велевшего в своем указе,
Чтоб не дерзал никто касаться
Своим исследованием чуда,
Что скрыто между этих скал,—
Сложив свое оружие, сдайтесь,
Иначе, аспид из металла ⁵,
Вот этот пистолет, извергнет
Двух пуль проникновенный яд,
Чьим пламенем смутится воздух.

Сехисмундо

Сперва, мой повелитель-деспот,
И прежде чем ты их обидишь,
Я унижительным цепям
Оставлю жизнь мою добычей;
Свидетель Бог, я растерзаю
Себя руками и зубами
Среди угрюмых этих скал,
Но допустить не пожелаю,
Чтоб их постигло злополучье,
И я оплакал их обиду.

Клотальдо

Ты, Сехисмундо, знаешь сам:
Так велико твое несчастье,
Что до рождения ты умер
Согласно приговору неба;

Ты знаешь, что твоя тюрьма —
Для ярости твоей свирепой
Узда суровая и вожжи,
Чтоб удержать ее стремленье.
Чего ж кричишь?

(К солдатам.)

Закройте дверь,
Заприте узкую темницу;
Пусть он войдет в нее.

С е х и с м у н д о

О, Небо,

Как хорошо, что ты лишило
Меня свободы! А не то
Я встал бы дерзким исполином,
И чтоб сломать на дальнем солнце
Хрусталь его блестящих окон,—
На основаньях из камней
Воздвиг бы горы я из яшмы.

К л о т а л ь д о

Быть может, именно затем-то,
Чтоб этого не мог ты сделать,
Ты терпишь ныне столько зол.

*(Несколько солдат уводят Сехисмундо
и запирают его в тюрьме.)*

СЦЕНА 4-я

Росаура, Клотальдо, Кларин, солдаты.

Р о с а у р а

Увидевши, что так глубоко
Тебя надменность оскорбила,
Несведущим я оказался б,
Когда б смиренно не просил
Дать жизнь, что пред тобой во прахе,

Ко мне проникнись милосердьем;
Чрезмерно это было б строго,
Когда бы так же ты казнил
Смирение, как и надменность.

К л а р и н

И коль Надменность и Смиренье,
Сии почтенные особы,
Что в тысяче Священных Действ
Пред нами исполняли роли ⁶,—
Коли они тебя нисколько
Не трогают, я, не смиренный
И не надменный, но меж двух,
Как срединная тартинка,
Тебя прошу, дай нам защиту.

К л о т а л ь д о

Сюда!

С о л д а т ы

Сеньор...

К л о т а л ь д о

Взять у обоих
Оружие и завязать
Глаза им, чтобы не видали,
Куда и как отсюда выйдут.

Р о с а у р а

Тебе свою вручаю шпагу.

К л о т а л ь д о

Как имя?

Р о с а у р а

Должен
Я умолчать.

Клотальдо

Откуда знаешь,
Или откуда заключаешь,
Что в этой шпаге тайна есть?

Росаура

Кто дал ее, сказал: «Отправься
В Полонию и постарайся
Уменьем, хитростью, иль знаньем
Так сделать, чтобы показать
Особам знатным эту шпагу:
Я знаю, между благородных
Найдется кто-нибудь, кто будет
Твоим защитником в нужде»;
Назвать его не захотела,
Не зная, жив он или умер.

Клотальдо *(в сторону)*

О, небо, помоги! Что слышу?
Я даже не могу решить,
Виденье это или правда.
Я эту шпагу дал когда-то
Давно прекрасной Виоланте,
Как знак того, что если кто
Ко мне придет, ею опоясан,
Где б ни был я, во мне он всюду
Найдет и любящего сына,
И милосердного отца.
О, горе! Что же буду делать
Я в затруднении подобном,
Коль тот, кто нес с собой защиту,
С собою смерть принес свою,
Придя приговоренный к смерти?
Какое страшное смущенье!
Какая горестная участь!
Какой непостоянный рок!
Мой сын родной передо мною,

Приметы мне о том вещают,
И вместо указания сердца
О том мне ясно говорят:
Оно, едва его увидя,
В груди моей крылами бьется,
И также, как тюремный узник,
На улице услышав шум,
Хотел бы разломать засовы,
И чувствуя свое бессилье,
Спешит скорей взглянуть в окошко,
Оно, тревогу услышав,
Не зная, что там происходит,
Спешит разведать, что случилось,
И заблиставшими слезами
Глядит из окон сердца глаз.
Что делать? (Небо, помоги мне!)
Что делать? Если, по закону,
Я к Королю его отправлю,
Я поведу его на смерть.
Скрывать от Короля виновных,
Как верноподданный, не смею.
И вот в одно и то же время
В моей душе встает любовь,
И с ней в борьбу вступает верность.
Но, впрочем, что ж я сомневаюсь?
Не предпочтительней ли жизни
И чести — верность Королю?
Так верность пусть живой пребудет,
И пусть мой сын погибнет смертью.
Притом, принявши во вниманье,
Что он явился отомстить
За оскорбленье, — оскорбленный
Бесчестен. — Значит он не сын мой,
И нет в нем крови благородной.
Но если случай был такой,
Была опасность, от которой
Еще никто свободен не был?

Ведь по самой своей природе
У всех настолько честь хрупка,
Что от единого поступка,
От одного движенья ветра
Она способна разломиться
Или запятнанной предстать,
Что может сделать благородный,
Что может совершить он,
Как не пойти искать виновных
Ценой опасностей таких?
Он сын мой, да, моей он крови,
Коль так в беде неустрашим он.
Итак, меж этих двух сомнений,
Идти я должен к Королю,
И это будет лучшим средством —
Сказать ему: «Перед тобою
Мой сын. Убей его». — Быть может,
Тогда его он пощадит,
Моей покорностью растроган.
Коли останется в живых он,
Я помогу его отмщенью.
Но если смертный приговор
Король во гневе постановит,
Умрет он, так и не узнавши,
Что я отец его. — Идемте.

(К Росауре и Кларину.)

Не бойтесь, путники, что вам
В несчастьи быть одним придется:
Когда сомненье возникает,
Жить или умереть, — не знаю,
В чем скрыта бóльшая беда.

(Уходят.)

СЦЕНА 5-я

Зал в Королевском Дворце, в столице.

Астольофо и солдаты, выходят с одной стороны, с другой инфанта Эстрелья и придворные дамы. За сценой военная музыка и залпы.

Астольофо

Увидя светлую комету,
Ей птицы свой привет поют,
Под звуки труб журчат фонтаны
И барабаны звонко бьют.
И в благозвучии согласном
Они играют пред тобой,
Здесь — роем звонких птиц из меди,
А там — пернатою трубой.
И величает, как царицу,
Тебя стозвучная стрельба,
А птичьи стаи — как Аврору,
А переливная труба —
Как всепобедную Палладу,
Как Флору нежную — цветы,
И, день сияньем затемняя,
Ты, в блеске юной красоты,
Аврора в радостном весельи,
Паллада воинских страстей,
И Флора в мире, и царица
Над любящей душой моей.

Эстрелья

Когда слова у человека
Должны поступкам отвечать,
Тебе совсем не нужно было
Таких приветствий расточать:
Вся эта воинская пышность,
С которой я борюсь душой,
Твоим словам противоречит;

И раз я вижу пред собой
Такие строгости в поступках,
Как льстивым верить мне речам?
Заметь еще, что это низко
И подобает лишь зверям,
Лишь зверю, матери обмана,
Медоточивым ртом ласкать
И замыслом одновременно
Изменнически убивать.

А с т о л ь ф о

Ты ошибаешься, Эстрелья,
Мне веры в этот миг не дав;
Лишь выслушай, что сообщу я,
Увидишь, прав я иль неправ.
Когда Эвсторхио скончался⁷,
Преемник был на польский трон
Басилио, с двумя сестрами,
И я одной из них рожден,
Другою ты.— Я не желаю
Повествованьем утомлять
О том, что́ было б здесь не к месту.
Твоя властительная мать,
Моя сеньора, Клорилена,
Навек покинувшая нас,
Под балдахином из созвездий
В светлейшем царстве в этот час;
Ей старшинство принадлежало,
И дочь от этой старшей — ты;
Сестра вторая — Ресисунда:
Пусть Бог, с небесной высоты,
Ее хранит тысячелетье!
В Московии вступивши в брак,
Она дала мне счастье жизни,
Сын Ресисунды я. Итак,
Вернуться должен я к другому.
Влиянию преклонных лет

Басилио, как все, сдается;
В нем к женщинам влечения нет,
К познаниям больше он склонен,
И овдовел бездетным он;
Согласно с чем, мы притязаем,
И я, и ты, на этот трон.
Ты — как рожденная от старшей,
Я — хоть от младшей — потому,
Что я мужчиною родился
И значит в споре верх возьму.
Мы дяде нашему сказали
О притязаниях своих,
И он ответил, что намерен
Согласовать разумно их.
Он нам назначил день и место;
Свою покинувши страну,
Я из Московии явился
Не объявить тебе войну,
А ждать, чтоб ты мне объявила.
О! если б только ныне мог
Премудрый бог, Амур, устроить,
Чтоб достоверный астролог,
Народ, стоял за нас обоих, —
О! пусть бы волею чужой
Отныне стала ты царицей,
Царицей над моей душой,
Чтоб дядя дал тебе корону,
Чтоб ты себе триумф дала,
И чтоб в моей любви покорной
Ты царство пышное нашла.

Эстрелья

При виде рыцарства такого
Хочу не меньшее явить:
Я царства этого желала
Лишь для того, чтоб подарить
Его тебе; хоть опасуюсь,

В сердечной, думаю, борьбе,
Что ты неблагодарным будешь,
При всей любви моей к тебе.
Как, думаю, изобличает
Тебя в двуличии портрет,
Что на груди твоей я вижу.

Астольфо

Тебе я точный дам ответ
На твой... Но должен я умолкнуть,
Мешает музыка войны:

(Барабанный бой.)

Сюда Король идет с советом,
И мы о том извещены.

СЦЕНА 6-я

*Король Басилио, свита.— Астольфо,
Эстрелья, придворные дамы, солдаты.*

Эстрелья

Мудрец Фалес⁸...

Астольфо

Эвклид ученый...

Эстрелья

Что меж созвездий...

Астольфо

Меж планет...

Эстрелья

Премудро правишь...

Астольфо

Пребываешь...

Эстрелья

И их пути...

Астольфо

Их светлый след...

Эстрелья

Предначертая...

Астольфо

Измеряешь...

Эстрелья

Позволь, склоняюсь...

Астольфо

На благо нам...

Эстрелья

Вокруг тебя лозой обвиться.

Астольфо

Покорно пасть к твоим ногам.

Басилио

Мои возлюбленные дети,
Придите пасть в мои объятия
И верьте, если вы на зов мой
Явились с верностью такой,
Я уравнию вас обоих,
Ни одного не выделяя:
Итак, явив свою готовность
Вопрос ваш трудный разрешить,
Я об одном теперь прошу вас:
На время сохранить молчанье,
Затем что изумить должно вас
Повествование мое.

Как вам доподлинно известно,—
Внимайте с тщательностью, дети,
И ты, о, польский двор преславный,
И вы, вассалы и друзья,—
Как вам известно, в этом мире
Своими знаньями снискал я
Почетный титул свой — ученый,
И, вопреки забвенью дней,
Живописания Тимантов,
И изваяния Лисиппов⁹
Меня Басилио великим
Во всей вселенной нарекли.
И вам уж издавна известно,
Что всех наук я чту превыше
Математические знанья
С немой утонченностью их,
И ими славу обделяю
И ими время я лишаю
Неоспоримых полномочий
Учить о новом с каждым днем:
Затем что чуть в своих таблицах
Увижу новое в грядущем,—
И время первенство теряет
Вещать о том, что я сказал.
И те окружности из снега,
И те хрустальные покровы,
Что принимают блеск от солнца
И разделяются луной,—
Все те миры из бриллиантов,
Все те хрустальные пространства,
Где блещут стройные созвездья,
Кочуют полчища планет,—
В теченьи лет мне были книги,
Где на бумаге из алмаза,
В тетрадах пышных из сафира,
По золотым скользя строкам,
Слагая явственные буквы,

Всегда записывают небо
И благодатные события,
И всю превратность наших дней.
И так я быстро их читаю,
Что духом следую свободно
За быстротою их движений
По всем дорогам и путям.
О, если б небо пожелало,
И прежде чем мой ум явился
Его замет истолкованьем
И росписью его листов,—
О, если б небо пожелало,
И я погиб бы первой жертвой
Его карающего гнева,
Явив трагедию судьбы,
Затем что, кто несчастен в мире,
Тому кинжал — его заслуги,
И тот, кто в знаньи вред находит,
Убийца самого себя!
Так я могу сказать, и лучший
Тому пример — в событиях странных,
И чтоб, дивясь, вы их узнали,
Вторично я прошу внимать.
Моей супругой Клориленой
Мне сын рожден был злополучный,
И небеса в его рожденьи
Свои явили чудеса.
Пред тем как ласковому свету
Он отдан был живой гробницей,—
Гробницей чрева, так как схоже —
Родиться в мир и умирать ¹⁰,—
В ночном бреду и в сновиденьях
Неоднократно повторялось
Одно жестокое виденье
Несчастной матери его ¹¹:
Имея форму человека,
На свет чудовище рождалось,

И дерзновенно разрывало
Все сокровенности ее,
И той, что жизнь ему давала,
Ее окрашенное кровью,
Давало смерть своим рождением,
Как бы ехидна меж людей.
И день пришел его рожденья,
И совершилось предвещанье,—
Предвестья знамений зловещих
Не изменяют никогда.
При гороскопе он родился
Таким ужасным, что, беснуясь,
Окрашено своею кровью,
Вступило солнце в бой с луной,
Для них земля была оплотом,
И два светильника небесных
Боролись всею силой света,
Как в рукопашной два бойца.
Произошло затмение солнца,
Какого не было с тех пор, как
Слезами крови в день распятия
Оно оплакало Христа.
Все области земного шара,
Как бы в последнем пароксизме,
Тонули в зареве пожаров,
И затемнились небеса,
Высокие дрожали зданья,
И дождь камней из туч струился,
И тучи грозно вырастали,
И кровь текла по руслам рек.
И при таком-то вот ужасном
Безумьи или бреде солнца
На свет родился Сехисмундо,
И сразу выказал свой нрав:
Убивши мать своим рождением,
Такой свирепостью сказал он:
Я человек, и начинаю

Вознаградить за благо злом.
К моим познаниям прибегнув,
Я в них, как и во всем, увидел,
Что Сехисмундо в мир вступил бы
Как дерзновенный человек,
Что был бы он жестоким принцем,
Монархом самым нечестивым,
И потому его правленье
В умах посеяло б раздор;
Его правленье было б смутой,
И школой низостей, предательств,
И академией пороков,
А сам он, бешенством объят,
Среди безумств и преступлений,
Меня к стопам своим повергнув,
Стыжусь сказать,— в моих седилах
Был должен видеть свой ковер.
Кто не поверит в предвещанье
Своих несчастий, чью угрозу
Он увидал в той сфере знания,
Где царствует любовь к себе?
Итак, доверившись созвездьям,
Что предвещали мне несчастья
В своих пророчествах зловещих,
Решил я зверя запереть,
Дабы, лишив его свободы,
Иметь возможность этим самым
Проверить, не дано ли мудрым
Предотвратить влиянье звезд.
Я объявил, что рок превратен,
И что Инфант родился мертвым,
И чтоб случайности избегнуть,
Я башню выстроить велел
Среди вон тех утесов мрачных,
Где свет едва находит доступ,
Где сонмы диких обелисков
Ему преградою встают.

И по указанной причине
Я обнародовал законы,
Суровой казнью возбраняя
Вступать в предел запретных гор.
Там и живет он, Сехисмундо,
В несчастьях, в бедности, в неволе,
И там его один Клотальдо
Учил, воспитывал и знал.
Ему преподавал он науки,
И католическую веру,
И только он был очевидцем
Его несчастий и скорбей.
Теперь о трех вещах я должен
Оповестить вас: и во-первых,
О том, что, край любя родимый,
Освободить его хочу
От подчиненности жестокой
Владыке деспоту, иначе
Я послужил бы сам на горе
Мной управляемой стране;
И во-вторых, необходимо
Сказать, что, если отниму я
У крови собственной то право,
Что ей рождением дано,
Я поступлю не христиански,
Закон людской, равно как Божий,
Нарушу, ибо нет веленья,
Чтоб я, желая вас спасти
От управления тирана,
Явился сам тираном дерзким,
И, чтобы сын мой зла не делал,
Я преступленья б совершал;
И в-третьих, нужно нам проверить,
Насколько впал я в заблужденье,
Легко поверив предсказаньям,
Предвозвестившим мне беду:
Быть может,— допустить должны мы,—

Его не победит природа,
Хотя врожденная склонность
Диктует пропасти ему.
Внушенья звезд неблагоприятных,
Лучи планеты нечестивой
Лишь могут повлиять на волю,
Ее принудить — им нельзя ¹²
И так с собою рассуждая,
Колеблясь между двух решений,
К исходу я пришел такому,
Что вас он должен удивить.
Не возвещая Сехисмундо,
Что он мой сын и ваш владыка,
Его перемещу я завтра
На мой престол и в мой дворец,
И, словом, дам ему возможность
Повелевать и править вами,
И вы, как слуги, присягнете
В повиновении ему.
Свой план исполнивши, я сразу
Достигну трех вещей, решая
И три другие, о которых
Я вам сейчас повествовал.
Во-первых, если, осторожный,
И справедливый, и разумный,
Свою звезду он опровергнет,
Столь возвестившую о нем,
На ваше благо, вами будет
Спокойно править Принц законный,
Чей двор был — дикие утесы,
Кто жил, как равный, меж зверей;
А если, во-вторых, надменный,
И дерзновенный, и жестокий,
Помчится он в полях порока,
Как конь, порвавший повод,
Тогда, отеческой любви
Отдавши должное, спокойно

Перед страной моей родною
Свершу обязанность мою,
И, как Судья нелицемерный,
Его навек лишу наследства,
И, заключив его в темницу,
Я буду строг, но справедлив;
И, в-третьих, если Принц предстанет
Таким, как я вам повествую,
Любовью к вам руководимый,
Я лучших дам вам королей,
Владык, что более достойны
Владеть короной и престолом,
Моим племянникам любезным
Права на трон я передам:
Соединив в одну возможность
Два справедливых притязанья
И их супружеством связавши,
Их по заслугам награжу.
Дабы решенье совершилось,
Я вам, как Царь, повелеваю,
И, как отец, о том прошу вас.
Увещаваю, как мудрец,
Как старец, вас предупреждаю,
И если царь невольник царства,
Как нам Сенека рек испанский¹³,
Я умоляю вас, как раб.

А с т о л ь ф о

Коль говорить теперь я должен,
Как тот, кто ближе всех к вопросу,
Во имя всех я возвещаю:
Пусть Сехисмундо к нам придет,
Довольно, что рожден тобой он.

В с е

Пусть Принц наш будет возвращен нам,
Пусть нашим королем он будет.

Б а с и л и о

Внимательности вашей знак,
Вассалы, я ценю глубоко.
Моих детей, мою опору,
Сопроводите в их покои.

В с е

Да здравствует великий Царь!
(*Все уходят, сопровождая Эстрелью и Астольфо,
Король остается.*)

СЦЕНА 7-я

Клотальдо, Росаура, Кларин. — Басилио.

К л о т а л ь д о (к королю)

Могу ли говорить с тобою?

Б а с и л и о

Я рад тебя, Клотальдо, видеть.

К л о т а л ь д о

Хотя, к твоим ногам упавши,
Я должен был бы счастлив быть,
На этот раз мой рок печальный,
О, государь, судьбы веленьем
Нарушил правило привычки
И верноподданность мою.

Б а с и л и о

Что приключилось?

К л о т а л ь д о

Государь мой,
Меня несчастье постигло,

Которое могло быть счастьем,
Будь воля рока.

Б а с и л и о
Продолжай.

К л о т а л ь д о
Вот этот юноша прекрасный,
По дерзости иль по незнанию,
Вошел в запретное пространство
И в башне Принца увидал.

Б а с и л и о
Не сокрушайся, друг Клотальдо.
Когда бы это совершилось
Не нынче, а вчера,— признаюсь,
Весьма разгневан был бы я;
А ныне тайну все узнали,
И важности не представляет,
Что он узнал ее, когда я
О ней весь двор оповестил.
Зайди ко мне через минуту,
О многом расскажу тебе я
И попрошу тебя о многом,
Что для меня ты совершишь:
Предупреждаю, что отныне
Ты важным явишься орудьем
Для величайшего события,
Которое увидит мир.
И чтоб тебе не показалось,
Что я казню твою небрежность,
Я этих узников прощаю.

(Уходит.)

К л о т а л ь д о
Живи века, великий Царь!

СЦЕНА 8-я

Клотальдо, Росаура, Кларин.

К л о т а л ь д о (в сторону)

(О, милость неба! Скрыть могу я,
Что он мой сын.)

Идите с миром.

Р о с а у р а

Тысячекратно припадаю
К твоим ногам, целую их.

К л а р и н

А я топчу их, потому что
Одною буквой больше, меньше,
Среди друзей — совсем не важно.

Р о с а у р а

Сеньор, ты снова дал мне жизнь,
И так как я живу тобою,
Тебе всегда служить я буду,
Меня рабом считай навеки.

К л о т а л ь д о

То, что я дал тебе, не жизнь:
Кто оскорблен и благороден,
Тот не живет: и раз пришел ты
Сюда отмстить за оскорбленье,
Как раньше ты мне сам сказал,
Теперь тебе я жизни не дал.
Ее ты не принес с собою,
И жить бесславно — жить не значит.

(В сторону.)

(Я этим разбужу его.)

Р о с а у р а

Да, я живу пока без жизни,

Хоть от тебя ее имею,
Но, отомстив за оскорбленье,
Я так очищу честь свою,
Что жизнь моя казаться будет
Твоим подарком, победившим
Опасности, что ей грозили.

Клотальдо

Возьми отточенную сталь,
Возьми клинок свой закаленный,
И, если ты его омочишь
В крови врага, — мою шпагой, —
Я говорю сейчас — моей,
И говорю о тех мгновеньях,
Когда ее в руках держал я, —
Ты отомстить врагу сумеешь.

Росаура

Беру ее и, в честь тебя,
Клянусь, что будет месть жестокой
И до конца непримиримой,
Хотя бы враг мой, оскорбитель,
И был влиятельней.

Кларин

А он

Весьма влиятелен?

Росаура

Настолько,

Что я его не называю,
Не потому, чтоб сомневался
Я в осторожности твоей,
А чтоб твое расположение,
С которым ты ко мне нисходишь,
Не заменилось противным,
Не обратилось на меня.

Клотальдо

Меня скорей ты приобрел бы,
Мне прекративши впредь возможность
Помочь тому, кого ты ищешь.

(В сторону.)

(О, если б я узнал, кто он!)

Росаура

Чтоб не подумал ты, что мало
Твое доверие ценю я
И что к тебе неблагодарен,
Тебе скажу я, кто мой враг.
Астольфо мой противник, Герцог
Московии.

Клотальдо *(в сторону)*

(Едва могу я

Скрыть огорчение: важнее

Оно, чем мог подумать я.

Но разъясним все это дело.)

(Вслух.)

Раз ты родился московитом,
Тогда, как государь природный,
Он оскорбить тебя не мог.
Итак, вернись в свой край родимый
И откажись от этой мысли.

Росаура

Хотя и Принц он мой, но мог он
Быть мне обидчиком.

Клотальдо

Не мог,

Хотя бы дерзостно тебя он

В лицо ударил.— *(В сторону.)*

(О, Всевышний!)

Росаура

Сильней была моя обида.

Клотальдо

Тогда скажи мне, в чем она.
Сказать ты более не можешь,
Чем то, что я подозреваю.

Росаура

Да, я сказал бы, но не знаю,
Что ты за чувство мне внушил,
С каким к тебе непостижимым
Я отношуся уваженьем,
Каким я полон почитаньем,
Как не дерзаю возвестить,
Что эта внешняя одежда
Есть не одежда, а загадка,
И что не то она, что взоры
В ней видят. Посуди же сам,
Раз я не то, чем представляюсь,
И, чтоб жениться на Эстрелье,
Астольфо здесь,— меня не мог ли
Он оскорбить. Довольно слов.

(Росаура и Кларин уходят.)

Клотальдо

Не уходи! Постой! Послушай!
Каким неожиданным лабиринтом
Я окружен теперь, что разум
Не может нить в нем отыскать?
Я оскорблен, и враг могучий,
И я вассал, и чести женской
Он оскорбитель,— о, Всевышний,
Пусть небо мне укажет путь!
Хотя не знаю, есть ли выход
Из этой пропасти, в которой
Все небо кажется предвестьем
И чудом кажется весь мир.

ХОРНАДА ВТОРАЯ

СЦЕНА 1-я

Басилио, Клотальдо.

Клотальдо

Как ты велел, так и случилось.

Басилио

Скажи, Клотальдо, все подробно.

Клотальдо

Как повелел ты, я запасся
Успокоительным питьем,
Что было сделано согласно
Твоим премудрым указаниям,
Являя смесь составов разных
И действие различных трав.
Их власть тиранская, их сила
Сокрытая с такою мощью
Умом людским овладевает,
Его уничтожает так,
Столь, похищая, отчуждает,
Что человек, уснув, теряет
Свои способности и чувства
И предстает как труп живой...
— Мы возражений не имеем
Насчет возможности такого
Явления странного, и опыт
Нас поучает, государь,
Что врачеванье обладает
Числом немалым тайн природных,
И нет растенья, зверя, камня,
Что не имеют свойств своих.

И ежели людская злоба
Бесчисленность ядов открыла,
Дающих смерть, вполне понятно,
Что мудрость может их смягчить;
Раз есть яды, что убивают,
Есть и яды, что усыпляют,
Итак, оставивши сомненья
В возможности того, что есть...
— С питьем из белены и мака,
К которым был примешан опий,
Сошел я в тесную темницу,
Где Сехисмундо тосковал.
Я с ним поговорил немного
О человеческих познаниях,
Которые ему преподавал
Бесгласный лик небес и гор,
В чьей школе, полной неземного,
Риторике он обучился
И мудростью живой проникся
От птиц летучих и зверей.
Чтоб дух — его скорей подвигнуть
На то, что ты в душе задумал,
Я мыслью взял для разговора
Величье гордого орла,
Что, презирая сферы ветра,
Стремился в вышние пределы
Блеснуть, как молния из перьев
И как бродячий метеор.
Я восхвалил полет надменный,
Сказав: «О, да, меж птиц воздушных
Ты царь, и это справедливо,
Что ты меж всеми предпочтен!»
И слов моих довольно было.
Чуть до величья речь коснется,
Он говорит всегда надменно
И честолюбием горя.
И, правда, кровь его внушает

Ему великие волненья
И побуждает постоянно
К большим деяньям. Он сказал:
«Не удивительно ли это,
Что и в воздушном государстве
Птиц беспокойных есть такие,
Что подчиняться им велят?
Такою мыслью проникаясь,
Утешен я моей печалью,
По крайней мере, подчиняясь,
Я против воли подчинен;
Я уступаю в этом силе,
Мне поступить нельзя иначе,
И подчиниться добровольно
Не мог бы в мире никому».
Его увидя разъяренным
При мысли о своих страданьях,
Я дал питье ему, и тотчас,
Как только в грудь оно вошло,
Он уступил дремоте властной,
И пот холодный заструился
По членам бледным и по жилам,
И если б только я не знал,
Что предо мною — призрак смерти,
Не смерть сама, я сомневался б,
Живет ли он. Как раз в то время
Пришли служители твои,
Которым ты доверил опыт,
И, положив его в карету,
Они его переместили,
Не пробуждая, в твой покой.
А там уж было все готово,
Дабы величием и блеском,
Приличным царственной особе,
Он был достойно окружен.
Теперь он на твоей постели
Спокойно спит. Когда же силу

Свою утратит летаргия,
Ему, как самому тебе,
Они служить покорно будут,
Согласно твоему желанью.
И если все, что повелел ты
Исполнить — значит заслужить,
Я об одной прошу награде,
Коль извинишь мою нескромность:
«Чего ты хочешь,— Сехисмундо
Переместивши во дворец?»

Б а с и л и о

Твое желание, Клотальдо,
Узнать о том, что я задумал,
Вполне законным я считаю,
Внимай ответу моему.
Ты знаешь, принцу Сехисмундо
Влияние звезды несчастной
Предвозвещает злополучья
И тьму трагедий роковых;
Обманывать не может небо,
Его суровость многократно
Подтверждена путем жестоким,
Но я исследовать хочу,
Не может ли она смягчиться,
Когда не вовсе, хоть отчасти,
И, побежденная вниманьем,
Как бы отречься от себя.
У человека есть возможность
Быть победителем созвездий,
И потому его хотел я
Из заключения извлечь
И, в мой дворец переместивши,
Соделать для него известным,
Что он мой сын, и дать возможность
Ему испробовать свой дух.
Восторжествует над собою —

Он будет царствовать; а если
Предстанет дерзким и жестоким,—
Его в оковы я верну.
Теперь ты спросишь, почему же
Для испытания такого
Необходимым мне казалось
Его уснувшим перенести.
Я объясню тебе охотно:
Когда бы он узнал сегодня,
Что он мой сын, а завтра снова
Себя в темнице увидал,
Вполне с его согласно нравом,
Что он отчаялся бы в жизни:
Узнавши, кто он, что имел бы
Он в утешение себе?
И потому я счел желанным
Оставить злу свободный выход
И дать ему возможность думать:
«Все, что я видел, было сном».
Две вещи можешь ты проверить
Таким путем: его природу —
Проснувшись, выкажет он явно,
Что думал он, о чем мечтал;
И, вслед за этим утешенье:
Себя теперь царем увидев,
И вновь потом — в тюрьме, он может
Решить, что это был лишь сон;
И если так он будет думать,
Не ошибется он, Клотальдо,
Затем что в этом мире каждый,
Живя, лишь спит и видит сон.

Клотальдо

Сказать я многое хотел бы,
Но возраженья бесполезны,
И Принц, я вижу, пробудился
И направляется сюда.

Б а с и л и о

Тогда мне лучше удалиться,
А ты его, как воспитатель,
Из замешательства исторгни,
Сказавши истину ему.

К л о т а л ь д о

Итак, даешь мне разрешение?

Б а с и л и о

Даю. Быть может, это лучше:
Быть может, зная всю опасность,
Он лучше победит ее.

(Уходит.)

СЦЕНА 2-я

Кларин.— Клотальдо.

К л а р и н *(в сторону)*

Ценой пинков, числом четыре,
Что дал мне алебарщик рыжий,
В ливрее выкрашенной так же,—
Пробрался ловко я сюда;
Коль хочешь знать, что происходит,
Не надо к продавцу билетов
Идти,— чтоб вход иметь свободный,
Билет у каждого с собой:
Он называется бесстыдством,
И, обладая им, свободно
Идти с пустым карманом можешь
И видеть, что ни захотел.

К л о т а л ь д о *(в сторону)*

*(Да, это он, Кларин, служитель
Ее (о, небо!), той, что в горе
Из стран чужих сюда явилась,
С собою взявши мой позор.)
Что нового, Кларин?*

К л а р и н

А ново,
Что в милосердии великом
Росауре — ты, пожелавши
Ее обиду отомстить,
Велел переменить одежду.

К л о т а л ь д о

Так нужно, чтоб не показалась
Она бесстыдною.

К л а р и н

И ново,
Что, имя изменив свое,
Твоей племянницей назвавшись,
Росаура в таком почете,
Что при красавице Эстрелье
Придворной дамой состоит.

К л о т а л ь д о

За честь ее стоять я должен.

К л а р и н

И ждет она, что будет время
И надлежащий будет случай,
Чтоб честь ее ты защитил.

К л о т а л ь д о

Отличная предосторожность:
В конце концов поможет время
И все само собой исправит.

К л а р и н

И как племянница твоя
Она окружена вниманием
Таким, что хоть царице впору.
А я, пришедший вместе с ней,

От голода готов погибнуть,
И обо мне никто не вспомнит.
Не смотрят, что Кларин пред ними
И что когда звонит Кларин,
Он обо всем сказать сумеет
Царю, Астольфо и Эстрелье.
Кларин и служащий — две вещи,
Которые хранить секрет
Не очень хорошо умеют,
И ежели меня молчанье
Своим вниманием оставит,
Тогда мне песню посвятят:
*Кларин разбудит, он поет,
И, как рожок, он весть дает* ¹

Клотальдо

Ты жалуешься справедливо,
И о тебе я позабочусь;
А ты покуда послужи мне.

Кларин

Вон Сехисмундо. Погляди.

СЦЕНА 3-я

Музыканты, поют, и слуги, помогают Сехисмундо облачиться в одежды, между тем как он выходит, полный изумления.— Клотальдо, Кларин.

Сехисмундо

О, небо, что передо мною?
Какой я новый вижу свет!
Я восхищаюсь, изумленный,
Не знаю, верить или нет.
Я в этих царственных палатах?
Я весь в парче, среди шелков?
Нарядные мне служат слуги

С немой покорностью рабов?
Я на такой постели чудной
Проснулся и, глаза открыв,
Кругом толпу людей увидел,
Мне служащих наперерыв?
И знаю я, что я проснулся;
Так значит все это не сон.
Но разве я не Сехисмундо?
Скажи, о, небо, я смущен.
Скажи, с моим воображеньем
Что сделалось, пока я спал?
Каким путем, сейчас проснувшись,
В дворце себя я увидал?
Но будь, что будет. Кто велит мне
Терять моим вопросам счет?
Хочу я, чтобы мне служили,
А что приходит, пусть придет.

Первый слуга
(в сторону, ко второму слуге и к Кларину)
Как он печален!

Второй слуга
Кто бы не был
Печальным, если бы ему
На долю выпало такое?

Кларин
Я б не был.

Второй слуга
Подойди к нему.
Первый слуга *(к Сехисмундо)*
Ты хочешь, чтобы снова пели?

Сехисмундо
Не надо больше песен мне.

Первый слуга
Развлечься нужно. Ты задумчив.

Сехисмундо
То, что в душевной глубине
Меня заботит, не исчезнет
От звука этих голосов.
Лишь грому музыки военной
Мой дух всегда внимать готов.

Клотальдо
К твоей руке дозволю припасть мне,
Мой Принц и повелитель мой,
Хочу к тебе явиться первый,
Чтоб пасть во прах перед тобой.

Сехисмундо (*в сторону*)
Клотальдо! Как же так возможно,
Что кто в тюрьме ко мне так строг,
Вдруг изменившись, предо мною
Покорно преклониться мог?

Клотальдо
При этом новом состояньи,
Внезапно получивши власть,
Объят смущением великим,
В сомненья может разум впасть;
Но ежели возможно это,
Хочу я, чтобы ты, сеньор,
Освободился от сомнений,
Увидя весь свой кругозор.
Узнай же, что наследный Принц ты
Полонии. Ты жил всегда
В глуши, в неизвестности, затем что
Неумолимая звезда
Миллионы бедствий возвестила.
Толпу трагедий предрекла,

На случай, если лавр победный
Коснется твоего чела.
Но так как сильный может бросить
И через пропасть крепкий мост,
Поверив, что своим вниманьем
Ты победишь влиянье звезд,
Из башни, где ты находился,
Тебя в дворец перенесли,
Когда в узор свой сновиденья
Твой дух усталый вовлекли.
Отец твой, мой Король, владыка,
Сейчас придет, и от него
Ты все узнаешь остальное,
Коль я не досказал чего.

С е х и с м у н д о

Чего ж мне знать еще, бесчестный,
Изменник, если знаю я,
Кто я,— чтоб выказать отныне,
Как дерзновенна власть моя?
Как мог отечество настолько
Ты предавать, что от меня,
Преступно, вопреки рассудку,
Скрывал весь этот блеск огня,
Мой царский сан?

К л о т а л ь д о

О, я несчастный!

С е х и с м у н д о

Ты с Королем — льстецом был низким,
Со мною — ты жестоким был.
Так я, закон, Король, мы вместе,
Постановляем приговор:
Тебя мы присуждаем к смерти.
Умри от рук моих.

Второй слуга
Сеньор!

Сехисмундо
Коль кто-нибудь мешать мне станет,
Кто б ни был он, мне все равно,
Но раз он на моей дороге,
Он тотчас полетит в окно.

Второй слуга
Беги, Клотальдо!

Клотальдо
О, несчастный!
Ты дерзновением ослеплен,
Не чувствуя, что в это время
Ты только спишь и видишь сон.

(Уходит.)

Второй слуга
Заметь, сеньор, что...

Сехисмундо
Прочь отсюда.

Второй слуга
Лишь Короля он своего
Исполнил волю.

Сехисмундо
В нечестивом
Не должен слушаться его.
И я был Принц его.

Второй слуга
Что дурно,

Что хорошо, разузнавать
Он был не должен.

Сехисмундо

Ты тут долго
Советы будешь мне давать?
С тобой, как вижу я, неладно.

Кларин

Принц очень хорошо сказал,
Ты поступаешь очень дурно.

Второй слуга

Тебе кто позволение дал
Так дерзко говорить со мною?

Кларин

Сам взял его.

Сехисмундо

Ты кто? Ответь.

Кларин

Я интриган из интриганов;
Свой человек в чужом. Заметь:
Такого ты, как я, не сыщешь.

Сехисмундо

Лишь ты мне угодил.

Кларин

Сеньор,

Я превеликий угождатель
Всех Сехисмундов с давних пор.

СЦЕНА 4-я

*Астольфо. — Сехисмундо, Кларин,
слуги, музыканты.*

Астольфо

Тысячекратно пусть пребудет
Счастлив тот день, о, Принц, когда
Ты к нам являешься, как солнце
Полонии, чтоб навсегда
Своим сияньем осчастливить
Весь этот пышный кругозор:
Блестящим вышел ты, как солнце,
Покинув недра темных гор.
И ежели так поздно лавры
Тебя украсили собой,
Пусть поздно и умрут, сияя
Венцом.

Сехисмундо

Да будет Бог с тобой.

Астольфо

Почтенья от тебя не видя,
Твою вину тебе прощу:
Ведь ты меня не знал, конечно.
И вместе с этим сообщу:
Московский Герцог я, Астольфо,
И брат двоюродный я твой,
Должно быть равенство меж нами.

Сехисмундо

Сказав: «Да будет Бог с тобой»,—
Тебя достаточно почтил я.
Но так как ты, собой кичась,
Выказываешь недовольство,
Когда в другой тебя я раз
Увижу, изменю привет свой

И в этом случае скажу,
Чтоб не был Бог с тобой.

Второй слуга (к Астольфо)
Тебе я,

Светлейший Герцог, доложу,
Что так как он в горах родился,
Со всеми так он говорит.

(К Сехисмундо.)

Сеньор, Астольфо разумеет...

Сехисмундо

Мне скучен этот важный вид,
С которым начал говорить он;
И шляпу тотчас он надел.

Второй слуга

Он гранд.

Сехисмундо

Я вдвое гранд.

Второй слуга

И все же

Закон приличия велел,
Чтоб между вами было больше
Почтения, чем меж людьми
Обыкновенными.

Сехисмундо

А ты, брат,

Даю совет, свой рот зажми.

СЦЕНА 5-я

Эстрелья.— Те же.

Эстрелья

Твоим приходом, Принц, да будет
Весь двор стократно услажден;

Тебя, приветствуя, встречает
И приглашает царский трон,
И, под покров его вступивши,
Да будет жизнь твоя легка,
И да сияет полновластно
Не год, не годы, а века.

Сехисмундо (к Кларину)

Скажи мне, кто это? в ней чары
Такой надменной красоты.
Кто эта светлая богиня?
Стремясь с небесной высоты,
У ног ее лучи сияют.
Кто эта женщина?

Кларин

Сеньор,

Перед тобой звезда, Эстрелья.

Сехисмундо

Ты лучше бы сказал: простор
Небес покинувшее солнце.

(к Эстрелье)

Хоть вышел я из тьмы на свет,
Лишь в том, что я тебя увидел,
Я вижу лучший свой привет.
Благодарю тебя за счастье,
Которого не заслужил:
Ты засветилась мне сияньем
Небесных многозвездных сил;
Ты, загоревшись, оживляешь
Сильнейший светоч в небесах.
Что остается делать Солнцу,
Когда весь мир в твоих лучах?
Поцеловать твою дай руку,
Где воздух, свет свой изменив,
Пьет негу в чаше белоснежной.

Эстрелья

Ты так изыскан и учтив.

Астольфо *(в сторону)*

Погиб я, если прикоснется
К ее руке он.

Второй слуга *(в сторону)*

(Вижу я,

Астольфо это неприятно.)

Сеньор, решительность твоя
Здесь неуместна, и Астольфо...

Сехисмундо

Я говорю: с дороги прочь!

Второй слуга

То, что сказал я, справедливо.

Сехисмундо

С тобой мне говорить невмочь,
Ты надоел. То справедливо,
Что я хочу.

Второй слуга

Сказал ты сам:

Лишь справедливым приказаньям
Повиноваться нужно нам.

Сехисмундо

Еще сказал я, что козь будет
Надоедать мне кто-нибудь,
Тогда немедленно сумею
Я за балкон его швырнуть.

Второй слуга

С людьми, как я, вещей подобных
Не может быть.

Сехисмундо

Не может быть?

Клянусь! попробовать хочу я.

(Хватает его на руки и уходит, все уходит за ним и немедленно возвращаются.)

Астольфо

Что вижу? Как тут поступить?

Эстрелья

Скорее Принцу помешайте.

(Уходит.)

Сехисмундо *(возвращается)*

Упал он в море за балкон.

Клянусь! он может в воду падать.

Астольфо

Ты лютым гневом ослеплен.

Заметь, что если есть различье

Между зверями и людьми,

Так и дворец от гор отличен.

Сехисмундо

А ты за правило возьми,

Что если говоришь так громко,

Так и с тобою может быть,

Что головы ты не отыщешь,

Куда бы шляпу поместить.

(Астольфо уходит.)

СЦЕНА 6-я

Басилио.— Сехисмундо, Кларин, слуги.

Басилио

Что тут случилось?

С е х и с м у н д о

Что случилось?

Да ничего. Один глупец
Мне надоел, его швырнул я
Через балкон.

К л а р и н (к *Сехисмундо*)

Он твой отец

И он Король, заметь.

Б а с и л и о

Так скоро

Твой первый день здесь показал,
Что твой приход уж стоит жизни?

С е х и с м у н д о

Таких вещей, он мне сказал,
Не может быть,— я усомнился
И тотчас выиграл заклад.

Б а с и л и о

Мне больно, Принц, что в час, когда я
Был так тебя увидеть рад,
Когда я думал, что усилием
Влиянье звезд ты победил,
Мне больно, Принц, что в первый час твой
Ты преступленье совершил.
Ты в гневе совершил убийство!
Так как же мне тебя обнять,
Когда рукой коснусь о руку,
Умеющую убивать?
Увидев близко пред собою
Из ножен вынутый клинок,
Смертельную нанесший рану,—
Кто быть без опасений мог?
Придя на место роковое,
Где кровь чужая пролилась,—

Кто мог настолько быть спокойным,
Что в нем душа не сотряслась?
И самый сильный отвечает
Своей природе. Так и я,
Увидев, что омыта кровью
Жестокая рука твоя,
Увидев место роковое,
Где ты убийство совершил,—
Любя, тебя обнять хотел бы,
Но в страхе не имею сил
И уйду.

С е х и с м у н д о

Я без объятий

Отлично обойтись могу,
Как обходился до сегодня.
Ты, как жестокому врагу,
Являл мне гнев неумолимый;
Меня ты,— будучи отцом,—
К себе не допускал бездушно,
Ты для меня закрыл свой дом,
И воспитал меня как зверя,
И как чудовище терзал,
И умертвить меня старался:
Так что ж мне в том, что ты сказал?
Что в том, что ты обнять не хочешь?
Я человеком быть хочу.
А ты стоишь мне на дороге.

Б а с и л и о

Что чувствую, о том молчу.
О, если б небо пожелало
Вернуть, что жизнь тебе я дал,
Чтобы я голос твой не слышал,
И дерзновенье не видал!

С е х и с м у н д о

Когда бы ты мне жизни не дал,

Я б о тебе не говорил;
Но раз ты дал, я проклиная,
Что ты меня ее лишил.
Дать — непостижное деянье
По благородству своему;
Но кто дает — и отнимает,
Тот низок, вечный срам ему.

Б а с и л и о

Да? Так меня благодаришь ты
За то, что ты, вчера никто,
Невольник, сделан мною Принцем?

С е х и с м у н д о

Тебя благодарить? За что?
Тиран моей свободной воли,
Раз ты старик и одряхлел,
Что ты даешь мне, умирая,
Как не законный мой удел?
Он мой! И если ты отец мой
И ты мой царь — пойми, тиран,
Весь этот яркий блеск величья
Самой природою мне дан.
Так если я наследник царства,
В том не обязан я тебе
И требовать могу отчета,
Зачем я предан был борьбе,
Зачем свободу, жизнь и почесть
Я узнаю лишь в этот миг.
Ты мне признательным быть должен,
Как неоплатный мой должник.

Б а с и л и о

Ты варвар дерзостный. Свершилось,
Что небо свыше предрекло.
Его в свидетели зову я:
Ты гордый, возлюбивший зло.

И пусть теперь узнал ты правду
Происхожденья своего,
И пусть теперь ты там, где выше
Себя не видишь никого,
Заметь, что ныне говорю я:
Смирись; живи, других любя.
Быть может ты лишь спишь и грезишь,
Хотя неспящим зришь себя.
(Уходит.)

С е х и с м у н д о

Быть может я лишь сплю и грежу,
Хотя себя неспящим зрю?
Не сплю: я четко осязаю,
Чем был, чем стал, что говорю.
И ты раскаиваться можешь,
Но тщетно будешь сожалеть,
Я знаю, кто я, ты не в силах,
Хотя бы горько стал скорбеть,
То возратить, что я родился,
Наследник этого венца;
И если я в тюрьме был раньше
И там терзался без конца,
Так потому лишь, что, безвестный,
Не знал я, кто я; а теперь
Я знаю, кто я, знаю, знаю:
Я человек и полужверь.

СЦЕНА 7-я

*Росаура, в женской одежде. — Сехисмундо,
Кларин, слуги.*

Р о с а у р а (в сторону)

Я в свите у Эстрельи. Опасаюсь,
Что встречу я Астольфо: между тем
Клотальдо говорит, что очень важно,

Чтоб он меня не видел и совсем
Пока не знал, что во дворце живу я:
Клотальдо я довериться могу,
Ему своей обязана я жизнью,
За честь мою он отомстит врагу.

К л а р и н (к Сехисмундо)

Из всех вещей, которые ты видел,
Чем более всего ты здесь прельщен?

С е х и с м у н д о

Я все заранее предвидел
И я ничем не восхищен.
Но если чем я в мире восхитился,
Так это женской красотой.
Читать мне в книгах приходилось,
Что Бог, когда творил Он мир земной,
Внимательней всего над человеком
Свой зоркий взгляд остановил,
То малый мир: так в женщине он, значит,
Нам небо малое явил²
В ней больше красоты, чем в человеке,
Как в небесах, в сравнении с землей,
В особенности в той, что вижу.

Р о с а у р а (в сторону)

Здесь Принц. Уйду скорей.

С е х и с м у н д о

Постой.

Ты, женщина, так быстро убегая,
С восходом солнца хочешь слить закат,
Волшебный свет с холодной тенью?
Ты обморочный день? Вернись назад.
Но что я вижу?

Р о с а у р а

В том, что предо мною,
Я сомневаюсь.

Сехисмундо (в сторону)

Эту красоту
Я видел раньше.

Росаура (в сторону)

Эту пышность
Я созерцаю, как мечту:
Его я видела в темнице.

Сехисмундо (в сторону)

(Теперь нашел я жизнь свою.)
О, женщина, нежнейшую усладу
Я в слове женщина, как чистый нектар, пью.
О, кто ты, что, тебя не видел,
Перед тобой склоняюсь я
И чувствую, что видел раньше,
Как красота сильна твоя?
О, кто ты, женщина прекрасная, скажи мне?

Росаура (в сторону)

(Должна свою я тайну скрыть.)
Я фрейлина звезды двора, Эстрельи.

Сехисмундо

Не говори. Ты Солнце, может быть,
Чьим блеском та звезда сияет в небе,
Чьим обликом она озарена?
Я видел, в царстве ароматов,
Когда в садах блестит весна,
Царица-роза над цветами
Владычествует в силу красоты;
Я видел, в царстве драгоценных
Камней, роскошных, как мечты,
Царит алмаз, как самый сильный в блеске;
Меж звезд, изменчивых всегда,
Я видел, в этом царстве беспокойном,
Царит, светлее всех, вечерняя звезда;
Я видел, меж планет, блистающих на небе,
На пышном празднестве огня,

Над всеми властно блещет солнце,
Главнейший царь, оракул дня.
Так если меж цветов, камней, планет, созвездий
Предпочитают тех, чья больше красота,
Как меньшему цветку служить ты можешь, роза,
Блеск солнца, блеск звезды, алмаз, расцвет, мечта?

СЦЕНА 8-я

*Клотальдо, который остается за занавесом.
— Сехисмундо, Росаура, Кларин, слуги.*

Клотальдо (в сторону)

Я укротить намерен Сехисмундо,
В конце концов я воспитал его.
Но что я вижу?

Росаура

Я ценю вниманье,
Молчу в ответ: когда для своего
Смущения исхода не находишь,
Молчанье — красноречие.

Сехисмундо

Постой.

Побудь со мной еще мгновенье,
Как свет полудня золотой.
Как хочешь ты небрежно так оставить
В сомнениях волнение мое?

Росаура

Как милости прошу, позволь уйти мне.

Сехисмундо

Как милости! Но ты берешь ее
Без спросу, если быстро так уходишь.

Росаура

Раз ты не дашь,— что делать,— я возьму.

Сехисмундо

Я был учтив, я буду груб: упрямство —
Свирепый яд терпенью моему.

Росаура

Но если этот яд, поддавшись гневу,
Терпенье победит, он все ж посметь
Не может посягнуть на уважение.

Сехисмундо

Лишь для того, чтоб посмотреть,
Могу ли,— пред красую страх утрачу;
Я невозможность побеждать
Весьма склонен: я с балкона
Швырнул посмевшего сказать,
Что этого не может статься;
Так значит это суждено:
Чтоб посмотреть, теперь могу ли,
Я честь твою швырну в окно.

Клотальдо (*в сторону*)

Готовится беда. Что делать, небо?
Безумное желание опять
На честь мою готово покуиться,
Ему я должен помешать.

Росаура

Недаром звезды нам сказали,
Что в этом царстве, как тиран,
Ты явишь гнев и злодеянья,
Измену, ужас и обман.
Но что же ждать от человека,
Кто лишь по имени таков среди людей,

Бесчеловечный, дикий, дерзкий,
Родившийся как зверь между зверей?

С е х и с м у н д о

Чтоб избежать подобных оскорблений,
Я был с тобою столь учтив
И думал, что тебя я этим трону;
Но, если вежливость забыв,
С тобою так заговорю я,
Клянусь! не даром ты теперь
Сказала все.— Эй, прочь отсюда,
Уйдите все, закройте дверь!
Чтобы никто не смел являться.

(Кларин и слуги уходят.)

Р о с а у р а

О, что мне делать? Я мертва.
Прошу, заметь себе...

С е х и с м у н д о

Я деспот.

Теперь напрасны все слова.

К л о т а л ь д о *(в сторону)*

(Какое страшное смущенье!
Как быть! Пусть он меня убьет,
Но помешать ему хочу я.)

(Выходит.)

Сеньор, прошу, ты дашь отчет...

С е х и с м у н д о

Во мне вторично гнев ты будишь.
Ты выжил из ума, старик?
Так мало ты меня боишься,
Сюда явившись в этот миг?

Клотальдо

Явился я на этот голос,
Чтобы сказать, что если ты
Желаешь царствовать, ты должен
Смирить надменные мечты;
Хоть ты превыше всех поставлен,
Не будь желаньем ослеплен,
Не будь с другим жесток: быть может,
Ты только спишь и видишь сон.

Сехисмундо

Во мне ты зажигаешь ярость,
Твердя, что тени я ловлю.
Убью тебя, тогда увижу,
Я вправду сплю или не сплю.

*(Хочет вынуть кинжал, Клотальдо
удерживает его и становится на колени.)*

Клотальдо

Я так спасти себя надеюсь.

Сехисмундо

Прочь руки!

Клотальдо

До тех пор пока
Не явятся, чтоб гнев сдержать твой,
Так быть должна моя рука.

Росаура

О, Господи!

Сехисмундо

Пусти, несчастный.
Старик, безумный, дикий, враг!
(Борются.)

А если выпустить не хочешь,
Тебя я задушу, вот так.

Р о с а у р а

Сюда, сюда! Здесь убивают
Клотальдо.

(Уходит.)

(Входит Астольфо в ту минуту, как Клотальдо падает к его ногам; он становится между ним и Сехисмундо.)

СЦЕНА 9-я

Астольфо.— Сехисмундо, Клотальдо.

Астольфо

Что произошло?

Принц, неужели ты способен
Ту сталь, что блещет так светло,
Запачкать старческой кровью?

Сехисмундо

Бесчестна кровь его.

Астольфо

Он пал

К моим ногам, прося защиты:
И рок меня сюда призвал,
Чтоб я его прикрыл собою.

Сехисмундо

И рок сюда призвал тебя,
Чтоб я, тебя убив, несносный,
Отмстил достойно за себя.

Астольфо

Я жизнь свою лишь защищаю;
Я сан не оскорбляю твой.

(Астольфо обнажает шпагу, и они дерутся.)

Клотальдо

Не убивай его, владыка.

СЦЕНА 10-я

*Басилио, Эстрелья и свита.
Сехисмундо, Астольфо, Клотальдо.*

Басилио

Как, шпаги здесь, передо мной?

Эстрелья *(в сторону)*

Астольфо! Горькое несчастье!

Басилио

Что ж здесь случилось?

Астольфо

Ничего,

Раз ты, сеньор, сюда пришел к нам.

(Прячут шпаги в ножны.)

Сехисмундо

Раз ты пришел, так оттого

Еще ничто не изменилось.

Меня старик вот этот рассердил,

И я его убить хотел.

Басилио

К сединам

Ты уважения в себе не ощутил?

Клотальдо

Они мои, сеньор: неважно это.

Сехисмундо

И ожидать еще ты мог,
Чтоб к сединам питал я уважение?
Напрасно.

(К царю.)

И твои у этих ног
Когда-нибудь увидеть я надеюсь.
Я все еще не отомстил
За то, что так несправедливо
Тобой в тюрьме воспитан был.

(Уходит.)

Басилно

Так прежде чем увидишь это,
Ты будешь сонный унесен
Туда, где скажешь ты, что все, что было,
Весь этот мир, лишь быстрый сон.

(Царь, Клотальдо и свита уходят.)

СЦЕНА 11-я

Эстрелья, Астольфо.

Астольфо

Как редко, беды возвещая,
Судьба неверною бывает,
Она сомнительна во благе
И необманчива во зле.
Прекрасным был бы астрологом,
Кто постоянно возвещал бы
Одни несчастья; нет сомненья,
Они сбывались бы всегда.
И этот опыт подтвердиться

Во мне и в Сехисмундо может:
Он в нас обоих, о, Эстрелья,
Свою правдивость показал.
Он для него предрек злосчастья,
Убийства, беды, дерзновенья,
И мы в действительности видим,
Что в этом правду он сказал:
Что до меня, когда я вижу
Лучи пленительного блеска,
Перед которым солнце — призрак,
И небо — только бледный знак,
Я вижу, для меня предрек он
Триумфы, счастье, удачи,
И этим дурно возвестил он,
И хорошо он возвестил:
Вполне судьба себя являет,
Когда в обманности коварной
Она, дарами поманив нас,
Пренебреженьем наградит.

Эстрелья

Не сомневаюсь, что правдивы
Такие нежные признанья,
Принадлежат они, однако,
Той неизвестной, чей портрет
Ты на себе носил, Астольфо,
Когда пришел меня увидеть,
По справедливости ты должен
Сказать ей все, что мне сказал.
Ищи у ней себе награды,
В любви награды быть не может
За службу верную во имя
Других красавиц и владык.

СЦЕНА 12-я

Росаура, за занавесом.— Эстрелья, Астольфо.

Росаура (в сторону)

Мои жестокие несчастья
Дошли до крайнего предела.
Кто это видит, для того уж
Нет больше страха впереди.

Астольфо

Пускай портрет покинет сердце,
Пусть твой в нем будет дивный образ.
Где появилась Эстрелья,
Для призрака там места нет,
Нет места для звезды, где солнце;
Я принесу портрет немедля.

(В сторону.)

*(Прости, Росаура, измену,
Но в женских и в мужских сердцах
Нет больше мысли о далеких.)*

(Уходит.)

(Росаура приближается.)

Росаура (в сторону)

Я ничего не расслышала,
Боялась, что меня увидят.

Эстрелья

Астрея³!

Росаура

Что ты повелишь?

Эстрелья

Я рада твоему приходу,
Тебе одной могла бы только
Доверить тайну я.

Росаура

Так много,
Сеньора, почестей для той,
Кому приказывать ты можешь.

Эстрелья

Немного времени, Астрея,
Тебя я знаю, и однако
Ключи моей любви к тебе
В твоих руках; и зная также,
Кто ты, доверить я решаюсь
Тебе то самое, что часто
Скрывала даже от себя.

Росаура

Твоя раба тебе внимает.

Эстрелья

Чтоб в двух словах ты все узнала:
Мой брат двоюродный Астольфо
(Двоюродный, сказала, брат,
И этим в сущности сказала
Я все; есть вещи: их помыслишь,
И этим их уже расскажешь),
Со мной вступить намерен в брак,
Коли судьба захочет только
Таким единственным блаженством
Загладить столько темных бедствий.
Я огорчилась в первый день,
Увидев у него на шее
Портрет какой-то дамы; чувства
Свои ему я изъяснила
С учтивостью, и он, как тот,
Кто вежлив и любить умеет,
Пошел за ним, и должен тотчас
Прийти сюда, мне так неловко,

Что тот портрет мне нужно взять:
Побудь здесь до его прихода,
И пусть портрет тебе отдаст он.
Я больше не скажу ни слова:
Узнав любовь, ты знаешь все.

(Уходит.)

СЦЕНА 13-я

Росаура

О, если б я ее не знала!
Что делать? Небо! Кто сумел бы
В случайности такой жестокой
Мне надлежащий дать совет?
И есть ли кто еще на свете,
Кого разгневанное небо
Такими б смутами сражало,
Теснило бы такой бедой?
Что буду делать в затрудненьи
Таком, что, мнится, невозможно
Найти для горя облегченье
Иль утешенье обрести?
За самым первым злополучьем
Нет случая и нет события,
Чтобы они не возвещали
О злополучиях других.
Они наследуют друг другу,
Из одного встает другое,
И, жизнь свою питая смертью,
Они, как Феникс, восстают⁴,
И прах, оставшийся от мертвых,
Тепло поддерживает в гробе.
Несчастья — трусы, говорит нам
Один мудрец, они всегда
Идут не порознь, а толпою;
Я говорю, несчастья храбры,

Они идут, и наступают,
И никогда не кажут тыл:
Кто их с собою взял, тот может
На все решиться, потому что
Какой бы случай ни случился,
А уж они не отойдут.
Пример во мне: при всех событиях —
А у меня их было столько —
Они меня не покидают,
Не устают, покуда я,
Смертельно раненная роком,
Не падаю в объятия смерти.
О, горе мне! Что буду делать
При затруднении таком?
Когда скажу, кто — я, Клотальдо,
Который за меня вступился,
И защитить меня желает,
Пожалуй будет оскорблен;
Он мне сказал, чтобы в молчаньи
Я ожидала искупленья.
Когда Астольфо не скажу я,
Кто я, а он сюда придет.
Как от него могу укрыться?
Хотя б глаза мои и голос
И захотели притворяться,
Душа их обличит во лжи.
Что делать? Но к чему я буду
Раздумывать, что стану делать,
Когда при всех моих стараньях
Решенье твердое принять,
То сделаю я в миг последний,
Что скорбь моя велит мне сделать?
Никто в несчастье не может
Самим собой повелевать.
И так как разум мой смущенный
Принять решение не смеет,
Пусть скорбь моя скорей приходит

И до предела возрастет,
Пусть крайности достигнет горе,
Я сразу выйду из сомнений,
А до тех пор, я умоляю,
О, небо, не оставь меня!

СЦЕНА 14-я

Астольфо, с портретом. — Росаура.

Астольфо

Вот я принес портрет, сеньора.
Но Боже!

Росаура

Чем смутился Герцог?
Чем изумлен он так внезапно?

Астольфо

Тем я, Росаура, смущен,
Что вижу здесь тебя и слышу.

Росаура

Росаура? О, нет, властитель,
Меня ты принял за другую!
Астрейя называюсь я,
И столь великого блаженства,
Как этот трепет и смущенье,
Я, скромная, не заслужила.

Астольфо

Довольно, прекрати обман,
Росаура, душа не может
Лгать никогда: и если будешь
Упорна ты, — Астрею видя,
Я в ней Росауру люблю.

Росаура

Я Герцога не понимаю,
Не знаю, как ему ответить:
Одно скажу я, что Эстрелья
(Венеры яркая звезда)
Мне здесь дожидаться повелела,
Чтоб ты мне, повелитель, отдал
Портрет, а я его Принцессе
С рук на руки передала.
И я должна повиноваться,
Хотя бы к своему ущербу.
Повиновенье неизбежно:
Звезда, Эстрелья, так велит.

Астольфо

Хотя бы больше ты старалась,
Росаура, ты не умеешь
Притворствоваться. Скажи, чтоб взор твой
И голос в музыке своей
Согласовались: потому что
Противоречье непреклонно
И разногласье неизбежно,
Коль так расстроен инструмент,
Что воедино слить желает
Обманность слов и правду чувства.

Росаура

Я говорю, что ожидаю
Лишь одного: дай мне портрет.

Астольфо

Когда, Росаура, ты хочешь
Упорствовать в своем обмане,
Тебе обманом я отвечу.
Итак, окончим разговор.
Астрея, ты Инфанте скажешь,
Что, уваженью повинуюсь,

Считаю малой я заслугой
Послать желаемый портрет,
И потому в своем вниманьи
Ей подлинник препровождаю;
А ты его снесешь к Эстрелье:
Его с собою носишь ты.

Росаура

Когда, решительный, надменный
И храбрый, кто-нибудь желает
Достойно выполнить задачу,
Что он себе поставил сам,—
Коли он примет что другое,
Хотя бы большее,— он будет
Смешон и жалок, возвращаясь
Не с тем, что нужно. Так и я.
Сюда пришла я за портретом,
И с подлинником возвратившись,
Хотя он стоит много больше,
Смешной и жалкой возвращусь.
Отдай же, Герцог, тот портрет мне,
Я не уйду, его не взявши.

Астольфо

Но как же взять его ты можешь,
Раз я тебе его не дам?

Росаура

Вот так!

(Старается отнять портрет.)
Отдай, неблагодарный.

Астольфо

Напрасно.

Росаура

Видит Бог, не будет
Он у другой в руках.

Астольфо

Ты знаешь:

Ведь ты страшна.

Росаура

Предатель ты.

Астольфо

Моя Росаура, довольно.

Росаура

Твоя? Ты нагло лжешь.

(Оба держатся за портрет.)

СЦЕНА 15-я

Эстрелья.— Росаура, Астольфо.

Эстрелья

Астрея,

Астольфо... Что это такое?

Астольфо *(в сторону)*

Эстрелья!

Росаура *(в сторону)*

(Научи, любовь,

Как получить портрет обратно?)

(К Эстрелье.)

Когда, сеньора, ты желаешь,

Тебе скажу я.

Астольфо *(в сторону к Росауре)*

Что ты хочешь?

Росаура

Ты мне велела подождать

И от тебя сказать Астольфо,
Чтоб дал портрет мне. Я осталась,
И так как мысли переходят
Одна к другой весьма легко,
Я вспомнила о том портрете,
Что в рукаве своем носила.
И так как человек нередко
Выдумывает пустяки,
Когда один он остается,
Я на него взглянуть хотела,
Беру, и вдруг из рук он выпал,
Астольфо тут как раз идет,
Его он с полу поднимает,
Я говорю, а он не только
Не хочет свой отдать, но даже
Еще и этот взял себе;
Напрасно я его молила
И убеждала; рассердившись,
Я в нетерпении хотела
Его отнять. Взгляни сама,
Он мне принадлежит по праву.

Эстрелья

Астольфо, дай портрет.

(Берет у него из рук портрет.)

Астольфо

Сеньора...

Эстрелья

Черты угаданы отлично.

Росаура

Ведь, правда, это мой портрет?

Эстрелья

Кто ж в этом может сомневаться?

Росаура

Пусть и другой тебе отдаст он.

Эстрелья

Бери и уходи.

Росаура (*в сторону*)

Пусть будет,

Что будет: все равно теперь.

(*Уходит.*)

СЦЕНА 16-я

Эстрелья, Астольфо.

Эстрелья

Дай мне портрет теперь, который

Я раньше у тебя просила;

Хоть никогда я в жизни больше

С тобой не буду говорить

И более с тобой не встречусь,

Я не хочу, чтоб оставался

В твоих руках он,— ну хотя бы

Лишь потому, что у тебя

Его так глупо я просила.

Астольфо (*в сторону*)

(Как из беды такой мне выйти?)

Хотя, прекрасная Эстрелья,

Я и хочу тебе служить,

Но тот портрет, который просишь,

Я дать тебе не в состоянии,

Затем что...

Эстрелья

Груб ты и невежлив,

И больше он не нужен мне,

Я не хочу, чтоб ты напомнил,
Что я об нем тебя просила.

(Уходит.)

Астольфо

Остановись, постой, послушай,
Заметь!— Что делать мне теперь?
Росаура, зачем, откуда
И как в Полонию пришла ты,
Чтобы сама ты в ней погибла
И чтобы я погиб с тобой?

(Уходит.)

СЦЕНА 17-я

Тюрьма принца в башне.

*Сехисмундо, как в начале, покрытый звериной шкурой
и в цепях, лежит на земле; Клотальдо, двое слуг и
Кларин.*

Клотальдо

Пусть здесь лежит он, и надменность
Окончится, где началась.

Слуга

Я цепи наложил, как прежде.

Кларин

Да, Сехисмундо, в горький час
Проснешься ты, чтобы увидеть,
Что слава лживая твоя
Была лишь беглый пламень смерти,
Лишь привиденье бытия.

Клотальдо

А кто так говорить умеет,
Его посадим мы туда,
Где может рассуждать он долго.

(К слугам.)

Эй вы, подите-ка сюда,
Заприте-ка его в ту келью.
(Указывает на келью, находящуюся рядом.)

Кларин

Меня? Зачем и почему?

Клотальдо

Затем, чтоб ты, узнавши тайны,
Не раззвонил их никому.

Кларин

Скажи на милость. Неужели
На жизнь отца я посягнул?
Или карманного Икара
С балкона в воду сошвырнул^{5?}
Я сплю, я грежу? Ну к чему же
Мне быть наедине с собой?

Клотальдо

Не будь Кларинном.

Кларин

Я умолкну,

Дырявой буду я трубой.

(Его уводят, и Клотальдо остается один.)

СЦЕНА 18-я

*Басилио, закутанный в плащ.
— Клотальдо, Сехисмундо, спящий.*

Басилио

Клотальдо!

Клотальдо

Государь! Возможно ль:
Властитель так пришел сюда?

Басилио

Из любопытства мне хотелось
Узнать (о, горькая беда!),
Что с Сехисмундо происходит,
И я пришел.

Клотальдо

Взгляни, вот он
В своем убожестве злосчастном.

Басилио

В час роковой ты был рожден,
О, Принц, несчастием гонимый!
Скорее разбуди его:
От опия, что был им выпит,
Нет больше силы у него.

Клотальдо

Он говорит во сне тревожном.

Бастилио

Что может грезиться ему?
Послушаем.

Сехисмундо (во сне)

Властитель кроток,

Раз, повинувшись своему
Негодованию, казнит он
Тиранов: пусть от рук моих
Умрет Клотальдо, пусть отец мой,
Мне в ноги пав, целует их.

Клотальдо

Он смертью мне угрожает.

Б а с и л и о

Мне предвещает гнев и срам.

К л о т а л ь д о

Меня лишит он хочет жизни.

Б а с и л и о

Меня к своим привлечь столам.

С е х и с м у н д о (во сне)

Пускай теперь в театре мира
На пышной сцене предстает
Моя единственная храбрость:
Пусть месть моя свое возьмет,
И Принц великий, Сехисмундо,
Восторжествует над отцом.

(Просыпается.)

Но горе мне? Где нахожусь я?

Б а с и л и о (к Клотальдо)

Тебе известно обо всем,
Что должен ты сказать и сделать.
Меня пусть не увидит он.
Его отсюда буду слушать.

(Удаляется.)

С е х и с м у н д о

Так это я? В тюрьме? Пленен?
Окован крепкими цепями?
Заброшен в мертвой тишине?
И башня гроб мой. О, Всевышний,
Что только не приснилось мне!

К л о т а л ь д о (в сторону)

Теперь установлю различье
Меж тем, что правда, что игра.

Сехисмундо

Уже пора мне просыпаться?

Клотальдо

О, да, уже давно пора,
Не спать же целый день! С тех пор как
Я устремлял свой взор во мглу
Вслед улетавшему по небу
И запоздавшему орлу,
Ни разу ты не просыпался?

Сехисмундо

О, нет, не размыкая глаз,
Я спал, и, если разумею,
Я сплю, Клотальдо, и сейчас:
Я думаю, что в заблужденье
Я, это говоря, не впал:
Когда лишь было сновиденьем,
Что я так верно осязал,
Недостовечно то, что вижу;
И чувствует душа моя,
Что спать могу я пробужденный,
Коли уснувшим видел я.

Клотальдо

Что видел ты во сне, скажи мне?

Сехисмундо

Пусть это было лишь во сне,
Скажу не то, что мне приснилось,
А то, что было зримо мне.
Я пробудился и увидел,
Что мой пленительный альков
(Какая сладостная пытка!)
Был весь как будто из цветов;
Из упоительных узоров
Он точно соткан был весной.

Там благородные толпою
В прах склонялись предо мной,
Меня владыкой называли,
Мне драгоценности несли,
Меня в роскошные одежды
С почительностью облекли,
Но чувства все еще дремали,
Лишь ты заставил вздрогнуть их,
Как счастье мне сообщивши,
Что, признанный в правах своих,
Я над Полонией был Принцем.

Клотальдо

И щедро был я награжден?

Сехисмундо

Не очень щедро: лютым гневом
И дерзновеньем ослеплен,
Тебя изменником назвал я
И дважды умертвить хотел.

Клотальдо

Со мною был ты столь суровым?

Сехисмундо

Я был Царем, я всем владел,
И всем я мстил неумолимо;
Лишь женщину одну любил...
И думаю, то было правдой:
Вот, все прошло, я все забыл,
И только это не проходит.

(Король уходит.)

Клотальдо *(в сторону)*

*(Растроганный его словами,
Взволнованным Король ушел.)*
С тобой мы, помнишь? говорили

О том, что царственный орел —
Владыка птиц; и вот, уснувши,
Ты царство увидал во сне.
Но и во сне ты должен был бы
С почтеньем отнестись ко мне:
Тебя я воспитал с любовью,
Учил тебя по мере сил,
И знай, добро живет вовеки,
Хоть ты его во сне свершил⁶.

(Уходит.)

СЦЕНА 19-я

Сехисмундо

Он прав. Так сдержим же свирепость
И честолюбье укротим,
И обуздаем наше буйство,—
Ведь мы, быть может, только спим.
Да, только спим, пока мы в мире
Столь необычном, что для нас —
Жить значит спать, быть в этой жизни —
Жить сновиденьем каждый час.
Мне самый опыт возвещает:
Мы здесь до пробужденья спим.
Спит царь, и видит сон о царстве,
И грезит вымыслом своим.
Повелевает, управляет,
Среди своей дремотной мглы,
Заимобразно получает,
Как ветер, лживые хвалы.
И смерть их все развеет пылью.
Кто ж хочет видеть этот сон,
Когда от грезы о величьи
Он будет смертью пробужден?
И спит богач, и в сне тревожном
Богатство грезится ему.

И спит бедняк, и шлет укоры,
Во сне, уделу своему.
И спит обласканный успехом.
И обделенный — видит сон.
И грезит тот, кто оскорбляет.
И грезит тот, кто оскорблен.
И каждый видит сон о жизни
И о своем текущем дне,
Хотя никто не понимает,
Что существует он во сне.
И снится мне, что здесь цепями
В темнице я обременен,
Как снилось, будто в лучшем месте
Я, вольный, видел лучший сон.
Что жизнь? Безумие, ошибка.
Что жизнь? Обманность пелены.
И лучший миг есть заблужденье,
Раз жизнь есть только сновиденье,
А сновиденья только сны.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ

СЦЕНА 1-я

К л а р и н

Попал я в колдовскую башню;
За то, что мне известно, схвачен;
Как покарают за незнание,
Коли за знание я убит?
Чтобы с подобным аппетитом
Я умер заживо голодным.
Сам о себе я сожалею,
Все скажут: «Как не пожалеть!»
И справедливо: как возможно
Согласовать с таким молчаньем
То, что зовуся я Кларином
И должен, как рожок, звучать?
Мне здесь товарищами служат,
Насколько наблюдать умею,
Одни лишь пауки да крысы:
Могу вам доложить, птенцы!
Такие сны я видел ночью,
Что в голове землетрясение:
Рожки, и фокусы, и трубы,
Толпа, процессии, кресты,
Самобичующихся лики;
Одни восходят вверх, другие
Нисходят; падают, увидев,
Что на иных сочится кровь;
Я, если говорить по правде,
От одного без чувств упал бы,
От голода: я существую
В такой таинственной тюрьме,

Что днем философа читаю,
Который назван Безобедом,
А ночью говорю с подругой,
Что называется Неешь.
Коль назовут святым Молчанье,
В календаре его означив,—
Я Сан-Секрето выбираю¹
В свои святые навсегда:
Я в честь его пощусь изрядно.
И поделом: я был слугою,
И был безмолвен, о, кощунство!

*(Бьют барабаны и звучат рожки,
слышны голоса за сценой.)*

СЦЕНА 2-я

Солдаты.— Кларин.

Первый солдат *(за сценой)*
Вот в этой башне он сидит,
Ломайте дверь и все входите.

Кларин
Никак они за мной явились.
Он здесь, сказали. Что им нужно?

Первый солдат *(за сценой)*
Входите.

(Выходят толпой солдаты.)

Второй солдат
Здесь он.

Кларин
Нет, не здесь.

Все солдаты
Сеньор...
Кларин (*в сторону*)
Они как будто пьяны.

Первый солдат
Ты наш законный повелитель,
Тебя мы одного желаем,
Чужого Принца не хотим.
Облобызать твои дай ноги.

Солдаты
Да здоровствует наш Принц великий.

Кларин (*в сторону*)
Однако это не на шутку.
Такой обычай, может, здесь,
Что ежедневно выбирают
Кого-нибудь и, сделав Принцем,
Потом его ввергают в башню.
Я вижу это каждый день.
Так вступим в роль²

Солдаты
Твои дай ноги.

Кларин
Дать ноги? Это невозможно.
Ответить должен я отказом,
Они нужны мне самому.
Безногим Принцем быть неладно.

Второй солдат
Мы твоему отцу сказали,
Что из Московии нам Принца
Не надо: мы хотим тебя.

К л а р и н

С моим отцом вы были дерзки?
Хорошие же вы ребята!

Первый солдат

Нас побуждала только верность.

К л а р и н

Раз это так, вы прощены.

Второй солдат

Покинь тюрьму, вернись ко власти.
Да здравствует наш Принц великий!

В с е

Да процветает Сехисмундо!

К л а р и н *(в сторону)*

Как? Сехисмундо? Вот так так.
Должно быть всем поддельным Принцам
Дается имя Сехисмундо.

СЦЕНА 3-я

Сехисмундо.— Кларин, солдаты.

Сехисмундо

Кто назвал Сехисмундо?

К л а р и н *(в сторону)*

Горе!

Я Принц и вот уже не принц.

Первый солдат

Кто Сехисмундо?

Сехисмундо

Я.

Второй солдат (к Кларину)

Так как же,
Неосмотрительный и дерзкий,
Себя ты назвал Сехисмундо?

Кларин

Я Сехисмундо? Никогда.
Неосмотрительностью вашей
Я это имя получил здесь,
И ваша глупость, ваша дерзость
Осехисмундили меня.

Первый солдат

Великий Принц наш, Сехисмундо,
(Тебя мы знаем по приметам,
Но и без них мы возглашаем
Тебя властителем своим),
Родитель твой, Король великий,
Басилио, боясь, чтоб небо
Не оправдало предсказанья
Звезды, вещавшей, что его
Ты, победив, повергнешь наземь,
Решил тебя лишить престола
И передать его Астольфо,
И с этой целью созвал двор.
А между тем народ, узнавши,
Что у него есть Царь законный,
Не хочет, чтоб над ним владыкой
Был чужеземец³. Посему,
Великодушно презирая
Звезды несчастной предсказанья,
Он отыскал тебя в темнице,
Чтоб с твердой помощью его
Ты вышел прочь из этой башни

И укрепил свою корону,
Ее отнявши у тирана
И свой престол себе вернув.
Так выходи: в пустыне этой
Ждет многочисленное войско.
Перед тобой свобода: слышишь,
Как все они зовут тебя?

Голоса за сценой
Мы ждем владыку Сехисмундо!

Сехисмундо

Опять (о, небеса, ответьте!),
Опять хотите вы, чтоб снился
Мне о величьи пышный сон,
И чтоб оно опять распалось?
Хотите вы, чтоб мне вторично,
Среди теней и очертаний,
Великолепный вспыхнул блеск,
И чтоб опять погас под ветром?
Хотите вы, чтоб я вторично
Коснулся этого обмана,
В чете с которым власть людей
Живет внимательно покорной?
Так нет, не будет, нет, не будет,
Чтоб был я вновь судьбе подвластен,
И так как жизнь есть только сон,
Уйдите, тени, вы, что ныне
Для мертвых чувств моих прияли
Телесность с голосом, меж тем как
Безгласны, бестелесны вы.
Я не хочу величий лживых,
Воображаемых сияний,
Не принимаю заблуждений,
Что в самом легком ветерке
Вдруг рассыпаются, как пышность
Цветов миндальных, слишком рано

Расцветших в шелковом сияньи
И вдруг теряющих свой блеск.
О, я вас знаю, я вас знаю,
И от моей души не скрыто,
Что с вами то же происходит,
Что с каждым, кто окован сном.
Но надо мной не властны больше
Ни заблужденья, ни обманы,
Без заблуждений существует
Кто сознает, что *жизнь есть сон*.

Второй солдат

Когда ты думаешь, что ложно
Мы говорим, взгляни на горы,
Смотри, какой толпой собрались
Тебе готовые служить.

Сехисмундо

Уже я раньше пред собою
Одно и то же видел ясно,
Вот как сейчас, но это было
Лишь сном.

Второй солдат

Великий государь,
Всегда случалось, что в событиях
Многозначительных бывало
Предвозвещенье,— этой вестью
И был твой предыдущий сон.

Сехисмундо

Ты хорошо сказал. Да будет.
Пусть это было предвещанье,
И если жизнь так быстротечна,
Уснем, душа, уснем еще.
Но будем спать с большим вниманьем,
Но будем грезить — понимая,

Что мы от этого блаженства
Должны проснуться в лучший миг.
Когда мы твердо это знаем,
Для нас одним обманом меньше,
И мы смеемся над бедою,
Когда ее предупредим.
И раз доподлинно мы знаем,
Что власть всегда взаймы дается,
И что ее вернуть нам нужно,
Сомненья прочь, дерзнем на все.
Благодарю вас всех за верность,
Торжественно вам обещаю:
От подчиненья чужеземцу
Я смело вас освобожу.
Провозгласите наступленье,
Свою вам храбрость покажу я;
И, на отца подняв оружие,
Я оправдаю глас небес.
Его у ног своих увижу...

(В сторону.)

(Но если пробужусь я раньше?
О том, что будет не наверно,
Теперь не лучше ль умолчать?)

Все

Да торжествует Сехисмундо!

СЦЕНА 4-я

Клотальдо.— Сехисмундо, Кларин, солдаты.

Клотальдо

Что здесь за шум? Что вижу, небо?

Сехисмундо

Клотальдо!

К л о т а л ь д о

Государь...

(В сторону.)

(Свой гнев он

Теперь обрушит на меня.)

К л а р и н *(в сторону)*

Он сошвырнет его с утеса,

Могу за это поручиться.

(Уходит.)

К л о т а л ь д о

К твоим ногам припав смиренно,

Я жду, чтоб ты меня казнил.

С е х и с м у н д о

Нет, встань, отец мой, встань скорее,

И будь звездой моей полярной,

Путеводителем, с которым

Соображу свои шаги.

Всем воспитанием, я знаю,

Я верности твоей обязан.

И потому приди в объятья.

К л о т а л ь д о

Что говоришь?

С е х и с м у н д о

Что я лишь сплю,

И что творить добро хочу я,

Узнавши, что добро вовеки

Свой след незримый оставляет,

Хоть ты его во сне свершил.

К л о т а л ь д о

Итак, сеньор, коли теперь ты

Избрал добро своим девизом,

Тебя не оскорбит, что ныне
О том же думаю и я.
Вступить в войну с отцом ты хочешь,
И против своего владыки
Я не могу давать советов
И не могу с тобою быть.
К твоим ногам я повергаюсь,
Убей меня.

Сехисмундо

Изменник, низкий,
Неблагодарный...

(В сторону.)

(Но — о, небо —

Прилично мне себя сдержать:
Не знаю, наяву ли это.)
Клотальдо, видя, как ты честен,
Тебя я вдвое уважаю,
Иди же и служи Царю.
Увидимся на поле битвы.
А вы, солдаты, за оружие!

Клотальдо

К твоим ногам тысячекратно
Я припадаю.

(Уходит.)

Сехисмундо

О судьба!

Так значит царство предо мною.
Не пробуждай меня, коль сплю я,
Не усыпляй, коль это правда.
Но правда это или сон,
Что важно — оставаться добрым:
Коль правда, для того, чтоб быть им,
Коль сон, чтобы, когда проснемся,
Мы пробудились меж друзей.
(Уходят; слышен бой барабанов.)

СЦЕНА 5-я

Зал в Царском Дворце.

Басилио и Астольфо.

Б а с и л и о

Астольфо, кто коня сдержать сумеет,
Когда он вдруг закусит поводя?
Кто может задержать реки теченье,
Коль в море мчится бурная вода?
Кто глыбу задержать сумеет в беге,
Когда она с горы сорвется вниз?
Так это все легко, в сравненьи с гневом,
Коль страсти у толпы в сердцах зажглись.
Пускай тебе об этом скажут крики,
Вещатели готовящихся бед:
В ущельях гор одни кричат «Астольфо»
И «Сехисмундо» вторят им в ответ.
Присяга изменяется в значеньи,
И царство будет сценой роковой,
Где темная судьба, изображая
Трагедию, нам возвещает бой.

А с т о л ь ф о

Пусть, государь, веселие сегодня
Умолкнет; пусть обещанная мне
Притихнет радость; ежели сегодня
Полония (которую вполне
Смирить надеюсь) на меня восстала,
Так это для того, чтоб я сперва
Мог заслужить ее. Коня! Пусть явит
Тот молнию, кто гром вложил в слова.

(Уходит.)

Б а с и л и о

Что неизбежно, то должно случиться,
Опасно то, что нам возвещено:

Раз быть должно, защита невозможна;
Встань, и тем скорей придет оно.
Жестокий рок! Закон свирепый! Ужас!
Бежишь войны, чтобы вступить в войну;
Ища защиты, я нашел погибель,
Сам погубил родимую страну.

СЦЕНА 6-я

Эстрелья.— Басилио.

Эстрелья

Великий государь, коль ты не хочешь
Смирить мятеж присутствием своим,
Меж тем как он на площадях сбираясь,
По улицам расходится как дым,
Увидишь царство ты в багряной бездне,
В волнах кровавых, ибо все кругом —
Сплетенье роковое злополучий,
Где каждый для тебя встает врагом.
Твое величье так уже упало,
Так сильно гнев свирепствует в сердцах,
Что взор смущен, и солнце омрачилось,
И буря затаилась в облаках.
И каждый камень — памятник надгробный,
И все цветы — струят могильный свет,
И каждый дом — высокая гробница,
И каждый воин — как живой скелет.

СЦЕНА 7-я

Клотальдо.— Басилио, Эстрелья.

Клотальдо

Благодаренье Богу, что живым я
Пришел к твоим ногам!

Б а с и л и о

Клотальдо, ты?
Что нового принес о Сехисмундо?

К л о т а л ь д о

Чудовищем, ниспавшим с высоты,
Народ проник в ту башню, где сидел он,
От тесных уз его освободил
И он, себя вторично видя Принцем,
Неустршимость гордую явил,
Он говорит, что оправдает небо.

Б а с и л и о

Дать мне коня! Я сына укрощу.
Пусть меч исправит, в чем ошиблось знание,
Себе венец я царский возвращу.

(Уходит.)

Э с т р е л ь я

Так рядом с Солнцем буду я Беллоной ⁴:
Пусть наши имена горят светло;
С Палладой в состязание вступлю я ⁵,
Мой дух расправит мощное крыло.
(Уходит; слышен призыв к оружию.)

СЦЕНА 8-я

Росаура, удерживает Клотальдо.

Р о с а у р а

Хоть сердце у тебя и рвется,
Чтобы вступить скорее в бой,
Меня ты выслушай: как царство,
Я вся охвачена борьбой.
Ты знаешь, я несчастной, бедной
Сюда в Полонию пришла,

В тебе я обрела защиту
И покровителя нашла.
Ты мне велел, чтоб во дворце я
Переменила внешний лик,
И чтоб свою скрывала ревность,
Пока настанет лучший миг,
И чтоб с Астольфо не встречалась;
Но вот он встретился со мной,
И так он честь мою унизил,
Что хочет нынче, в час ночной,
В саду с Эстрельей увидаться:
От сада ключ я принесла,
В него легко войти ты можешь,
И в час, когда сгустится мгла,
Отмстить за все мои тревоги.
Тебе так нужно поступить,
Когда за поруганье чести
Решился ты его убить.

Клотальдо

Росаура, тебя увидев,
Тебе помочь решился я,
Насколько только хватит жизни,
(Тому свидетель скорбь твоя.)
Велел я с самого начала,
Чтоб ты переменяла вид,
Дабы, раз на тебя Астольфо
Случайно взор свой обратит,
Была ты в собственной одежде,
И он не мог бы дерзость счесть
За легкомыслие, которым
Повреждена была бы честь.
Соображая в то же время,
Как в этом мне с Астольфо быть,
Решил я быть неумолимым,
Хотя б пришлось его убить.
Какое дерзкое безумье!

Но так как не был он Царем,
Моим владыкою он не был,
Безумья я не видел в том.
Хотел убить, а Сехисмундо,
Свирепым гневом ослеплен,
Хотел меня убить, и был я
От смерти им освобожден;
Себя опасности подвергнув,
Он на мою защиту встал
С такою храбростью, что я бы
В ней даже дерзость увидал.
Так как же я могу (подумай),
К нему признательность тая,
Дать смерть тому, кем сохранилась
От лютой смерти жизнь моя?
И меж двоими разделивши
Свои заботы и любовь,
Тебе дав жизнь и от Астольфо
Ее как бы имея вновь,
Не знаю я, к кому примкнуть мне,
На чей откликнуться призыв:
Тебе обязан — отдавая,
Ему обязан — получив.
В противоречии подобном
Исхода я не нахожу:
Заимодавец и должник я,
Повелеваю и служу.

Р о с а у р а

Я не должна тебя, конечно,
В том несомненном убеждать,
Что получать — настолько ж низко,
Насколько благородно — дать.
Раз это верно, ты не должен
Его совсем благодарить,
И если жизнь твою сумел он
Тебе и вправду подарить,

И если жизнь мне подарил ты,
Тебя принудил значит он,
Чтоб этим совершил ты низость, —
Мной к благородству принужден.
Ты значит предо мной обязан,
А он тебя лишь оскорбил,
Коль ты мне дал, как предположим,
Что от него ты получил.
И честь мою ты значит должен
Своим оружием защитить:
Настолько же его я выше,
Как выше дать, чем получить.

К л о т а л ь д о

Когда являет благородство
Тот, кто дает нам что-нибудь,
Явить обязан благодарность,
Кто мог свободнее вздохнуть.
И если дать я был способен,
Великодушье показав,
Пускай явлюсь и благодарным,
Вдвойне украсивши свой нрав.
Пускай признательным я буду,
Как щедрым мог себя явить,
В том, что даешь, есть благородство,
Оно есть в том, как получить.

Р о с а у р а

Ты дал мне жизнь и сам сказал мне,
Что жизнь, когда оскорблена,
И оскорбление не смыто,
Тогда совсем не жизнь она.
И это значит: от тебя я
Не получила ничего;
Та жизнь не жизнь, что я снискала
У благородства твоего.
И если хочешь быть ты щедрым

Пред тем, как благодарным быть,
Я уповаю, что захочешь
Ты жизнь, как жизнь, мне подарить.
И если ты, сперва давая,
Величья больше явишь в том,
Я жду, чтоб ты сперва был щедрым,
Чтоб быть признательным потом.

К л о т а л ь д о

Я, доводом твоим сраженный,
Желаю раньше щедрым быть.
Тебе, Росаура, дам денег
И дам возможность поступить
В обитель; этим зла избегнув,
Ты укрепишь свой дух в добре:
От преступленья удалившись,
Ты отдохнешь в монастыре.
Коль в царстве столько бед великих
И тягостный такой раскол,
Я умножать их не желаю,
Я благородным в мир вошел.
Решившись на такое средство,
Родимой верен я стране,
С тобою щедр, а пред Астольфо
Чист и признателен вполне...
Так выбирай меж двух исходов,
Что надлежит, и знай притом:
Клянусь, я больше бы не сделал,
Когда б я был твоим отцом!

Р о с а у р а

Когда моим отцом ты был бы,
Я б оскорбление снесла:
Раз нет, и нет во мне терпенья.

К л о т а л ь д о

Так ты решенье приняла...

Росаура
Я Герцога убью.

Клотальдо

И дама,
Не ведая, чья дочь она,
Себя такую явит храброй?

Росаура

Да.

Клотальдо

Чем же ты возбуждена?

Росаура

Моею честью.

Клотальдо

Но Астольфо.

Пойми...

Росаура

Все победит вражда.

Клотальдо

Твой Царь, и он супруг Эстрельи.

Росаура

Он им не будет никогда.

Клотальдо

Но это же безумье.

Росаура

Знаю.

Клотальдо

Сдержи его.

Росаура

Я не могу.

Клотальдо

Так ты утратишь...

Росаура

Мне известно.

Клотальдо

И жизнь, и честь.

Росаура

На смерть врагу.

Клотальдо

Чего же ты желаешь?

Росаура

Смерти.

Клотальдо

Но это крайность.

Росаура

Это честь.

Клотальдо

Но это безрассудство.

Росаура

Храбрость.

Клотальдо

Безумье.

Росаура

Это ярость, месть.

Клотальдо

Так твой ответ — отдаться страсти?

Р о с а у р а

В том мой единственный ответ.

К л о т а л ь д о

Кто ж твой защитник?

Р о с а у р а

Я защитник.

К л о т а л ь д о

И больше нет исхода?

Р о с а у р а

Нет.

К л о т а л ь д о

Быть может есть еще надежда...

Р о с а у р а

Погибнуть не таким путем.

(Уходит.)

К л о т а л ь д о

Когда погибнуть, дочь, постой же,

Пускай погибнем мы вдвоем.

(Уходит.)

СЦЕНА 9-я

Поле битвы.

Сехисмундо, одетый в звериную шкуру;

солдаты в боевом марше; Кларин.

(Бьют барабаны.)

С е х и с м у н д о

Когда бы Рим тех дней первоначальных

Меня сегодня увидал,

Как он обрадоваться мог бы,
Что случай редкостный такой пред ним предстал,
И он для войск своих победоносных
Мог зверя получить вождем,
Который вплоть до звезд небесных
Пойдет нетронутым путем.
Но нет, мой дух, сдержи полет надменный,
Неверным торжеством не возгордись:
Что, если я проснусь и, тех высот достигнув,
Сорвусь, теряя почву, вниз?
Пойми же эту неизбежность,
Душа надменная моя:
Чем меньше я приобретаю,
Тем меньше потеряю я.

(Звучит рожок.)

К л а р и н

Смотри, вон быстрый конь (прости, необходимо
Мне описать его, раз мой теперь черед).
В нем карта мира воплотилась.
Все расскажу наперечет:
В нем тело есть земля; душа, что в сердце скрыта,
Огонь; в нем пена уст — как бы волна морей;
Дыханье — воздух в нем: прекрасен этот хаос
Во всей различности своей.
Душой, дыханьем, телом, пеной,
Он чудище огня, земли, морей, ветров;
По цвету — в яблоках, с оттенком рыжеватым,
Чтоб шпорой попадать по пятнам вдоль боков.
Он не бежит, летит, так бег его проворен,
И женщина на нем спешит к тебе сюда.

С е х и с м у н д о

Она меня слепит.

К л а р и н

Росаура? Конечно!

Сехисмундо (*отходит в сторону*)
Опять ее ко мне ведет ее звезда.

СЦЕНА 10-я

Росаура, в плаще, со шпагой и кинжалом.
— *Сехисмундо, солдаты.*

Росаура

Великодушный Сехисмундо,
Чья героическая гордость
Горит, как яркий день деяний,
Покинув ночь своих теней:
Как наибольшая планета
В объятиях зари веселой
Свое сиянье возрождает
Для трав и для душистых роз,
И над горами, над морями,
Венчанное чело подъемля,
Роняет свет, лучи бросает,
Меняет блеском влагу волн,
Так воссияй и ты над миром,
Всепобедительное солнце
Полонии, что свет твой яркий
Несчастной женщине помог,
К твоим ногам теперь припавшей.
Из этих двух вещей довольно
Одной, чтоб тот, кто притязает
На доблесть, ей помог в беде.
Три раза пред тобой была я,
Три раза ты мне удивлялся,
Кто я, не зная, потому что
Три раза вид мой был иной.
Сперва, как юноша, явилась
Тебе я в тягостной темнице,
Где жизнь твоя была усладой

Для бедствий горестных моих.
Потом, объятый восхищеньем,
Ты мной, как женщиной, увлекся,
Когда твое величье было
Как привидение, как сон.
И в третий раз теперь, когда я,
Чудовище с двояким ликом,
Украшена одеждой женской,
Вооружением мужским.
И чтоб, проникшись состраданьем,
Ты лучшею мне был защитой,
Мои трагические судьбы
Тебе поведать надлежит.
Я родилась от благородной
В Московии и заключаю,
Что, если мать была несчастной,
Она красавицей была.
Она влеченье возбудила
В изменнике, не называю
Его по имени, затем что
Его сама не знаю я;
Но был он храбрым, потому что
В душе я храбрость ощущаю,
И, думая о нем, хотела б
Теперь язычницею быть,
Чтобы в безумии поверить,
Что в изменениях различных
Данае, Леде и Европе
Предстал он золотым дождем,
Быком и лебедем ⁶. Когда я,
Указывая на измены,
Повествованье удлиняла,
Тебе сказала вкратце я,
Что мать моя, любви отдавшись
И уверениям поверив,
Была, как ни одна, прекрасна,
Несчастлива же была, как все.

Так верила она признаньям
И обещанию жениться,
Что и доныне эту глупость
Она оплакивает все;
Ее тиран был столь Энеем
Своей, покинутой им, Трои,
Что ей оставил даже шпагу ⁷
Пусть будет скрыто лезвиё,
Его я обнажу, пред тем как
Повествование окончу.
И вот, когда, так неудачно,
Игрою роковых страстей,
Завязан узел был, который
Хотя и узел, но не держит,
В себе одновременно сливши
И преступление, и брак,—
Я родилась настолько схожей,
Что я была ее портретом,
Не красоты ее чудесной,
Но злоключений и судьбы;
Тебе рассказывать не нужно,
Как я, наследница несчастий,
Собой явила повторенье
Того, что раньше было с ней.
Я лишь одно могу поведать,
Назвать того, кто честь похитил,
Меня любовью обесславил.
Астольо... Горе, горе мне!
Едва его я называю,
Как сердце гневается, бьется,
В негодованьи указуя,
Что называю я врага.
Астольо — тот неблагодарный,
Что, позабывши радость счастья,
(В любви прошедшей забывают
И память самую о ней),
Пришел в Полонию, влекомый

Своей победой знаменитой,
Вступить в супружество с Эстрельей,
Чей свет — вечерний факел мой.
Кто б мог поверить, что, меж тем как
Звезда влюбленных сочтает,
Звезда роскошная, Эстрелья,
Захочет их разъединить?
Осмеянной и оскорбленной
Я брошена была в печали,
И я была как бы безумной,
Была, как труп, была как я,
Что означает, что была я
Как смутный трепет преисподней;
В своем душевном Вавилоне
Я изъяснялась немотой⁸
(Есть огорчения, есть муки
Такие, что, немым оставшись,
Расскажешь лучше ощущенья,
Чем если говорить начнешь);
Я о своих страданьях молча
Повествовала, до того как
Наедине со мной (о небо!)
Раз Виоланта, мать моя,
Разрушила темницу сердца,
И все страданья в горькой смуте
Наружу вырвались поспешно,
Толпой покинув грудь мою.
Легко мне было рассказать их:
Когда, рассказывая, знаешь,
Что тот, кто слышит о паденьи,
В другом паденьи грешен был,
В нем соучастника находишь,
И этим он как бы оправдан,
Как бы утешен, — так что служит
Ко благу и дурной пример.
Ну, словом, с нежным состраданьем
Она моим скорбям внимала,

Своим несчастьем желая
Мое несчастье смягчить:
С какую легкостью прощает
Судья, который был преступным!
В самой себе имея кару
И от других не получив
Возврата чести затемненной,
Она, на время не надеясь,
Не видела в моих несчастьях
Исхода из моей беды,
И лучшим средством ей казалось
Пойти за тем, кто был виновным,
Чтобы его, путем усилий,
Заставить заплатить за честь.
Дабы опасность умалилась,
Моей судьбе угодно было,
Чтоб я была в мужской одежде,
И, шпагу снявши со стены,
Мне взять ее она велела,
Она теперь вот здесь со мною,
И как я раньше обещала,
Я обнажаю лезвиё,
Доверюсь знакам этой шпаги.
Мне было сказано: «Отправься
В Полонию и постарайся,
Чтоб увидели эту сталь
Знатнейшие; весьма возможно,
Что кто-нибудь защитой станет
Твоих несчастий, в ком пробудит
Сочувствие твоя судьба».
Итак, в Полонию пришла я:
Не буду говорить о том, что
Мой конь, как знаешь ты, сорвавшись
И закусивши повод,а,
Меня примчал к твоей пещере,
Где изумленьем и смущеньем
Проникся ты, меня увидя.

Не буду говорить о том,
Как там Клотальдо, проникаясь
Ко мне сочувствием сердечным,
Просил у Короля пощады,
И даровал мне жизнь Король;
Как он, узнав, кто я, велел мне
Явиться в собственной одежде,
Дабы служила я Эстрелье,
И силой хитрости своей
Расстроила любовь Астольфо
И помешала завершенью
Его супружества с Эстрельей.
Не буду говорить о том,
Что в этот раз, меня вторично
В одежде женской увидавши,
Ты был исполнен удивленья,
Смешав два облика в один.
О том скажу я, что Клотальдо,
Считая важным, чтобы браком
Астольфо связан был с Эстрельей
И вместе царствовал бы с ней,
Советует, противно чести,
От притязаний мне отречься.
Но я, о, храбрый Сехисмундо,
Узнав, что волею небес
Разрушил ты свою темницу,
Где ты для горести был зверем
И для страдания скалою,
Что ты на край родной восстал
И на отца оружие поднял,
К тебе являюсь на защиту,
Придав к нарядности Дианы
Паллады боевой убор:
Одевшись в шелковые ткани,
Я сталь взяла, как украшеньё,
Смелей же, храбрый предводитель,
Обоим важно нам теперь,

Чтоб этот брак не состоялся:
Мне потому, чтоб не женился
Тот, кто супруг мой нареченный,
Тебе же важно потому,
Чтобы они, соединившись,
Своей умноженною силой,
Своим влиянием возросшим
Не сделали для нас теперь
Сомнительной победу нашу.
Как женщина тебя прошу я,
Чтоб ты за честь мою вступился;
И, как мужчина, говорю:
Возьми скорей свою корону.
Как женщина хочу растрогать
Тебя, к ногам твоим повергшись;
И как мужчина прихожу
Служить тебе своею сталью.
Итак, заметь, что если ныне
Как женщину меня погубишь,
То как мужчина я за честь
Тебе отмщу своею смертью.
За честь свою вступая в битву,
Как женщина тебя молю я,
И как мужчина вышла в бой.

С е х и с м у н д о (в сторону)

О, небо, если мне лишь снится,
Останови воспоминанье!
Нельзя поверить, чтобы столько
Событий сон в себя включил.
Пускай поможет мне Всевышний!
Кто выйдет из твоих сомнений
И кто о них не думать мог бы?
Кто знал подобную беду?
Когда величие мне снилось,
Как эта женщина мне может
О нем рассказывать подробно

И признаками подтверждать?
Так это был не сон, а правда;
А если правда (тут другое
И столь же странное смущенье),
Как назову я это сном?
Так жизнь и свет на сон похожи,
Что правда кажется обманом,
Обман является как правда,
И столь различья мало в них,
Что разрешить необходимо
Недоуменье: то, что видишь,
Что доставляет наслажденье,
Есть правда или это ложь?
Так сильно копия похожа
На подлинник, что вопрошаешь,
Она не подлинник ли точный?
И если это вправду так,
И если пышность и величие,
И власть среди теней исчезнут,
Воспользуемся тем мгновеньем,
Что предоставлено для нас:
Лишь в этот миг мы насладимся
Тем, что живет во сне как сладость.
Зачем бы стал я колебаться?
Росаура в моих руках.
Пред красотой ее чудесной
Моя душа полна восторгом;
Так насладимся ж этим мигом,
И пусть, к ногам моим упав,
Она доверие явила,
Любовь порвет законы чести;
Ведь это сон; так пусть же снится
Теперь мне счастье; час пробьет,
И мне приснится огорченье.
Но собственной своею мыслью
Я сам себя разубеждаю.
Раз это только беглый сон,

Раз это только лживый призрак,
Кто ж будет из-за лживой тени
Терять небесное блаженство?
Какое благо, что прошло,
Не сновидение пустое?
Кто не был счастлив беспредельно
И не сказал, вспоминая:
«Все это было только сном?»
Так если я прозрел настолько
И чувствую, что наслажденье
Есть яркий пламень, что от ветра
Сейчас же пеплом упадет,
Прибегнем к вечному душою,
Где нескончаемая слава,
Где счастье светлое не дремлет,
Великолепье не заснет.
Росаура лишилась чести,
И Принцу надлежит скорее
Вернуть, что отнято у слабых,
Чем что-нибудь отнять у них.
Клянусь! Я прежде завоюю
Ее утраченную славу,
Чем свой венец. Бежим скорее
От случая. Соблазн велик.

(К одному из солдат.)

К оружию! Хочу сегодня
Дать битву, перед тем как сумрак
Лучи схоронит золотые
Среди зелено-черных волн.

Р о с а у р а

Сеньор, так молча ты уходишь?
И во внимание к заботе,
К моим тяжелым огорченьям
Ни слова не промолвишь ты?
Возможно ли, скажи, владыка,
Что на меня ты и не взглянешь?
Ко мне лица не обратишь ты?

С е х и с м у н д о

Росаура, так хочет честь:
Чтоб милосердным быть с тобою,
Теперь я должен быть жестоким.
Не даст тебе ответа голос,
Ответит честь моя тебе.
Не говорю я, потому что
Хочу, чтобы мои деянья
С тобою громко говорили,
И не гляжу я потому,
Что в затрудненьи столь великом
Необходимо, чтоб не видел
Чар красоты твоей — кто хочет
Увидеть честь твою теперь.

(Уходит, и солдаты с ним.)

Р о с а у р а

Какие странные загадки!
О, небо, после этих бед
Как понимать теперь должна я
Такой сомнительный ответ?

СЦЕНА 11-я

Кларин. — Росаура.

К л а р и н

Сеньора, возвести скорее,
Ты без особо важных дел?

Р о с а у р а

Кларин! Где был ты это время?

К л а р и н

Я в башне колдовской сидел
И дожидался, что-то будет,

Придет ли смерть иль не придет;
По счастью козырь мне попался,
Не то такой бы вышел счет,
Что я совсем бы проигрался.

Р о с а у р а

Но почему же?

К л а р и н

Потому,
Что тайну твоего рожденья
Я знаю. Видишь, никому
Здесь не известно, что Клотальдо...
(Звучат барабаны.)
Что эти звуки говорят?

Р о с а у р а

Что б это значило?

К л а р и н

Выходит
Из царского дворца отряд,
Чтобы сразиться с Сехисмундо
И победить его в борьбе.

Р о с а у р а

Так мною трусость овладела,
Я не спешу к моей судьбе?
Скорее в бой, на ужас миру,
Я буду в битве рядом с ним.
Уже сраженье закипело,
И жар бойцов неукротим.

(Уходит.)

СЦЕНА 12-я

Кларин. — Солдаты, за сценой.

Голоса одних
Вперед! Да здравствует свобода!

Голоса других
Да здравствует Король! Вперед!

Кларин

Король? Свобода? На здоровье!
Меня лишь не вводите в счет.
Какое дело мне, шумите,
А я укроюсь между скал
И разыграю роль Нерона,
Что ни о чем не помышлял.
Я, впрочем, помышлять желаю,
И помышляю о себе:
Из тайника могу я взвесить
Все рго и сонга в их борьбе.
Здесь, как за крепостью в ущельи,
Удобно, я вам доложу.
Здесь и от смерти я укроюсь,
Две фиги смерти покажу.

*(Прячется; бьют барабаны,
и слышен шум оружия.)*

СЦЕНА 13-я

*Басилио, Клотальдо и Астольфо, убегают. —
Кларин, спрятавшийся.*

Басилио

О, был ли царь столь несчастливый,
Отец, в такой вступающий спор?

Клотальдо

Твои отряды, в беспорядке,
Разбитые, стремятся с гор.

Астольфо

Увы, победа улыбнулась
Изменникам.

Басилио

В борьбе такой
Законен тот, кто был сильнее,
Изменник — проигравший бой.
Бежим, Клотальдо, от жестоких,
Бесчеловечных мер того,
Кто сыном-деспотом явился.

(За сценой раздаётся выстрел, и Кларин, пораженный пулей, падает с того места, где он находился.)

Кларин

О, Боже!

Астольфо

Кто убил его?
Солдат злосчастный, кто ты, павший,
С лицом в крови, у наших ног?

Кларин

Смертельно раненый несчастный,
Что думал обмануть свой рок
И сам нашел его. От смерти
Хотел укрыться я сюда
И с нею встретился; от смерти
Нельзя укрыться никуда.
Из этого выходит ясно,
Что тот, кто от нее бежит,

Он тем скорей ее находит
И сам удел свой сторожит.
Скорей, скорее воротитесь
К кровавой битве: меж огней,
Среди бряцания оружия,
От смерти скроешься верней,
Чем между скал, в ущельи темном;
Нет достоверного пути,
Чтоб от судьбы своей сокрыться,
От неизбежного уйти;
И пусть от смерти вы бежите,
И пусть ее вам страшен вид,
Смотрите, вы сейчас умрете,
Коль умереть вам Бог велит.

(Падает на сцену.)

Б а с и л и о

Смотрите, вы сейчас умрете,
Коль умереть вам Бог велит.
О, небо, наше заблужденье,
Непониманье высшей цели,
Как хорошо изблещил нам
Окровавленный этот труп,
Нам возвестив устами раны,
Нам рассказав кровавой пеной,
Что бесполезную задачу
Предпринимает человек,
Когда он с высшею причиной,
Когда он с наивысшей силой
В борьбу вступает. Пожелавши
Свое отечество спасти,
Сам мятежам его я предал
И злодеям, от которых
Освободить его замыслил.

К л о т а л ь д о

Хоть все дороги знает рок,

Хоть он, сеньор, того находит,
Кого в горах сокрытых ищет
Не христианское решение, —
Сказать, что нет для нас пути,
Его безжалостность исправить.
Есть путь; и мудрый над судьбою
Способен одержать победу;
И если ты не охранен
От злополучья и от горя,
Старайся отыскать защиту.

А с т о л ь ф о

Клотальдо, государь с тобою
Как умудренный говорит,
Достигший разума с летами,
А я как юноша бесстрашный.
В глухих горах, средь этой чащи,
Я вижу, бьет копытом конь,
Рождение ветров проворных;
Беги на нем, я в это время
Твое спасенье обеспечу,
Дорогу здесь постерегу.

Б а с и л и о

Коль хочет Бог, чтобы я умер
Иль чтобы смерть меня застигла,
Здесь я найти ее желаю
И встречусь с ней лицом к лицу.
(*Призыв к оружию.*)

СЦЕНА 14-я

*Сехисмундо, Эстрелья, Росаура, солдаты,
свита. — Базилио, Астольфо, Клотальдо.*

С о л д а т

Король скрывается меж веток,
Вот здесь, в горах.

Сехисмундо

Скорее следом

За ним идите по ущельям
И осмотрите каждый ствол,
Под каждой веткой поглядите.

Клотальдо

Беги, сеньор.

Басилио

Зачем?

Астольфо

Что хочешь

Ты сделать?

Басилио

Уходи, Астольфо.

Клотальдо

Что ты задумал?

Басилио

Я хочу

Последнее изведать средство.

(К Сехисмундо.)

Коль ты меня найти желаешь,

Я, Принц, у ног твоих.

(Становится на колени.)

Пусть будут

Мои седины твой ковер.

Топчи мне голову; ногою

Встань на венец мой; в прах повергни

Почтение ко мне и сан мой;

Из мести честь мою унизь,

Со мною обойдись как с пленным;

Пусть, после стольких предвещаний,

Исполнить сказанное — небо,
Свершить обещанное — рок.

Сехисмундо

О, двор Полонии преславный,
Ты, лицезревший столько разных,
Столь удивительных событий,
Внемли, что Принц твой возвестит!
То, что назначено от неба,
Что написал перстом Всевышний
На той лазоревой скрижали,
Где, волю в знаках затаив,
На стольких записях лазурных
Блистают буквы золотые,
То высшее нас не обманет
И никогда нам не солжет.
Но тот солжет, но тот обманет,
Кто, чтоб воспользоваться ими
Во зло, захочет в них проникнуть
И сокровенность их понять.
Отец мой, ныне предстоящий
Пред нами, захотев избегнуть
Моей свирепости врожденной,
Меня животным воспитал
И сделал человеком-зверем:
И если б я по благородству,
По кровному великодушью,
По рыцарству своей души
Родился кротким и смиренным,
Один лишь этот образ жизни,
Одно лишь это воспитанье
Способны были бы в мой нрав
Жестокие внедрить привычки:
Хороший способ устранить их!
Когда б кому-нибудь сказали:
«Какой-нибудь свирепый зверь
Тебя убьет», — он поступил бы

Разумно — пробуждая зверя,
Увидевши его уснувшим?
Когда б сказали: «Этот меч,
Который носишь ты с собою,
Тебя убьет», — разумно было б,
Его немедля обнаживши,
Приставить лезвие к груди?
Когда б сказали: «В бездне моря
В серебристо-влажном саркофаге
Ты обретешь свою могилу», —
Неосторожным был бы он,
Доверясь дерзостному морю,
Когда оно вздымает горы
Курчавых белоснежных хлопьев,
Зубчатых скал из хрусталя,
С ним то же самое случилось,
Как с тем безумцем, кто, узнавши,
Что в звере гибель, будит зверя;
Как с тем, кто, лезвия боясь,
Из ножен меч свой вынимает;
Как с тем, кто возмущает волны,
Охваченные силой бури;
И если бы (внимайте мне)
Был нрав мой задремавшим зверем,
Мой гнев — мечом, в ножнах сокрытым,
И дерзновенность — тихим ветром, —
Судьбу нам победить нельзя
Несправедливостью и мстью,
Мы возбудим ее напротив;
Кто ж победить ее задумал,
Тот должен терпеливым быть
И осмотрительным; не прежде
Чем злополучие наступит,
Пускай себя предохраняет,
Кто хочет отворотить беду;
Он может (это очевидно)
От злополучия укрыться,

Но лишь тогда, когда наступит
Миг соответственный, а он
Предотвращенным быть не может.
Примером этого пусть служит
Такое редкое явление,
Как это зрелище, как миг
Чрезмерных этих изумлений
И это чудо, этот ужас:
Что может быть невероятней,
Как после столь различных мер
У ног моих отца увидеть
И побежденного монарха?
То было приговором неба;
И как он ни хотел его
Предотвратить, он был не властен;
Так как же я, и меньше живший,
И меньше знающий, и духом
Не столь испытанный, как он,
Его предотвратить сумел бы?

(К Королю.)

Встань, государь, и дай мне руку;
Ты видишь, небо показало,
Что ты ошибся, захотев
Так победить его решенье;
И вот с повинной головою
Жду твоего я приговора
И падаю к твоим ногам.

Б а с и л и о

Таким деяньям благородным,
Мой сын, ты мне даешь возможность
Тебя в себе родить вторично,
Ты Принц, и надлежат тебе
И пальма торжества и лавры:
Ты победил; твои деянья
Теперь тебя да увенчают.

В с е

Да здравствует великий Принц,
Да процветает Сехисмундо!

С е х и с м у н д о

Сегодня, так как ожидают
Меня великие победы,
Да будет вышею из них
Победа над самим собою.
Пускай Росауре Астольфо
Даст руку: перед ней, он знает,
Обязан долгом чести он,
И я хочу его уплаты.

А с т о л ь ф о

Хоть это истина, что с нею
Я обязательствам связан,
Она не знает, кто она;
И это низостию было б,
И это было бы бесславьем,
Вступить в супружество с такою...

К л о т а л ь д о

Не продолжай, постой, заметь;
Росаура так благородна,
Как ты, Астольфо; утвержденье
Своею шпагой подтвержу я;
Она мне дочь, и в этом все.

А с т о л ь ф о

Что говоришь ты?

К л о т а л ь д о

Говорю я,
Что скрыть ее происхождение
Хотел, покуда не увижу
Ее вступившей в честный брак

И окруженной уваженьем;
Но говорить об этом долго.
Она мне дочь, я повторяю.

А с т о л ь ф о

Так слово я свое сдержу.

С е х и с м у н д о

А чтоб Эстрелья не осталась
Без утешенья, потерявши
Такого доблестного Принца,
Своею собственной рукой
Ее я с мужем обвенчаю,
Который в славе и в заслугах
Ему равняется, коль только
Его еще не превзошел.
Дай руку мне.

Э с т р е л ь я

Вдвойне я рада,
Такого счастья дождавшись.

С е х и с м у н д о

Что до Клотальдо, он, служивший
Так верно моему отцу,
Пускай придет в мои объятия,
И все получит он, чего бы
Не пожелал.

С о л д а т

Когда такие
Ты почести даешь тому,
Кто не служил тебе, что дашь ты
Мне, послужившему причиной
Переворота в государстве?
Что заслужил я у тебя,
Освободив тебя из башни?

Сехисмундо

Получишь башню; и затем, чтоб
Оттуда никогда не вышел,
Под стражею ты будешь там
До самой смерти; потому что
Изменник более не нужен,
Когда окончилась измена.

Басилио

Твой разум изумляет всех.

Астольфо

Какая перемена в нраве!

Росаура

Как он умен и осторожен!

Сехисмундо

Что вас дивит? что вас смущает?
Моим учителем был сон,
И я боюсь, в своей тревоге,
Что если, снова пробудившись,
Вторично я себя увижу
Меж тесных стен моей тюрьмы?
Пусть даже этого не будет,
Довольно, если это снится;
Да, я узнал, людское счастье
Проходит все, как быстрый сон⁹:
И в этот миг, что мне остался,
Хочу молить я о прощеньи
Моих ошибок, — потому что
Прощают чистые сердца.

ВРАЧ СВОЕЙ ЧЕСТИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Дон Педро
Инфант Дон Энрике
Дон Гутьерре Альфонсо
Дон Ариас
Дон Диего
Кокин, лакей
Донья Менсия де Акунья
Донья Леонор
Инес, служанка
Теодора, служанка
Хасинта, клейменная рабыня
Людовико, кровопускатель
Солдат
Старик
Просители
Свита
Музыканты
Слуги, служанки

ХОРНАДА ПЕРВАЯ

СЦЕНА 1-я

*Внешний вид загородного дома Дона Гутьерре
вблизи Севильи. Слышен шум охоты, и выходит,
падая, Инфант Дон Энрике, несколько спустя
Дон Ариас и Дон Диего, и последним Король
Дон Педро.*

Дон Энрике

Христос, Христос тысячекратно!
(*Падает без чувств.*)

Дон Ариас

Когда б тебя Он поддержал!

Король

Что там такое?

Дон Ариас

Конь споткнулся,
И на землю Инфант упал.

Король

Коли пред башнями Севильи
Он так склоняется, тогда
Уж лучше б из дворцов Кастильи
Не выходил он никогда.
Энрике, брат!

Дон Диего
Сеньор! Напрасно.

Король

Он не пришел в сознание?

Дон Ариас

Нет.

В одно мгновение потерял он
Сознание, пульс и жизни цвет.
Какое горе!

Дон Диего

Вот несчастье!

Король

Войдите в тот ближайший дом,
Там отдохнет Инфант немного
И, может быть, очнется в нем.
Все оставайтесь с ним покуда,
А мне скорей подать коня;
Такой несчастный случай с Принцем
И мог бы удержать меня,
Но я спешу прибыть в Севилью
И там узнаю обо всем.

(Уходит.)

СЦЕНА 2-я

Дон Энрике, в обмороке, Дон Ариас, Дон Диего.

Дон Ариас

Достаточно себя явил нам
Ты в бессердечии своем.
Кто мог бы так оставить брата,
Когда со смертью он в борьбе?
Клянусь!..

Дон Диего

Дон Ариас, умолкни
И навсегда заметь себе,

Что, если стены могут слышать¹,
Деревья могут увидеть,
И в этом случае с тобою
Хорошего нельзя нам ждать.

Дон Ариас

Ты вот что сделай, Дон Диего:
Отправься в тот ближайший дом
И расскажи там об Инфанте.
А впрочем... Оба мы пойдем
И отнесем туда Инфанта,
Он там спокойно отдохнет

Дон Диего

Отлично.

Дон Ариас

Лишь бы жил Энрике,
Все остальное не в зачет.

(Уносят Инфанта.)

СЦЕНА 3-я

*Зала в загородном доме Дона Гутierrez.
Донья Менсия, Хасинта.*

Донья Менсия

Я с башни видела их ясно;
Лиц различить я не могла,
Но ясно видела, Хасинта,
Что там беда произошла.

Хасинта

А что?

Донья Менсия

Идут сюда толпою.

Хасинта

Как, все они идут сюда?

СЦЕНА 4-я

Дон Ариас и Дон Диего, они несут на руках Инфанта и усаживают его в кресло.— Донья Менсия, Хасинта.

Дон Диего

Кровь короля настолько ценят
Во всех домах у благородных,
Что в этот дом без приглашенья
Теперь дерзаем мы войти.

Донья Менсия (*в сторону*)

О, Небо, Небо, что я вижу!

Дон Диего

Инфант Кастильский Дон Энрике,
Брат Короля, почти что мертвый,
Без чувств упал к твоим ногам.

Донья Менсия

Какое горькое несчастье!

Дон Ариас

Какую комнату он может
Занять, пока он не очнется?
Но что я вижу пред собой!
Сеньора! Ты ли это вправду?

Донья Менсия

Дон Ариас!

Дон Ариас

Тебе внимаю,
Тебя я вижу и не верю,
Мне кажется, что это сон.
Ужели точно это правда,
Что Дон Энрике возвратился

В Севилью более влюбленный,
Чем раньше был, и он с тобой
Так несчастливо повстречался?

Донья Менсия
Когда б то было свиденьем!

Дон Ариас
Что здесь ты делаешь?

Донья Менсия
Об этом
Поздней узнаешь, а теперь
Лишь об одном подумать нужно,
Чтобы владыка твой очнулся.

Дон Ариас
Кто мог бы ждать и кто сказал бы,
Что так увидит он тебя!

Донья Менсия
Прошу, Дон Ариас, ни слова,
Мне это важно.

Дон Ариас
Что такое?

Донья Менсия
О чести я своей забочусь.
Пока войдите вот сюда,
Постель для Принца здесь найдется,
Покрытая ковром турецким,
И хоть она скромна чрезмерно,
На ней он может отдохнуть.
Хасинта, принеси скорее
Белье, воды и благовоний,
Достойных цели столь высокой.
(Хасинта уходит.)

Дон Ариас

Пока готовится постель,
Инфанта мы теперь оставим,
И средств помочь ему поищем,
Коли в несчастьях есть средства.

(Оба уходят.)

СЦЕНА 5-я

*Донья Менсия, Дон Энрике,
без сознания в кресле.*

Донья Менсия

Они ушли, и я одна.
Когда б мне можно было, Небо,
На честь мою не посягая,
Скорбеть и сетовать. Когда б
Могла я громко закричать,
Сломить молчанье и темницу
Из снега, где огонь плененный,
Уже в золу преобратившись,
Гласит: «Вот здесь была любовь».
Но что сказала я, о Небо?
Как это вымолвить могла я?
Я та, которой быть мне должно.
Пусть воздух вздох мой возвратит,
Хоть в нем исчезли восклицанья,
Им разглашать о том не должно,
Что я должна хранить в молчаньи;
Коли разумно говорить,
Нельзя и сетовать мне больше,
И радуюсь тому я только,
Что есть для сетований повод,
Чтобы желанья победить.
Без опыта нет совершенства,
Для золота плавильник нужен,

Необходим магнит для стали,
Для бриллианта бриллиант,
И для металлов яркий пламень;
Так точно честь моя, сияя,
Во мне самой найдет горнило,
Когда себя я покорю;
Иначе нет ей совершенства.
О, сжался, Небо! Пусть безмолвно
Живу, как молча умираю.
Сеньор Энрике!

Дон Энрике (*приходя с себя*)

Кто зовет?

Донья Менсия

Привет...

Дон Энрике

О, Боже, что я вижу?

Донья Менсия

Да светит жизнь тебе, властитель.

Дон Энрике

Где я?

Донья Менсия

По меньшей мере в месте,
Где кто-то есть, кто сердцем рад,
Что ты теперь здоровым будешь.

Дон Энрике

Охотно верю, если только
Мое блаженство, изменивши,
Вдруг не развеется, как дым;
Себя невольно вопрошаю,
Что, сон я вижу, пробудившись,
Иль рассуждаю усыпленный?
Я сразу бодрствую и сплю.

Но для чего я размышляю
И для чего пытаю правду?
Коль сплю, пускай не просыпаюсь,
Коль нет, пусть в жизни не засну.

Д о н ь я М е н с и я

Теперь, сеньор и повелитель,
Заботливо и осторожно
Подумай о своем здоровье
И без помех живи века,
Будь фениксом своей же славы,
Сравнийся с тем, кто в час единый,
Как птица, пламя, урна, голос,
Пожар, могила, и костер,
Рождается, живет, и длится,
И умирает,— в то же время
Отец и сын себя; а после
Узнаешь, где ты.

Д о н Э н р и к е

Не хочу,
Коли тебя живой я вижу,
Блаженства большего не жду я,
И большего не жду блаженства,
Коль вижу мертвый я тебя;
Там, где живет подобный ангел,
Конечно, рай. И потому я
Знать не желаю, что за случай
Меня теперь привел сюда,
И что за случай был, который
Привел тебя сюда; довольно
Мне знать, что здесь тебя я вижу,
Тебе не нужно говорить
И мне тебя не нужно слушать.

Д о н ь я М е н с и я *(в сторону)*

(Как быстро кончится услада!)
Как чувствуешь себя, властитель?

Дон Э н р и к е

Так хорошо, как никогда;
Вот только здесь, в ноге, немного
Осталась боль.

Донья Менсия

Паденье было

Так неожиданно и сильно;
Но отдых все восстановит;
Тебе постель сейчас готовят,
Прошу простить, что помещенье
Так скромно; впрочем, извиняться...

Дон Э н р и к е

Ты как сеньора говоришь,
Менсия. Ты хозяйка дома?

Донья Менсия

О, нет, сеньор, но я хозяйка
Того, кто здесь хозяин дома,
Как полагаю.

Дон Э н р и к е

Кто же он?

Донья Менсия

Весьма известный кабальеро
Дон Гутьерре Солис, муж мой
И твой слуга.

Дон Э н р и к е *(вставая)*

Твой муж!

Донья Менсия

Да, муж мой.

Сеньор, тебе вставать нельзя!
Ты видишь, ты стоять не можешь.

Дон Э н р и к е

О, нет, могу, могу отлично.

СЦЕНА 6-я

Дон Ариас, Дон Диего.— Те же.

Д о н А р и а с

К твоим ногам, о, повелитель,
Я, с чувством радости припав,
Тысячекратно их целую;
К тебе здоровье возвратилось,
И этим жизнь нам возвратил ты.

Д о н Д и е г о

В ту комнату, светлейший Принц,
Теперь ты можешь удалиться,
Там все устроено согласно
С причудами воображенья.

Д о н Э н р и к е

Дон Ариас, коня скорей,
Коня скорей мне, Дон Диего.
Спешим отсюда.

Д о н А р и а с

Что сказал ты?

Д о н Э н р и к е

Чтоб дали мне коня скорее.

Д о н Д и е г о

Сеньор...

Д о н А р и а с

Подумай...

Д о н Э н р и к е

Думать! Что?

Охвачена пожаром Троя,
Эней своих же ощущений²,
Я должен от огня спастись.

(Дон Диего уходит.)

СЦЕНА 7-я

Дон Энрике, Донья Менсия, Дон Ариас.

Д о н Э н р и к е

О, нет, не даром я упал,
Дон Ариас, то было знаком,
Что смерть идет ко мне. То было
Божественным определеньем,
Чтобы, охваченный тоской,
Я умер близ тебя, замужней,
И чтоб в одно и то же время
Твою отпраздновали свадьбу
И погребение мое³
Мой конь, когда твой дом увидел,
Проникся гордостью кипучей
И, весь надменностью охвачен,
Себя он птицею возмнил,
И, ржаньем воздух огласивши,
Он, победитель над ветрами,
На бой звал молнию и бурю.
Но горы ревности пред ним
Непобедимые восстали,
Чтоб он о камни их споткнулся;
В припадке ревности свирепой
И конь закусит удила,
И как бы ловок ни был всадник,
Стремен тогда он не удержит.
Что жизнь свою я не утратил,
То чудо красоты твоей,
Так я подумал; но неверно;
Теперь, мечту свою утратив,
Я вижу, это было мщенье.
То мстила смерть, она идет,
И смерть чудес не подтверждает.

Д о н ь я М е н с и я

Когда бы кто-нибудь услышал,
Как говоришь ты, повелитель,
Когда бы жалобы твои
Он услышал и видел гнев твой,
О чести он моей тогда бы
Такое мнение составил,
Которое бы честь мою
Унизило несправедливо.
И если в воздухе остался
Какой-нибудь упрек и довод,
Не ускользнувши без следа,
Пусть на упреки я отвечу,
Пусть там, где жалобы остались,
Останется опроверженье.
Как, повелитель, помнишь ты,
В желаниях не бережливый,
И расточительный в мечтаньях,
И в склонностях сердечных щедрый,
Ты на меня склонил свой взор:
Я признаю, что это правда,
Но, повелитель, ты припомнишь
И то, что столько лет упорно
Горою льдяной пред тобой
Моя вставала честь, горою,
С почитительностью побежденной,
Цветами, что цвели по воле
Недель и месяцев и дней.
Коль вышла замуж я, как можешь
Ты упрекать меня в обмане,
Когда я страсть твою отвергла
И уклонилась от любви?
В чем упрекнешь меня, когда я
Низка, чтоб быть твоей супругой,
Настолько ж, как горда я слишком,
Чтоб быть возлюбленной твоей⁴?
Как женщина, я оправдалась,

В чем оправдаться было нужно,
И вот у ног твоих смиренно
Теперь прошу тебя, сеньор,
Чтоб в этом доме погостил ты,
Опасности не подвергая
Свое здоровье.

Дон Энрике

О, насколько
Опасность больше будет здесь!

СЦЕНА 8-я

Дон Гутиерре. Кокин.— Те же.

Дон Гутиерре

К твоим ногам позволь, властитель,
Припасть, коль только можно мне
Коснуться молнии испанской
И в лучезарном быть огне.
Я сразу весел и печален,
Теперь припав к ногам твоим:
Я мотылек перед лампадой,
Орел пред солнцем, свет и дым.
Печален оттого, что ныне,
Упав с проворного коня,
Ты опечалил всю Кастилью,
А с нею вместе и меня.
И весел оттого, что, к жизни
Вернувшись, ты печаль мою
Преображаешь в наслажденье,
В благословенье бытию.
Кто знал веселие печальным
И кто печаль веселой знал?
Почти присутствием высоким
Мой скромный дом, хоть он и мал.
Но, осветив дворец роскошный,

Сияет солнце в светлый час
И над соломой хижин скромных,
Преображая их в топаз.
Свети же нам, о, свет испанский,
И будь усладою сердец:
Где солнце, там повсюду небо,
Где повелитель, там дворец.

Дон Энрике

Твою печаль и с нею радость,
Дон Гутierre, я ценю,
Я их в душе запечатлею
И неизменно сохранию.

Дон Гутierre

Ты, повелитель, награждаешь
Единым словом.

Дон Энрике

Но хотя

Твой дом блистательное небо,
Где лучший свет живет, блестя,
Мне невозможно оставаться,
Мое падение с коня
Мне будет, знаю, стоить жизни
И было роком для меня;
Не потому, что так упал я,
А потому, что довершить
Мою мечту не мог, упавши...
Итак, мне надобно спешить;
Пока не встретишь разъяснения
В том, что обманом предстает,
Несносно каждое мгновенье,
Минута каждая, как год.

Дон Гутierre

Ужели так важна причина,

О, повелитель, что себя
Ты не щадишь и не жалеешь,
Здоровье ценное губя,
Необходимое для жизни,
Что будет светлою,— поверь?

Дон Энрике
Сегодня нужно быть в Севилье.

Дон Гутierre
Хоть и назойлив я теперь,
Тебя так глупо вопрошая,
Но верноподданность моя...

Дон Энрике
А если я скажу причину?

Дон Гутierre
Ее узнать не смею я;
Твое пытаться как можно сердце?

Дон Энрике
Так слушай. Друга я любил,
Он был, как я другой.

Дон Гутierre
Счастливец!

Дон Энрике
Пока в отсутствии я был,
Ему я в женщине доверил
И жизнь, и душу, все вполне.
Так что же, было б справедливо,
Чтоб изменил неверный мне?

Дон Гутierre
Нет.

Дон Энрике

Он другому властелину
Ключи от этой воли дал,
В то сердце, что ему доверил,
Другого без меня призвал,
И ею тот повелевает.
Скажи мне: если кто влюблен,
С такой великою заботой
Спокойным может ли быть он?

Дон Гутierre

О нет, сеньор!

Дон Энрике

Настолько Небом
Преследуем жестоко я,
Что, где бы ни был я, повсюду
Мне ревность чудится моя,
И так настойчиво забота
Встает повсюду на пути,
Что вот и здесь ее я вижу
И потому хочу уйти;
Хотя уйдет она со мною,
Мне мнится, будет здесь она.

Донья Менсия

Совет, согласно поговорке,
Как женщина, я дать должна.
И потому, сеньор (прощенья
За смелость я свою прошу),
Быть может, я тебя утешу
И трепет сердца утишу.
Мы ревность в стороне оставим,
И я тебе даю совет,
Чтоб подождал ты встречи с другом,
Быть может, он найдет ответ;
Вина бывает и такая,

Что гнев пред ней несправедлив.
Сдержи порыв, не увлекайся,
Заметь, хотя ты и ревнив,
Что воля — воля, и не властен
Над волею чужой никто.
Так, что касается до друга,
Тебе сказала я, а что
До этой дамы, так, быть может,
Не перемена здесь была,
А принуждение, с которым
Она бороться не могла:
Услышь ее, и в оправданье
Она найдет довольно слов.

Дон Энрике

Не может быть, нет, невозможно.

СЦЕНА 9-я

Дон Диего. — Те же.

Дон Диего

Конь для тебя, сеньор, готов.

Дон Гутierre

Коль это тот, сеньор, который
Причиною паденья был,
Прошу, на нем не ездь больше,
И мне позволь, по мере сил,
Тебе служить моим подарком,
И, раз не хочешь отдохнуть,
На быстрой пегой кобылице
Окончи прерванный свой путь.
У ней на лбу звезда — то значит,
Что этот конь проворный — твой:
И зверь, как человек, родится
Под злой иль доброю звездой.

Прямое диво эта лошадь,
Вся — стройность, радость взглянуть,
С недлинной головой и шеей,
Широкий круп, прямая грудь,
Неутомимо сильны ноги,
И вся, дитя стихий, сильна,
Душа — огонь, земное тело,
Морская пена, вихрь она.

Дон Энрике

Моя душа полна восторга,
И непонятно для меня,
Что лучше: конь изображенный
Иль эта живопись коня.

Кокин

Здесь мой черед. Позволь, властитель,
Иль руку, или ногу мне,
Что, значит, под рукой, поближе,
И на ногах стоит вполне.

Дон Гутьерре

Уйди, глупец.

Дон Энрике

Пусть остается,
Мне шутки нравятся его.

Кокин

Раз говорят о кобылице,
Как обойтись без моего
Участия? Я представитель
Сего коня и властелин.

Дон Энрике

Кто ты?

Кокин

Ужели не заметно?

Я сын Кокина и Кокин,
Конюший верный в этом доме
И кобылицин поставщик:
Чуть корм давать ей, половину
Себе стащу я в тот же миг.
Почтительнейше поздравляю,
Сегодня день, властитель, твой.

Дон Энрике
Мой день?

Кокин
Конечно.

Дон Энрике
Если б радость
Он мне принес, он был бы мой.
А если он принес страданье,
То как он может быть моим?

Кокин
Ты в этот день упал, властитель,
И, значит, неразлучен с ним.
И потому отметить нужно
Теперь во всех календарях,
Что, мол, Инфант Сан Дон Энрике
Свой день обрел во многих днях.

Дон Гутierre
Пора, сеньор, коня пришпорить,
Уж день, покинув дольний прах,
Как светлый гость морского бога,
В холодных прячется волнах.

Дон Энрике
Тебя, красавица Менсия,
Храни Господь на много лет.
Твои слова я уважаю
И я исполню твой совет,

Найду ту даму и услышу,
Как оправдается она.

(В сторону.)

Как больно скорбь скрывать в молчаньи,
Когда душа тоски полна!

Мы выиграли, проиграли,

Я у него, он у меня:

Он выиграл, играя, даму,

Я только выиграл коня.

(Уходят Инфант, Дон Ариас, Дон Диего и Кокин.)

СЦЕНА 10-я

Дон Гутиерре, Донья Менсия.

Дон Гутиерре

О красота моя и счастье,
Мы так сроднились с тобой,
Что жизнь одна в двух наших душах,
Согретых волею одной.

И так как ты разумна, знаю,

И так как я тебя люблю,

Позволь теперь мне отлучиться,

Спешу с приветом к королю,

Сюда он прибыл из Кастильи,

Приехал повелитель к нам,

И я, как истый кабальеро,

Хочу припасть к его ногам

И отплатить за посещение

Хочу Инфанту, так как он

Здесь был, и этим пребываньем

Наш скромный дом обогащен.

Донья Менсия

Какую ты таишь заботу,

Что огорчаешь так меня?

Дон Гутиерре
Заботу? Нет. Клянусь твоими
Глазами, полными огня.

Донья Менсия
О да, сомненья быть не может,
Что сердце думает твое
О Леонор.

Дон Гутиерре
Что говоришь ты?
Прошу, не называй ее.

Донья Менсия
Я знаю, таковы мужчины.
Вчера любовь, вчера привет,
Сегодня холод и забвенье,
И мысли о вчерашнем нет.

Дон Гутиерре
Вчера, когда не видел солнца,
Считал красивой я луну;
Сегодня солнце обожаю,
У дня лучистого в плену.
Послушай, что тебе скажу я.
Во тьме ночной сияет свет
И лаской нежной и красивой
В окрестный воздух льет привет.
Но вспыхнул яркий факел неба,
И этот свет ночной погас,
Он незаметен в море блеска,
Все взято солнцем в пышный час.
Так точно я любил когда-то
Одно из тающих светил,
Но яркий блеск планеты высшей
Тот бледный свет похоронил.
Я был во тьме согрет сияньем,

Но солнце светит горячей,
Ты все божественно затмила,
Ты как горнило всех лучей.
Лишь до того, как выйдет солнце,
Красивой кажется звезда.

Донья Менсия

Уж очень ты метафизичен
И льстишь мне.

Дон Гутиерре

Значит, можно, да?

Донья Менсия

Так хочется тебе уехать,
Что, право, даже я боюсь.

Дон Гутиерре

Как может в нас обман укрыться,
Когда с тобой я остаюсь,
И ты в мечтах со мной уходишь?

Донья Менсия

Коль будешь ты в мечтах со мной,
Дон Гутиерре, до свиданья.

Дон Гутиерре

До встречи, свет лучистый мой.

СЦЕНА 11-я

Хасинта, Донья Менсия.

Хасинта

Печально смотришь ты, сеньора.

Донья Менсия

И есть причина, почему.

Х а с и н т а

Какое новое несчастье
Тебя смутило? Не пойму.
Скажи.

Д о н ь я М е н с и я

Да так.

Х а с и н т а

Прошу, поведай,
Довериться ты можешь мне.

Д о н ь я М е н с и я

И жизнь, и честь на карту ставя,
Тебе довериться вполне?
Ну, что же, слушай.

Х а с и н т а

Я — вниманье.

Д о н ь я М е н с и я

Севилья — родина моя.
Меня увидел там Энрике
И полюбил меня, но я
Пренебрежение являла,
Он имя повторял мое...
Звезда счастливая! Как скоро
Отец мой погасил ее!
Меня он отдал Гутиерре,
Порвал блистательную нить.
Энрике здесь, и я любила,
И честь свою должна хранить!
(Уходят.)

СЦЕНА 12-я

*Зал в Севильском Алькасаре.
Донья Леонор и Инес, закутаннные в мантии.*

И н е с

В часовню он идет, сюда выходит,
Когда пойдет, пади к его ногам.

Д о н ь я Л е о н о р

О только бы обида отомстилась,
О только бы он внял моим мольбам!

СЦЕНА 13-я

Король, слуги, солдат, старик, просители.— Те же.

Г о л о с а (за сценой)

Подайтесь! Государь!

П р о с и т е л ь 1-й

Молю, властитель,
Прочти вот это.

К о р о л ь

Будет прочтено.

П р о с и т е л ь 2-й

Взгляни, властитель...

К о р о л ь

Хорошо.

П р о с и т е л ь 2-й (в сторону)

Немного

Он тратит слов.

Проситель 3-й

Да будет мне дано
Мгновение внимания, властитель.
Тебя я, государь, о том прошу...

Король

В прошеньи видно все.

Солдат (в сторону)

Как я смутился!
Не в силах страх сдержать. Едва дышу.

Король

Чем ты смущен?

Солдат

Как чем? Тебя увидел ^б!

Король

Отлично. Что ты хочешь?

Солдат

Я солдат.

Дай повышенье.

Король

Малого ты просишь.

Даю тебе я роту.

Солдат

О, сто крат

Благословен я!

Старик

Я старик убогий,

Прошу даянья.

Король
Вот тебе алмаз.

Старик
Ты для меня с себя его снимаешь?

Король
Дивишься? Если б мог я, так сейчас
Весь мир в один алмаз я превратил бы.

Донья Леонор
Сеньор, к твоим склоняюсь я стопам.
В смущении, за честь просить пришла я,
Прошу, внимли моим мольбам.
О правосудии, в слезах, к тебе взываю,
Лишь Бог и ты мне внимлют в этот час.

Король
Сеньора, встань и успокойся.

Донья Леонор (*вставая*)
Я...

Король
Подожди. Пусть все оставят нас.
(*Все уходят, кроме дамы.*)

СЦЕНА 14-я

Король, Донья Леонор.

Король
Теперь я слушаю. Коль ты, как ты сказала,
За честь свою просить пришла,
То было б вещью недостойной,
Чтоб перед всеми честь просить должна была,
Заметь, что я король Кастильи.

Но Гутьерре там подходит.
Коль он тебя со мной увидит,
Поймет, что мне сказала ты.
За этим занавесом скройся
И жди, пока возможно будет
Тебе оттуда появиться.

Донья Леонор

Я повинуюсь, государь.
(Прячется.)

СЦЕНА 15-я

Кокин, Король.

Кокин (*про себя*)

Черт побери, из зала в залу,
И чтобы той, что так лицом красива,
За правосудие пришлось платить стыдом.

Донья Леонор

О, Педро, ты, что назван Правосудным,
Планета высшая Кастильи, ярким днем
Над нашим полушарием горящий,
Юпитер всей Испании, чей меч
Умеет в должный миг, сверкая и блистая,
Неверным маврам голову отсечь,
И озарить сияньем воздух,
И ослепить виновный взор,
Кровавым кругом возникая:
Перед тобою Леонор,
Что в Андалузии (то лесь) зовут прекрасной:
Не то, что красота моя
Велела так, но в том звезды веленье;
Сказавши, что красива я,
Сказали тем, что я несчастна,
Под тенью красоты всегда

Не много счастья, властитель.
Меня,— и в том моя беда,—
Один отметил кабальеро,
Со мной свои связал он сны.
О лучше б он мне был любовным василиском,
Ревнивым аспидом живой моей весны!
На мне остановил он взоры,
За взорами желание пошло,
А за желанием любовь явилась следом,
Так быстро все произошло,
И стал он в улице моей бывать так часто,
Что видел в ней, как умирает ночь,
И видел в ней, как день веселый,
Теряя блеск, уходит прочь.
О, государь великий, как сказать мне,
Увы, слабеет голос мой,
Он ранен, — как сказать сумею,
Что в сердце вид любви такой
Зажег внимание? Хоть явно я казалась
Холодною, но тронута была;
А за вниманием признательность явилась,
А вслед за нею страсть пришла.
Кто школу высшую влюбленности проходит,
Тот узнает любовь по разным степеням ⁶
От искорки пожар великий возникает,
От ветра малого приходим мы к громам,
Из тучки, что была чуть зримою вначале,
Потоп рождается, дожди для многих стран,
Из света малого великое сиянье,
И из любви слепой мучительный обман;
Так искра, малый ветер, тучка,
Любви давая облик свой,
Пред взором быстро возникают
Пожаром, вихрем и грозой.
Он слово дал мне быть моим супругом;
Приманка в том для женщин, чем рыбак
Умеет честь опутать хитрой сетью

И чувства погрузить в дремотный мрак.
Здесь голос мой дрожит, сказать я не решаюсь,
Что, слово давши, он солгал.
Но удивительно ли это?
Кто, слово дав, его сдержал?
Войти в мой дом он получил возможность;
Но, честь ценя, хранила я ее,
В любви была щедра, но в чести бережлива,
И в том нашла прибежище свое.
Но слухи так растут и так молва обширна,
Что, правда, лучше было мне
Не сохранять ее с таким позором явным,
А потерять тайком и в тишине⁷
Я правосудия искала; но бедна я;
Напрасны жалобы; его друзей не счесть;
И так как он женат, и так как невозможно
Поэтому вернуть мне честь,
Прошу тебя, о, Педро знаменитый,
Коль сжалиться ты можешь надо мной,
Коль правосудье мне дарует
Великодушный голос твой,
Прошу, пусть он мне даст возможность
В обитель поступить, — он может, он богат;
Дон Гутиерре Солис — мой обидчик.
За честь мою вступишь, молю тебя сто крат.

К о р о л ь

Сеньора, я тебе внимаю
С тем большим чувством и заботой,
Что я Атлант, и тяготеев
Закон всей тяжестью на мне.
Раз Гутиерре связан браком,
Как говоришь ты, он не может
Честь возратить тебе всецело;
Но правосудие мое
Все сделает, что только можно,
Раз честь тебе не возвращают,

С которой все ж ты не рассталась.
Я должен выслушать и то,
Что скажет сторона другая;
Вторичный слух иметь нам нужно
Затем, чтоб, кто пришел позднее,
Себе внимание нашел;
И верь мне, Леонор, сумею
Так рассмотреть твое я дело,
Что ты не скажешь — он повсюду
Друзей имеет, я бедна.

К о к и н

Как тень, идя за господином,
Который где-то там остался,
Зашел я, а куда, Бог весть.
Да снизойдет ко мне Всевышний!
Король глядит, меня заметил,
И вид суровый принимает.
Да пожелают Небеса,
Чтоб не был тот балкон высоким,
Коли придет ему желанье
Меня швырнуть через перила.

К о р о л ь

Кто ты?

К о к и н

Кто я, сеньор?

К о р о л ь

Да, ты.

К о к и н

Я (да поможет мне Всевышний!)
Все, что пожелаешь ты, властитель,
Без убыли и без прибавки;
Вчера мне дал один мудрец
Совет, весьма благоразумный,

Чтоб никогда никем я не был,
Ничем, чего ты не желаешь;
Итак, урок пошел мне впрок,
Что раньше, и теперь, и после
Я был лишь тем, чего ты хочешь,
Я то, чего желать ты можешь,
И буду тем, что повелишь.
Так вот каков я в самом деле!
Теперь же, если ты позволишь,
Стопы свои туда направлю,
Откуда мерно я ступал.

К о р о л ь

Хотя ты мне ответил ровно
Настолько, сколько сам я знаю,
Тебя я спрашиваю, кто ты.

К о к и н

Я мог бы дать тебе ответ,
Вполне к вопросу подходящий,
Когда бы только не боялся,
Что ты, как я тебе отвечу,
Меня швырнешь через балкон,
Затем, что в твой дворец вошел я
Без оснований и причины,
Такое ремесло имея,
В котором нет тебе нужды.

К о р о л ь

Каким же ремеслом ты занят?

К о к и н

Я скороход и переносчик
Всех новостей, разузнаватель
Всех интересов; от меня
Ни послушник, ни постриженный
Никак укрыться не сумеют:

Кто больше мне дает, о том я
И больше говорю всегда.
Я в каждый дом, как в свой, вступаю,
А в доме Дона Гутierre
Как в дополнительных палатах
Себя я чувствую теперь;
Из Кордовы там андалусский
Был конь доверен мне прекрасный.
С утехой я за панибрата,
А что до скуки и забот,
Они мне вовсе неизвестны,
Мне им служить не приходилось.
Ну, словом, здесь, где нахожусь я,
Дворецкий смеха я теперь,
И камер-юнкер удовольствий,
И управитель развлечений,
И, как приставник наслажденья,
В его ливрею я одет.
А потому я и боялся,
Что буду узнан я тобою:
Король, который не смеется,
Боюсь, мне в спину может дать
Пинков изряднейших с полсотни,
За то, что шляюсь я без дела.

К о р о л ь

Так на своем ты попеченьи
Имеешь смех?

К о к и н

Да, государь;
И чтоб ты в этом убедился,
Гляди, и ты увидишь тотчас,
Вот так тебе изображаю
Я gracioso во дворце.

(Закрывается.)

К о р о л ь

Отлично; мне теперь известно,
Кто ты; итак, с тобой мы можем
Условье заключить.

К о к и н

Какое?

К о р о л ь

Других смеяться заставлять,
Ты этим, как сказал мне, занят?

К о к и н

Так точно.

К о р о л ь

Каждый раз, как только
Меня заставишь рассмеяться,
Я сто эскудов дам тебе;
Но ежели ты не сумеешь
В течение месяца ни разу
Меня заставить рассмеяться,
Все зубы вырвут у тебя.

К о к и н

Меня ты этим побуждаешь
Быть лжесвидетелем, и будет
Не по закону то условие,
С ущербом страшным.

К о р о л ь

Почему?

К о к и н

Как почему? Да потому что
С ущербом явным я останусь.
Как говорим мы, — кто смеется,

Тот этим зубы кажет нам;
Коль покажу я их рыдая,
То будет значить, что смеюсь я
Наоборот. Молва вещает,
Настолько ты суров и строг,
Что всем показываешь зубы;
Что ж сделал я тебе, что только
Меня ты их лишить желаешь?
Но будь, что будет: по рукам.
Чтоб только ты сейчас позволил
Мне удалиться, принимаю;
Как проходя меж экипажей,
Я целый месяц буду цел;
Когда же он окончен будет,
Что в том, что старость, торжествуя,
Во рту моем найдет квартиру!
Давай, попробую теперь,
Умею ль щекотать я словом.
Чтоб черт меня побрал! Смеяться
Ты будешь. Это мы увидим.
До скорой встречи, и прощай.

СЦЕНА 16-я

*Дон Энрике, Дон Гутierre, Дон Диего,
Дон Ариас, слуги, Король.*

Дон Энрике

Дай руку мне свою, властитель.

Король

Добро пожаловать, Энрике.
Как чувствуешь себя?

Дон Энрике

Отлично.

Испуг сильней был, чем удар.

Дон Гутиерре

Дай руку также мне, властитель,
Коли, смиренный, заслужил я
Такого счастья и почета;
Там, где ты ступишь, небосвод,
Который пурпуром сияет.
Да ниспошлет тебе Всевышний
Здоровье, нужное для царства,
Чтобы Испания тебя
Венчанным лаврами узрела.

Король

Дон Гутиерре, на тебя мне...

Дон Гутиерре

Свое лицо ты отвращаешь?

Король

Приносят жалобы.

Дон Гутиерре

Они

Наверное несправедливы.

Король

Скажи мне, кто это такое,
Из рода знатного в Севилье.
Чье имя Донья Леонор?

Дон Гутиерре

То благородная сеньора,
Красивая, одна из лучших,
Что украшенье составляют
Для всей страны.

Король

Какое к ней

Ты обязательство имеешь,

Что неучтиво, неразумно,
Неблагодарно не исполнил?

Дон Гутиерре

Тебе ни в чем я не солгу;
Затем, что, государь, кто честен,
Тот никогда не лжет, тем меньше
Пред королем своим. Да, правда,
Я ей служил, и в эти дни
Моим намерением было
На ней жениться, и женился б,
Когда бы все не изменилось
По воле времени. К ней в дом
Я приходил вполне открыто;
Хоть обязательством жениться
Соединен я с нею не был.
Итак, я измениться мог,
И, чувствуя себя свободным,
В Севилье в брак вступил я с дамой
Из рода знатного, чье имя
Менсия де Акунья; с ней
Живу я в загородном доме.
Дурным советам повинуюсь
(Кто с добрым именем расстаться
Советует, в том блага нет),
Решилась Леонор на тяжбу,
Мой брак обжаловать решилась.
Судья, хотя и самый строгий,
Все доводы ее отверг,
Она же в этом увидала
Лицеприятие. Ты можешь
Сам рассудить: коль будет нужно
Лицеприятие для той,
Что так красива, не нашла ли б
Она себе лицепрятье!
И вот, тебе о том сказавши,
Таким обманом Леонор

В тебе найти защиту хочет;
К твоим ногам и я повергнусь,
И, верноподданный, покорный,
Я правосудью твоему
Даю и голову, и шпагу.

Король

Какую ты имел причину
Для перемены, столь великой?

Дон Гутиерре

Ужели это ново так,
Что человек меняться может?
Мы это видим ежедневно.

Король

Да, но из крайности чтоб в крайность
Тот перешел, кто так любил,
Иметь он должен важный довод.

Дон Гутиерре

Прошу, позволь мне быть безмолвным;
Мужчина я, и я за женщин,
Когда отсутствуют они,
Скорее жизнь отдам, чем буду
Порочить их своею речью.

Король

Так, значит, ты имел причину?

Дон Гутиерре

Да, повелитель; но поверь,
Что, если б я для оправданья
Ее сказать теперь был должен,
И если б шел вопрос о жизни,—
Как прежде, честь ее любя,
Я той причины не сказал бы.

Король

Так вот я знать ее желаю.

Дон Гутиерре

Сеньор...

Король

Пусть это любопытство.

Дон Гутиерре

Заметь...

Король

Прошу не возражать;

Клянусь, коль гнев мной овладеет...

Дон Гутиерре

Сеньор, сеньор, не нужно клясться;

Не столько важно, если здесь я

Не буду тем, кем должен быть,

Чем увидеть, что ты разгневан.

Король (*в сторону*)

Его принудил я, чтоб громко

Он рассказал мне все, как было:

Коль он солжет мне, Леонор

Ответ мне должный дать сумеет,

А раз он правду скажет, будет

Известно ей, что я все знаю,

И ей придется замолчать.

Так говори же.

Дон Гутиерре

Против воли

Твое желанье исполняю.

Войдя к ней в дом однажды ночью,

Я в комнате услышал шум,

Вошел в нее и в то же время

Фигуру увидал мужчины,
Но только что его увидел,
Он бросился через балкон;
За ним спустился я немедля,
Но не узнал его, он скрылся.

Д о н А р и а с (*в сторону*)
Что слышу? Да поможет Небо!

Д о н Г у т и е р р е
И хоть она ответ дала,
Который я принять был должен,
И хоть ни разу в оскорбленье
Вполне уверовать не мог я,
Тот случай удержал меня
И не дал мне на ней жениться;
Любовь и честь — две страсти духа,
Любовь обидишь, честь обидишь,
Обида страсти — боль души.

СЦЕНА 17-я

Донья Леонор. — Те же.

Д о н ь я Л е о н о р
Прости, великий повелитель,
Но удержаться не могла я.
Увидевши, что столько бедствий
Ко мне явились толпой.

К о р о л ь (*в сторону*)
Свидетель Небо, он солгал мне,
Отлично, опыт мой удался!

Д о н ь я Л е о н о р
Раз притязания я слышу,
Что честь мою хотят отнять,
Несправедливо это было б,

Чтоб я замедлила ответом;
Не так мне важно жизнь утратить,
Коли должна я заплатить
За это дерзновенье жизнью,
Как вместе жизнь и честь утратить.
Дон Ариас в мой дом явился...

Дон Ариас

Сеньора, подожди, постой!
Позволь мне говорить, властитель,
Мне надлежит за честь вступиться
С тобою говорящей дамы.
В ту ночь была у Леонор
Та, с кем я в брак вступил бы, если б
Желанье парки беспощадной
Не пресекло ей жизнь. За нею,
Любовник верный, я пришел
И к Леонор вошел! (то дерзость
Влюбленного), причем не в силах
Была меня сдержать хозяйка;
Дон Гутиерре мне во след;
В испуге Леонор велела
В ту комнату мне удалиться,
Что я исполнил. О, да будет
Тысячекратно проклят тот,
Кто мненью женщины послушен!
Меня он в комнате услышал,
Вошел, я чрез балкон сокрылся,
Затем, что был он там как муж.
Но раз тогда я спасся бегством,
Перед собой имея мужа,
Теперь, когда он это слово
Отверг, я перед ним стою.
Дай, повелитель, мне возможность,
Чтобы на честном поле битвы,
Как кабальеро, доказал я,
Что честь чиста у Леонор.

Дон Гутиерре

Я выйду...

(Хватаются за шпаги.)

Король

Это что такое?

Передо мной за шпагу браться?

Меня увидя, не дрожите?

Передо мною гордым быть?

Взять их немедля: посадить их

В две башни разные; и будьте

Мне благодарны, если тотчас

Вам головы я не отсек.

(Уходит.)

Дон Ариас

Раз Леонор моей виною

С своей рассталась честной славой,

Обязан будучи пред нею,

Я честь ее восстановлю.

Дон Гутиерре *(в сторону)*

Не то мне горестно в несчастье,

Что Короля так прогневил я,

Но то мне горестно, что нынче

С Менсией не увижусь я.

(Их уводят.)

Дон Эрике *(в сторону)*

(Раз Гутиерре взят, отправлюсь

Я на охоту, и сегодня

Увижу вечером Менсию.)

Идем со мною, я тебе

Скажу два слова, Дон Диего;

Я на своем стоять намерен,

Одно из двух: смерть иль победа.

(Уходят.)

Донья Леонор

Я не дышу, я не живу!
Неблагодарный, низкий, лживый,
Жестокий, подлый, и обманщик,
Ты, незаконный, ты, безбожный,
Да покарают Небеса,
И так как честь я потеряла
Безвинно, пусть ты месть узнаешь.
Пусть та же боль тебя постигнет,
Которую узнала я,
Пусть ты, своей покрытый кровью,
Свое бесчестие увидишь,
Пусть будешь собственным оружием
Ты умерщвлен. Аминь! Аминь!
О горе, честь я потеряла,
О горе, смерть свою нашла!

ХОРНАДА ВТОРАЯ

Сад при загородном доме.

СЦЕНА 1-я

Хасинта и Дон Энрике, в темноте.

Х а с и н т а

Тихонько.

Д о н Э н р и к е

Я едва ступаю.

Х а с и н т а

Вот мы в саду, и сумрак ночи
Тебя скрывает, как покровом,
И Дона Гутьерре нет,
Под стражей он; не сомневайся,
Достигнешь ты победы сладкой
И будешь награжден любовью.

Д о н Э н р и к е

Хасинта, я тебе сказал,
Тебе доставлю я свободу,
Но, ежели такой наградой
За эту важную услугу
Ты недовольна, лишь скажи,
Проси без всяких опасений:
Располагай по произволу
Моею жизнью и душою.

Х а с и н т а

Здесь госпожа моя всегда
Часть ночи меж цветов проводит.

Дон Эрике

Молчи, молчи, не говори мне
Ни слова более, боюсь я,
Нас ветер может услышать.

Хасинта

А я, чтобы моя отлучка
Не послужила мне виною,
Должна вернуться.

(Уходит.)

Дон Эрике

Помоги же

Моим желаниям, любовь.
Я спрячусь меж зеленых листьев;
Под их охраною не первый
Я похищу лучи у солнца.
Мне оправданье — Актеон¹

(Уходит.)

СЦЕНА 2-я

Донья Менсия, Хасинта, Теодора, служанки.

Донья Менсия.

Хасинта, Сильвия и Дора!

Хасинта

Что повелишь?

Донья Менсия

Зажгите свечи

И приходите все, чтоб вместе
Беседой скуку разогнать;
Пока в отлучке Гутierre,
Побудем здесь, где замышляет

Природа победить искусство
В создании красивых мест.
Ты, Теодора...

Теодора

Что прикажешь?

Донья Менсия

Веселым пеньем развлеки мне
Мою печаль.

Теодора

Я буду рада,
Коль песня развлечет тебя.
*(На небольшой столик ставят свечу;
Донья Менсия садится среди подушек,
Теодора поет.)*

Соловей, веселой песней
Этот сад ты наполняешь,
Подожди, не улетай же,
Ты во мне рожлаешь грусть²
(Донья Менсия засыпает.)

Хасинта

Не пой; она уже уснула,
И сон в душе у ней лелеет
Успокоение; тревоги
В дремоте свой приют нашли,
Дадим же ей поспать спокойно.

Теодора

Умолкнем, и исчезнет повод
Для пробужденья.

Хасинта *(в сторону)*

Я умолкну,
Чтоб этот повод отыскал

Тот, кто найти его желает.
Прислужницы, как часто было,
Что самой знаменитой чести
Через вас был нанесен удар.
(Все служанки уходят.)

СЦЕНА 3-я

Дон Энрике. — Донья Менсия, спящая.

Дон Энрике

Она одна. Пускай не будет
Для чувств сомненья в этом счастье.
И, случай этот сам создавши,
Раз не дает его судьба,
Я жду, что место мне и время
Помогут. — Нежная Менсия!

Донья Менсия (просыпается)

Творец Небесный!

Дон Энрике

Не пугайся.

Донья Менсия

Что это значит?

Дон Энрике

Дерзкий шаг,
Который может быть оправдан
Тем, что томился я так долго.

Донья Менсия

И ты, властитель...

Дон Энрике

Не смущайся.

Донья Менсия
Решился...

Дон Энрике
Не тревожь себя.

Донья Менсия
Войти...

Дон Энрике
Не гневайся на это.

Донья Менсия
В мой дом, не думая, что этим
Ты женщину навек погубишь
И в то же время оскорбишь
Столь знаменитого вассала,
Что был с тобой великодушным?

Дон Энрике
Я принял твой совет. Ведь ты же
Сказала мне, чтоб услышал
Я оправдания этой дамы;
Я прихожу, чтоб оправдалась
Ты предо мной в моей обиде.

Донья Менсия
Да, верно, виновата я:
Но, если нужно оправдаться,
Не сомневайся, повелитель,
Что я оправдываться буду
Согласно с честью моей.

Дон Энрике
Ты, может быть, предполагаешь,
Что я не знаю, как обязан
Я уважением глубоким
К происхожденью твоему

И к незапятнанному нраву?
Не птиц искал я, здесь назначив
Свою охоту, не хотел я
Мешать им петь приход зари,
Искал я цапли белоснежной,
Искал тебя, что так взлетает
Среди полян небес лазурных,
Настолько в небесах парит,
Что прикасается в полете
До золотых чертогов солнца.

Донья Менсия

О да, о цапле белоснежной
Ты справедливо говоришь;
Чутье у цапли, повелитель,
До удивительности точно;
Меж облаков она несется.
Живая птица из огня,
Немая молния без блеска,
Крылатая, с инстинктом, тучка,
Комета дымная без света,
И царских коршунов она
Полетом обмануть хотела б,
И ото всех когда стремится,
Известно ей, как утверждают,
Который умертвит ее,
И прежде чем она с ним вступит
В борьбу, ей страх овладевает,
Она дрожит, она трепещет,
И перья восстают на ней.
Вот так и я, о повелитель,
Тебя увидевши, прониклась
Молчанием, оцепененьем,
Свою опасность поняла
И, испугавшись, задрожала,
Затрепетав, прониклась страхом;
Затем, что страх мой понимает,

Затем, что знает мой испуг,
Что буду я тобой убита.

Дон Энрике
Чтоб говорить с тобой, пришел я
И не хочу терять возможность.

Донья Менсия
И это терпят Небеса?
Я закричу.

Дон Энрике
И этим только
Сама себя ты обесславишь.

Донья Менсия
О, как мне звери не помогут?

Дон Энрике
Боятся рассердить меня.

СЦЕНА 4-я

Дон Гутierre.— Те же.

Дон Гутierre (за сценой)
Кокин, держи-ка это стремя
И постучи вот в эту дверь.

Донья Менсия
О Небо! мне не лгали страхи,
И смерть моя пришла теперь.
Дон Гутierre! Боже, Боже!

Дон Энрике
Несчастливым я на свет рожден!

Донья Менсия

О, что теперь со мною будет,
Коль здесь тебя увидит он?

Дон Энрике

Так что же делать?

Донья Менсия

Удалиться.

Дон Энрике

Чтоб я скрываться стал? О нет!

Донья Менсия

Честь женщины тебе должна бы
Великодушный дать совет,
Повлечь тебя и к большим жертвам.
Тебе уйти нельзя теперь:
Служанки, ничего не зная,
Немедленно открыли дверь.

Дон Энрике

Что ж сделать в этом затрудненьи?

Донья Менсия

Иди туда, среди ветвей,
За ту зеленую беседку,
И спрячься в комнате моей.

Дон Энрике

До этой я не знал минуты,
Что значит страх или испуг
Как полон храбрости сердечной,
Как властен должен быть супруг!

(Уходит.)

Донья Менсия

Коль женщина, когда невинна,
Бояться всяких бед должна,
Творец мой, как она трепещет,
Когда за нею есть вина!

СЦЕНА 5-я

Дон Гутierre, Кокин, Хасинта, Донья Менсия.

Дон Гутierre

Меня обнять тысячекратно
Ты можешь, радость и любовь.

Донья Менсия

Тебя я нежно обнимаю,
И обнимаю вновь и вновь.

Дон Гутierre

Теперь не можешь ты сказать мне,
Что не вернулся я к тебе.

Донья Менсия

Я так ценю твое вниманье,
Ты тверд наперекор судьбе.

Дон Гутierre

Хоть я и муж, мое блаженство,
Душа, как прежде, влюблена,
И красота, хотя бы наша,
Всегда заслуг своих полна;
Служить ей нужно неизменно;
Тем более, когда для нас
Она блистает постоянно,
Служить ей нужно каждый час.

Донья Менсия

Благодарить тебя должна я.

Дон Гутиерре

Алькайд мой родственник и друг,
И, с тела сняв оковы плена,
Замкнул он душу в тесный круг,
Затем, что дал он мне возможность
С тобою быть, любовь моя.

Донья Менсия

Кто видел большее блаженство?..

Дон Гутиерре

Чем то, которым полон я.
Хоть, если верно рассмотрел я,
Мне разрешив придти сюда,
Еще не много мне он сделал;
С душой расстался я, когда
Вошел в тюрьму, — ее оставил
С тобою, милая моя;
Вновь близ тебя соединились
Душа и жизнь — для бытия;
Они, на время разделившись,
Чуть теплились, едва дыша:
В одной темнице жизнь скучала,
В другой томила душа.

Донья Менсия

Два инструмента, как мы знаем,
Когда настроили их в лад,
Соединяясь в звуках эхо,
Согласным звоном говорят;
В одном едва заденешь струны,
Как ветром ранен и другой,
Хотя б никто не прикасался
К нему играющей рукой;

Во мне мы видим этот опыт:
Постигни там удар тебя,
Была бы ранена я насмерть
И умерла бы здесь, любя.

К о к и н

Не дашь ли руку мне, сеньора,
Хотя бы на единый миг?
Я узник, взятый для проформы,
Скорблю и плачу; стон и крик
В моей душе; я умираю,
Не ведаю, за что, когда...

Д о н ь я М е н с и я

Что, наконец, сказать ты хочешь?

К о к и н

Конец с началом навсегда
В рассказах у Кокина слиты.
Я мил чрезмерно Королю,
И ежели пойдет так дальше,
Удел я горький претерплю:
С судьбою моего владыки
Судьба смешается моя:
Он будет странствующий мертвый,
Оруженосцем буду я.

Д о н ь я М е н с и я *(к Дону Гутierre)*

Чем угощать тебя, не знаю,
К себе я гостя не ждала.
Пойду и соберу вам ужин.

Д о н Г у т и е р р е

Пойти рабыня бы могла.

Д о н ь я М е н с и я

Так разве не идет рабыня?

Рабыня я и буду ей.
Хасинта, ты поди со мною
И помоги мне поскорей.

(В сторону.)

Вперед беды идти мне нужно;
Будь, честь, со мною заодно,
На дело смелое решаюсь,
Лишь удалось бы мне оно.

(Обе уходят.)

СЦЕНА 6-я

Дон Гутierre, Кокин.

Д о н Г у т и е р р е

Кокин, ты здесь теперь останься
И выдумки свои забудь;
В тюрьму нам нужно до рассвета
Отправиться в обратный путь;
Осталось до зари немного.

К о к и н

А хочешь, дам тебе совет,
Такой находчивый и мудрый,
Что удивился бы весь свет?
Жизнь от него твоя зависит.
О, вот совет!

Д о н Г у т и е р р е

Ну, возвещай.

К о к и н

Как, здрав и невредим, ты можешь
Сказать своей тюрьме «прощай».

Д о н Г у т и е р р е

Ну, как же так?

К о к и н

Да очень просто.
Теперь ты здоров и невредим?
Так ты в тюрьму не возвращайся,
Вопрос мы этим разрешим.

Д о н Г у т и е р р е

Ах, подлый ты, ах ты, негодный,
Клянусь, что я тебя убью!
Такое дело ты хотел бы
На совесть наложить мою?
Не понимаешь, как обязан
Перед алькайдом я с тех пор,
Как он доверье оказал мне?

К о к и н

Весьма сомнительно, сеньор,
Каким себя Король окажет;
И так как, в качестве слуги,
Законом чести я не связан,
Не жди и думать не моги,
Что я с тобой вернусь обратно.

Д о н Г у т и е р р е

И ты б оставить мог меня?

К о к и н

А что ж?

Д о н Г у т и е р р е

А о тебе что скажут?

К о к и н

Неужто ж я, судьбу кляня,
Помру из-за того, что скажут?
Когда б исправить как-нибудь
Нам можно было смерть, тогда бы
К тебе я смело мог примкнуть

И за тебя горой вступиться,
Но в смерти послаблений нет.
Что жизнь людская? Лотерея:
Вхожу, отлично, взял билет
И проиграл — конец. Кто может
Другой билет мне дать? Никто.
Боюсь с тобою быть в накладе,
В тираже числиться лет сто.

СЦЕНА 7-я

Донья Менсия, в большой тревоге. — Те же.

Донья Менсия

Сеньор, к тебе спешу в тревоге,
Защиты я прошу твоей.

Дон Гутиерре

О Боже! Что могло случиться?

Донья Менсия

Какой-то человек...

Дон Гутиерре

Скорей!

Донья Менсия

В плаще... лица его не видно...

Он в комнате моей стоит.

Будь мне защитой, Гутиерре.

Дон Гутиерре

Всевышний нас да сохранит.

Что говоришь ты? В этом доме —

В плаще, мужчина?

Донья Менсия

Да, его

Сама я видела.

Дон Гутиерре

Весь лед я
От сообщенья твоего!
Возьми свечу.

Кокин

Кто, я?

Дон Гутиерре

Конечно.
Свой страх отбрось, иди за мной.

Донья Менсия

О трус, в тебе так много страха?
Тебя пугает мрак ночной?
Вынь шпагу, я иду с тобою.
Свеча упала, вот беда.

*(В то время, как берет свечу,
обманно гасит ее.)*

СЦЕНА 8-я

Хасинта и Дон Энрике, следом за ней.— Те же.

Дон Гутиерре

Лишь этого недоставало;
Так я впотьмах пойду туда.

(Уходит.)

Хасинта *(в сторону, к Дону Энрике)*

Все выходы мне здесь известны.

Иди смелей, сеньор, за мной.

*(В то время, как Дон Гутиерре вышел из одной
двери, Хасинта уводит Дона Энрике с другой
стороны. Дон Гутиерре возвращается и сталки-
вается с Кокином.)*

К о к и н

Куда теперь мне путь направить?

Д о н Г у т и е р р е *(в сторону)*

Я с кем-то повстречался... Стой!

К о к и н

Заметь, сеньор...

Д о н Г у т и е р р е *(в сторону)*

Клянуся Богом,

Его не выпущу, пока

Не назовет себя, а после

Его убьет моя рука.

К о к и н

Заметь, что я...

Д о н ь я М е н с и я *(в сторону)*

Какая пытка!

Что, если встретил он его?

О, горе мне!

(Хасинта возвращается со свечой.)

Д о н Г у т и е р р е

Свеча явилась,—

Ну, кто ты?

К о к и н

Кто же? Моего

Ты больше имени не знаешь?

Д о н Г у т и е р р е

Что за обманные мечты!

К о к и н

Тебе, ведь дважды говорил я.

Дон Гутиерре

Как мог я знать, что это ты?
О, где набраться мне терпенья!

Донья Менсия (*в сторону, к Хасинте*)
Хасинта, он ушел?

Хасинта
Ушел.

Донья Менсия

Какие вещи происходят!
Хоть ты бы дом весь обошел:
Наверно разузнали воры,
Что нет тебя, и вот в твоём
Отсутствии нашли приманку.

Дон Гутиерре

Пойду и осмотрю весь дом.
О, если бы ушла со вздохом
Тревога тяжкая моя!
Чтобы на дом мой посягнули,
Узнав, что отлучился я!
(*Уходит с Кокином.*)

СЦЕНА 9-я

Донья Менсия, Хасинта.

Хасинта

В душе бестрепетной, сеньора,
Большую смелость ты нашла.
Решиться на такое дело!

Донья Менсия

Я этим жизнь свою спасла.

Хасинта

Зачем же так ты поступила?

Донья Менсия

Не охрани свою я честь,
Услышать мог бы Гутierre,
Что кто-то в комнатах там есть,
И он считал бы несомненным,
Что я помощницей была;
И в этом трудном положеньи
Я самой правдой солгала.

СЦЕНА 10-я

Дон Гутierre, под плащом у него спрятан кинжал.— Донья Менсия, Хасинта.

Дон Гутierre (к Донье Менсии)

Каким ты странным заблуждением
Была обманута сейчас!
Все комнаты прошел я в доме,
Все осмотрел мой зоркий глаз,
Но я и тени не заметил
Того, что увидала ты.

(В сторону.)

(Но горе! я для утешенья
Лелею лживые мечты.
Я там нашел кинжал какой-то,
И подозреньем ранен я.
В нем смерть мне. Но об этом после.)
Менсия, милая моя,
Уж ночь покров свой собирает
В прохладе сумрачных теней,
И убегает боязливо
От светлых солнечных лучей.
Мне очень больно, что тебя я
Оставить должен здесь одну,

Притом оставить с этим страхом.
Но мне пора.

Донья Менсия

Свою жену,
Которой ты любим всем сердцем,
При расставаньи обними.

Дон Гутierre

Твое внимание ценю я,
Мой нежный поцелуй прими.

*(В то мгновение, как он хочет обнять
Донью Менсию, она видит кинжал.)*

Донья Менсия

Сеньор, постой! Тебе ни разу
Я в жизнь свою не солгала.
И ты кинжал свой поднимаешь?

Дон Гутierre

Чем так смутиться ты могла,
Супруга, счастье, Менсия?

Донья Менсия

Кинжал увидела я твой,
И мне почудилось, что кровью
Облита я перед тобой.

Дон Гутierre

Когда я в дом вошел, понятно,
Кинжал я вынул из ножен.

Донья Менсия

Мне всюду чудятся виденья.

Дон Гутierre

Чем может быть твой ум смущен?

Донья Менсия
Тебе ни разу не лгала я.

Дон Гутиерре
Какие глупые слова!
Но, если мы чего боимся,
У нас слабеет голова.

Донья Менсия
Во мне печаль, во мне заботы,
И оттого я как в бреду.

Дон Гутиерре
Ну, до свиданья. Нынче ночью,
Коль будет можно, я приду.

Донья Менсия
Да сохранит тебя Всевышний!
(*В сторону.*)
О ужас! Точно я во сне!

Дон Гутиерре (*в сторону*)
О честь, нам много будет нужно
Поговорить наедине!
(*Уходят.*)

СЦЕНА 11-я

Королевский покой в Алькасааре.

*Дон Диего и Король, со щитом и в цветном
плаще; в то время, как он говорит,
он надевает черное одеяние.*

Король
Возьми-ка щит мой, Дон Диего.

Дон Диего

Поздненько спать домой приходишь.

Король

Всю ночь по улицам бродил я,
Подробно хочется мне знать
Все, что в Севилье происходит:
Здесь, что ни ночь, услышишь новость,
И обо всем хочу подробно
Я узнавать таким путем.

Дон Диего

Благоразумно поступаешь,
Король в своих владеньях должен
Быть Аргусом, чьи очи смотрят,
Не зная сна, и оттого
На скипетре твоём эмблема —
Два глаза. Но скажи, властитель,
Что видел ты?

Король

Я видел много

Влюбленных, спрятанных в тени,
Бессонных дам; я видел пляски;
Я слышал музыку и песни;
Я видел множество игорных
Домов, чьи вывески гласят:
«Прохожий, здесь играют в карты».
Бесчисленных повсюду видел
Я храбрецов, и сообщаю:
Ничто так не противно мне,
Как видеть храбрецов так много
И знать, что храбрецом считается
Здесь должность некая. Однако,
Чтоб не сказали мне, что я
К ней невнимателен, подробно
У целой шайки этих храбрых
Один испробовал я смелость.

Дон Диего

И в этом дурно поступил.

Король

Напротив, поступил прекрасно:

Они, я думаю, довольны,

Я расписал им светлой кровью³...

Дон Диего

Что?

Король

Их ремесленный диплом.

СЦЕНА 12-я

Кокин. — Те же.

Кокин (в сторону)

Не захотел пойти я в башню,

Чтоб разузнать здесь и разведать,

Что говорят насчет ареста

Владыки моего. Но тсс!

Удержим наше любопытство,

Тут сам Король стоит пред нами.

Король

Кокин!

Кокин

Сеньор!

Король

Как поживаешь?

Кокин

Ответить должен: как студент.

Король

Ну, как же? я не понимаю.

К о к и н

—изрядно,
— тут

К о р о л ь

Скажи нам что-нибудь, Кокин.
Коль мне понравится, ты знаешь,
В твоём кармане сто эскудов.

К о к и н

Ну, это значило б, что нынче
В комедии играешь ты,
Зовушейся Властитель-Ангел.
Однако ж у меня сегодня
В запасе есть один рассказец
И эпиграмма есть в конце.

К о р о л ь

Коли твоя, она изящна.
Итак, рассказ.

К о к и н

Вчера я видел,
Кастрат с постели встал, с мошною,
Как бы с мешком для бороды.
Неужто ты не рассмеешься,
Подумав, что, совсем здоровый,
Себя он пластырем украсил?
(Великий Педро, не прошу
Ни виноградников, ни замков,
Одну улыбку дай мне только,
Перед стыдливым gracioso
В перчатку улыбнись разок.)
«О Флоро, все мы полагаем,
Что дом твой совершенно пуст:
О том нам вывеска вещает
Рассказом безглагольных уст.

Где нет письма, конверт там есть ли,
И кожа, если нет плода?
Итак, не трать ты время даром,
Не трать бесплодного труда.
Для пашни паровой, я знаю,
Соха полезна и нужна;
Но, раз земля родить не может,
К чему соха и борона?»

Король

Ты кормишь нас холодным блюдом.

Коккин

В запасе нету горячее.

СЦЕНА 13-я

Дон Энрике.— Те же.

Дон Энрике

Дай руку мне свою, властитель.

Король

Как чувствуешь себя, Инфант?

Дон Энрике

Здоров и счастлив, оттого, что
Тебя я вижу, повелитель,
Вполне здоровым, но об этом
Сейчас не будем говорить:
Дон Ариас...

Король

Твой приближенный:

Освободи его из башни.
И, помиливши их, Энрике,
Обоим ты доставишь жизнь.

Дон Энрике

Твою да сохраняет Небо,
И, самого себя наследник,
Да сможешь победить ты время,
Сразивши вечностью его.

(Король уходит.)

СЦЕНА 14-я

Дон Энрике, Дон Диего, Кокин.

Дон Энрике

Отправься в башню, Дон Диего,
Скажи Алькайду, чтоб привел он
Обоих узников.

(Дон Диего уходит.)

(В сторону.) (О Небо!

Дай мне терпения в беде,
Благоразумия в несчастьи.)
Кокин, ты здесь был в это время?

Кокин

Во Фландрии я лучше был бы.

Дон Энрике

Что так?

Кокин

Да как же быть: Король
Есть чудо между всех животных.

Дон Энрике

Но почему?

Кокин

Сама природа
Так повелела сызначала,

Чтобы свирепый бык мычал,
Чтоб вол в мычании был кроток,
Чтобы осел кричал, чтоб воздух
В пустынях лев будил рыканьем,
И чтобы ржал проворный конь,
И чтобы птица пела песни,
И чтобы лаяла собака,
И чтобы громко кот мяукал,
И чтобы волк протяжно выл,
И чтобы хрюкала над лужей
Свинья — и только человека
Она улыбкой наделила,
И Аристотель справедлив ⁴,
Когда его определяет
Он улыбающимся между
Животных: Почему ж, спрошу я,
Закон природы изменив,
Король не хочет улыбаться?
О Небо, чтоб исторгнуть только
Улыбку у него, пошли мне
Клещи веселья и острот!

(Уходит.)

СЦЕНА 15-я

Дон Гутierre, Дон Ариас, Дон Диего, Дон Энрике.

Дон Диего

Вот узники, сеньор.

Дон Гутierre

Позволь нам

Припасть, сеньор, к твоим ногам.

Дон Энрике

Король, владыка мой, позволил,

Чтоб я вернул свободу вам,
И помирить вас поручил мне.

Дон Гутierre

Твое желание — почет.
(Сравнивает кинжал, который он нашел,
со шпагой Инфанта.)
(В сторону.)

Но что я вижу? О, Всевышний!

Дон Энрике

Друг другу дайте руки.

Дон Ариас

Вот

Моя.

Дон Гутierre

И вот мои объятья,
В них узел для тебя такой,
Что только смерть его разрушит,
Владея мертвою рукой.

Дон Ариас

Да подтвердят мои объятья,
Что дружба и моя тверда.

Дон Энрике

Отлично. Рыцари вы оба,
Раз примирились без труда:
В том шаг, достойный кабальеро.
Вы дружбой связаны одной,
Кто ж этим будет недоволен,
Тот сосчитается со мной.

Дон Гутierre

Сеньор, я в этой дружбе клялся
И клятву я свою сдержу,

Свою готовность подчиняться
Тебе на деле докажу.
Ты сильный враг и враг опасный:
Уж верноподданность одна
Велит послушным быть, иначе
Боязнь покорной быть должна.
И ты, и я — двоих мы стоим:
Я в поединке роковом
Сумел бы подтвердить свой вызов;
Но быть с тобою, как с врагом,
Да кто ж посмеет, кто ж посмеет?
Свой разум в здравости храня,
Так прогневить тебя боюсь я,
Что даже страшно для меня
Порою лишь тебя увидеть;
И, если б так велел мой рок,
Чтоб, не узнав тебя, со шпагой
Твою я шпагу встретить мог,
Я в крайности такой хотел бы,
Чтоб солнца свет вконец погас,
Но только б я тебя не видел
В тот трижды несчастливый час.

Дон Энрике (*в сторону*)

Во всех словах его и вздохах
Подозреваю я беду.
С тобой, Дон Ариас, мне нужно
Поговорить. Пойдем.

Дон Ариас

Иду.

(*Дон Энрике, Дон Диего и Дон Ариас уходят.*)

СЦЕНА 16-я

Дон Гутierre

Энрике обошел молчаньем
Мои слова; сомненья нет,

Что он почувствовал и понял
То, что вложил я в свой ответ.
Могу ль я сетовать? Конечно.
Но утешенья где найду?
Я здесь один. Никто не слышит.
С собою речь я поведу.
О, Боже, кто свести сумел бы
В одно речение, кто мог бы
Одною мыслию измерить
Так много беспощадных бед,
Так много тяжких оскорблений,
Что на меня толпой трусливой
Идут и, наглые, подходят.
Теперь, о, честность, да, теперь,
Предстань во вздохах повторенных,
И ты, страдающее сердце,
Слезами горькими облившись,
Приди к дверям души, глазам.
И вам, глаза, я позволяю
Свободно плакать: не стыдитесь.
Но, честность, я к тебе взываю
И говорю, что час настал
Одною мерою измерить
Благоразумие и храбрость.
Но пусть умолкнет огорченье,
Пусть мне не позволяет честь,
Пусть мне не позволяет храбрость
Искать во вздохах облегченья;
Кто утешенья ищет в слове,
Тот низко льстит своей беде.
Но к случаю скорей приступим.
Найдем, быть может, объясненье.
О, если б мог его найти я!
О, если б Бог того хотел!
Я ночью прибыл, это правда;
Но дверь открыли мне немедля,
И я нашел свою супругу

Спокойной, ясной, как всегда.
Насчет того, что мне сказали,
Что человек там находился,
Она,— и в этом оправданье,—
Сама сказала мне о том.
Свеча упала и погасла,
Но разве есть какой свидетель,
Который мог бы опровергнуть,
Что это просто случай был?
Нашел кинжал я, но возможно,
Что был обронен он слугою,
Был кем-нибудь из слуг потерян.
А если он (о, горе мне!)
Такой, как шпага у Инфанта,
Возможно, что такая ж точно
Другая шпага есть: отделка
Ее не так уж странна.
И если ближе все рассмотрим,
И если (горе!) допущу я,
Что это был кинжал Инфанта,
Что даже в доме был он сам,—
Хоть я не мог его не видеть,—
Вполне возможно, что Менсия
В том не была совсем виновна,
Затем, что золото не раз
У слуг вниманье усыпляло.
Ну, вот: какое облегченье,
Что все так тонко рассмотрел я!
Покончим доводы свои,
Все к одному они приводят,
К тому, что я есть я, Менсия —
Менсия. Никого нет в мире,
Кто мог бы тьмою запятнать
Такой прекрасный блеск и чистый.
— Нет, мог, как дурно говорю я,
Одной довольно черной тучки.
Хоть солнца ей не запятнать,

Но солнце затемнить ей можно,
Не погасив, холодным сделать.
Какой закон несправедливый
Невинному велит страдать?
Велит, чтоб умер безгреховный?
Ты, честь, в опасном положеньи,
Тебе нет верного мгновенья,
В своей могиле ты живешь:
Раз ты от женщины зависишь,
Ты ходишь каждый миг над гробом,
Ты видишь смерть ежеминутно.
О, честь, я излечу тебя,
И если первая случайность
Так на опасность указывает,
Пускай, как первое лекарство,
Вреду я двери затворю,
Войти недугу не позволю.
И вот, как *Врач своей же чести*,
Тебе даю я предписание —
Хранить молчание и ждать:
То будет самой первой мерой;
Затем, себе даю советы:
Перед женою быть любезным,
Ее вниманьем окружить,
Любовью, лаской и заботой,
То защитительные силы,
Чтоб вместе с грубым обращеньем
Недуг зловещий не возрос;
Затем что ревность, оскорбленья,
И подозренья, и упреки
Не столько женщину излечат,
Насколько сделают больной.
Домой опять отправлюсь ночью,
И, в дом тайком войдя, увижу,
Насколько зло укоренилось;
А до тех пор сокрою все,
Пока не выясню, коль можно,

Мое несчастье и пытку,
И оскорбленье, и суровость,
И унижение, и скорбь,
И удивленье, и безумье,
И оскорбительность заботы,
И унижительность обиды,
И ревность. Ревность, я сказал?
О, горе, как я дурно сделал!
Вернись, мой возглас, в грудь скорее,
Но нет, раз грудь моя рождает
Подобный смертоносный яд,
И раз во вне его извергнув,
Не умер я, умру, принявши
Его обратно; потому что
Так об ехидне говорят,
Что, если вне себя увидит
Она свой яд, он ей смертелен.
Сказал я — ревность, так довольно,
Коль только ревность я сказал;
Затем, что, если муж узнает,
Что ревность в нем,— нет больше средства
И, честь леча, к последней мере
Прибегнуть должен честный врач.
(Уходит.)

СЦЕНА 17-я

Дон Ариас, Донья Леонор.

Дон Ариас

Коль до сих пор я не старался
Пред твой явиться светлый взор,
Свой долг перед твоею честью
Я помню, Донья Леонор;
И если я перед тобою
Теперь предстал,— не для того,
Чтоб долг отдать,— безумно думать,

Что мог бы я отдать его;
Велик он слишком; но хочу я
Тебя уверить в этот миг,
Что от тебя я не скрываюсь,
И говорю: я твой должник.

Донья Леонор

Сеньор Дон Ариас, скорее
Заимодавец ты, а я
Тебе должна, затем что доля
Моя крупнее, чем твоя.
Меня лишил ты, это верно,
Того, кто был, как муж, мне мил,
Но, может быть, удел мой этим
Улучшен, не ухудшен был;
Затем, что лучше жить без славы,
Без жизни, с холодом в крови,
Чем, презираемой супругом,
Жить в браке с мужем, без любви.
Вина моя была, я знаю,
И кара ждет меня везде,
Но о себе лишь я вздыхаю,
Лишь о своей скорблю звезде.

Дон Ариас

Нет, Леонор, никак не можешь
Ты отрицать: вина — моя;
Ее отвергнуть и желанья
Отвергнуть должен буду я;
Тебе я прямо возвещаю,
Что я томлюсь, что я скорблю,
И потому тебя ищу я,
Что, Леонор, тебя люблю.
Через меня ты потеряла
Супруга, говоришь мне ты,
Через меня иметь ты можешь
Супруга, мне твердят мечты.

Донья Леонор

Сеньор Дон Ариас, твой выбор
Ценю я, как твои слова;
Твоя внимательность пребудет
В моей душе всегда жива;
Но вместе с тем я извиняюсь,
И сердце мне сказать велит,
Что мой ответ — отказ, иначе
Снискаю я ущерб и стыд,
Не потому, чтоб предложенье
Не льстило мне, о, нет, сеньор,
Но потому, что Гутиерре
Преобразит его в позор;
Ему ты дал предлог невольно,
Чтоб так со мной он поступил,
Когда ж с тобою в брак вступлю я,
Он скажет: «Что ж, неправ я был?»
Из подозренья очевидность
Он сделает, и все за ним
Решат, что это справедливо,
Что презрена была я им,
И я настолько уважаю
Быть правой в жалобе своей,
Что лучше пусть я буду с горем,
Но не хочу расстаться с ней;
Теперь его все обвиняют,
И не хочу я, чтобы он
Толпою громко был оправдан,
Когда он мною обвинен.

Дон Ариас

О, Леонор, я не приемлю
Твой несущественный ответ;
Хотя бы в браке проявилась
Твоя любовь давнишних лет,
Ты в то же время этим браком
И оправданье б ей дала.

Насколько было б хуже, если б
Тот, кто тебе так много зла
Обидною изменой сделал,
Кто пред тобою так неправ,
Так и остался в прежней вере,
Поправки злу не увидав.

Д о н ь я Л е о н о р
Не мудрый, нет, и не разумный,
Дон Ариас, тот, чей совет
Моей как будто ищет пользы,
На деле ж мне приносит вред.
Коли тогда была обида,
Она опять возьмет свое,
Ее тогда подозревали,
Теперь уверуют в нее.
И для тебя, как полагаю,
Не много б чести было здесь.

Д о н А р и а с
Невинна ты, я это знаю,
Я твой навек, во всем и весь.
Я знаю, каждый, кто влюбленным
Был недоверчив и ревнив,
Еще ни разу не был мужем,
От неба мзды не получив.
Да, Леонор, и Гутierre
То знает лучше, чем другой;
Кто, у другого встретив в доме
Мужчину, поднял шум такой,
Тот мог бы быть смелей во имя
Негодованья своего,
Узнавши то, что происходит
Столь явно в доме у него.

Д о н ь я Л е о н о р
Дон Ариас, я не желаю

То слышать, что ты мне сказал,
Так говорить не позволяю,
Ты обманулся, иль солгал.
Дон Гутьерре — кабальеро,
И какова ни будь беда,
Клянусь, и словом он и делом
Сумеет точным быть всегда;
Он знает путь — и для совета,
И для кинжала своего,
Хотя бы сам Инфант Кастильский
Был оскорбителем его.
Когда ты думаешь, что этим
Усладу ты доставил мне,
Ты заблуждаешься, и очень,
Ты ошибаешься вполне;
И если говорить по правде,
Ты очень пал в моих глазах:
Когда бы был ты благородным,
Ты знал бы сдержанность в словах,
Так о враге не говорил бы;
И пусть я им оскорблена,
И пусть его бы я убила,
Будь мне на это власть дана,
Своей рукой осуществляя
Свою карающую месть,
Я не злословила бы в казни,
Его не тронула бы честь.
Затем, что кто всем сердцем раньше
Любил, Дон Ариас, его,
В его несчастьи не будет
Искать отмщенья своего.

(Уходит.)

Дон Ариас

Я не сумел найти ответа.
Была ошибка в том моя,

Раз женщина в вопросах чести
Явилась опытней, чем я,
Пойду к Инфанту и смиренно
Ему скажу, чтоб выбрал он
Другого, кто в заботы эти
Им будет ныне посвящен.
И так как день сошел к закату,
Я от него хоть смерти жду,
Но в дом с ним к Дону Гутierre
Сегодня ночью не пойду.

(Уходит.)

СЦЕНА 18-я

Сад.

*Дон Гутierre входит, как бы перепрыгнув
через забор.— Донья Менсия, спящая.*

Дон Гутierre

В немом молчании ночном,
Которое ценю и почитаю,
Когда весь мир окутан сном,
И жизнь как бы в покрове гробовом,
Тайком я в дом к себе вступаю,
Менсию я не известил,
Что нахожусь я на свободе,
Что из тюрьмы Король нас отпустил,
Она не знает о моем приходе.
Своей я чести врач и потому,
Свое бесчестье излечить желая,
Я прихожу к больному своему
Опять в тот час, когда повсюду тьма ночная,—
Увижу ль снова случай тот,
Который ревностью теперь мне сердце жжет.
Печаль да будет мне подмогой
В моей беде, в заботе строгой.
Я в сад проник через забор,

Как велико, о, Боже, заблужденье,
Что можно свой исследовать позор,
Не испытав при этом опасенья!
Кто так сказал, ошибся он;
Нет, невозможно, чтоб плачевность
Он не оплакал, раз он угнетен,
И невозможно, чтобы ревность
В молчаньи глухо он скрывал,
Он лжет, он ревности не знал.
Как чувствовать в душе терзанье
И сохранять притом молчанье?
Я повторяю, он солгал.
Вот, ночью здесь она бывает,
Меж веток, слившихся в узор,
Молчанье с тенью тень сливает,
Безгласно эхо, гаснет взор.
О, честь, тихонько, сдержим гневность,
Когда подходит к цели ревность,
Она всегда идет как вор.

(Видит Донью Менсию.)

Менсия, я тебя люблю и почитаю,
Как дурно обошлась ты с верностию мне.
Но возвратиться я желаю.
Я честь свою нашел здоровою вполне,
Лечения сейчас я ей не назначаю.
Но с ней служанок нет, нет с нею никого?
Что, если ждет она — безвестного — его?
О, низкий страх! о, подлое движенье!
Я точно мщу себе, как своему врагу.
Узнавши это подозренье,
Я возвратиться не могу.
Я ничего еще не знаю,
Дойдем же до конца, узнаем, в чем наш вред,
Я свет гашу, и света нет *(гасит свечу)*,
И я слепой, я голос изменяю,
Я с нею говорю, и разум я теряю.
Менсия! *(Пробуждает ее.)*

Донья Менсия

Боже!

Дон Гутьерре

Не кричи.

Донья Менсия

Что там такое?

Дон Гутьерре

Замолчи.

Донья Менсия

Но кто ты?

Дон Гутьерре

Милое блаженство,

Ты не узнала, кто с тобой?

Донья Менсия

О, нет, узнала, кто посмел бы,

И как решился бы другой...

Дон Гутьерре (*в сторону*)

Она по голосу узнала.

Донья Менсия

Придти сюда? Когда бы он,

Не ты, сюда придти решился,

Он был бы жизни здесь лишен,

Я честь свою бы защитила.

Дон Гутьерре (*в сторону*)

(Как сладостно обманут я!

Блажен, кто свой ущерб рассмотрит.)

Менсия нежная моя,

Не бойся!

Донья Менсия
Как мне не бояться?

Дон Гутиерре
Ты так разумна и тверда.

Донья Менсия
Ну, что ж ты скажешь в оправданье,
Властитель, что пришел сюда?

Дон Гутиерре (*в сторону*)
Властитель! Это не со мною.
Какая новая борьба!
Всевышний Боже, что я слышу?
О, скорбь, несчастье, судьба!

Донья Менсия
Вторично смерть мою ты хочешь видеть?
Ты думаешь, что каждую здесь ночь...

Дон Гутиерре (*в сторону*)
О, горе мне, какой жестокий случай!

Донья Менсия
Сумеешь ты беде помочь...

Дон Гутиерре (*в сторону*)
О, Небо!

Донья Менсия
И когда свеча погаснет...

Дон Гутиерре (*в сторону*)
О, ревность, умертви меня!

Донья Менсия
Спасешься ты от Гутиерре,
Рискуя, что меня погубит он, кляня?

Дон Гутиерре (в сторону)

Я самому себе не доверяю,
В мечту не верую свою,
Зачем же я не умираю,
Ее дыханьем не убью?
То, что Инфант пришел, ее не изумило,
И от него не береглась она,
Ей только неприятно было,
Моя душа погибели полна!
Что должен будет он вторично скрыться.
Пусть мщение с оскорблением сравнится!

Донья Менсия

Ты не ушел еще? Ну, что ж?

Дон Гутиерре (в сторону)

Я весь — огонь, весь — бешенство! О, Боже!

Донья Менсия

Иди, а то опять в беду ты попадешь.

Дон Гутиерре

Как я могу уйти, побыв одно мгновенье?

Донья Менсия

Заметь, что это час, когда
Явиться может Гутиерре.

Дон Гутиерре (в сторону)

(Нет, так терпеть не мог никто бы никогда!
Но есть еще во мне терпенье,
Я жду, чтобы найти удобный миг для мщения.)
Он не придет, спокойна будь,
Я друга верного оставил,
Чтоб он его развлек и позабавил;
Известно точно мне, что путь
Еще сюда он не направил,
Он не придет, спокойна будь.

СЦЕНА 19-я

Хасинта. — Те же.

Хасинта (в сторону)

Мне страшно: кто-то говорит здесь,
Хочу взглянуть.

Донья Менсия

Сюда идут.

Дон Гутierre

Что делать?

Донья Менсия

Уходить, конечно,

Нельзя же оставаться тут.

Иди и спрячься, но сегодня,

Прошу, не в комнате моей.

(Дон Гутierre удаляется за занавес.)

Эй, кто там?

Хасинта

Это я, сеньора...

Донья Менсия

Пока спала я, меж ветвей

Поднялся ветерок и свечку

Он погасил. Скорей сюда

Другую принеси.

(Хасинта уходит.)

Дон Гутierre (в сторону)

(Во мраке)

Есть свет во мне: горит беда.

Когда я здесь останусь скрытым,

Меня Менсия здесь найдет,

И о моей тоске узнает,

И весь расчет мой пропадет.

И для того, чтоб не был дважды
Я ею тяжело оскорблен,—
Ее намереньем, и тем, что
Как будто грех ее прощен,—
Мы казнь ее пока отложим,
И все распутаем вот так.)
(Выходит и говорит громким голосом.)
Эй, кто там? почему темно здесь?

Донья Менсия
Меня как будто гонит враг.
То Гуттиерре! страх и ужас!

Дон Гуттиерре
Зажгите же свечу скорей,
Уж ночь и ничего не видно.

Хасинта
Как раз я возвращаюсь с ней.

Дон Гуттиерре
Менсия нежная!

Донья Менсия
Супруг мой.
Блаженство, счастье!

Дон Гуттиерре (в сторону)
О, позор!
Какая ложь! Но — сердце, тише.

Донья Менсия
Как ты вошел сюда, сеньор?

Дон Гуттиерре
Ключом в саду калитку отпер.
Супруга милая, а ты
Чем развлекалась, расскажи мне.

Донья Менсия

В саду лелеяла мечты
Под рокот нежного фонтана,
Как вдруг поднялся ветерок,
И у меня свеча погасла.

Дон Гутьерре

То, что свечу убить он мог,
Не удивительно нисколько,
Супруга милая моя;
Таким он холодом здесь веет,
Что, смерть в дыхании тая,
Не только свет убить он может,
Но охладить смертельно грудь,
И ты, в саду при нем уснувши,
Могла бы и на век заснуть.

Донья Менсия *(в сторону)*

(Как понимать его, не знаю.)
Мне кажется, в твои слова
Два смысла вкладывает ревность.

Дон Гутьерре *(в сторону)*

(О, оскорбление! Едва
Могу сдержать себя. Но кто же
Разумно может ревновать.)
Как, ревность? Ты сказала: ревность?
Тебе ее случилось знать?
Что до меня, клянуса Небом!
Что, если б я узнал ее...

Донья Менсия *(в сторону)*

О, горе мне!

Дон Гутьерре

Когда бы только
В существование мое
Вошла не ревность, тень сомненья,
Ее намек, ее двойник.

Когда б в рабыне я, в служанке
Вдруг усомнился хоть на миг,
Тогда вот этими руками
Я сердце б вырвал у нее
И, усладившись, утолил бы
Негодование свое,
Я это сердце съел бы с кровью,
И кровь до капли бы допил,
И душу из нее исторг бы,
Клянусь, я душу бы убил,
Я б растерзал ее на части,
Когда б страдать могла душа.
Но что я говорю, о Боже?

Донья Менсия

Я вся дрожу, едва дыша.

Дон Гутиерре

Христос, Христос тысячекратно!
Супруга, счастье, мой свет,
О, нежный рай мой, о, Менсия,
Прости, во мне рассудка нет,
Я позабылся, был несдержан,
Но этот вымысел во мне
Смешал все мысли; умоляю,
Уйди, я весь еще в огне,
Но говорю тебе, мне стыдно,
Я был безумен, не в себе;
Но я тебя боюсь и полон
Я уважения к тебе.

Донья Менсия *(в сторону)*

О этот страх, испуг, тревога, ужас!
То смерть пришла и дышит надо мной.

Дон Гутиерре *(в сторону)*

Себя врачом своей я чести назвал,
Бесчестие покрою я землей.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ

СЦЕНА 1-я

Алькасар в Севилье.

Король, Дон Гутierre и вся свита.

Дон Гутierre

Дон Педро, чье чело осветит
Индийский полюс в должный час¹
С тобой одним я быть хотел бы.

Король

Идите все.— Оставьте нас.

(Свита уходит.)

Дон Гутierre

Итак, тебе, Атлант кастильский,
Тебе, испанский Аполлон,
На чьих плечах живет и длится
Весь наш сапфирный небосклон,
Весь этот шар из бриллиантов,
Тебе теперь я приношу
В обрывках жизнь мою, защиты
Я для растерзанной прошу,
Коль только жизнью может зваться
Та жизнь, где горьких бед не счесть.
Сеньор, не удивись, я плачу,
Но, говорят, любовь и честь
Позволить могут человеку
Без унижения рыдать,
А я люблю, и ценным кладом

Привык я честь свою считать.
Как рыцарь, я следил, чтоб ярко
Всегда светила честь моя,
И нежно, как супруг влюбленный,
Свою любовь лелеял я:
Что получил я по наследству
И что я в жизни сам нашел,
Хранил я тщательно, покуда,
Грозя мне бездной темных зол,
Тирански облако не встало
И возжелало затемнить
Столь яркий блеск моей супруги
И честь, что я привык хранить.
Как рассказать тебе, не знаю,
Мое страданье... Я смущен...
Твой брат Энрике... Он — причина,
Что призываю я закон;
Я к строгости твоей взываю,
Но не на власть я восстаю,
Я только подтверждаю словом,
Что я стою за честь мою.
Я жду, что ты ей жить поможешь,
Чтоб я не разлучался с ней;
Уврачевать ее хочу я
Предосторожностью моей,
Затем что, если бы в несчастье
Таким свирепом тот недуг
Зашел далеко, я сумел бы
Пресечь его течение вдруг,
Я к оскорблениям воззвал бы,
И честь я б к казни присудил,
Ее омыл бы яркой кровью,
Ее землей бы я покрыл.
О, не смутись: сказал я — кровью,
Я только разумел свою,
Энрике может быть спокоен,
Тебе в том слово я даю.

Пусть скажет за меня свидетель:
Вот этот доблестный кинжал,
Что говорит стальнойю речью,
Инфанту он принадлежал.
Итак, ты можешь видеть ясно,
Что безопасен он вполне,
Раз он, с таким открытым сердцем,
Кинжал свой доверяет мне.

Король

Дон Гутиерре, превосходно;
И кто такой непобедимой
Свое чело венчает честью,
Что с солнцем спорить в красоте,
Да будет он всегда уверен,
Что честь его...

Дон Гутиерре

Мой повелитель,
Тебя почтительно прошу я,
Чтоб ты не думал, будто я
В таких нуждаюсь утешеньях,
В которых для своей я чести
Найду поддержку. Нет, супругу,
Клянусь, такую я нашел,
Что далеко за ней римлянки,
Чье имя — Порция, Томирис,
Лукреция². Предосторожность —
Не более, мои слова.

Король

Но раз твоя предосторожность
Так необычна, Гутиерре,
Прошу, скажи мне, что ж ты видел?

Дон Гутиерре

То, что я видел? Ничего.
Я не из тех, которым нужно

Увидеть; мне довольно думать,
Воображать, и опасаться,
Подозревать, и... Что еще?
Не знаю, что сказать; нет слова,
Чтобы оно не говорило
О том, в чем скрыт, весь цельный, атом,
В чем безраздельность для меня.
О, Государь, тебя я только
Предупредил, чтоб устранил ты
Недуг, что лишь грозит возникнуть,
А если б он уже возник,
Ты можешь мне поверить, я бы
Сумел и сам измыслить средство.
И я тогда, сеньор, не стал бы
Тебя тревожить, как теперь.

К о р о л ь

Себя своей ты назвал чести
Врачом. Скажи мне, Гутierre,
Какие ж средства применил ты,
Пока до крайнего дошел?

Д о н Г у т и е р р е

Своей жене не показал я,
Что я ревную, и напротив,
Ей выказал любовь двойную:
У нас был загородный дом,
Где жили мы в спокойной неге,
Но, чтоб она в уединеньи
Скучать не стала, переехал
Я с ней в Севилью, где она
Легко всем может наслаждаться,
И где в ней зависть не возникнет;
С женою дурно обращаться
Способен только подлый муж,
Который страх пред оскорбленьем
Теряет, говоря об этом.

Король

Инфант сюда идет, и если
Тебя со мной увидит он,
Он догадается, конечно,
Что с жалобою ты явился.
Но помню я, когда-то кто-то
Мне жаловался на тебя,
И я за этими коврами
Того, кто с жалобой явился,
На время скрыл; такой же случай
Велит прибегнуть мне теперь
К тому же средству; но в порядке
Обратном; и еще прибавлю
Одно условие: ты должен
Быть скрытым, что б ни услышал,
Молчать во что бы то ни стало.

Дон Гутиерре

Сеньор, смиренно повинуюсь.
Я буду птицею, что с камнем
Изображается во рту³.

(Прячется.)

СЦЕНА 2-я

*Дон Энрике.— Король;
Дон Гутиерре, спрятавшийся.*

Король

Добро пожаловать, Энрике,
А впрочем, нет, привет подобный
Здесь неуместен, потому что
Меня ты видишь...

Дон Энрике

Горе мне!

Король

Разгневанным.

Дон Энрике

И кто ж причиной,
Что гневом ты объят, властитель?

Король

Ты, ты, Инфант.

Дон Энрике

Так нет мне счастья.

Коль солнце в гневе на меня,
Ждет смертное меня затменье.

Король

Тебе, как кажется, Энрике,
Неведомо, что в царской крови
Не раз омочен был кинжал,
Когда он мстил за оскорбленье?

Дон Энрике

К кому же, государь, скажи мне,
Слова ты эти применяешь?

Король

К тебе, Энрике, все к тебе.
Честь — место, где душа сияет.
Я не над душами властитель:
Довольно этим говорю я.

Дон Энрике

Не понимаю.

Король

Хорошо.

Коли исправиться и смолкнуть
Твоя любовь не пожелает,
Коль красоту ты не оставишь,
Где властно царствует вассал,

И где ты видишь невозможность,
Тогда легко случиться может,
Что кровь моя не устранится
От правосудья моего.

Дон Энрике

Сеньор, хоть то, что ты сказал мне,
Закон, и в сердце, как на бронзе,
Твои слова запечатлел я,
Дозволь, чтоб оправдался я;
А то не будет справедливо,
Когда неравный слух ты склонишь
К двум сторонам. Сеньор, я даму
Одну любил (понятно мне
Теперь, о ком ты говорил здесь,
Хоть недостаточен был повод):
Да, я любил ее, настолько...

Король

Что в том, коль красота ее
Так недоступна?..

Дон Энрике

Это правда,
Но все-таки...

Король

Молчи.

Дон Энрике

Так что же,
Оправдываться невозможно?

Король

К чему, раз эта красота
Не допускает возражений.

Дон Э н р и к е

Пусть это так, но ты ведь знаешь,
Что время всем овладевает,
И для любви возможно все.

Король (*в сторону*)

(О, Боже, как я дурно сделал,
Что спрятал Дона Гутьерре!)
Молчи, молчи.

Дон Э н р и к е

Не возбуждайся
Так на меня, покуда ты
Не знаешь, почему не сделал
Иначе я.

Король

Отлично знаю.
Мне все известно.
(*В сторону.*)

(О, в какое
Я затруднение попал!)

Дон Э н р и к е

Я должен говорить, властитель:
Я полюбил ее в то время,
В те дни свою ей отдал душу,
Как девушкой была она.
Кто ж оскорбляет и кого же?
Вассала, я...

Дон Гутьерре (*в сторону*)

О, я несчастный!

Дон Э н р и к е

Который, раньше, чем женился,
Был...

К о р о л ь

Бесполезны все слова.
Молчи, молчи. Для оправданья
Ты эту выдумал химеру.
Инфант, приступим прямо к цели.
Вот этот знаешь ты кинжал?

Д о н Э н р и к е

Я без него однажды ночью
Вернулся во дворец.

К о р о л ь

И знаешь,
Где потерял его?

Д о н Э н р и к е

Не знаю.

К о р о л ь

Так вот, ты потерял его
Там, где он мог твоею кровью
Запачкаться, когда бы только
Тот, кто нашел кинжал твой, не был
Столь честный преданный вассал.
Не понимаешь, что о мщеньи
Ко мне взывает оскорбленный,
Кто и в обиде грудь подставил
И здесь оружие сложил?
Кинжал ты видишь золоченый?
То символ, ясно говорящий
В гieroглифах и узорах
О преступлении твоём.
Он говорит, что ты виновен,
И жалобу я должен слушать.
Возьми же свой кинжал, Энрике,
Взгляни, и ты увидишь в нем
Все, в чем свершил ты прегрешенье.

Дон Э н р и к е

Сеньор, заметь, что так сурово
Меня клянeshь ты, что, смущенный...

К о р о л ь

Бери кинжал.— Что сделал ты,
*(Дает ему кинжал, и Инфант, смущенный,
беря его, ранит Короля в руку.)*
Изменник?

Дон Э н р и к е

Я?

К о р о л ь

Моею кровью
Свое оружие обагрешь?
Ты на меня кинжал свой поднял?
Меня убить замыслил ты?

Дон Э н р и к е

Сеньор, заметь, что говоришь ты;
Смутившись, я...

К о р о л ь

И ты дерзаешь?
Энрике, ты дерзнул, Энрике,
Я умираю, подожди!

Дон Э н р и к е

Кто был в смятении подобном!
Нет, лучше мне уйти скорее,
Туда скорее удалиться,
Где не увижу я тебя,

(Роняет кинжал.)

Чтобы не мог воображать ты,
Что на тебя я посягаю.
Тысячекратно несчастливый,
Я сокрушенный уйду.

(Уходит.)

К о р о л ь

О, Боже, что же это было?
Какое страшное мечтанье!
Своею кровью обагренным,
Себя я мертвым увидал.
Какое злое измышленье
Вокруг меня родило ужас,
И грудь, и душу мне стеснивши,
Меня испугом леденит?
Да не допустит Бог, чтоб это
Начало знало продолженье
И мир смутило изумленьем,
Потопом кровь распространив.
(Уходит.)

СЦЕНА 3-я

Дон Гутиерре

Весь этот день сплошное чудо.
При изумлениях столь страшных
Не удивительно нисколько,
Что обо мне забыл Король.
О, Боже мой! что я услышал?
Но говорить ли мне об этом?
Мое несчастье огромно,
Как оскорбление мое.
Такое зло одним движеньем
Я должен сразу вырвать с корнем;
Итак, пускай умрет Менсия,
Пускай прольется кровь ее.
И раз Инфант мне оставляет
Вторично свой кинжал забытый,
Пускай она убита будет
Вот этим самым острием.
(Поднимает кинжал.)
Но нет, никто о том не должен

Узнать, и так как силой тайны
Побед высоких достигаешь,
И так как скрытой месть должна
Восстать за скрытым оскорбленьем,
Пусть смерть Менсии так случится,
Чтобы никто не догадался.
Но, прежде чем дождусь того,
Пусть Небо жизнь мою отнимет,
Чтобы не видел я трагедий,
Чтобы не видел я развязки
Такой мучительной любви.
О, для чего же, для чего же
Хранят лазурные пределы
Огонь своих палящих молний,
Зачем не бросят их ко мне?
Ведь есть же в небе милосердьё!
Зачем же скорбный не сожжен им?
Зачем несчастный не находит,
Чего он так желает,— смерть?
(Уходит.)

СЦЕНА 4-я

Зала в доме Дона Гутиерре, в Севилье.

Донья Менсия, Хасинта.

Х а с и н т а

Сеньора, что за странной скорбью
Смутилась красота твоя?
Ты плачешь днем, ты плачешь ночью.

Д о н ь я М е н с и я

Такой тоской объята я,
Что нет ей меры, нет предела.
В моей душе живет беда.
Я смутую объята необычной
С той ночи горестной, когда,

Ты помнишь, я тебе, Хасинта, говорила,
Что там, во мраке, как-то раз
Беседовал со мною Дон Энрике,
А ты сказала мне, что в этот самый час
Он говорил с тобой, что это невозможно,
Что был за садом он; и вот,
Я трепещу, смущаюсь, и робею,
Ежеминутно мысль во мне встает,
Что это Гутierre был со мною.

Хасинта

Как мог такой обман произойти?

Донья Менсия

Хасинта, мог, то было ночью,
Он тихо говорил, я думала — придти
Ко мне опять Инфант решился.
Я смущена была, обман случиться мог.
И видеть, что со мной он весел,
А чуть один, кипучих слез поток
Он проливает (потому что скорби —
С глазами верные друзья,
И ничего от них скрывать не могут),
Я не могу, вся истерзалась я.

СЦЕНА 5-я

Кокин. — Те же.

Кокин

Сеньора!

Донья Менсия

Что еще случилось?

Кокин

Едва сказать тебе решусь.
Инфант...

Д о н ь я М е н с и я

Кокин, ни слова больше.
Я имени его боюсь,
При имени одном враждою исполняюсь.

К о к и н

Не о любви здесь речь. И потому
Я говорить тебе решаюсь.

Д о н ь я М е н с и я

Коль так, я твой рассказ приму.

К о к и н

Инфант, сеньора, что несчастно
В тебя так долго был влюблен,
С Дон Педро, братом, ныне в ссоре.
Не знаю, почему с владыкой в ссоре он,
И говорить о том не стану,
Шут и не должен о царях
Ни слова говорить. Довольно.
Энрике тайно, второпях,
Меня призвал и дал мне порученье:
«Скажи Менсии, что она
Своим презрением жестоким
Меня навек лишила сна,
Что благосклонность брата я утратил,
И убегаю в чуждый край,
Где я умру, отвергнутый Менсией,
Сказав любви и родине прощай».

Д о н ь я М е н с и я

Из-за меня Инфант идет в изгнание,
У Короля в опале он.
Я буду связана молвой с таким событием,
Уж гул, мне чудится, встает со всех сторон.
Что делать? Небеса!

Х а с и н т а

Сеньора,

Не лучше ль пред бедой закрыть плотнее дверь?

К о к и н

Но как же?

Х а с и н т а

Попросить Инфанта,

Чтоб он не уезжал теперь.

Коли теперь он удалится,

Как говорят, из-за тебя,

Он обнарудует событие,

Своим изгнанием честь твою губя;

Коли Инфант в изгнание уходит,

Узнают все — и как, и почему.

К о к и н

Но как же он узнать о просьбе может,

Коль он воображенью своему

Уж волю дал и шпоры приготовил?

Х а с и н т а

Ему сеньора может написать.

Чтоб, честь ее шадя, не уезжал он;

Письмо успеешь ты отдать.

Д о н ь я М е н с и я

Опасны испытанья чести;

Но я пошлю письмо и тем вопрос решу,

Из двух несчастий меньшее в том будет;

Останьтесь здесь, покуда я пишу.

(Уходит.)

СЦЕНА 6-я

Кокин, Хасинта.

Х а с и н т а

Скажи мне, что с тобой случилось,
Кокин, что стал ты так уныл?
Бывало, ты всегда смеялся.

К о к и н

Себя я умником возмнил
Себе же на беду и чахну:
Столь ипохондриком я стал.

Х а с и н т а

А что такое ипохондрик?

К о к и н

Такой болезни мир не знал
Тому два года. Это новость.
Но мода на нее теперь весьма сильна,
Я знаю, милому однажды при прощаньи
Сказала дама нежная одна:
«Не можешь ли,— так модница шепнула,—
Мне ипохондрии немножко принести ⁴?»
Наш господин идет!

Х а с и н т а

О, Господи, скорее
К сеньоре нужно мне идти!

СЦЕНА 7-я

Дон Гутиерре.— Кокин, Хасинта.

Д о н Г у т и е р р е

Постой, остановись, Хасинта.
Куда поспешно так идешь?

Х а с и н т а

Сеньоре доложить хотела,
Что возвратился ты.

Дон Гутиерре (*в сторону*)

(О, ложь!

О, слуги! О, враги! Они смутились,
Испуганы, как он, так и она.)

(*К Хасинте.*)

Поди сюда, скажи мне, что случилось?
Зачем бежать ты так была должна?

Х а с и н т а

Чтоб известить мою сеньору,
Что возвратился ты, сеньор.

Дон Гутиерре

Молчи (*в сторону*)

(Он скажет мне.)

Какой-то бравый кабальеро
Летел так быстро на коне,
Что в ветре, веющем проворно,
Казался птицею он мне;
И можно было так подумать:
На голове его султан,
Мелькая блеском ярких перьев,
Был светом солнца осиян;
В нем луг и солнце состязались
В живой роскошности своей:
Свои цветы ему дал первый,
Второе блеск своих лучей.
И перья так переливались,
Меняли так свою волну,
Что были точно облик солнца
И походили на весну.
Вдруг в быстром беге конь споткнулся,
И, неожиданно упав,

Не птицей вольною явился,
А был как роза между трав;
И так с землей и с небом слившись
В живом сиянии своем,
Он сразу птицей был и зверем,
Звездой блестящей и цветком.

Х а с и н т а

Ай-ай, сеньора...

Д о н ь я М е н с и я

Что такое?

Х а с и н т а

Уж не грозит ли нам беда?
Кокин, ты с давних пор
Служил мне верно, вырос в доме,
Не знал, что значит горе, зло:
Прошу, прошу тебя, во имя Бога,
Скажи мне, что произошло.

К о к и н

Из состраданья я тебе сказал бы,
Сеньор, когда бы я во что был посвящен.
Свидетель Бог!..

Д о н Г у т и е р р е

Постой, кричать не нужно.

Скажи мне, чем ты был смущен?

К о к и н

Легко смущаюсь, и смутился,
И больше нет причин смущенья моего.

Д о н Г у т и е р р е *(в сторону)*

Они друг с другом знаком обменялись.

От них мне не добиться ничего.

Идите прочь.— Вдвоем мы, честь, остались,
(Кокин и Хасинта уходят.)

Идем, беда, спешим, моя тоска.
Кто видел, в горести подобной,
Чтоб плакали глаза и смерть несла рука?
(Приподнимает занавес, и видит Донью Менсию,
которая пишет.)

СЦЕНА 8-я

Донья Менсия.— Дон Гутierre.

Дон Гутierre (в сторону)
Менсия пишет. Так. Посмотрим,
Что пишет в том письме она.
(Подходит к ней и вырывает у нее бумагу.)

Донья Менсия
О, Боже! Помоги, Всевышний!
(Лишается чувств.)

Дон Гутierre
Как лед, бледна и холодна.
(Читает.)
Умоляю Его Высочество...
Из-за Высочества,— подумать,—
Так низко пала честь моя.
Не уезжать... Постой, умолкни.
С такой бедой встречаюсь я,
Что я почти благославляю
Судьбу злосчастную мою.
Не уезжай, она сказала.
Что если я ее убью
Сейчас?.. Но нет, мы так устроим:
Я отошлю служанок, слуг,
Пусть я в своем останусь доме
С своей заботою сам-друг.
И так как я любил Менсию,
И в ней я обожал жену,

В последний миг, в разлуке страшной
Пусть я ее не прокляну,
Пускай я к крайнему прибегну,
Но милосердием дыша:
Пусть жизнь ее умрет навеки,
Но не умрет ее душа.

*(Пишет и уходит.— Донья Менсия
приходит в себя.)*

СЦЕНА 9-я

Донья Менсия

Сеньор, спрячь шпагу, умоляю,
Не убивай меня своей рукой,
Свидетель Бог, невинной умираю!
Невинною! Постой, постой!
Но что со мною? Разве Гутьерре
Здесь не был? В сердце трепет, страх.
Я видела себя окровавленной,
В рубиновых тонула я волнах.
И этот обморок, о, Боже,
Предвестьем смерти был моей.
Какая странная мечта меня смутила,
Я верю и не верю ей.
Я разорву письмо.— Но что я вижу?
Что видит мой несчастный взор?
Письмо от моего супруга,
И в нем мой смертный приговор.

(Читает.)

Любовь тебя обожает, честь тебя ненавидит,
и потому одна тебя убивает и другая изве-
щает. Два часа тебе осталось жизни: ты
христианка, спаси душу, а жизнь невозможно.
О Господи! Хасинта!.. Кто там?
Никто не отвечает мне.
За страхом страх меня смущает.

Кто там? Но в мертвой тишине
Нет никого, никто не слышит.
И стены плотные молчат.
Дверь заперта. Решетка в окнах.
Кричать? Они выходят в сад.
На зов никто мне не ответит,
Никто не различит мой крик.
О тени смерти спотыкаясь,
Куда ж иду я в этот миг?
(Уходит.)

СЦЕНА 10-я

Улица.

Король, Дон Диего.

Король

Итак, Энрике отлучился?

Дон Диего

Да, государь, он из Севильи
Сегодня вечером уехал.

Король

В своей заносчивости он
Решил, что от меня способен
Лишь он один освободиться.
Куда ж бежал он?

Дон Диего

Полагаю,
Что в Консуэгру⁵.

Король

Там Инфант,
Маэстре⁶, оба пожелают
Отмстить мне за моей спиною.

Дон Диего

Они твои родные братья,
И ими ты любим как брат,
И как король их почитаем:
Так им велит сама природа.

Король

Энрике не один уехал,
Кто в путь его сопровождал?

Дон Диего

Дон Ариас.

Король

Его любимец.

Дон Диего

Чу! там поют.

Король

Пойдем на звуки,
Быть может развлекусь я песней.

Дон Диего

Гармония — услада зол.

(За сценой поют.)

Уехал нынче Дон Энрике,
Простился с Королем Инфант;
Дай Бог, чтоб грусть его и бегство
Хорошим кончились концом.

Король

Какой печальный этот голос.
Спешу на звуки, Дон Диего,
Чтоб, кто поет такие песни,
От нас теперь не ускользнул.

(Уходят оба в разные стороны.)

СЦЕНА 11-я

Зала в доме Дона Гутierre.

Дон Гутierre, Людовико, с закрытым лицом.

Дон Гутierre

Входи смелее и не бойся;
Теперь лицо открыть ты можешь,
А я взамен свое закрою.

(Закутывается плащом.)

Людовико

Всевышний да поможет мне.

Дон Гутierre

Что б не увидел, не пугайся.

Людовико

Сеньор, меня сегодня ночью
Из дома моего ты вывел,
Но чуть мы вышли из него,
Как ты, с решительностью грозной,
Кинжал к груди моей приставил,
В испуге я не мог бороться,
И ты мне завязал глаза,
Закрыв лицо, и возле дома
Сто разных мы кругов свершили.
Коль жить хочу я, ты сказал мне,
Чтоб я повязки не срывал:
Мы шли с тобою час; где шли мы,
Не знаю я. Но, если этим
Столь важным случаем смущен я,
Я изумлен теперь вдвойне,
Что я, негаданно-нежданно,
В таком богатом пышном доме,
Где никого нет, вижу только

Тебя, закутанным в плаще.
Чего ты хочешь?

Дон Гутierre
Чтоб остался
Ты здесь на краткое мгновенье.
(Уходит.)

Людовико
Какое странное событие,
В какую крайность я попал!
О, Господи!

(Дон Гутierre возвращается.)

Дон Гутierre
Настало время,
Чтоб ты вошел туда. Но прежде
Услышь меня: вот этой сталью
Пронжу я грудь твою, когда
Не сделаешь, что прикажу я.
Теперь к той комнате приблизься.
Что видишь там?

Людовико
Лик смерти вижу,
Какой-то призрак на постели,
И две свечи по сторонам,
И перед призраком распяты.
Кто это, не могу решить я,
Лицо какой-то скрыто тканью.

Дон Гутierre
Так вот, живущий этот труп
Теперь тобой убит быть должен.

Людовико
Чего же хочешь ты?

Дон Гутierre

Хочу я,

Чтоб ты ей кровь пустил,— чтоб с кровью
Вся сила от нее ушла,—
И чтоб, решительный и смелый,
Ты в эти страшные мгновенья
Не оставлял ее, покуда
Вся кровь не выйдет из нее.
Не возражать мне, если хочешь,
Чтоб я с тобой был милосердным,
И слушаться, коль жить желаешь.

Людовико

Я слушаю тебя, сеньор,
Но так исполнен весь испугом,
Что не смогу повиноваться.

Дон Гутierre

Тот, кто на большее, чем это,
Дерзнул, чтоб выполнить свой план,
Пойми, убить тебя сумеет.

Людовико

Жизнь сохранить свою хочу я.

Дон Гутierre

Отлично сделаешь; есть в мире,
Кто должен жить, чтоб убивать.
Отсюда буду, Людовико,
Я на тебя смотреть. Входи.

(Людовико входит.)

СЦЕНА 12-я

Дон Гутierre

Из всех такое средство лучше,

Чтоб скрытым было оскорбленье:
Яд обнаруженным быть может,
И раны невозможно скрыть.
Теперь же, говоря о смерти,
Я расскажу, что нужно было
Ей кровь пустить; кто усомнится,
Что именно и было так,
И что повязка развязалась?
Предосторожности я принял,
Чтобы не знал кровопускатель,
Куда пришел он, и к кому:
Иначе, если бы пришел он
С лицом открытым и увидел,
Кто эта женщина, которой
Был вынужден пустить он кровь,
Мне б это сильно повредило.
Кто эта женщина, не сможет
Теперь он рассказать, хоть стал бы
О том, что было, говорить.
Притом, когда его из дома
Я выведу, тогда, пожалуй,
Его подальше заведу я
И в темной улице убью.
Своей я чести врач: хочу я
Спасти ей жизнь кровопусканьем.
Кто честь спасает от недуга,
Тот кровью вылечит ее.

(Уходит.)

СЦЕНА 13-я

Улица.

*Король и Дон Диего, возвращаются с разных сторон;
за сценой музыка. За сценой поют.*

В Консуэгру он уехал,
Размышляет, что теперь

Сценой тысячи трагедий
Будут горы Монтиэль.

Король
А! Дон Диего.
Дон Диего
Государь мой...

Король
В этой улице поют, ты слышишь?
И кто поет, мы не узнаем?
Быть может ветер нам поет?

Дон Диего
Сеньор, не обращай вниманья
На эти глупости; не раз уж,
Чтоб досадить тебе, в Севилье
Такие пелися стихи.

Король
Смотри, идут два человека.

Дон Диего
Да, верно. Нам теперь не нужно
Ответа ждать от них, а надо
Узнать скорее, кто они.

СЦЕНА 14-я

*Дон Гуттиерре ведет Людовико, у которого
завязаны глаза.— Те же.*

Дон Гуттиерре (в сторону)
Итак, мне Небо повелело,
Чтобы, убив его, вторичным
Ключом свою замкнул я тайну.
Но нужно мне скорей уйти

От тех двоих; что было б хуже,
Как если б здесь меня узнали!
Итак, его я здесь оставлю
И прочь немедленно уйду.
(Уходит.)

СЦЕНА 15-я

*Король, Дон Диего, Людовико,
с завязанными глазами.*

Дон Диего

Из тех двоих, что подходили,
Один с поспешностью вернулся,
Другой остался.

Король

Что за странность!
При свете матовом луны
Его лицо — как лик без формы.
Как привиденье, смутный образ.
Как будто он из камня сделан
И, сделанный, недовершен.

Дон Диего

Прошу, не подходи, властитель,
Я подойду к нему.

Король

Не нужно,
Не беспокойся, Дон Диего.
Скажи мне, кто ты, человек?

Людовико

Двояко я смущен, властитель,
И дважды вынужден к молчанию:
(Открывает свое лицо.)

Во-первых, полное смиренья,
Мне возбраняет ремесло,
Чтоб с Королем я вел беседу
(Тебя по голосу узнал я,
Твой голос хорошо известен.)
А во-вторых — и новизна
Столь примечательного дела,
Какого в летописях смутных
Еще молва не заносила.

Король

Скажи мне, что произошло?

Людовико

Скажу, но лишь тебе отдельно.

Король

Встань там подальше, Дон Диего.

Дон Диего (*в сторону*)

Какие странные события
Сегодня ночью вижу я:
Бог да окончит все ко благу!

Людовико

Ее лица не мог я видеть,
Я только слышал между стонów,
Меж повторенных вздохов стон:
«О, я невинной умираю!
Пусть Небо у тебя не спросит
Отчет в моей безвинной смерти».
Сказавши это, умерла.
И в то же самое мгновенье
Был свет погашен человеком,
И я пошел по той дороге,
Которой я за ним пришел.
Здесь в улице, шаги заслышав,

Меня он одного покинул.
Сказать еще мне остается,
Что руки я смочил в крови,
И, сделав вид, что опираюсь
О стены, двери все отметил.
По этим признакам, быть может,
Сумеешь ты найти тот дом.

Король

Отлично. Если что узнаешь,
Приди ко мне, чтоб рассказать мне.
Вот этот бриллиант возьмешь ты
И скажешь, показав его,
Чтобы тебя ко мне пустили,
В какой бы час ты ни явился.

Людовико

Бог да хранит тебя, властитель.
(Уходит.)

Король

Ну, Дон Диего, что ж, идем.

Дон Диего

Что это было?

Король

Это было
Такое странное событие,
Какого мир еще не ведал.

Дон Диего

Ты опечалился, сеньор.

Король

Да, я не мог не изумиться.

Дон Диего

Тебе уснуть необходимо.
Гляди, уж день, сменяя сумрак,
Горит меж тучек золотых.

Король

Пока того, чего хочу я,
Я не найду, уснуть нельзя мне.

Дон Диего

Не видишь? Солнце уж восходит,
Ты можешь всеми узнан быть.

СЦЕНА 16-я

Кокин, Король, Дон Диего.

Кокин

Хотя б я был казнен тобою
За то, что мной тепер ты узнан,
С тобою должен говорить я,
Властитель, выслушай меня.

Король

Что за беда, Кокин, случилась?

Кокин

Поступок мой — поступок честный,
Людей достойный благородных:
Пускай я шут и скоморох,
Но раз дойдет, сеньор, до дела,
Я деловой и очень дельный.
Внимай тому, что расскажу я,
Тебя я рассмешить не мог,
Теперь хочу заставить плакать.
Обманут ложным указаньем
И честь свою спасти желая,
Стал Гутиерре ревновать.

Сегодня с этим подозреньем,
Домой вернувшись, он увидел
Супругу, пишущей Инфанту,
Чтоб он теперь не уезжал,
Чтоб ей не быть тому причиной,
Что говорить в Севилье будут,
Из-за нее, мол, он уехал...
Она невинна, говорю,
И доказать могу я это.
Тайком к ней в комнату вошел он,
Из рук ее бумагу вырвал,
Предался ревности своей,
Слуг разогнал, все двери запер
И с ней наедине остался.
Я, повинувшись состраданью
К несчастной женщине, чей рок
Влеком такой звездой враждебной,
Искал тебя, сеньор, чтоб властно
Ее от смерти неминучей
Своей рукой ты сильной спас.

Король

Чем заплатить тебе могу я
За милосердие такое?

Кокин

Свой иск, властитель, уничтожив,
Предъявленный к моим зубам.

Король

Кокин, теперь шутить не время.

Кокин

До шуток ли когда мне было!

Король

Идем немедля, Дон Диго,
Туда, — пока не вспыхнул день.

(Уходят.)

СЦЕНА 17-я

*Другая улица, и на ней дом Дона Гутьерре.
На двери виден знак кровавой руки.— Те же.*

К о р о л ь

Так я найду предлог отличный,
Чтобы войти прилично в дом.
Скажу, что в этой я одежде
Внезапно был захвачен днем.
Раз там,— в чем дело, разузнаем,
И показать сумею я,
Что вправду Царь — судья верховный.

Д о н Д и е г о

Так, превосходна мысль твоя.

К о к и н

К его уж дому подошли мы,
Пока решал ты сделать так.

К о р о л ь

Помедли, Дон Диего.

Д о н Д и е г о

Что ты?

К о р о л ь

Не видишь ты на двери знак
Руки кровавой?

Д о н Д и е г о

Слишком ясно.

К о р о л ь *(в сторону)*

Так это Гутьерре был.
Что делать? В мести был жесток он,
И так разумно поступил.

СЦЕНА 18-я

*Донья Леонор, Инес, закутанные
в мантильи.— Те же.*

Донья Леонор

С своей тоской всегдашней, в церковь
Иду до наступленья дня,
Чтобы в Севилье, мирно спящей,
Никто не увидал меня.
Но кто там? Ах, Инес! Ведь это
Король. Он входит в этот дом.

Инес

Закутайся, пока пройдет он.

Король

Совсем нет надобности в том.
Уж я узнал тебя.

Донья Леонор

Закрывшись,

Властитель, не хотела я
Жизнь пред тобою не повергнуть,
В том почестъ высшая моя.

Король

Мне нужно было бы скрываться
Перед тобою в этот миг,
Клянусь, я чувствую и помню,
Что до сих пор я твой должник;
Я обещался, не напрасно,
Что честь твою восстановлю:
Как только будет первый случай,
Я этот случай уловлю.

СЦЕНА 19-я

Дон Гутиерре.— Те же.

Дон Гутиерре (*за сценой*)
О, Небо гневное, сегодня
Отчаянию я предамся,
Коль молнию ты не пошлешь мне,
Чтобы меня испепелить!

Король
Что там такое происходит?

Дон Диего
Дон Гутиерре, как безумный,
Как сумасшествием объятый,
Из дома вышел своего.

Король
Куда идешь ты, Гутиерре?

Дон Гутиерре (*выходит*)
К твоим ногам припасть, властитель,
И о трагедии редчайшей,
О горе высшем рассказать,
Об изумлении поведать,
Что, возвышая, ужасает.
Моя любовь, моя супруга,
Менсия, добродетель чья,
Как красота, была безмерна
(Молва о том расскажет громко,
Что так была она прекрасна,
Как целомудренна была),
Она, кому я душу отдал
И отдал жизнь, сегодня ночью
Была застигнута болезнью,
И человеческий недуг

Опровержением явился
Ее божественных достоинств.
Врач, наилучший, знаменитый,
Который в мире заслужил
Похвал бессмертных, предписал ей
Кровопускание, надеясь
Восстановить ее здоровье
И важный умертвить недуг.
В конце концов ей кровь пустили;
Я сам, в то время под рукою
Слуг не имея, ни служанок,
Кровопускателя призвал.
И вот, когда сегодня утром
К ней в комнату хотел войти я...
— Но тут лишаяюсь я дыханья,
И цепенеет мой язык.
Постель была залита кровью,
В крови белье и покрывала,
И в них, о Боже, этой ночью
Менсия кровью истекла.
Легко повязке развязаться,
Но для чего стараться буду
Такие горькие несчастья
К словам бессильным низвести?
Взгляни сюда, и ты увидишь
Окровавленный облик солнца,
Луну, объятую затмением,
Покрытый тьмою звездный свод,
Лик красоты, печальной, горькой,
Тем более меня убившей,
Что вот она, мне смерть пославши,
Меня оставила с душой.

*(Занавес отодвигается, и предстает
Донья Менсия в постели.)*

К о р о л ь

Необычайное событие! (*В сторону.*)
(Здесь важно быть благоразумным.
И я себя сдержать сумею.
Он необычно отомстил.)
Скрой этот ужас, что смущает,
Скрой зрелище, что изумляет,
Скрой, Гутierre, этот символ
Необычайнейшей беды.
В несчастье нужно утешенье,
И, чтоб в утрате столь великой
Такое ж было возмещение,
Дай тотчас руку Леонор;
Пора тебе свой долг исполнить,
И нужно мне исполнить слово —
Вступиться, как предстанет случай,
За славу и за честь ее.

Д о н Г у т и е р р е

Когда от этого пожара,
Сеньор, еще дымятся угли,
Прошу, дай срок мне, чтобы мог я
Оплакать горести мои.
Не хочешь ты, чтоб наученным
Я был?

К о р о л ь

Так быть должно. Довольно.

Д о н Г у т и е р р е

Сеньор, ты хочешь, чтоб вторично,
На море бурю испытав,
Я возвратился в море. В чем же
Мне оправданье?

К о р о л ь

В том, что это
Тебе твой Царь повелевает.

Дон Гутierre

Послушай доводы мои,
Я их скажу тебе отдельно.

Король

Напрасно. Доводы? Какие?

Дон Гутierre

А вдруг опять придет такое,
Что ночью брата твоего
Там в доме у себя я встречу,
В плаще закутанным?

Король

Что делать
Тогда? Не верить подозреньям.

Дон Гутierre

А если я найду кинжал,
Принадлежащий Дон Энрике,
За собственной своей постелью?

Король

Предполагать, что в мире много
Служанок можно подкупить,
И в здравом смысле укрепиться.

Дон Гутierre

Порою здравый смысл бессилён.
А если я потом увижу,
Что днем и ночью, государь,
Вкруг дома моего блуждают?

Король

Пожаловаться мне.

Дон Гутierre

А если,
Когда я жаловаться буду,
Услышу большую беду?

Король

Что в том, раз будешь ты уверен,
Что ото всех ветров враждебных
За крепостной была стеною
Ее сокрыта красота?

Дон Гутierre

А если в дом к себе вернувшись,
Найду письмо я, где к Инфанту
Взывают, чтобы он остался?

Король

Найдется средство для всего.

Дон Гутierre

Как, и для этого найдется?

Король

Да, Гутierre.

Дон Гутierre

И какое?

Король

Твое.

Дон Гутierre

Какое ж?

Король

Кровь пустить ей.

Дон Гутierre

Что говоришь ты?

Король

Говорю,

Что должен дверь свою ты вымыть,
На ней есть знак руки кровавой.

Дон Гутierre

Кто ремесло, сеньор, имеет,
Над дверью герб он ставит свой;
Что до меня, я честью занят,
И потому руки кровавой
Отпечатлел я знак на двери.
Лишь кровью можно честь омыть.

Король

Так Леонор свою дай руку,
Она ее вполне достойна,
Известно это мне.

Дон Гутierre

Охотно. (Дает ей руку.)

Но только помни, Леонор,
Моя рука омыта кровью.

Донья Леонор

Я не дивлюсь и не пугаюсь.

Дон Гутierre

Но я врачом своей был чести,
И врачеванья не забыл.

Донья Леонор

Припомни, если будет нужно.

Дон Гутierre

Условье это принимаю.
И Врач своей здесь чести кончен.
Простите, в чем он прегрешил.

ВОЛШЕБНЫЙ МАГ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Киприан
Дьявол
Флор
Лелий
Москон
Юстина, дама
Ливия, служанка
Лисандр, старик
Правитель Антиохии
Фабий, слуга
Кларин
Слуга
Солдат
Солдаты
Толпа

Сцена в Антиохии и за стенами ее.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ

*Лес вблизи Антиохии*¹

СЦЕНА 1-я

*Киприан, одетый как студент, Кларин
и Москон, как студенты-приживальщики, с книгами.*

К и п р и а н

В уединении приятном,
В невозмутимом этом месте,
В красиво-стройном лабиринте
Стеблей, деревьев и цветов
Меня вы можете оставить,
Со мной оставив (их довольно,
Чтоб быть мне обществом приятным)
Те книги, что велел я вам
Принести из дома; потому что,
Пока Антиохия славит
Такою пышностью праздник,
И освящает новый храм
Юпитеру, и всенародно
Туда относит изваянье,
Чтобы с достоинством там бóльшим
Ему оказывать почет,
Я, убегая от смятенья,
От шума площадей и улиц,
Остаток дня теперь желаю
Весь изученью посвятить.
Идите ж в Антиохию
И оба в празднествах участие
Примите, а сюда позднее
Прийти вы можете за мной,
Когда, спадая книзу, солнце

Захочет схорониться в волны,
Которые средь облак смутных
Серебряный готовят гроб
Для исполина золотого.
Так значит здесь меня найдете.

Москон

Я не могу пойти на праздник,
Хоть очень быть желаю там,
Не вымолвив перед уходом
Пять тысяч слов. Возможно ль это,
Чтоб в день столь праздничный, веселый,
Четыре книги, господин,
С собою взяв, ты вышел в поле
Один, к веселью повернувшись
Спиной.
Наш господин отлично

Кларин

Так поступает. Что скучней
Процессий в праздник, братств и плясок?

Москон

Кларин, коль можно молвить правду,
Живя с лукавством и уменьем,
Ты применяющийся льстец:
Что делает он, это хвалишь,
Что чувствуешь, о том молчанье.

Кларин

Ты ошибаешься (так будет
Сказать учтивее: «Ты лжешь»,—
Когда лицом к лицу беседа),
Что чувствую, то выражаю.

Киприан

Москон, довольно,— и довольно,

Кларин. В невежестве своем
Всегда упорствовать хотите,
Друг с другом непременно споря.
Ступайте же и (как сказал я),
За мной придете в час, когда
Настанет ночь, окутав в тени
Строенье светлое вселенной.

Москон

Бьюсь об заклад. Хоть и сказал ты,
Что празднества — один пустяк,
На них смотреть сейчас пойдешь ты.

Кларин

Подобный вывод очевиден:
Тот, кто другим дает советы,
Сам так не будет поступать.

Москон *(в сторону)*

Чтоб Ливию скорей увидеть,
Хотел бы в крылья я одеться.

(Уходит.)

Кларин *(в сторону)*

Хотя, коль точно молвить правду,
Мне в Ливии приманка чувств.
И так держать туда дорогу
Само мне имя указывает:
Раз Ливия — не вправо, влево,
И будешь с Ливией счастлив.

(Уходит.)

СЦЕНА 2-я

Киприан.

К и п р и а н

Один я, и теперь мне можно,
Коль только хватит разуменья,
Вопрос тот рассмотреть подробно,
Который душу захватил
С тех пор, как в Плинии прочел я
То место, где в словах он странных
Дает определенье Бога ².
Нигде не видит разум мой
Такого Бога, чтоб сошлись в нем
Такие знаменья и тайны.
Сокрытость истины подобной
Я должен зорко рассмотреть.
(Начинает читать.)

СЦЕНА 3-я

Дьявол, в праздничном наряде.— Киприан.

Дьявол (в сторону)

Как ни читай и как ни мысли,
Той правды, Киприан, не сможешь
Достигнуть ты, ее я скрою.

К и п р и а н

Какой-то шум среди ветвей.
Кто там?

Дьявол

Я, господин мой, странник,
С утра в лесу я потерялся,
Мой конь измучен, и усталый
На изумрудном он ковре

Пасется там, в лесистой чаще.
Мой путь лежал в Антиохию,
Где важное имею дело.
От каравана отойдя,
Я так заботами развлекся,
(Кто этого лишен богатства?)
Что вовсе сбился я с дороги
И потерял друзей и слуг.

К и п р и а н

Я изумляюсь, что могли вы,
В виду высоких этих башен
Антиохии, заблудиться:
Тропинок полон этот лес,
Он ими целиком исчерчен,
Любой пойдите, непременно,
В пути достигнув средоточья,
Дойдете до ее вы стен.

Д ь я в о л

Неведения в том и свойство,
Что пред лицом различных знаний,
Как применить их, не умеешь.
Решивши, что нехорошо,
Чтобы вошел в чужой я город,
Где никому я неизвестен,
Один, в расспросах о дороге,
Здесь подожду, куда ночь
Не завладеет днем победно.
По вашей я сужу одежде
И потому, что с вами книги,
Наклонны к изученьям вы,
А к тем, кто любит изученье,
Большую чувствую я склонность.

(Садится.)

К и п р и а н

Вы занимались изученьем?

Д ь я в о л

Нет. Но довольно знаю я,
Чтоб не был я вполне несведущ.

К и п р и а н

Какие ж знанья вам известны?

Д ь я в о л

Их много.

К и п р и а н

Если изучаешь

Одну науку много дней,
И то ее не достигаешь,
А вы (великое тщеславье!),
Наук совсем не изучавший,
Так много ведаете их?

Д ь я в о л

Да, потому что из страны я,
Где познают, не изучая,
Круг знаний даже высочайших.

К и п р и а н

Будь это родина моя!
Чем более здесь изучаешь,
Тем более твое незнание.

Д ь я в о л

Мое столь верно утверждение,
Что я, совсем не изучав,
До первой кафедры стремился,
И мой расчет почти был верен,
Я голосов имел так много,
А если потерял ее,

Довольно, что ее хотел я:
Похвальные есть поражения.
Коль не хотите в это верить,
Скажите мне, в чем ваш предмет,
И вмиг начнем мы рассужденья.
Хоть я не знаю ваше мнение,
Допустим — это мнение верно,
В противном буду убеждать³

К и п р и а н

Весьма мне радостно, что в этом
Ваш ум находит развлеченья.
Из Плиния одно мне место
Неясно, как ни поверну:
Постичь не в силах, о каком он
Там боге рассужденье строит.

Дьявол

Я помню четко это место —
«Бог высшая есть доброта,
Он сущность, также как основа,
Весь зрение, и весь он руки»⁴.

К и п р и а н

Так.

Дьявол

В чем же ваше возраженье?

К и п р и а н

Где Бог такой, не знаю я,
Как тот, о коем мыслит Плиний⁵.
Коль нужно высшей доброю
Его считать, так и Юпитер
Не высшая есть доброта,
Уж видим, он во многом грешен:
Пусть обольщенная Даная
С похищенной им Европой

Об этом точно говорят.
Так как же в добротe верховной,
Чьи действия должны быть святы,
Собой божественность являя,
Вместится прах людских страстей?

Дьявол

Обманные легенды это,
В которых нам мирское знанье
Под именем богов являет
Моральной мудрости устав.

Киприан

Он недостаточен, ответ ваш:
Величество должно быть Бога
Таким, чтоб дерзостные вины
Не льнули к имени его,
Хотя б и вымыслами были.
И, данный случай обсуждая,
Коль боги высшей добротой
Зовутся, значит, вывод тот,
Что к лучшему они стремятся.
Так как же одного желают
Одни, другие же другого?
А это ясно видим мы
В тех, столь сомнительных, ответах,
Что нам дают их изваянья⁶.
Чтоб не сказали вы вторично,
Что на мирское знанье я
Ссылаюсь... Вот стоит два войска,
Обоим идола сказали,
Что битва выиграна будет,
Одним проигран этот бой,—
Не ясный ли отсюда вывод,
Что две противоборных воли
Не могут к той же самой цели
Идти? Коль встреча суждена,

И видим, что одна благая,
Другая воля — злой должна быть.
Дурная воля в Боге, это
Бессмысленно вообразить.
Итак, нет благодати верховной,
Коль в них недостает единства.

Дьявол

Посылки не приемлю главной.
Те изречения, что нам
Даются идолами, служат
Для целей, коих ум бессилен
Достичь и оценить, затем что
Здесь провиденье, и важней
Тому, кто потерял сраженье,
То поражение в состязаньи,
Чем победителю победа.

Киприан

Согласен. Все же этот Бог,—
Ведь не обманывают боги,—
Не должен был бы о победе
Вещать им, как о достоверном:
Довольно было бы ему
То поражение дозволить,
Не утверждая достоверность.
И, если только Бог — весь зренье,
Так увидал бы всякий Бог
Конец, предвидящийся четко.
И, видя, уверять не стал бы
В том, что не может совершиться.
И пусть такое божество
Различно будет в лицах разных,
Но в обстоятельстве малейшем
Оно по сущности едино.

Дьявол

Тут было важно для него
Так через голос двигать чувства.

Киприан

Коль было важно двигать чувства,
Есть гении ⁷ для этой цели,
(Которых добрыми зовут
Ученые, а также злыми),
То духи, что меж нами бродят,
Своим влияньем нам диктуя
Ряд добрых дел, а также злых,
Тем аргумент осуществляя
Бессмертия души, и с ними,
Способность лжи нам не являя,
Отлично мог бы этот Бог
Все чувства приводить в движенье.

Дьявол

Заметьте, что противоречья
Богам не возбраняют вовсе
Быть вместе божеством одним,
Затем что никогда раздора
В них нет ни в чем, что было б важно.
И это можно четко видеть
В строеньи человека... Он
Был создан замыслом единым.

Киприан

Коль был он замыслом единым,
Так очевидно пред другими
В нем преимущество тогда.
А если допустить, что равны
Все божества, хоть между ними
(Чего нельзя вам отрицаться)

Противоборство в чем-то есть,
При созиданьи человека,
Чуть Бог один о том помыслил,
Другой сказал бы: «Не хочу я,
Чтоб в мире был он сотворен».
Так если только Бог — весь руки,
Чуть бог один его творил бы,
Другой его бы мог разрушить.
И если равны две руки
В могуществе, но в данной хоти
Неравны и противоборны,
Какой же суждена победа
Из этих двух?

Дьявол

Немыслим спор

И созиданье аргумента,
Когда посылки невозможны
И ложны! Но какой отсюда
Вы вывод сделали сейчас?

Киприан

Я мыслю: Бог есть, что являет
Верховную собою благодать,
Он высшее благоволенье,
Весь руки, он непогрешим,
В себя обмана не включает,
Верховный, вне он состязанья,
Бог, и никто с ним не сравнится,
Начало без начала он,
Он бытие в себе, и сущность,
Он власть, единое хотенье,
Когда же он, как таковое,
Одно, иль два, иль больше лиц,
Он, Богом будучи верховным,
Быть должен в сущности единым,
Причина всех причин.

Дьявол (*вставая*)

Такую

Как очевидность отрицать?

Киприан

Настолько велика досада?

Дьявол

А кто ж досады избежал бы,
Увидя, что другой — соперник
По разумению ему?
И нет в ответах недостатка,
Но больше отвечать не стану:
В лесу идут, я вижу, люди,
И в город продолжать мой путь
Настал уж час.

Киприан

Идите с миром.

Дьявол

И вы здесь пребывайте в мире.

(В сторону.)

*(Хоть преуспел ты в изученьях,
Тебя заставлю их забыть,
Увлечшись редкой красотой.
Я разрешение имею,
Отдавшись ярости, Юстину
Преследовать, — дать мести путь
Осуществлю в одном деяньи.)*

(Уходит.)

Киприан

Тот человек, он необычный,
И я не видывал такого!
Но слуг моих все нет и нет,
И возвратиться я желаю
К причине стольких размышлений.
*(Снова начинает читать, не замечая
тех, которые приходят.)*

СЦЕНА 4-я

Лелий, Флор. — Киприан.

Л е л и й

Нам далее идти не нужно,
Лишь эти скалы, эта сеть
Пустых ветвей переплетенных
И входа солнцу не дающих,
Одни свидетелями будут
Дуэли нашей.

Ф л о р

Шагу вынь.
За дело. Все слова уж были.

Л е л и й

Известно мне, что в чистом поле
Язык молчит, и речь за сталью.
(*Бьются.*)

К и п р и а н

Стой, Лелий! Флор, остановись!
Что вижу я? Довольно боли,
Меж вас я встану безоружный!

Л е л и й

Ты, Киприан? Пришел откуда,
Чтоб мести помешать моей?

Ф л о р

Ты из стволов выходишь этих?
Ты выбросок ветвей нависших?

СЦЕНА 5-я

Москон, Кларин. — Те же.

Москон

Беги, там с нашим господином
Схватился кто-то, блещет сталь.

Кларин

Чтобы к таким вещам бежал я?
Да никогда. От них — охотно.

Москон и Кларин (*вместе*)
Наш господин...

Киприан

Ни слова больше.
Что вижу я? Два друга здесь,
Что славою своей и кровью
Сейчас для всей Антиохии
Являют око и надежду, —
И сын Правителя один,
Другого славный род — Коляльтос, —
Двумя так жизнями играют,
Что могут родине быть честью!

Лелий

Хоть я исполнен, Киприан,
К тебе великим уваженьем,
И в это самое мгновенье
То чувство шпагу удержало,
Не обращай ее к ножнам,
Ты сделать этого не можешь.
Ты знаешь более в науках,
Чем в поединках, и не можешь
Постичь, что, если меж двоих
Дуэль, так здесь на поле битвы

Соображенья нет такого,
Чтоб эти двое благородных
Друзьями стали, но устав,
Чтоб из двоих один здесь умер.

Ф л о р

Я с тем же обращаюсь словом
К тебе, прося, чтобы ушел ты
С своими слугами, и мы
Могли сражаться без помехи,
По чести и без преимуществ.

К и п р и а н

Хоть мнится вам, что в изученьях
Условий поединка ⁸ я
Не знаю, что дуэль наука
Лишь дерзких, в этом вы не правы:
Мое рождение решило,
Чтоб тот же долг мой был как ваш?
И в нем есть честь, и в нем бесчестье,
Известно мне. Отдавшись знаньям,
Мою я храбрость не принизил,
Не в первый раз рука с рукой
Идут науки и оружие.
Коль вышли в поле вы, чтоб биться,
Вы бились, нет тут оговорки,
И невозможна клевета.
Так значит, можете сказать вы,
В чем повод был для этой ссоры,
И если я, о том услышав,
Увижу, что один из двух
Имеет к удовлетворенью
Предлог и повод, вас оставлю,
И я даю вам в этом слово.

Л е л и й

Коль в этом слово нам даешь

И обещаешь не мешать нам,
Я рассказать хочу причину.
Люблю одну я даму сердцем,
И эту даму любит Флор.
Решай же, как согласовать нас.
Возможности не существует,
Чтоб благородных двух ревнивцев
Заставить позабыть их страсть.

Ф л о р

Ее люблю я и желаю,
Чтобы не смело даже солнце
Смотреть на лик ее, — так значит
Здесь средства никакого нет,
И, дав нам слово не мешать нам,
Теперь уйди.

К и п р и а н

Постойте. Нужно
Мне больше знать. Что́, эта дама
Возможна для надежды вам
Иль для надежды невозможна?

Л е л и й

Так благородна, так отменна,
Что, если Флор ревнует к солнцу,
Не должен был бы ревновать
И к солнцу, потому что, мыслю,
Что и оно ее не видит.

К и п р и а н

Хотел бы ты на ней жениться?

Ф л о р

Надеюсь я на то.

К и п р и а н

А ты?

Л е л и й

О, если б пожелало небо,
Чтоб счастья этого достиг я!
Она бедна, и чрезвычайно,
Но ей приданым — честный нрав.

К и п р и а н

Так если оба вы хотите
На ней жениться, разве это
Не преступленье и не низость
Ее ославить перед тем?
Что скажут люди, если только
Один в супружество с ней вступит,
Из-за нее убив другого?
Пусть повода не будет тут,
Чтоб говорить, — довольно если
Без повода молва возникнет.
Не говорю, чтоб вы служили
Одновременно ей, — о, нет,
Так говоря, я был бы низким.
Влюбленный, подавивший ревность,
Чтоб эту допустить возможность,
Бесславые тем бы совершил.
Но говорю, чтоб вы узнали,
Кого из двух предпочитает
И после...

Л е л и й

Стой. Ни слова больше.

Деянье низкое — пойти
Спросить у дамы, чтоб сказала,
Кого предпочитает дама.
Один из двух ей будет выбран,
Я или Флор. Так коли я,
Еще в том больше оскорбленья:
Ту любит кто-то, кем я избран.
А если выбирает Флора,

Свирепость высшая есть в том:
Кого люблю — другого любит.
Итак, излишне знать, что скажет:
Какой ответ мы ни узнаем,
Вернуться к шпагам надо нам.
За честь свою любимый встанет,
Другой искать отмщенья будет.

Ф л о р

Согласен, что это мнение
Удостоверено вполне,
Но с дамами, что позволяют
Себя любить и выбирают
Свою любовь. Итак, сегодня
Спрошу о ней ее отца.
И так как мне вполне довольно,
Что вышел я со шпагой в поле,
(И так как,— довод наибольший,—
Мешает как-то биться мне),
Я, Лелий, меч слагаю в ножны.

Л е л и й

Меня отчасти убедил ты.
Я мог бы это рассуждение
Проверить доводом своим,
Но верно ты или неверно
В том рассуждаешь, я согласен.
Пойду отца ее сегодня
О ней просить.

К и п р и а н

Предположив,
Что служите вы оба даме,
И в том ей не грозит опасность,—
Вы оба твердо заявили,
Что добродетельна она,—
Скажите мне, кто эта дама.

Имея в городе влиянье,
Я буду от лица обоих
С ней говорить, чтобы, когда
Отец с ней заведет беседу,
Она уже об этом знала.

Л е л и й

Мне нравится, как говоришь ты.

К и п р и а н

Так кто же это? Ваш ответ?

Ф л о р

Юстина это, дочь Лисандра.

К и п р и а н

Когда о ней вы говорите,
Хваленья ваши были малы.
И благородна, и чиста.
Я к ней немедленно отправлюсь.

Ф л о р *(в сторону)*

Ко мне ее да склонит небо,
Она всегда неблагосклонна.

(Уходит.)

Л е л и й

Да изберет любовь меня,
Венчая лаврами надежду.

(Уходит.)

К и п р и а н

Да даст мне рок, чтоб устранил я
Злословия и злополучья.

(Уходит.)

СЦЕНА 6-я

Москон, Кларин.

Москон

Вы, ваша милость, расслыхать
Изволили, что господин наш
К Юстине в дом направил путь свой?

Кларин

Да, сударь мой. А что ж такое,
Что он пошел иль не пошел?

Москон

Там вашей милости не место.

Кларин

А по какой бы то причине?

Москон

А потому, что по служанке
Юстины, Ливии, совсем
Я помираю. Не хочу я,
Чтоб видело ее и солнце.

Кларин

Довольно. Ссориться не буду
Я из-за дамы никогда,
Что быть должна моей супругой.

Москон

Такую мысль я одобряю,
И пусть сама она заявит,
Кто нелюб ей и кто люб.
Идем туда с тобою оба,
Пусть выберет.

К л а р и н

Тот план прекрасен.
Хоть выберет тебя, боюсь я.

М о с к о н

Уверенность имеешь в том?

К л а р и н

Да, Ливии неблагодарны⁹,
И худшее всегда возьмут.

(Уходят.)

Зала в доме Лисандра.

СЦЕНА 7-я

Юстина. Лисандр.

Ю с т и н а

Себе не в силах утешенья
Придумать я, владыка мой,
Увидев этот грех большой,
И всенародность заблужденья.
Весь город освящает храм,
И лик в нем — в почитаньи строгом,
Который быть не может богом,
Но явственно моим глазам,
Хоть нет свидетельства такого,
Что дьявол там, родник обид,
Из бронзы мертвой говорит.

Л и с а н д р

Такое говоря мне слово,
Юстина, ты, сейчас скорбя,
Вполне похожа на себя.
Как не скорбеть о власти злого?

Трагедия ужасна та,
Что терпит вера здесь Христа.

Юстина

Скорбеть должна я без сомненья,
Еще бы, я ведь дочь твоя,
И ею не была бы я,
Когда б не знала огорченья.

Лисандр

О, горе мне! Ты мне не дочь,
Юстина! А не то счастливым
Я был бы. Вот я взят порывом,
Из сердца тайна вышла прочь.
И как мне этому помочь?

Юстина

Что говоришь мне, мой владыка?

Лисандр

Не знаю сам, я так смущен.

Юстина

Ты так не раз был огорчен,
Не раз внимала звуки всклика
Такого же, как вот теперь.
Но никогда я не хотела
Коснуться тайного предела,
Раскрыть в мое страданье дверь,
Покой твой берегла я, верь.
Но вижу, было заблуждением
Не постараться распознать,
Что так велит тебе страдать,
Так преклонись к моим молениям,
Я, тайну выслушав твою,
Не разглашу, а утаю.
Расстанься же с своим мученьем
И сделай вольной грудь свою.

Л и с а н д р

Юстина, тайна то большая,
Боясь влиянья вести злой,
Всегда щадил я возраст твой,
Ее так тщательно скрывая.
Но видя, что способна ты
Теперь сама на рассужденье,
Я, убегая слепоты
И зная, что мое томленье
Есть смертной сени предваренье,
Теперь уж не могу молчать
И долга вижу я свершенье
Той тайны разрешить печать.
И скорби мне отдаться надо,
Чтобы была твоя отрада.

Ю с т и н а

Боязни я полна сейчас.

Л и с а н д р

Я покорю свое волненье.

Ю с т и н а

Окончи же мое смущенье.

Л и с а н д р

Юстина, слушай мой рассказ.
Лисандром я зовусь¹⁰, как знаешь...
Да не дивит тебя нисколько,
Что именем я начинаю
Повествование мое.
Хотя мое ты имя знаешь,
Что обо мне тебе известно,
Как не одно лишь это имя?
Но повесть следует за ним.
Из города того я родом,
Что на семи горах гнездится,

Тот город — каменная гидра,
Имеющая семь голов ¹¹
Там царства Римского столица,
Приют для христиан достойный,
Лишь Рим заслугу ту имеет.
В том городе родился я,
Родители мои смиренны,
Коль именем смиренных должно
Тех называть, кого наследство
Ряд добродетелей таких.
Родились оба в христианстве,
Благосчастливые потомки
Тех, кто своею красной кровью
Томленья жизни завершил,
Запечатлев триумф над смертью.
Я вырос в христианской вере
И с детства так ей был научен,
Что, на защиту встав ее,
Я жизнь отдам, и многократно.
Был юношей, как в Рим сокрыто
Разумный Александр, наш папа ¹²,
Пришел — апостольский престол
Занять, и не имел он места,
Где б мог престол тот находиться.
Язычников жестоких ярость,
Чтоб жажду утолить свою,
Кровь мучеников проливает,
И Церковь подлинная ныне
Своих детей лелеет втайне,—
Не потому, что смерть страшна,
Не потому, чтоб строгих пыток
Они боялись,— потому лишь,
Чтобы мятежная суровость
Не истребила сразу всех,
А коль разрушена вся Церковь,
В ней больше никого не будет,
Кто просвещение давал бы

Язычникам, и их учил.
В Рим прибыл Александр, и, тайно
Его увидев, получил я
Благословенье, посвященье,
В достоинство был возведен,
В котором пребывает святость,
И зависти к ней полон ангел,
Затем что средь живущих этим
Отмечен только человек.
Мне Александр дал повеленье
В Антиохию путь направить,
Чтоб проповедовал я тайно
Закон Христа. Покорный, я,
Столь многие пройдя народы,
Путь совершил в Антиохию;
Когда же наконец увидел
С величественных этих гор
Верхи золотые гордых башен,
Меня оставило вдруг солнце,
День увлекая за собою,
Мне видеть дав лицом к лицу
Замену солнечную, звезды,
Как бы в залог того, что скоро
Оно придет меня увидеть.
Но с солнцем путь я потерял
И, горестно во тьме блуждая,
В извилинах и скал и чащи,
Себя увидел в месте скрытом,
Где пряди трепетных лучей,
Что изливал живой тот факел,
Невидимы для зренья были
Что было там листвою зеленой,
То стало мраком смутных туч.
Я там решил дожждаться солнца
И, дав простор воображенью,
Что столь законен для мечтанья,
С уединением я вел

Многоразличные беседы.
Так пребывал я, — вдруг раздался
Чуть слышный возглас, — вздох неясный,
Едва был эхом донесен,
И, где возник, туда вернулся.
Все чувства обратил я к слуху
И с большей четкостью услышал
Дыханье слабое и вздох,
Немой язык печальных сердцем,
Единственный, что им дарован.
То стон был женщины, и тотчас,
Тот покрывая слабый вздох,
Раздался голос человека,
Вполголоса сказал мужчина:
«На крови самой благородной
Пусть будет первое пятно
Моей рукою стерто лучше,
Чем если умереть должна ты
В руках у палачей презренных!
Прерывисто ему в ответ
Несчастливая так говорила:
«Хоть над своею кровью сжался,
Когда меня ты не жалеешь!»
Я к ним приблизиться хотел,
Дабы жестокость не свершилась,
Но я не мог, умолкли звуки,
И лишь мужчину увидел я,
Он удалялся на коне.
Но жалости моей магнитом
Опять возник тот голос слабый
И лепетал, стонал, рыдая,
И, замирая, говорил:
«Я мученицей умираю,
Невинною и христианкой!»
Как на звезду, пошел на голос
И быстро я дошел туда,
Где женщина боролась с смертью

Во тьме, где смутно было видно.
Едва мою услышав поступь,
С усильем молвила она:
«Вернись, кровавый мой убийца,
Не дай мне и минуты жизни!»
«Не тот я,— говорю в ответ ей,—
Случайно я пришел сюда,
Но, может быть, ведомый небом,
Чтоб вам помочь в беде великой!»
«...Уж невозможно,— отвечала,—
Мне состраданием помочь,
Жизнь истекает с каждым мигом,
Но пусть благоволенье ваше
В несчастной этой сохранится,
Которой небом суждено,
Родившись из моей могилы,
Наследовать моим несчастьям!»
Последний вздох свой испустила,
А я увидел...

СЦЕНА 8-я

Ливия.— Юстина, Лисандр.

Л и в и я

Господин,

Купец, которому ты должен,
Пришел за деньгами, с ним власти,
Сказала, что тебя нет дома.
Скорее выйди в эту дверь.

Ю с т и н а

О, как огорчена я этим!
Тебя прервали в то мгновенье,
Когда я всей душой внимала
Повествованью твоему.
Но уходи теперь, владыка,
А то тебя увидят власти.

Л и с а н д р

О, горе, сколько огорчений
Претерпеваешь от нужды!

(Уходит.)

Ю с т и н а

Я слышу там шаги. Конечно,
Они приходят.

Л и в и я

Нет, другие.

То Киприан.

Ю с т и н а

Чего же хочет

Здесь Киприан?

СЦЕНА 9-я

Киприан, Кларин, Москон. — Юстина, Ливия.

К и п р и а н

Лишь вам служить.

Увидя, что отсюда власти
Выходят, я, подвигнут дружбой,
Соображая о Лисандре...

(В сторону.)

(Во мне смущенье)... может быть...

(В сторону.)

(Какой по жилам сильный холод!)
Служить вам в чем-нибудь могу я...

(В сторону.)

(О, нет, не холод, это пламень!)

Ю с т и н а

Вас небо да хранит века!

Отцу благоволенье ваше
Почетно, также как и важно.

К и п р и а н
Всегда готов вам быть слугою.
(В сторону.)
(Но что смущает мой язык?)

Ю с т и н а
Он вышел и его нет дома.

К и п р и а н
Тогда сказать сейчас могу я,
Что, госпожа, меня приводит:
Причину я уже сказал,
Но не единственная это.

Ю с т и н а
Итак, чего же вы хотите?

К и п р и а н
Я буду краток и хочу я,
Чтоб вы услышали меня.
Исполненная чар Юстина,
Краса людского естества
В вас знак являет божества,
Меня единая причина
Сюда приводит в этот час,
Чтоб ваш покой лелеял вас.
Но видите, в том тирания,
Что берегу я ваш покой,
А нарушаете вы мой,
И пытки здесь терплю такие.
Был Лелий так любовью взят,
(Он в том имеет оправданье!)
И Флор любовью так объят,
(Понятно это состоянье!)

Что оба,— этот, как другой,—
Друг друга быстрою рукой
Убить хотели. Во вниманье
(О Боже!) к вам, им помешал.
Я зло умножил, не исправил:
Других от смерти я избавил,
Но в вас я смерть мою снискал.
Во избежание злословий,
От них двоих пришел сюда,
(Не приходил бы никогда!)
Чтоб во вниманье к их любви
Судьей вы были их забот,
Решили, этот или тот
Способен в вас будить не гневность.
Но мне за что подобный гнет?
Их чувств хочу свести я счет,
А вы даруете мне ревность.
Так, госпожа, свожу к концу:
Хочу я, чтобы вы сказали,
Кого из двух (о час печали!)
Избрали,— к вашему отцу
Тогда придут (о я несчастный!),
Чтоб все решил он мыслью властной.
Вот притязания мои.
Но только знайте (я сгораю!)—
Несправедливо (умираю!),
Чтобы ходатайство свое
Я выполнял за их мученье,
За их любовь, а в то мгновенье
Я сам бы чувствовал ее.

Юстина

Бесчестное то предложенье
Так озадачило меня,
Что сразу онемела я
И вдруг лишилась рассужденья.
Что означает эта речь?

Я повод не давала Флору,
Ни Лелию, дабы позору
Таких мне подвергаться встреч.
И видя, как я к ним сурова,
Понять могли бы вы пример,
Чтоб избежать подобных мер,
Не строя здесь такое слово.

К и п р и а н

Коль был бы вами, кто любим,
Я, на вниманье притязая,
Явился б низким и дурным,
Во мне была бы страсть слепая.
Но вас скалою твердой зная
И зная, что волна шумит,
А вы пред нею, как гранит,
Себя другими не карая,
Я вас люблю, и никаких
Себе примеров в тех двоих
Не нахожу. Какое слово
Я Лелию снесу?

Ю с т и н а

Чтоб он

В себе рассеял этот сон,
Я много лет к нему сурова.

К и п р и а н

А Флору что?

Ю с т и н а

Чтоб в стороне,

Вдали держался он.

К и п р и а н

А мне?

Юстина

Чтоб ваша страсть была скромнее.

Киприан

Но страсть любви есть Бог.

Юстина

Для вас
В ней больше силы в этот час?

Киприан

Да, этот бог во мне сильнее.

Юстина

Ответ дала (как дать яснее?)
Для Флора, Лелия и вас.

(Уходит, и Киприан также.)

СЦЕНА 10-я

Кларин, Москон, Ливия.

Кларин

К вам, госпожа, мы за ответом.

Москон

К вам за ответом, госпожа.

Кларин

Вниманьем вашим дорожа,
Мы оба ждем.

Ливия

Что скрыто в этом?
Чего хотите?

К л а р и н

Мы хотим

Сказать, что оба вас мы любим,
Еще минута — и погубим
Друг друга, сразу истребим.
Но, городских бежа злословий,
Скажите, кто из двух любим
Иль может ожидать любви?

Л и в и я

Настолько я огорчена,
Что так со мной вы говорите,
Что потеряла все я нити,
Нет разума, я смущена.
Чтоб одного я выбирала?
Мое страданье таково?
И так терпеть! Я — одного!
Ума во мне настолько мало,
И так слаба душа моя,
Чтоб не двоих избрала я?

К л а р и н

Двоих в одно и то же время?
Тебе не будет в этом бремя?

Л и в и я

Нет, женщины, — скажу я вслух,—
Мы переварим сразу двух.

М о с к о н

И будешь в этом ты счастливой?

Л и в и я

Какая глупость — повторять!
Могу любить, любить опять,
Я честно...

Москон

Как?

Ливия

Альтернативой.

Кларин

Альтернатива? Это что ж?

Ливия

А каждый ты — свой день возьмешь.

(Уходит.)

Москон

Так, я сегодня выбираю.

Кларин

Не спорю с прихотью твоей:
День будет завтрашний длинней.

Москон

Так как бы ни было, а знаю,
По Ливии я помираю,
И нынче Ливия моя.
И этим очень счастлив я.

Кларин

Я, ваша милость, вам известен.

Москон

Что утверждаешь? Заключай.

Кларин

Я заключил, что, как я честен,
Двенадцать бьет, и ты прощай.

(Уходит.)

Улица.

СЦЕНА 11-я

*Флор и Лелий, в ночной одежде, каждый
приходит со своей стороны.*

Л е л и й (про себя)

Чуть только ночь объята мраком,
Покров распространился черный,
Как я до этого порога
Молиться сердцем прихожу.
Хоть Киприан сумел сегодня
Сдержать стремившуюся шпагу,
Но не сдержал он этим чувство,
Возможно ль чувства задержать.

Ф л о р (про себя)

Пусть здесь заря меня находит.
Когда не здесь, я мучусь буйно,
В других местах себя я вижу
Вне средоточья моего.
О, пусть любовь зарю торопит,
От Киприана жду ответа,
Гадаю, будет ли в нем счастье,
Или опасность и печаль.

Л е л и й (в сторону)

Какой-то шум в окне я слышу.

Ф л о р (про себя)

Какой-то шум там на балконе.

СЦЕНА 12-я

*Дьявол, открывает окно в доме Лисандра.
— Флор, Лелий.*

Лелий (в сторону)

Оттуда вышел кто-то смутный.

Флор (в сторону)

Кого-то вижу средь теней.

Дьявол (про себя)

Дабы преследовать Юстину,
Как это я намереваюсь,
Ее дерзну я так ославить.

(Спускается по лестнице.)

Лелий (в сторону)

Несчастный! Что я вижу здесь!

Флор (в сторону)

Злосчастный! Что здесь взор мой видит!

Лелий (в сторону)

С балкона устремился книзу
Неявственный какой-то призрак.

Флор (в сторону)

Из дома вышел человек.
О, ревность, дай мне жить, покуда
Я не узнаю, кто он, этот.

Лелий (в сторону)

Узнаю, кто он, и проверю,
Кто счастье мое украл.

*(Оба приближаются, с обнаженными шпагами,
чтобы узнать, кто спустился наземь.)*

Дьявол (про себя)

Не только я теперь Юстину
Ославлю¹³, но затею ссоры
И вместе вызову убийства.
Раскройся предо мной, земля,
Дабы глаза их усомнились.

*(Погружается в землю. Флор и Лелий
стоят лицом к лицу.)*

СЦЕНА 13-я

Флор, Лелий.

Л е л и й

Кто бы ни были вы здесь, достойный,
Но кто вы, я узнать решился,
И с этой целью прихожу.
Так отвечайте же мне, кто вы.

Ф л о р

Коль оттого ваш гнев отважный,
Как тайно служите любви,
Так я скажу, что мне важнее
Узнать, кто вы,— в вас любопытство,
Во мне же ревность. Бог свидетель,
Узнать, кто в доме господин,
Я должен,— кто в такое время,
Спускаясь с этого балкона,
Уносит то, о чем скорблю я,
Томясь у этого окна.

Л е л и й

Прекрасно выдуманно это.
Мне приписать бесславье чувства
И счесть, что я, не вы, преступный.
Кто вы, я должен знать теперь.
Того хочу теперь убить я,

Кто ревностью меня убил здесь,
Спускаясь с этого балкона.

Ф л о р

Как глупо так пытаться скрыть
Любовь, которая открыта.

Л е л и й

Напрасно языком стараться
Узнать, что сталь узнает лучше.

Ф л о р

И сталью отвечаю я.

(Они бьются.)

Л е л и й

Я должен знать и я узнаю,
Кто стал любовником Юстины.

Ф л о р

Или умру или узнаю,
Кто вы. Решился я на то.

СЦЕНА 14-я

Киприан, Москон, Кларик — Флор, Лелий.

К и п р и а н

Прошу сдержаться благородных,
Коль может обязать к тому вас,
Что вовремя сюда я прибыл.

Ф л о р

Никто не вынудит меня,
Чтоб я намеренье оставил.

К и п р и а н
Флор?

Ф л о р
Да, когда держу я шпагу,
Свое я не скрываю имя.

К и п р и а н
Так пусть умрет обидчик твой.
Я за тебя.

Л е л и й
Вас всех я меньше
Боюсь, чем одного боялся.

К и п р и а н
Ты, Лелий?

Л е л и й
Я.

К и п р и а н (к Флору)
Не за тебя я.
Я должен встать меж вас двоих.
Что здесь такое? Должен дважды
В один я день ваш спор окончить?

Л е л и й
И этот раз последним будет.
Когда узнал я, кто любим
Юстиной, больше нет надежды
И помыслов нет ни малейших.
Коль ты не говорил с Юстиной,
Прошу тебя, не говори:
Мое несчастье и обида
Не могут говорить, узнавши,
Что втайне Флор возлюблен ею.
С того балкона он сошел,
Где то он взял, что я теряю.

Любовь моя не столь бесславна,
Чтобы она любить хотела,
Когда я ревность подтвердил
Разубеждением столь явным.

(Уходит.)

Ф л о р

Постой!

СЦЕНА 15-я

Киприан, Флор, Москон, Кларин.

К и п р и а н

За ним идти не нужно.

(В сторону.)

(Я умер, это услышавши.)
Когда он вправду потерял
То, что нашел ты, и когда он
Предать забвенью это хочет,
Не доводи его страданье
До завершенного конца.

Ф л о р

И ты и он одновременно
Меня доводите до края.
И от меня, прошу, с Юстиной
Не заводи ты разговора.
Хоть за ее пренебреженье
Хочу, ценой обиды явной,
Отмстить,— утратил я надежду,
Что буду ей принадлежать.
Упорствовать неблагоприятно,
Когда свою проверил ревность.

(Уходит.)

СЦЕНА 16-я

Киприан, Москон, Кларин.

К и п р и а н (в сторону)

(Что́ это, небо? Что́ я слышу?
Один к другому в тот же миг
Одну испытывают ревность?
А я ревную к ним обоим?
Недоуменные, здесь оба
В ошибку впали. Им двоим
Моя признательность за то, что
Свои отвергли притязанья.
И радуюсь я тем несчастьям,
Я утешенье вижу в них
Моей тоске.) Москон, назавтра
Мне приготовь наряд роскошный.
Кларин, неси мне тотчас шпагу
И перья. Для любви всегда
Услада — видеть, что блестяще.
Уж книг я больше не желаю,
Пусть утверждают, что обычно
Врагиня гения любовь.

(Уходит.)

ХОРНАДА ВТОРАЯ

СЦЕНА 1-я

Киприан, Москон, Кларин, одетые празднично.

К и п р и а н (в сторону)

(Куда, куда меня влечете,
Высокие мечты мои?
Ведь вы в безумном забытьи.
Лишь к заблуждениям идете.
До неба дерзкий ваш полет,
Высокомерные усилья,
Мгновенно вы, сломивши крылья,
В провал срываетесь с высот.
Юстину видел... Сон без меры.
О, никогда бы я не страдал
И никогда бы не видал
Тот чистый свет четвертой сферы!
Она — желание двоих,
Враждою связаны те двое,
Я ревностью лишен покоя
Вдвойне, и бед мне ждать каких?
Лишь знаю — ярость подозренья
Меня свергает по скале,
От мглы отказа — к большей мгле,
Из тьмы обиды — в оскорбленье.
И я не знаю ничего,
Лишь одного хочу — Юстины,
Она мне жизнь и свет единый,
О, небо, в ней венец всего!)
Москон!

Москон

Что́ господин желает?

К и п р и а н

Узнай, Лисандра нет?

М о с к о н

Сейчас.

К л а р и н

Я в дом войду на этот раз!
Москон там нынче не бывает.

К и п р и а н

Вот скука. Это почему?
Всегда упрямство своеволья.
Что́ это значит?

К л а р и н

Для раздолья
Сегодня быть там не ему.
Охотно это порученье
Я выполню, но не Москон.
Туда пойдет лишь завтра он.

К и п р и а н

Что за причуда измышленья?
Еще упрямуется притом.
Ни он, ни ты. Мне все едино.
Здесь свет являет свой Юстина.

К л а р и н

Приходит с улицы в свой дом.

СЦЕНА 2-я

*Юстина и Ливия, в покровах — Киприан,
Москон, Кларин.*

Юстина (в сторону, к Ливии)

Беда! и как здесь быть мне с нею?
О, Ливия, там Киприан.

К и п р и а н (в сторону)

(Хоть ревностью я обуян,
Но лучше скрыть, как пламенею,
И ждать, проверку сторожа.
Лишь как люблю ее, скажу я,
Коли смогу, душой ревнуя.)
Я не напрасно, госпожа,
Переменил свою одежду:
Хочу я быть слугою вам
И к вашим я несу ногам
Мою покорность и надежду.
Так да смогу отныне быть,
Коль может умолять томленье:
Служить вам дайте позволение,
Коль не даете вас любить.

Ю с т и н а

Я вижу, господин, что тщетны
Мои разуверенья к вам...

К и п р и а н

О, я взываю к небесам!

Ю с т и н а

Стремленья ваши безответны,
Прошу, чтоб мир забвенья дан
Был мне, и вижу, что напрасно.
Зачем, когда я безучастна,
Меня искать вам, Киприан?
Ищите дни меня, недели,
Года, столетья — все равно
Надежды вам не суждено,
Одной достигнете вы цели:
Ни в чем я вам не уступлю,
И так мое решенье строго,
Что я до смертного порога
Вас, Киприан, не полюблю.

(Идет, удаляясь.)

К и п р и а н (*следуя за нею*)

Мне упование в том, и верьте:
Коль в смерти свет любви, так срок
Мне до блаженства недалек,
И, близость чувствуя, я к смерти.
Мне этот договор подстать,
И сердцем льну к тому условию:
Так начинайте же с любовью,
Уже я начал умирать.
(*Юстина уходит.*)

СЦЕНА 3-я

Киприан, Москон, Кларин, Ливия.

К л а р и н

Покуда здесь с самим собою
Мой господин ведет совет,
И как живой стоит скелет,
Любовной поглощен борьбою,
Приди в объятия ко мне,
О, Ливия!

Л и в и я

Прошу терпенья.
Минуту дай для рассмотренья,
Он твой ли, этот день вполне.
Во вторник нет, а в среду можно.

К л а р и н

Какой тут счет? Молчал Москон.

Л и в и я

Быть может, что ошибся он,
Я правой быть должна неложно.
Так если ум мой дорожит
Размерной правдой поведенья,

Должна давать я без сомненья,
Что каждому принадлежит.
Но говоришь ты справедливо,
Сегодня день, конечно, твой.

К л а р и н

Так обнимись скорей со мной.

Л и в и я

И буду в этом я счастливой.

М о с к о н

Эй, ваша милость, пламя дня,
Моя царица дорогая!
Заметь, столь страстно обнимая:
Так завтра обними меня.

Л и в и я

Излишне это подозренье,
Такая не придет беда,
Чтобы кому-нибудь когда
Да не дала я утоленья.
Обняться вовсе мне не лень,
И быть чрезмерной не желая.
Я справедливо обнимаю,
И обниму тебя в твой день.
(Уходит.)

СЦЕНА 4-я

Киприан, Москон, Кларин.

К л а р и н

Вне глаз моих по крайней мере.

М о с к о н

Какая же в том есть беда?

Девица не моя ведь? Да?
И значит тут мне нет потери?

К л а р и н

Нет.

М о с к о н

И вреда мне значит нет.
И следственно здесь, ваша милость,
Впадать не нужно мне в унылость:
Раз день не мой, так нет и бед.
Но господин наш в обомленье.

К л а р и н

К нему приближусь. Примечай.

М о с к о н

Я тоже встану ближе.

К и п р и а н

Ай!

*(И тот и другой приближаются к Киприану,
каждый со своей стороны, и он, делая движе-
ние, ударяет их обоих.)*

В таком, Любовь, мне быть сомненье!

К л а р и н

Ай, горе мне!

М о с к о н

Ай-ай, и мне!

К л а р и н

Как вижу, здесь страна такая:
Здесь море с островом Ай-ая,
И мы вздыхаем в той стране.

К и п р и а н

Сейчас вы оба тут стояли?

К л а р и н

Клянусь, что да!

М о с к о н

Еще бы нет!

К и п р и а н

Пусть я дойду до грани бед.
В подобный был ли кто печали?

(Уходят.)

СЦЕНА 5-я

Поле.

Киприан, Кларин, Москон.

К л а р и н

Куда мы держим путь, Москон?

М о с к о н

Когда дойдем, тогда узнаем,
Но только за город шагаем.

К л а р и н

Так значит бесполезный он,
Тот путь,— нам ныне чужды знанья.

К и п р и а н

Кларин, ступай домой.

М о с к о н

А я?

К л а р и н

Туда дорога и твоя.

К и п р и а н
Уйдите оба.

К л а р и н
Нам изгнанье.
(Кларин и Москон уходят.)

СЦЕНА 6-я

Киприан.

К и п р и а н
О, память к смутному спеша,
Так не влечи в воображенье,
Не то возникнет убежденье,
Что здесь другая есть душа,
Ведущая меня с собою.
Меня мой идол облепил,
И я мечтой погублен был,
Я весь захвачен красотою,
И созерцал я божество.
Среди бессонных заблуждений
И утомительных сомнений
Я знаю, я люблю кого,
Не знаю я, кого ревную.
И страсть — того не утаю —
Влечет настолько мысль мою,
Терплю такую пытку злую,
Что вот я размышляю вслух,
(И горе! Это недостойно!)
Настолько все во мне нестройно,
Что если б дьявольский здесь дух
(И самый ад я вызываю)
Явился, — душу я мою
За женщину ту предаю,
Чтоб ей владеть.

СЦЕНА 7-я

Дьявол. Киприан.

Дьявол (за сценой)
Я принимаю!

(Раскаты грома, буря и молнии.)

К и п р и а н

Что приключилось? Небеса
Безоблачны,— и в тучах их краса?
И день слабеет в обомленье.
Раскаты грома, молнии в гореньи,
Из средоточия небес
Взорвались ужасы среди облачных завес.
В венце из туч и лес мохнатый,
Что горные украсил скаты.
Весь горизонт на север и на юг,
Одна горящая картина, адский круг,
В тумане солнце, воздух — дымы,
Огни в лазури там, они неисследимы.
О, мудрость. Я тебя оставил уж давно,
Откуда это все, мне ведать не дано.
Воображенью даже море
Является в разрывном споре,
Оно развалина, что мчится в облаках,
Как хлопья перьев на ветрах,
Как пепел, пена улетает.
Корабль на море погибает,
Вот в море не вместится он,
И пристань для него не пристань, а урон,
В нее он тоже не вместится,
Там суждено ему разбиться.
Там вопли, страхи, стоны, крик,
И образ гибели возник,
И если медлит час кончины,
Смерть достоверна там, где в бешенстве причины.

И не в стихиях лишь одних
Явление знамений таких.
Не только небо из лазури
Решила прихоть этой бури.
Не в море лишь одном война.
Вот к кораблю скала идет со дна,
Чтоб он споткнулся,— он разбился,
И пенный облик волн весь кровью обагрился.
(Гул грозы, слышны крики.)

Г о л о с а *(за сценой)*
Мы гибнем! Мы идем ко дну!

Дьявол *(за сценой)*
Я на доске пройду волну.
Достигну суши я, чтобы достать до цели.

К и п р и а н
Там в водном бешеном пределе,
Смеясь над яростью пучин,
До суши человек один
Плывет, а между тем корабль средь водных
склонов,
Ища прибежища тритонов,
В закрученный водоворот
Нырнул, в незримости плывет.

*(Выходит Дьявол, мокрый,
как будто он вышел из моря.)*

Дьявол *(про себя)*
(Чтоб некое свершилось чудо,
Я на сафировых полях
Был должен выявить тот страх
Средь ужасающего гуда.
Ему иной явлю я вид,
Чем тот, в котором я являлся,

Когда с ним в мудрости сражался,
Не зная, что меня затмит.
Иду я новою войною,
И мне поможет в битве вновь
Его же ум, его любовь.)
О мать — земля, тебя родною
Зову, так помоги же мне,
С чудовищем я бился гневным.

К и п р и а н

Забудь о горе том плачевном,
О грозной позабудь волне,
Заметь, что прочного нет счастья
Ни для кого здесь под луной.

Д ь я в о л

Кто ты? Так говоря со мной,
Желанность мне даешь участья.

К и п р и а н

Я тот, кто, пожалев тебя,
Теперь желает облегченья
Тебе от тяжкого мученья,
Чтоб отдохнул ты, не скорбя.

Д ь я в о л

В том невозможность, чтобы знал я
Усладу отдыха. Всегда
Со мною быть должна беда.

К и п р и а н

Как так?

Д ь я в о л

Свое все потерял я...
Но тщетна жалоба моя.
Пусть вступит жизнь в свое течение,
Воспоминаниям — забвенью.

К и п р и а н

Землетрясения уж я
Не ощущаю, стихла буря,
И мрак небес не бороздит,
Хрустальный и спокойный вид
Они являют, лик не хмуря,
Так быстро все произошло,
Что в этом явно указанье:
Корабль погиб здесь в воздаянье
За что-то,— и опять светло.
И так как я тебя жалею,
Скажи мне, кто же ты такой?

Д ь я в о л

Я ведал больше пытки злой,
Чем рассказать сейчас сумею.
И это меньшая беда,
Что ты здесь видел пред собою.
Я мучим грозною судьбою.
Ты хочешь знать об этом?

К и п р и а н

Да.

Д ь я в о л

Так если знать об этом хочешь,
Я эпилог, я изумленье
Безмерных счастья и несчастий,
Я — тоскование потерь.
Я столь блестящим был по виду,
Столь героическим по блеску,
Столь благородным по рождению,
Столь в разуме проникновен,
Что, верь (он между всех великий,
Боятся все, когда он гневен),
Пленившись свойствами моими,
В своем сверкающем дворце,

Где средь алмазов гиацнты,
(И ежели промолвишь звезды,
Чрезмерностью не будет это),
Меня избрал из всех других
Своим любимцем, и настолько
Я опьянен был предпочтеньем,
Что вознамерился надменно
Я царский захватить престол
С его красою золотою.
Была в том варварская дерзость,
Я это вижу после кары.
Я как безумный поступил,
Но, коль раскаиваться стал бы,
Я был бы в том еще безумней.
Отдавшись смелому хотенью,
В своем упрямстве я скорей
Низвергнусь в пропасти отважным,
Чем сдамся, уступая страху.
И пусть я был высокомерным,
Я в дерзости был не один,
Из подданных его немало
Ко мне своей склонились волей.
Его придворною дружиной
Я наконец был побежден,
Хоть частью был победитель,
И я пошел, стремя отраву —
Я ртом своим, и силой взора,
И проповедовал я месть,
Глубоко затаив обиду,
В его рядах я сеял смерти,
И грабежи, и оскорбленья.
В обширных пастбищах морей
Я проношусь, пират кровавый,
Следя, как аргус, за судами¹,
Как рысь ища камней подводных
На том проворном корабле,
Что ветер разметал как перья,

На корабле, что в море скрылся
И ни пылинки не оставил,
По тем путям из хрустала
Я пробегал, исполнен жажды,
Был горный лес обыскан взглядом,
Ствол за стволом, за камнем камень,
Внимательно я проследил,
Там человек, его мне нужно,
Он слово дал, и это слово
Я получил, хочу свершенья.
Внезапно грянула гроза,
И если мой волшебный гений
Мог обуздать одновременно
И северный и южный ветер,
Отчаявшись, я не хотел,
Другим причинам повинуюсь,
Их сразу превратить в зефиры.

(В сторону.)

(Хоть мог, не захотел, сказал я:
Ловушка гению его,
Он тотчас волшебства захочет.)
Не удивляйся на досаду,
Не удивляйся и на чудо:
Такой владеет мною гнев,
Что я убить себя хотел бы,
А что до чуда, силой знанья
Я солнце побледнеть заставлю.
Настолько силен в волшебствах,
Что роспись я шарам небесным
Веду, и ими я владею,
Я обошел их шаг за шагом,
Черту отметил за чертой.
И чтоб тебе не показалось,
Что хвастаюсь я без причины,
Вот в это самое мгновенье
Взгляни, коль хочешь ты того:
Тот грубый лес, Немврод скалисты,

Что спутаннее Вавилона ²,
Перед тобой разнимет недра,
Не потеряв своих листов.
Так вот каков я, гость — хозяин
Тех ясеней, тех ольх ветвистых,
И, пусть такой владею силой,
Я падаю к твоим ногам,
О помощи к тебе взывая.
И если мне ее окажешь,
За то, что у тебя куплю я,
Ценою знаний, дам тебе,
Имея в том обильный опыт,
Твоей предоставляя воле,
(В сторону.)
(Его любви я тем касаюсь.)
Все то, чего хотенье ждет,
Чего ты жаждешь и желаешь.
И если это предложенье
Из вежливости или страха
Ты не решаешься принять,
Мои намеренья прошу я
Счесть не пустыми лишь словами:
За то, что выразил ты жалость,
(За это я благодарю)
Твоим я буду другом верным,
И ни чудовище измены,
Которое судьбой зовется,
Любви успех и неуспех,
То скрягой кажется, то щедрой,
Ни время, тот магнит столетий,
Что вечно носится кругами,
Свою осуществляя цель,
Ни небо дома, нет, ни небо,
Чьи звезды лучший праздник мира,
Не смогут на одно мгновенье
Меня с тобою разлучить,
С тобой, что здесь моя защита.

И это все чрезмерно мало,
Коли сумею я достигнуть
Того, что хочет мысль моя.

К и п р и а н

Могу сказать — благодарю я море
За то, что в его просторе
Потерян был и прибыл в этот лес,
А твой корабль в волнах исчез.
Ты дружбу здесь мою узнаешь,
Коль гостем быть моим желаешь,
Итак, иди теперь со мной,
И будешь друг ты верный мой!
Мой дом в твоём распоряженьи.

Д ь я в о л

Я твой — и в том твоё хотенье?

К и п р и а н

Тебе объятие я дам,
И дружба наша свет векам.

(В сторону.)

(О, если б я того достиг
И в магию через него проник.
Коль ей меня научит он, тогда бы
Я частью отдохнул, любовь смягчить могла бы,
Мое страданье. Или чрез волшебство
Моя любовь достигла бы всего,
Прекрасной цели всех мучений,
И бешенства, и разъярений.)

Д ь я в о л *(в сторону)*

Любви и гению уж он отдаться рад.

СЦЕНА 8-я

Кларин и Москон, прибегают каждый со своей стороны.— Киприан, Дьявол.

К л а р и н

Ты жив, наш господин?

М о с к о н (к Кларину)

Учтивость невтопад.

Твоя поспешность здесь напрасна:
Ведь жив, ты видишь слишком ясно.

К л а р и н

Мой стиль, согласен, пышным был,
Являя торопливый пыл,
Но в этом доблестность лакея
О чуде справиться скорее:
Ведь молниями лес изборужден.

М о с к о н

Ты видишь, что спокоен он?

К и п р и а н

Мои служители! Зачем сюда идете?

М о с к о н

Заботу приложить к твоей заботе.

Д ь я в о л

Весьма веселый нрав у них.

К и п р и а н

Всегда со скукой глупостей своих.

М о с к о н

Кто этот человек, скажи нам?

К и п р и а н
Мой гость.

К л а р и н
Гость с нашим господином?
Зачем нам принимать гостей?

К и п р и а н (к Дьяволу)
Не видит он всей доблести твоей.

М о с к о н
Прав господин. А ты — наследства здесь ли-
шился?

К л а р и н
Наследства — нет, но гость, пожалуй, к нам
вселился
На год, а может и на два,
Такая у него, как вижу, голова.

М о с к о н
Откуда это заключаешь?

К л а р и н
А разве поговорку ты не знаешь?
Когда проходит скоро гость,
Так говорят: «Тут не бывала злость.
Немного будет в доме дыма».
А этот...

М о с к о н
Говори.

К л а р и н
Он не пройдет так мимо.

М о с к о н
Что ж именно?

К л а р и н
Уж будет в доме дым.

К и п р и а н
Чтоб был конец страданиям твоим,
И отдых был от гнева моря,
Иди со мной.

Д ь я в о л
Иду, не споря.

К и п р и а н
Хочу, чтоб отдохнул скорей.

Д ь я в о л *(в сторону)*
И смерти я хочу твоей.
Мой замысел вполне удался,
И я теперь с тобой остался,
Я подожду еще, а там
Я за Юстиной по пятам.

(Киприан и Дьявол уходят.)

К л а р и н
Не знаешь мысль мою?

М о с к о н
Какую?

К л а р и н
А ту, что в бурю грозовую
Взорвался где-нибудь вулкан,
И серным духом воздух пьян.

М о с к о н
Не оттого ль, что гость прошел здесь по дорожке?

К л а р и н

Плохие, верно, ест лепешки.
А также и еще причину вижу тут.

М о с к о н

В чем именно?

К л а р и н

А у него растут
Нарывы скверные, и бедный кабальеро
Намазался, а это зелье — сера,
Без примеси целебных трав.

М о с к о н

Ну, в этом ты, пожалуй, прав.

(Уходят.)

Улица.

СЦЕНА 9-я

Лелий, Фабий.

Ф а б и й

Так в этой улице ты снова?

Л е л и й

Причину я не утаю:
Я жизнь здесь потерял мою.
И выхода ищу другого.
О, если бы моя любовь
Мне жизнь мою вернула вновь!

Ф а б и й

У дома ты стоишь Юстины.

Л е л и й

И в этом есть свои причины:
Что в том, когда решился я
Любовь мою явить полнее?
Коль ночью здесь другой смелее?
Быть может, днем тоска моя
Найти сумеет утоление.
Уйди, войти мне, без сомненья,
Удобней будет одному
В ее заветную обитель.
Отец мой, знаешь ты, правитель
Антиохии. Потому
Могу я бешенством упиться,
И в этом яростном бреду
К Юстине смело в дом войду,
Пусть оскорбленье разъяснится.

(Уходят.)

Зала в доме Лисандра.

СЦЕНА 10-я

Юстина, и тотчас Лелий.

Ю с т и н а

Да, Ливия. Но кто вошел?

(Входит Лелий.)

Л е л и й

Я.

Ю с т и н а

Это что ж еще такое?
И поведенье столь слепое
Ты, господин, уместным счел.

Л е л и й

Когда я ревностью терзаюсь,
Во мне пожар, и я горю.
Я только это говорю,
Твоей я чести не касаюсь,
С любовью кончился почет.

Ю с т и н а

Но как же смеешь, дерзновенный...

Л е л и й

Я в бешенстве.

Ю с т и н а

Входить...

Л е л и й

Я пленный,
И ревность мучает и жжет.

Ю с т и н а

Сюда...

Л е л и й

Я гибну, осужденный.

Ю с т и н а

И твой не замечает взор,
Что создаешь ты здесь позор?

Л е л и й

Уже он есть, и уличенный.

Ю с т и н а

Что, Лелий, скажут обо мне?

Л е л и й

Юстина, в том заботы мало.

Ты лучше с тем бы размышляла,
Кто здесь в полночной тишине
Спускался с этого балкона.
Я знаю низости твои,
И на искания мои
В тебе суровость — оборона.
Но рассуждает тут не честь,
А только то соображенье,
Что здесь другое увлеченье,
И у тебя желанный есть.

Юстина

Молчи, молчи, ни слова боле.
Кто смеет в доме так моем
Быть дерзким в помысле своем?
Ты слеп? У гнева ты в неволе?
Воображаемых химер
В себе построил ты скопление
И светов ищешь ты затменья,
Которым солнце не пример?
Чтоб в доме у меня мужчина...

Лелий

Да.

Юстина

Через мой сошел балкон?

Лелий

Ты видишь, как я угнетен?
Так в том ответ тебе, Юстина.

Юстина

О, честь, вступишь же за себя!

СЦЕНА 11-я

Дьявол, появляется через дверь, которая находится за спиной Юстины.— Те же.

Дьявол (в сторону)

Две цели пред собой имея,
Я к ним иду и, свирепея,
Здесь имя честное губя,
Создать позор велю я чарам:
Влюбленный тот совсем ослеп,
Так для продления судеб
Я страсть его зажгу пожаром.
Сейчас пред ним средь бела дня
Явлюсь и скроюсь вдруг, мелькая,
Как бы от страха убегая.

(Делает так, как будто он хочет выйти, и, увидев Лелия, закутывается плащом до глаз, и снова уходит.)

Юстина

Убить приходишь ты меня?

Лелий

Нет, умереть.

Юстина

Что видишь снова,
Что так бледнеешь?

Лелий

Вижу я,
Как вся обманчивость твоя
Внезапно вырвалась из крова.
Опять ты скажешь мне, что лгу,
Что измышляю оскорбленья.

Вот в это самое мгновенье
Мужчина вышел, но к врагу
Он не пошел, и вновь там скрылся.

Юстина

Ты видишь в воздухе обман.

Лелий

Мне довод превосходный дан!

Юстина

Сперва ты ночью усомнился,
Теперь теней ты ищешь днем.

Лелий

Тут есть ли что, иль только тени,
Но правды или привидений
В покое поищу я том.

(Уходит туда, где был Дьявол.)

Юстина

Пусть в это самое мгновенье
Тем оскорбляет он меня,
Развеется при свете дня
Его ночное привиденье.

СЦЕНА 12-я

Лисандр, Юстина; Лелий, за сценой.

Лисандр

Юстина!

Юстина *(в сторону)*

Вот еще несчастье,
Что будет, если Лелий выйдет
И встретится сейчас с Лисандром!

Л и с а н д р

Мои несчастья и тоску
Я прихожу делить с тобою.

Ю с т и н а

Скажи мне, что с тобой? Печали
И недовольства ты исполнен.

Л и с а н д р

Тут сердце рвется пополам.
Рыданья голос пресекают.
(Лелий показывается у двери.)

Л е л и й *(в сторону)*

Теперь я вынужден поверить,
Что ревность создает виденья,
Тот человек, что предо мной
Возник,— его нигде не видно,—
И скрыться некуда.

Ю с т и н а *(в сторону, к Лелию)*

Помедли,
Не выходи оттуда, Лелий,
Пока здесь будет мой отец.

Л е л и й

Я подожду, чтобы ушел он,
Я излечился от страданий.
(Удаляется.)

Ю с т и н а

О чем ты плачешь и вздыхаешь?
Какое горе, господин?

Л и с а н д р

Великую печаль имею
И беспримерную заботу:

Жестокость — кровью злополучных
Смыться хочет до конца.
К правителю властитель Деций
Прислал декрет³... Сказать не в силах.

Юстина (в сторону)

Кто видел большее несчастье?
Лисандр, скорбя за христиан,
О них со мной ведет беседу,
Не знает, что услышит Лелий,
Он сын Правителя.

Лисандр
Юстина...

Юстина

Прошу тебя, не говори,
Твое волнение чрезмерно.

Лисандр

Пусть все в рассказе повторю я,
С тобою говорить мне отдых.
Он в том декрете повелел...

Юстина

Не продолжай. Несправедливо,
Чтоб ты свою так мучил старость.

Лисандр

Когда сочувствия ищу я
Тем чувствам, что во мне горят
И, мысль терзая, убивают,
И о декрете сообщаю,
О жесточайшем, что над влагой
Родился Тибра, тот хрусталь
Избороздив строками крови,

Не хочешь ты меня услышать.
Иначе ранее, Юстина,
Таким внимала ты вестям.

Юстина

Владыка, времена различны.

Лелий (за занавесом)

Не все я слышу, из беседы
Доносятся одни обрывки.

СЦЕНА 13-я

Флор, Юстина, Лисандр; Лелий, за занавесом.

Флор (в сторону)

В ком ревность, может он придти,
Об уваженьи не заботясь:
Где лицемерна добродетель,
Разоблаченье пусть возникнет.
Но тут отец ее сейчас.
Пожалуй, подождать придется.

Лисандр

Кто в дом ко мне сейчас приходит?

Флор (в сторону)

(Уйти тайком мне невозможно,
Придумать нужно что-нибудь)
Я здесь...

Лисандр

Зачем в моем ты доме.

Флор

Коль дашь на то мне разрешение,
Пришел я говорить с тобою
О важном деле.

Юстина (*в сторону*)

Сжался, рок!
Я в затруднениях чрезмерных.

Лисандр
Что повелишь?

Флор (*в сторону*)
Что мне измыслить,
Чтоб выпутаться?

Лелий (*за занавесом*)

В дом к Юстине
Совсем свободно входит Флор.
Коль ревность та была напрасна,
На этот раз есть основанье.

Лисандр
Ты весь в лице переменялся.

Флор
Ты этому не удивись,
Я прихожу к тебе с советом,
Касается твоей он жизни,
Врага имеешь ты, который
Тебя замыслил погубить.

Лисандр (*в сторону*)
(О том известно, верно, Флору,
Что я христианин, и хочет
Меня он от беды избавить.)
Все расскажи мне точно, Флор.

СЦЕНА 14-я

Ливия, Юстина, Лисандр, Флор; Лелий, за занавесом.

Ливия
Там, господин, тебя Правитель
Велел позвать, он ждет у входа.

Ф л о р

Мне лучше подождать с рассказом:

(В сторону.)

(Измыслию что-нибудь пока.)

Тем временем ты с ним простишься.

Л и с а н д р

Весьма ценю твою учтивость

И буду здесь через минуту.

(Лисандр и Ливия уходят.)

СЦЕНА 15-я

Юстина, Флор; Лелий, за занавесом.

Ф л о р

Так это — добродетель та,
Что даже самый легкий ветер,
Который лаской пролепечет,
Считает тяжким оскорбленьем?
Как потеряла ты ключи
От дома твоего и чести?

Ю с т и н а

Флор, воздержись от оскорблений
И грубо так не покушайся
На ту, чье имя в чистоте.
Сиянье солнца превосходит.

Ф л о р

Хвастливость эта опоздала,
Я знаю, кто к тебе свободно
Являться может...

Ю с т и н а

Смеешь так

Мне говорить?

Ф л о р
Вон тем балконом...

Ю с т и н а
Ни слова больше.

Ф л о р
Что до чести...

Ю с т и н а
Так обращаться со мною?

Ф л о р
Кто лицемерен в чистоте,
Тот не заслуживает больше.

Л е л и й *(в сторону)*
Так Флор там не был на балконе.
Другой любовник тут, конечно,
Коль не был там ни я, ни он.

Ю с т и н а
Ты знатной крови, благородных
Не оскорбляй словами женщин.

Ф л о р
Как женщиною благородной
Ты можешь называть себя,
Когда к объятьям допускаешь
И выпускаешь чрез балконы.
Тебя завоевал он властью,
Правитель у него отец,
Антиохии повелитель,
И ты увлечена тщеславьем...

Л е л и й *(в сторону)*
Речь обо мне.

Ф л о р

Не обращаешь
Вниманья своего на то,
Что недостатки властью скрыты
Происхожденья и привычек,
Однако...

(Входит Лелий.)

Л е л и й

Флор, ни слова больше.
Когда отсутствую, меня
Не оскорбляй. В том свойство трусов —
Соперника чернить словами.
Я выхожу, чтоб замолчал ты,
И стыдно мне, что столько раз
С тобой вступал я в поединок,
А не убит ты и доселе.

Ю с т и н а

Кто без вины бывал в подобных
Опасностях?

Ф л о р

Все, что сказал
В твое отсутствие, скажу я
Перед тобой, и правда — правда.
(Хватаются за шпаги.)

Ю с т и н а

Стой, Лелий! Флор, что хочешь делать?

Л е л и й

Отмщение найду я там,
Где я услышал оскорбленье.

Ф л о р

Там, где сказал свое я слово,
Его поддерживать я буду.

Юстина

Спасите, небеса, меня
От столь великих затруднений!

Флор

Я покарать тебя сумею.

СЦЕНА 16-я

*Правитель, Лисандр, Толпа.
— Юстина, Лелий, Флор.*

Все входящие
Остановитесь!

Юстина

О, несчастье!

Правитель

Что здесь такое предо мной?
Но эти шпаги — указанье,
Мне больших сведений не нужно.

Юстина

О, я несчастная!

Лисандр

О, горе!

Лелий

Владыка...

Правитель

Лелий, замолчи.

Ты сын мой и затеял смуту?
Ты, опираясь на влиянье
И на мое благоволенье,
В Антиохии сеешь рознь?

Лелий

Заметь, владыка...

Правитель

Взять обоих.

Да исключения не будет,
Ни преимуществ знатной крови,
Когда вина, вина для всех.

Лелий *(в сторону)*

Пришел, ревнуя, удаляюсь
С обидой.

Флор *(в сторону)*

Боль приходит к боли.

Правитель

Их в разных поместить темницах,
Под стражей содержать в тюрьме.
А вы, Лисандр, как вы способны
Терпеть, чтобы пятно такое
На качествах благих возникло?

Лисандр

Да не обманывает вас
Такая видимость. Юстина
Той ссоре вовсе непричастна.

Правитель

Хотите вы меня уверить,
Что здесь в неведеньи она?
Тут юноша, она красива.
В опасности такой сдержусь я,
Чтоб не сказали, что пристрастен,
Я здесь судья и я истец.
Но потеряли стыд вы вовсе,
И знаю, что еще дадите

Мне повод (и его желаю)
Сполна для всех разоблачить
Обманчивую добродетель
Явленьем низостей правдивых.
(Правитель и толпа уходят
с Лелием и Флором.)

СЦЕНА 17-я

Юстина, Лисандр.

Юстина

Моим пусть словом будут слезы.

Лисандр

Не время более для слез.
Как дурно я, Юстина, сделал
В тот день, когда тебе задумал
Поведать я, как родилась ты.
Не говорил бы никогда,
Что ты на берегу потока
В лесу была рождением трупа.

Юстина

Я...

Лисандр

Мне не нужно объяснений.

Юстина

Свидетель небо за меня.

Лисандр

Свидетельство приходит поздно.

Юстина

Нет срока, чтоб истек он поздно.

Лисандр

Для наказанья преступлений.

Юстина
Для правды, чтоб ее явить.

Лисандр
За то, что видел, осуждаю.

Юстина
Тебя за то, что ты не знаешь.

Лисандр
Оставь меня, я умираю.

Юстина
У ног твоих вся жизнь моя.

(Уходят.)

*Зала в доме Киприана. В глубине галерея,
через которую видно поле.*

СЦЕНА 18-я

Киприан, Дьявол, Москон, Кларин.

Дьявол

С тех самых пор, как я с тобою,
Все время здесь печален ты.
В глубокой горести черты,
Лицо отмечено тоскою.
Зачем свою скрываешь боль?
Без колебаний мне откройся,
Я помогу, и успокойся,
Лишь быть полезным мне позволь,
Чтобы твое одно желанье
Исполнить, мглу развеяв, беды,
Я сдвину гвозди всех планет.

К и п р и а н

Такого в мире чарованья,
Хотя бы дружбу мог явить,
Не сможешь ты осуществить:
Мое желанье невозможно.

Д ь я в о л

Раскрой мне тайны пелену.

К и п р и а н

Люблю я женщину одну.

Д ь я в о л

Об этом так мечтать тревожно?

К и п р и а н

Когда бы знал ты, кто она!

Д ь я в о л

Я весь зажженное внимание,
Я любопытство ожиданья,
Но трусость мне твоя смешна.

К и п р и а н

Заря, что в колыбели нежной
Рождает солнце в светлый час,
Алмазы слез струя из глаз
На свой покров пурпурно-снежный;
Зеленый тайный теремок,
В котором расцветает роза,
Когда апрель тоску мороза
Забыл и в цвет луча облек;
Пленный в беге, ручеек,
Что вот еще свой блеск не мечет,
И лишь вполголоса лепечет,
Еще не свергнув цепи льда;
Едва расцветшая гвоздика,

Где зримо небо в чаше лика.
Коралл и вместе с тем звезда;
Веселая в полете птица,
Что одевается в цвета,
Хрустальным голосом чиста,
Из перьев звонкая цевница;
Под солнцем твердая скала,
Что к солнцу всходит, высь вздымая,
И солнце думает, влюбляя,
Ее расплавить, но, светла,
Без снега есть как и была;
Лавровый куст, что, полн отваги,
Цветет, влюбляясь сам в себя
И цветом блеск лучей любя,
А корни нежа в снежной влаге;
И, словом, пурпур, колыбель,
Ручей, и роза, снег, цевница,
Влюбленная в напевы птица,
В жемчужном бисере апрель,
В хрусталь глядящая гвоздика,
Неколебимая скала,
И лавр, что весь цветная мгла,
Все часть божественного лика,
Для всех красот в ней зеркала.
Я полн забвения такого,
Увы, игралище судеб,
Настолько в страсти я ослеп,
Что в складках нового покрыва
Стал походить я на другого.
Свои науки я забыл,
Толпе свою я предал славу,
Я пью в рыданиях отраву,
Ветрам надежду уступил,
Свой ум в презренье потопил.
Сказал (и в том сдержу я слово),
Что душу брошу я векам
И духу адскому предам

(Пойми, как мучаюсь сурово),
Коль сможет ту, к кому вся страсть,
Он мне за то отдать во власть.
Но в этом торге лишь печали:
Он не придет ко мне, спеша,
Не так ценна моя душа,
Чтоб за нее любовь мне дали.

Дьявол

И хочешь ты теперь идти
По тем тропинкам безнадежным,
Которые есть путь влюбленных,
Что сразу радость ощущают?
Или примеры далеко
Красот, что уступили просьбам
И гордость преклонили к лести?
Желаешь ты достигнуть цели,
Ее в объятия заключив?

Киприан

И в этом можешь сомневаться?

Дьявол

Так вышли слуг своих отсюда,
И поведем вдвоем беседу.

Киприан

Отсюда уходите вы.

Москон

Я повинуюсь.

Кларин
Я послушен.

(В сторону.)

(Теперь я знаю: Гость наш дьявол.)

(Прячется.)

Киприан

Они ушли.

Дьявол (в сторону)

Кларин остался.

Но важности немного в том.

СЦЕНА 19-я

Киприан, Дьявол, Кларин, спрятавшийся.

К и п р и а н

Теперь что хочешь?

Дьявол

Дверь закрой ту.

К и п р и а н

Вот мы вдвоем.

Дьявол

Чтоб насладиться

Той женщиной, ты говорил здесь,
Отдашь ты душу?

К и п р и а н

Да, отдам.

Дьявол

Я договор твой принимаю.

К и п р и а н

Как так.

Дьявол

Могу я очень много,

Я обучу тебя науке,
С которой можешь повелеть,
И женщина, что обожаешь,
К тебе прибудет. Я хоть мудрый
И знающий, но для другого
Ее доставить не могу.

Так приготовим же расписку,
Свидетелями будем сами.

К и п р и а н

Ты ищешь новые обиды,
Чтобы продлить мою тоску?
Я предложил то, что имею
В моих руках ты предлагаешь
То, и то чужое, потому что
Свободной воле, мыслю я,
Нет понуждений в заклинаньях ⁴.

Д ь я в о л

Ты мне лишь приготовь расписку
С таким условием.

К л а р и н

(в сторону, за занавесом)

Черт побрал бы!

Тот дьявол вовсе не дурак.
Чтобы я дал ему расписку?
Да если бы моя квартира
Жильцов лет двести не имела,
Расписки не дал бы такой.

К и п р и а н

Обман для друзей веселых,
В них не удел для маловерных.

Д ь я в о л

В свидетельство того, что в силах
Я совершить, в чем власть моя,
Тебе явлю я указанье,
Хоть будет это знак лишь малый.
Что видишь там за галерей?

К и п р и а н

Там много неба, луч большой,
Ручей, гора и лес.

Д ь я в о л

Что больше

Тебе здесь нравится?

К и п р и а н

Конечно,

Гора, в ней лик моей желанной.

Д ь я в о л

Соперница времен и лет,
В венце из туч, владыка далей,
Сорвись с земли, лети ветрами,
Заметь, что я к тебе взываю!
Сумеешь ли, и ты замечь,
Повелевать желанной даме,
Коль я горе повелеваю!

*(Гора передвигается с одной стороны
в другую в глубине театра.)*

К и п р и а н

Такого не видал я дива!
Таких не видывал чудес!

К л а р и н *(в сторону)*

От изумления и страха
Вдвойне дрожу и трепещу я!

К и п р и а н

Летящая по ветру птица,
С ветвистой чашей вместо крыл,
Корабль, по воздуху плывущий,
В котором лиственные снасти,

Вернись к заветному пределу
И удивленье прекрати.
(Гора возвращается на свое прежнее место.)

Дьявол

Когда примера не довольно,
Скажу, и ты увидишь новый.
Желаешь женщину увидеть,
Что обожаешь?

Киприан

Да.

Дьявол

Итак,

Ты четырех стихий создание,
Суровые разъявши недра,
Яви, скрываемую тайно
В твоих пределах, красоту.

*(Скала раскрывается,
и предстает Юстина, спящая.)*

Не это ль та, кого ты любишь?

Киприан

Она, кого я обожаю!

Дьявол

Реши, сюда ее привлекши,
Могу ли дать ее тебе.

Киприан

Божественная невозможность,
Твои объятия будут гранью
Моей любви, испью я солнце,
Луч за лучом, за светом свет.

Дьявол

Стой. Раньше чем не подкрепишь ты

Тобою данное мне слово,
Не сможешь ты ее коснуться.
*(Киприан устремляется к ней,
скала закрывается.)*

К и п р и а н

Постой, о сумрачная тень,
Что солнце лучшее скрываешь,
Струящее мне зори счастья.
Но я лишь с ветром обнимаюсь.
Я в знания верую твои,
Себя твоим рабом считаю,
Что сделать для тебя мне нужно?
Чего ты хочешь?

Дьявол

Ты напишешь
Расписку кровью мне своей
И собственной своей рукою.

К л а р и н *(в сторону)*

Свою ему я дал бы душу,
Лишь только б здесь не оставаться.

К и п р и а н

Пером кинжал мне будет этот,
Бумагой белою платок,
Чернилами для написанья
Кровь из руки моей.
*(Пишет кинжалом на платке,
добыв крови из руки.)
(В сторону.)*

О ужас!

Я изумлен! Я леденею!
И я, великий Киприан,
Так говорю и подтверждаю,
Что душу я (о, бред дремоты!)

Бессмертную отдать намерен
Тому, кто знание мне даст,
(Что за смущенье! Что за ужас!)
С которым я смогу Юстину
Привлечь к себе, сломив боренье,
Что именем своим скрепил.

Дьявол (в сторону)

(Он сдался на мои обманы,
Смирилась — предо мной та доблесть,
В которой было рассужденье,
В которой знаменем был ум.)
Ты написал?

К и п р и а н

Да, вот и подпись.

Дьявол

Итак, твое оно то солнце,
Что обожаешь.

К и п р и а н

И навеки

Она твоя — моя душа.

Дьявол

За душу я плачу душою,
И за твою душа Юстины
Твоею будет.

К и п р и а н

Срок какой мне

Даешь, чтоб магию познать?

Дьявол

Год, но с одним условием только...

К и п р и а н

Не бойся ничего.

Д ь я в о л

Замкнувшись

В пещере, будем жить мы оба,
Лишь предаваясь волшебствам.

(Вытаскивает Кларина.)

И этот вот слуга нам будет
Служить — он, движим любопытством,
Остался здесь, его с собою
Мы и возьмем и сохраним
Таким путем мы нашу тайну.

К л а р и н *(в сторону)*

О, никогда бы здесь я не был!
И как же так? Соседей много,
Чуть что следят, уж тут как тут,
А дьяволы их не уносят.

К и п р и а н

Прекрасно. Двух желанных счастлих
Мой гений и любовь достигли:
Юстиной буду обладать
И буду удивленьем мира,
Владея тайной новых знаний.

Д ь я в о л

Мой замысел был не напрасным.

К л а р и н

Мой тщетным.

Д ь я в о л

С нами ты пойдешь.

(В сторону.)

(Сражен противник наибольший.)

К и п р и а н

Блаженны будьте желанья,
Когда я этого достигну.

Дьявол (*в сторону*)

(Не успокоюсь до тех пор,
Пока не покорю обоих.)
Идем, и в этом горном лесе,
Среди непроходимой чащи,
Дам магии тебе урок⁵

К и п р и а н

Идем. С учителем подобным
Мой ум, любовь — с такой царицей
Мне говорят, что вечным в мире
Волшебник будет Киприан.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ

Лес. В глубине пещера.

СЦЕНА 1-я

Киприан.

К и п р и а н

Суровая краса моя,
Пришел счастливый день, его дождался я,
Черта надежды, что лелею,
Предел моей любви с покорностью твоею.
Сегодня истекает срок,
Холодности твоей окончится зарок.
Гора, всходящая из бездны,
Сама в себе чертог величественно-звездный,
И та пещера с тенью мглы,
Где двое жили здесь в гробнице из скалы,
Явились школой терпко-трудной,
Где тайнств магии и клад изведаль чудный,
Я так познал ее в свой срок,
Что и учителю могу я дать уроки.
И видя, что в предельной мере
Свершило солнце круг, идя от сферы к сфере,
Покинуло свою тюрьму,
Чтоб в свете увидеть власть, данную уму.
Лазури неба свод и ткани,
Внимайте магии заветных заклинаний,
Движенья ласковых ветров,
Мгновенно задержись при звуке мудрых слов,
Утес, оплот в свирепом лике,
Я молвлю, задрожь, мои услыша вскрики,
Стволы, одетые листвою,
Смутитесь в ужасе, внимая возглас мой,

Цветы, красивые растенья,
Услышав, как скорблю, придите в изумленье,
Вы, стаи многопевных птиц,
Я буду чаровать, и вы падете ниц,
Вы, твари дикие, вы, звери,
Узнайте тайный знак, служите в полной мере,
Чтобы, ослепнув и смутясь,
Объяты ужасом, и дрогнув в этот час,
Свод неба, ветры, скалы, травы,
И рой зверей и птиц узнали величавый
Приказ, который мною дан,
В науке адской был не тщетно Киприан.

СЦЕНА 2-я

Дьявол. Киприан.

Дьявол

Ты, Киприан?

Киприан

Учитель превосходный!

Дьявол

Зачем опять ты волею свободной,
Нить указания порвав,
Незнанию свой дух иль дерзости предав,
Выходишь для какой задачи предстоящей,
Увидеть солнца лик блестящий?

Киприан

Увидя, что могу теперь
И аду повелеть раскрыть мне в страхе дверь,
Затем что магией недаром
Я занимался здесь и предавался чарам
Настолько, что теперь с тобой
Сравнен, а может быть ты и превзойден мной,
Узнав, что нет такой в ней части,
Чтоб изучением, трудом и силой страсти

Я не проник в нее вполне,
 И некромантия, разъята мной она,
 Ее узоры теневые
 Раскроют предо мной пределы гробовые¹,
 И средоточие могил
 Предъявит трупы мне, что мрак подземный скрыл,
 Чтоб, алчный прах разъяв суровый,
 Ряд бледных мертвецов мне отвечал на зовы,
 И видя, наконец, что срок
 Для солнца — совершить свой полный
 круг — истек,

Затем, что быстрое течение
 Свершило день за днем свое предназначенье,
 И в небесах обратный ход,
 Круговорот замкнув, зловещий кончен год, —
 Привел я скорьбь сегодня к краю
 И голосом зову то благо, что желаю.
 Сегодня редкая мечта,
 Юстина, божество, любовь и красота,
 Любовью званная моею,
 На грудь ко мне придет, и буду счастлив с нею.
 Я так хочу, я так люблю,
 Что промедления на миг не потерплю.

Дьявол

Коль таково твое хотенье,
 Хочу, чтоб было все сейчас без промедленья.
 Скорей безгласных знаков ты
 На прахе начертай размерные черты,
 И полн любви и упования,
 Ты воздух пронитай внушеньем заклинанья.

Киприан

Так вот туда я отойду,
 И небеса с землей в смущенье приведу.

(Уходит.)

Дьявол

Тебе даю я разрешение,
Я знаю, что твое, как и мое, умение
Творить чрез знание волшебства
Внушит тебе сейчас размерные слова,
И ад, послушный заклинаньям,
Юстину даст тебе, твоим служа влияньям.
Хотя могуча власть моя,
Но волею чужой владеть не в силах я,
Могу лишь ей чрез вожделенье
Восторги показать и странные хотенья,
Зажечь, шепнувши: «Вот стезя»,—
Склонять я дух могу, принудить дух нельзя.

СЦЕНА 3-я

Кларин. Дьявол.

Кларин

Суровость, чуждая услады,
Не Ливия, где зной, а Ливия прохлады,
Уж срок истек, себя готов
Мне точно показать, верна ль твоя любовь.
Могу проникнуть в вероломство,
Узнаю, ты чиста, иль множишь ты потомство.
Недаром магию я здесь
Подробно изучал и ей исполнен весь,
Через нее могу познать я,
С Москоном знала ль ты чрезмерные объятья.
Я к вам взываю, небеса,
Моим заклятьям вняв, явите чудеса.
К горам.

Дьявол

Кларин, что здесь такое?

К л а р и н

Учитель мудрый, я стал ныне знающ вдвое,
Чрез сопричастье с вами в днях,
Весьма искусным стал я в разных волшебствах,
И знать хочу я через слово,
Что Ливия сейчас, что в прелестях сурова,
Не совершает ли с другим
Проделок в этот день, что должен быть моим.

Д ь я в о л

Брось тотчас эти сумасбродства,
И между этих скал, где с лабиринтом сходство,
Найди владыку своего;
Коль хочешь чуда ты, увидишь там его,
Там будет страсти завершенье.
Я быть хочу один.

К л а р и н

Хочу сопровожденья.

И если я не заслужил
Познания твои узнать по мере сил,
На что и не снабжен я правом,
Ведь не владеешь ты моим платком кровавым,
Хочу, чтоб этот вот платок
Ты получил сейчас, в нем запись красных строк.

(Достает грязный платок.)

*(С платком никто не ходит чистым,
Кто плачет хорошо и предан мыслям мгlistым.)*
Из сердца крови не достать,
Так по носу себя хвачу, ведь та же статья,
Из носа ль кровь потоком алым
Течет, иль из руки приведена кинжалом.

(Добыв крови, пишет на платке пальцем.)

Кларин великий подтвердил,
Чтоб, Ливию узрев, я Дьяволу вручил...

Дьявол

Оставь меня, велю тебе я,
И к господину прочь, здесь больше быть не смея.

Кларин

Уйду, уйду, уж не серчай,
Коль запись взять мою ты не хотел, прощай,
Но ты уверен, без сомненья,
Что я в свой час и так в твое вступлю владенье.

(Уходит.)

СЦЕНА 4-я

Дьявол.

Дьявол

Гей, пропасть адская и дым,
Отчаянная власть над существом своим,
Спусти из своего владенья
Всех духов чувственных, всю похоть вожделенья,
С угрозою захватных сил,
Чтоб девственный оплот Юстины сломлен был.
Пусть рой ползучих приведений
В тот чистый вступит мир безгрешных
помышлений.

Воображение пленив,
Пусть ветер повлечет ее на тайный срыв.
Пусть о любви поют ей звоны,
И птицы, и цветы, луг зеленый.
Везде ее пусть видит взор
Почудившийся лик, любви желанный спор.
Везде ее пусть слух услышит,
Как нежный вздох любви к ней зазываньем дышит.
Пусть, веры потеряв оплот,
Туда, где Киприан, она теперь придет.
Пусть знание его — чарует,

И мой с ним дух слепой, ее ведя, колдует.
Начните. Голос мой молчит.

Пусть ваше пение, волхвуя, зазвучит.

(Уходит.)

СЦЕНА 5-я

Юстина. Музыка за сценой.

(За сценой поют.)

Г о л о с

В чем высшее очарованье
Среди живых?

Х о р

Любовь, любовь.

О д и н г о л о с

Нет никого, в ком бьется кровь,
Кто б не узнал ее сгоранья.
Любовь. Огонь любви кладет печать,
Там человек живет, где любит,
Не там, где лишь дыханье губит,
Любовь — чтоб жизнь обозначать.
Любви являет все живое,
Деревья, птица и цветок
Любовь хотят узнать в свой срок,
Она светила верховое,
И в жизни этой всюду вновь
Для всех горит...

Х о р

Любовь, любовь.

Ю с т и н а

(удивленная и беспокойная)

Несносное воображенье,

Как бы ласкающая мгла,
Когда я повод подала,
Чтоб это ведать огорченье?
Причина в чем того горенья?
Ответ мне сердце приготовь.
Зачем с минуты на минуту
Я в жгучую вступаю путу?
Что мучит мысль?

Хор (за сценой)
Любовь, любовь.

Юстина (успокаиваясь)

То соловей мне отвечает,
Влюбленный, сладко он поет,
На этой ветке в свой черед
Подругу пеньем он влюбляет,
На ветку ввысь перелетает.
Молчи, певучий соловей,
И не дразни воображенье,
Ты сердцу ворожишь внушенье:
Сколь полон человек страстей,
Коль так у птицы страстно пенье?
Но нет: то жадная лоза,
Обнявши ствол, его лелеет
И зеленью роскошной млеет,
С него свисая, как гроза,
Что в гроздьях тучи тяготеет,
Не заставляй меня мечтать,
Лоза. Могу ли угадать я,
Кого ты любишь. И узнать я
Хочу, как может обнимать
Рука, когда в лозе объятье.
И не лоза лепечет мне,
Подсолнечник, что взор ко взору,
Стремится к солнцу, он к убору
Златому хочет в вышине,

За светом рвется цвет во сне.
 Цветок, ты полон огорченья,
 Ты вянешь, и в тебе слеза.
 Так как же воскорбят глаза,
 Коль плачет нежное растение?
 О, я полна недоуменья.
 Окончи, соловей, влюбленье,
 Объятыя разними, лоза,
 Цветок, останови движенье,
 Скажите, что вам вновь и вновь
 Велит сплестать для чувства славу?
 Какая власть чрез вас отраву
 Струит, томя?

Хор (за сценой)

Любовь, любовь.

Юстина

Любовь! Когда же ощущала
 Я это чувство и к кому?
 Я лишь презренью моему
 И лишь забвенью предавала
 Всех тех, кто, страстью обуян,
 Будь Лелий, Флор он, Киприан.
 Я Лелию не отказала?
 Я Флору не дала ответ,
 В котором было только: нет?
 Я Киприану не сказала —
 (*Назвав Киприана, останавливается,
 и опять начинает говорить
 с беспокойством.*)

Таких суровостей, что он
 Теперь от всех отъединен,
 Почувствовав, что с ним опала?
 Где он, не ведает никто.
 И только тут мое желанье

Осмыслилось явить влиянье:
Едва сказала я про то,
Что он из-за меня сокрылся,
Как вдруг укол в меня вонзился,
И (горе мне!) не знаю я,
В чем эта скорбь и боль моя.

(Опять успокаивается.)

Конечно, это состраданье:
Столь знаменитый человек
Сокрылся, может быть, навек,
Из-за меня уйдя в изгнанье.

(Снова впадает в беспокойство.)

Но будь одно здесь состраданье,
И к Флору с Лелием тогда
Я б это чувство испытала:
Тюрьма их мучает немало,
Из-за меня пришла беда.

(Успокаивается.)

Но будет, будет, рассужденья,
Остановитесь, вам сейчас
Не надо провожать, толпясь,
То беспокойство сожаленья.
В вас слишком много промедленья,
И в этом может быть беда:
Мне хочется пойти туда,
Где он лелеет огорченье,
Когда бы только знала я,
Куда ушел он в отдаленье.

СЦЕНА 6-я

Дьявол.— Юстина.

Дьявол

Идем, то знает мысль моя.

Юстина

Кто ты? В мое уединенье
Как ты вошел? Замкнута дверь.
Ты лишь чудовище мечтанья,
Лишь смутной грезы ты созданье?
Чего ты хочешь здесь теперь?

Дьявол

Я не виденье, и во власти
Той самой своевольной страсти,
Которой дух твой обуян,
Побеждена ты силой этой,
И приведу тебя согретою
Туда, где ныне Киприан.

Юстина

Так не достигнешь этой цели:
Томленье это, эта страсть
Лишь взяли мысль мою во власть,
Они взять волю не сумели,
И нет согласия в этом деле.

Дьявол

Уж половина, вот она,
Коль ты его вообразила;
Ты полдороги совершила,
Так коли грех, пусть грех до дна.

Юстина

Разубеждать меня напрасно.
Конечно, в мысли есть печать,
Подумать — это уж начать,
Над мыслью я своей не властна,
Но дело — власть моя, то ясно.
И вот должна я совершать,
Чтобы идти мне за тобою,

Движение моей ногою,
Чему могу я помешать;
Одно — в душе воображать,
Другое — делать.

Дьявол

Если знание,
Источник мудрости живой,
Распространяет над тобой
Свое волшебное влиянье,
Как ты, Юстина, победишь,
Коль волю в воле ощутишь?

Юстина

Себе доставлю вспоможенье
Свободной волею моей.

Дьявол

Принужу я ее скорей.

Юстина

Когда б признала принужденье,
Так где ж свободное влеченье?

Дьявол

Пойдем, тебя услада ждет.

(Влечет ее и не может сдвинуть.)

Юстина

Чрезмерно дорога услада.

Дьявол

В ней утоленье и отрада.

Юстина

Неволи в ней неправый гнет.

Дьявол
В том счастье.

Юстина
Горькое несчастье.

Дьявол
Как сможешь защитить себя,
(*Влечет ее с большей силой.*)
Коль власть моя влечет тебя?

Юстина
Защита Бог, в нем полновластье.

Дьявол (*выпуская ее*)
Ты победила, слова нет,
О, женщина, ты победила:
Могущество ты тем явила,
Что дух был твердостью одет.
Но этим не избегла бед.
Коль Бог встает тебе защитой,
Я, имя доброе губя,
Как тень туда умчу тебя,
В свирепстве злобы ядовитой,
Твой четкий вид, в виденье влитый,
Напечатлется на нем,
И, призрачным светясь огнем,
Мечтаньем ты к нему придешь
И обесчещенною будешь
В воображении людей.
Так двух побед я достигаю:
Твою невинность омрачаю
И из мечтательных страстей
Я преступленье получаю.
(*Уходит.*)

СЦЕНА 7-я

Юстина.

Юстина

Я к небу воззову тогда,
И видимость моих бесславий,
Возникнув на минуту в яви,
Сотрется так, как без следа
Огонь под ветром вдруг сгорает,
И цвет мгновенно умирает,
Приявши дуновенье льда.
Не сможешь ты... Но что со мною?
Кого я голосом зову?
Мужчина был здесь? Наяву?
О, да. Но нет. И с тишиною
Я здесь одна. Но нет. Его
Я видела. Так отчего
Исчез он? Только что явился,
Куда ж внезапно удалился?
Иль это страха моего
Рожденье только теневое?
Здесь явная грозит беда.
(Кричит.)
Отец и Ливия! Сюда!

СЦЕНА 8-я

*Лисандр и Ливия, каждый из своей
двери.— Юстина.*

Лисандр

Что здесь случилось?

Ливия

Что такое?

Юстина

Мужчина был здесь (горе мне!).
Вы видели, куда он скрылся?
Он на беду мою явился.

Лисандр

Мужчина здесь!

Ливия

И не во сне?

Юстина

Он был здесь, вот одна минута.
Его вы не видали?

Ливия

Нет.

Лисандр

Как мог бы, не оставя след,
Войти сюда? Ведь дверь замкнута.

Ливия (*в сторону*)

Сомненья никакого нет,
Она Москона увидала,
Я у себя его скрывала.

Лисандр

Мечтою воплощенный бред!
Твои великие печали,
Мечтанье за мечтой гоня,
Из атомов текучих дня
То привидение соткали.

Ливия

Мой господин, конечно, прав.

Юстина

Нет, это было не виденье,

И большее есть подозренье:
Какой-то яд, мне сердце сжав,
Его томит и рвет на части.
Смертельное тут волшебство,
Так ощущаю я его,
Так много в заклинаньи власти,
Алчбы добиться своего,
Что, если б в этом мне от Бога
Не послана была подмога,
Я устремилась бы сейчас
За собственной моей бедою.
Но он защита надо мною
И вновь спасет меня, как спас
От ярости, в которой сглаз.
Моя невинность и смиренье
Им упасутся от оков.
Поддай мне, Ливия, покров:

(Ливия уходит.)

Пока предельные мученья
Меня терзают, в тайный храм
Пойду, чтоб помолиться там
И утишить мое горенье,
В собраньи верных.

*(Приходит Ливия, с покровом,
и надевает его на Юстину.)*

Л и в и я
Вот покров.
Ю с т и н а

Там я найду успокоенье.

Л и с а н д р

Я проводить тебя готов.

Л и в и я *(в сторону)*

Когда они уйдут из дома,
Вновь будет счастье мне знакомо.

Юстина

Вас, небеса, зову, стеная,
На вас я уповаю смело...

Лисандр

Пойдем.

Юстина

Тебе, Господь, здесь дело,
Встань за себя и за меня.

(Юстина и Лисандр уходят.)

СЦЕНА 9-я

Москон. Ливия.

Москон

Ушли?

Ливия

Ушли.

Москон

Нагнали страха!

Ливия

Зачем из комнаты ты вышел,
Придя туда, где был увиден
Ее глазами.

Москон

Видит Бог,
Я, Ливия, ни на минуту
Не выходил,— сидел, таился.

Ливия

Какой же мог быть здесь мужчина?

Москон

Наверно тут сам дьявол был.

Что́ знаю я? Не будь в досаде.
Мое блаженство, я невинен.

Л и в и я

Уж не об этом я тревожусь.

(Вздыхает.)

М о с к о н

О чем же это?

Л и в и я

Вот вопрос.

Со мною взаперти сидел здесь
Весь день и задает вопросы?

(Плачет.)

Не замечаешь, что в отлучке
Другой, которого мне нужно.
И если целый день вчера
Не плакала, так нужно плакать.
Иль обо мне ты помышляешь —
Столь легкого я поведенья,
Что вот полгода уж прошло,
Как он отсутствует без вести,
И не сдержу я обещанья,
Которым я тебя связала?

М о с к о н

Полгода, говоришь, прошло?
Уж целый год о нем ни слуха.

Л и в и я

Неверно это. Мне не нужно
Считать те дни, когда к нему я
Спокойным сердцем холодна.

А коль из целого я года —

(Плачет.)

Тебе полгода уступила,

Неправдоподобно это будет
Ему вменять все в полный счет.

Моск о н

Когда, жестокая, я думал,
Что я твоею всей любовью
Владею, счеты ты заводишь.

Л и в и я

Москон, так делать я должна:
Коль верен счет, верна и дружба.

Моск о н

Ну, если так ты постоянна,
Прощай же, Ливия, до завтра.
Я об одном тебя прошу:
Перемежающейся хочешь
Ему быть лихорадкой в страсти,
Не будь лишь обмороком крайним.

Л и в и я

Ты ясно можешь рассмотреть,
Нет умысла во мне дурного.

Моск о н

Да, это так.

Л и в и я

Во всем сегодня
Мы порознь, но, надеюсь, завтра
Незамедлительно придешь.

(Уходят.)

Лес

СЦЕНА 10-я

Киприан, как бы изумленный, Кларин следит за ним.

К и п р и а н

Конечно, возмутились звезды
В своих лазоревых владеньях,
Сии влиянья отвергая,
Меня услышать не хотят.
Вся бездна адская объята
Восстанием, непокорством,
Она должна мне подчиниться.
И подчиненья больше нет.
Тысячекратно сотрясаю
Заклятьями прозрачный воздух,
Тысячекратно начертанья
Я на земле избородил,
Но человеческое солнце,
Которого хочу, не светит.
Но человеческое небо
В мои объятия нейдет.

К л а р и н

Что удивительного в этом?
Тысячекратно я рисунки
Изобразил в пыли и воздухе
Тысячекратно оглушил,
А Ливия все не приходит.

К и п р и а н

Я воззову еще однажды.
В последний раз. Юстина, слушай,
Красивая...

СЦЕНА 11-я

*Является фантастическая фигура Юстины.
— Киприан. Кларин.*

Ф и г у р а

Вот я пришла.
Твоим заклятьям повинуюсь,
Я пробегаю эти горы.
Чего ты от меня желаешь,
О, Киприан?

К и п р и а н

Я весь смущен!

Ф и г у р а

И так как я...

К и п р и а н

Вот изумленье!

Ф и г у р а

Пришла сюда...

К и п р и а н

Зачем смущаюсь!

Ф и г у р а

Когда меня...

К и п р и а н

Зачем испуган?

Ф и г у р а

Нашла любовь...

К и п р и а н

Чего боюсь?

Ф и г у р а

Куда ты звал...

К и п р и а н

В чем сомневаюсь?

Ф и г у р а

Я подчиняюсь чарованью,
Я от тебя скорее в чашу,
Где тьма и глушь, теперь бегу.
(Закрывает лицо покрывалом и уходит.)

К и п р и а н

Постой, не уходи, Юстина.
Но почему я в колебаниях?
Пойду за ней, и эта чаша,
Куда я волшебством ее
Привлек, театром будет пышным
И сельской свадебной постелью
Для самой сказочной любви,
Какую знали небеса.
(Уходит.)

СЦЕНА 12-я

Кларин.

К л а р и н

От женщины я отрекаюсь,
Что только новобрачной стала,
И, приходя, так пахнет дымом.
Но, верно, сила волшебства
В тот миг ее схватила мощно,
Когда она белье стирала
Или готовила на кухне
Похлебку из свиных кишок.
Но нет. В покрове кто же в кухне
Стряпню готовит? Тут другое.
И женщина, будь распотченна,
Не сомневаюсь, пахнет так,
Когда ее захватят страхи.
Вот он нагнал ее, и с нею
Среди неровностей долины,

Схватившись прямо как в бою,
(А так в бою неладно биться,
Хотя б любовник был дородный),
Они опять туда вернулись,
Откуда начали свой бег.
Подсматривать отсюда буду,
Узнать хочу, как совершают
Насилия.

СЦЕНА 13-я

*Киприан, привлекает в объятиях
фантастическую фигуру Юстины.*

К и п р и а н

Теперь, Юстина,
Красивейшая здесь в лесу,
Куда и солнце не проникнет,
И самый ветер не доходит,
Моих магических познаний
Ты ныне будешь торжеством.
Чтобы достичь тебя, не страшно
Ничто, и нет мне затруднений,
Тебя, красивая Юстина,
Я приобрел ценой души.
Но то, что я купил, так ценно,
Что та цена не чрезвычайна.
Сними скорей покров туманный
С своей божественной красы.
Ни между сумраков, ни дымов
Да не скрывается лик солнца,
Яви рубиновые светы.
(*Раскрывает покров и видит скелет².*)
Но горе мне, что вижу я?
Окоченевший вижу остов,
Его объятия мне раскрыты.
Кто мог в текучее мгновенье

В увядшем лике погасить,
Средь бледности и одряхленья,
Расцветы пурпура и розы?

С к е л е т

Такого лика ожидают
Все славы мира, Киприан.

*(Исчезает. Прибегает Кларин
и падает в объятия Киприана.)*

СЦЕНА 14-я

Кларин.— Киприан.

К л а р и н

Коль кто-нибудь желает страха,
Его имею в преизбытке.

К и п р и а н

Постой, угрюмое виденье,
Иного от тебя хочу.

К л а р и н

Не тень, угрюмое я тело.
Ощупай, или ты не видишь?

К и п р и а н

Кто ты?

К л а р и н

В таком я состояньи,
Что сам не ведаю, кто я.

К и п р и а н

Воздушное ты видел чудо,
Пришедшее из средоточья
Глубоких бездн, недвижный остов,
Который в дымах вдруг исчез,

С собою унеся всю пышность,
Что он принес как украшенья?

К л а р и н

Ведь ты же знаешь, я несчастен,
Когда подсматривать берусь.

К и п р и а н

Что стало с ним?

К л а р и н

Он вдруг распался.

К и п р и а н

Давай искать его.

К л а р и н

Не будем.

К и п р и а н

Хочу узнать его обманы.

К л а р и н

Я, господин мой, не хочу.

СЦЕНА 15-я

Дьявол. Киприан. Кларин.

Дьявол (в сторону)

О, небеса, вы правосудны.
Соединял одновременно
В себе я знание и милость,
Когда я чистым духом был.
И только милость я утратил,
Не знание, оно осталось.
Зачем же вы неправосудно

Мне не даете применить
Мои оставшиеся знания?

К и п р и а н (*не видя его*)
Учитель мудрый! Звездоносец!

К л а р и н
Не призывай его. Иначе
Другой сюда придет мертвец.

Д ь я в о л
Чего ты хочешь?

К и п р и а н
Чтоб из страхов
Ты спас слабеющий мой разум.

К л а р и н
Я, не желающий спасенья,
Уйду скорей вон тем путем.
(*Уходит.*)

СЦЕНА 16-я

Киприан, Дьявол.

К и п р и а н
Едва заклятем землю ранил,
Как, отвечая чарованью,
Юстина, цель любви и страсти...
Но для чего хочу тебе
Рассказывать, что сам ты знаешь?
Пришла, ее я обнял. (Пора!)
В тот самый миг, когда хотел я
Раскрыть бессмертную красу,
Какой-то труп, скелет, лишь образ,
Лишь статуя, картина смерти,
Мне говорит (о, ужас!) четко:

«Все славы мира, Киприан,
Такого ожидают лика».
Сказать, что в магии, которой
Ты научил меня, обман был,
Нельзя,— я за чертой черту
Свершил, что совершить был должен,
И в безглагольных начертаньях
Ни в линии я не ошибся,
Сказал смертельный заговор.
Так, значит, сам ты в том обманщик,
Затем что, все свершив, что нужно,
Я только призрак обнимаю
Там, где искал я красоты.

Дьявол

Здесь, Киприан, ты не оставил
Ни в чем пробела, и пробела
Я не оставил, потому что
Осуществил ты волшебство,
В нем проявивши острый гений,
И я, свой гений проявляя,
Учил всему, что сам я знал.
Но в этом чуде, что увидел,
Причина высшая таилась.
Пусть, все равно. Хочу доставить
Я утолнение тебе,
Другим лишь способом, вернейшим,
Тебе Юстину предоставлю.

Киприан

Не этого теперь хочу я.
Тот ужас так меня смутил,
Что средств твоих я не желаю.
И так как вот ты не исполнил
Условий, что в своих хотеньях
Поставила меня любовь,
Лишь одного теперь хочу я,

От вида твоего скрываясь,
Чтоб ты мою вернул мне запись,
Когда нарушен договор.

Дьявол

Я только говорил, что мною
Ты будешь посвящен в то знание,
Которое на зов хотенья
К тебе Юстину приведет.
К тебе принес Юстину ветер,
Свое я слово исполняю,
И договор тот не нарушен.

Киприан

Ты обещал мне, что я
Сорву заветный плод любви,
Который чаяньем я сеял
Средь этих гор лесисто-диких.

Дьявол

Я обязался, Киприан,
Ее привлечь к тебе, и только.

Киприан

Весьма я в этом сомневаюсь;
Ты дать ее мне обязался.

Дьявол

Она в твоих руках была,
Я это видел.

Киприан

То был призрак.

Дьявол

То было чудо.

Киприан

Чье?

Дьявол
То чудо
Он совершил, кому угодно
Юстину было защитить.

Киприан
Так чье?
Дьявол (*дрожа*)
Сказать я не желаю.

Киприан
Воспользуюсь моей наукой,
К тебе то знание применяя.
Чье чудо? Ты заговорен.

Дьявол
Его свершил тот Бог, который
Взял в попечение Юстину.

Киприан
Что Бог один способен сделать,
Когда так много есть богов?

Дьявол
Тот Бог, он властен надо всеми.

Киприан
Так, значит, только он — единый,
Когда одной своею волей
Свершает больше всех других.

Дьявол
О, я не знаю, я не знаю.

Киприан
Я отрицаюсь договора,
Который заключил с тобою;

И, к Богу этому воззвав,
Тебя теперь я вопрошаю:
Ее зачем он защищает?

Дьявол

*(После напрасных усилий,
чтобы не говорить.)*

Чтоб честь ее осталась чистой.

Киприан

Так высшая он доброта,
Коль оскорблению мешает.
Но что Юстина потеряла б,
Когда бы здесь осталась скрытой?

Дьявол

Узнала б чернь, исчезла б честь.

Киприан

Так, значит, этот Бог — весь зренье,
Он увидал беду в грядущем.
Но не могло ли колдованье
Таким верховным в силе быть,
Чтоб быть ничем не победимым?

Дьявол

Нет, власть его необычайна.

Киприан

Так, значит, этот Бог — весь руки,
Чего хотел он, это мог.
Скажи мне, кто тот Бог, в котором
Соединенным ныне вижу
Верховность блага с высшей властью,
Весь руки он, и весь глаза?
Так много лет его искал я.

Дьявол
Не знаю.
Киприан
Отвечай мне, кто он?
Дьявол
С каким я ужасом промолвлю!
Тот Бог - Господь есть христиан.

Киприан
Чем на меня он был подвигнут?

Дьявол
Тем, что Юстина христианка.

Киприан
Так он своим дает защиту?

Дьявол (*с бешенством*)
Да, но уж поздно, поздно, знай,
Чтоб в нем защиту получить, ты,
Ты раб мой, и ему не можешь
Служить.

Киприан
Я раб твой!

Дьявол
Я владею
Твоею записью.

Киприан
Ее
Отдать мне я тебя заставлю,
В ней обозначено условье,
Ты не отдать ее не сможешь.

Дьявол
И это как же?

К и п р и а н

А вот так.

*(Обнажив шпагу, нападает на Дьявола,
но не находит его.)*

Д ь я в о л

Хотя ты сталью обнаженной
Наносишь ярые удары,
Меня мечом не можешь ранить;
Чтоб ты отчаялся совсем,
Хочу, чтоб знал теперь, что Дьявол
Владыка твой.

К и п р и а н

Что говоришь ты!

Д ь я в о л

Что Дьявол я.

К и п р и а н

О, страх и ужас!

Д ь я в о л

Знай, что ты раб, и ведай, чей.

К и п р и а н

Раб дьявола! И мой владыка —
Неправосудный!

Д ь я в о л

Душу отдал,
Она моя с того мгновенья.

К и п р и а н

И, значит, упованья нет,
Нет помощи, и нет надежды,
Чтобы стереть вину такую?

Д ь я в о л

Нет.

К и п р и а н

Так чего ж я сомневаюсь?
Не тщетно сталь в руке держу,
Я грудь пронжу, и эта шпага
Палач мой будет доброхотный.
Но что я говорю? Кто в силах
Юстину был освободить,
Меня освободить не сможет?

Дьявол

Нет, на тебя твое деянье
Идет врагом. За добродетель
Он вступится, не за того,
В ком преступленье.

К и п р и а н

Если сила
В нем высшая, тогда награда
В нем сочетается с прощеньем.

Дьявол

Он правосуден также. В нем
Награда в сочетаньи с карой.

К и п р и а н

Никто того карать не может,
Кто сдался. Я сдаюсь на милость.

Дьявол

Не можешь сдаться, ты мой раб.

К и п р и а н

Не думаю.

Дьявол

Чего ж тут думать?
В моем владении та запись,
Где есть чертеж твоею кровью.

К и п р и а н

Он, тот, в ком безусловна власть,
Кто не зависит от другого,
Мои несчастья растопчет.

Д ь я в о л

Как так?

К и п р и а н

Затем, что он весь зренье,
Он средство верное найдет.

Д ь я в о л

Его имею.

К и п р и а н

Весь он руки,
Он разорвать узлы сумеет.

Д ь я в о л

Не сможет потому, что раньше
Умрешь ты от моей руки.

(Они борются.)

К и п р и а н

Бог христиан! Господь великий!
К тебе в беде я прибегаю.

Д ь я в о л

(отбрасывая от себя Киприана)

Тебе дал жизнь он.

К и п р и а н

Даст и больше,
Затем что я его ищу.

(Уходит.)

Зала во дворце Правителя.

СЦЕНА 17-я

Правитель, Фабий, Солдаты.

П р а в и т е л ь

Как захватил их?

Ф а б и й

Не случайно.

Взывая к Богу своему,
Молились в церкви, скрыты в тьму,
Но их разоблачилась тайна.
Отрядом дом я окружил,
Всех захватил без затрудненья,
И в разных тюрьмах в заключение
Немедленно их разместил.
И так скажу я властелину,
Успех мой в этом был не мал:
Со стариком Лисандром взял
Я там красивую Юстину.

П р а в и т е л ь

Коль хочешь ты богатств больших,
И разных почестей и чести,
Зачем, неся такие вести,
Ты у меня не просишь их?

Ф а б и й

Награды попрошу я скоро,
Коль ценишь так ты мой успех.

П р а в и т е л ь

Скажи.

Ф а б и й

Хочу просить о тех:
Свободы Лелия и Флора.

П р а в и т е л ь

Хотя, карая их двоих,
Хотел весь город покарать я,
Но вынужден тебе сказать я,
Тут действие причин других.
Уж целый год они в темнице,
Пришел неволе их конец.
О Лелии я, как отец,
Своей заботился сторицей:
В любви его соперник, Флор,
Имеет родственников сильных,
Я бедствий ожидал обильных,
Был мыслим всяческий позор,
Когда б вернулись к состязанью,
Гонимы ревностью своей;
Чтоб повод прекратить верней,
Им это дал я наказанье.
Изгнать Юстину я хотел,
Искал, не находил предлога.
Теперь могу карать я строго,
Придумав наказанье ей.
В ней добродетели притворны,
И смело я могу теперь
Ее изгнать, могу, поверь,
И к казни присудить позорной.
Так пусть же узники тогда
На волю выйдут без укора,
И Лелия ко мне и Флора
Ты приведи скорей сюда.

Ф а б и й

Благодаря тысячекратно,
Я падаю к твоим ногам.

(Уходит.)

СЦЕНА 18-я

Правитель. Солдаты.

П р а в и т е л ь

Юстина отдана властям,
Судьба свершилась безвозвратно.
Чего же в бешенстве я жду?
Пусть встретит яростное мщенье
За всю печаль и огорченья,
Что чрез нее я знал в бреду.
Пусть будет предана мгновенно
Рукам кровавым палача.

(К Солдату.)

Ее позоря и влача,
Веди сюда. И непременно
Чтоб, разъяренна и слепа,
Толпа над нею издевалась.
Раз во дворец ко мне попалась,
Ее окончилась тропа.

(Солдат уходит с другими.)

СЦЕНА 19-я

Фабий, Лелий, Флор.— Те же.

Ф а б и й

За теми посылал двоими,
Они пришли к ногам твоим.

Л е л и й

Желаньем полон я одним,
Не задаваясь другими:
Хочу твоим лишь сыном быть,
Хочу сейчас я быть с тобою
Лишь как с отцом, а не с судьбою,

О страхах вовсе позабыть.
Но коль отец мой недоволен
Я в трепете — как верный сын.

Ф л о р

Меня позвал ты, господин,
Я заключить отсюда волен,
Что хочешь наказать меня;
Не заслужил я наказанья,
Но весь исполнен послушанья.

П р а в и т е л ь

Флор, Лелий, страхи прогоня,
Услышьте: если бы тогда я
Оставил на свободе вас,
Отцом я был бы в этот час,
А не судьей, вас не карая.
Но в благородных злобы нет,
И ежели ушла причина
Вражды, пусть будет в вас едино
Хотенье — это мой совет.
Немедля будьте же друзьями,
Друг другу руки дав.

Л е л и й

Без слов

Я Флору другом быть готов.

Ф л о р

Что дружба будет править нами,
Я обещаюсь, вот рука.

П р а в и т е л ь

Я верю. Вы теперь свободны,
Когда предлог исчез негодный,
И дружба тут недалеко.

СЦЕНА 20-я

Дьявол, Толпа.— Те же.

Дьявол (за сценой)

Безумный, глянь! Смотри, безумный!

П р а в и т е л ь

Что там такое?

Л е л и й

Я узнал.

(Идет к двери и тотчас же возвращается.)

П р а в и т е л ь

В дворце такая суматоха!

Что вызвало ее сейчас?

Ф л о р

Причина важная, должно быть.

Л е л и й

Весь этот шум, узнай, владыка,
(Столь редкостное приключение!)

Там вызвал Киприан. Сюда

В Антиохию он вернулся,

Чрез столько дней, совсем безумный.

Ф л о р

Он впал в такое состоянье

Через утонченность ума,

Не может быть сомненья в этом.

Т о л п а (за сценой)

Безумный, глянь! Смотри, безумный!

СЦЕНА 21-я

Киприан, полубнаженный. Толпа. — Те же.

К и п р и а н

Я не был никогда разумней,
Но знаю, вы безумны все.

П р а в и т е л ь

Что, Киприан, с тобой случилось?

К и п р и а н

Антиохии повелитель,
Чей господин есть цезарь Деций,
Вы, Флор и Лелий, для кого
Всегда столь верным был я другом,
Знать благородная, великий
Народ, услышьте, что скажу вам:
Сюда пришел я во дворец,
Чтоб все меня вы услышали.
Я Киприан. Я силой знанья
И гения был в школах чудом,
В науках был я торжеством.
Что я из всех извлек — сомненье,
И, смутным разумом стараюсь,
Я из сомнения не вышел.
Юстину увидал и ей
Свои сполна я предал чувства,
Оставив мудрую Минерву
Для преданной любви Венеры.
Ее отвергнут чистотой,
Все ж сохранил свои я чувства,
И, в крайность уходя чрез крайность,
Ведом любовью, увидал я,
Как некий гость ко мне пришел,
На землю выброшенный морем;
Мою любовь пленив надеждой,

Он знаниями пленил мой разум,
И по причине той ему
Я за Юстину отдал душу.
Средь гор лесистых обитая,
Я стал учеником послушным,
И, те ученые труды
Пройдя, того достичь сумел я,
Что подвигать могу я горы,
Сместив с основы на основу.
Хоть эти чудеса могу
Я совершать без затруднений
И в силах выполнить сегодня,
Не в силах голосом желанья
Одну привлечь я красоту.
Причина моего бессилья
Тем чудом овладеть красивым,
В том, что есть Бог, ее хранящий,
И ныне я, его познав,
Безмерным Богом возглашаю
И исповедую верховным.
Кто он, я громко возвещаю,
Господь великий христиан.
Пусть я сейчас невольник ада,
Затем что записать дал на душу,
Но я стереть ее надеюсь
Чрез мученический конец.
Коль ты судья, коль христиан ты
Преследуешь кроваво-яро,
Знай, я христианин, мне старец
Почтенный между диких гор
Дал то достоинство, в котором
У них есть первое из таинств.
Чего ж ты медлишь? Эй, скорее,
Пускай придет ко мне палач
И голову мою отрубит,
Иль испытает в страшных пытках,
Сколь буду твердым я в горниле.

Две тысячи смертей готов
Перенести спокойно-смело,
Узнав, что только Бог великий,
Которого я обожаю,
Есть Бог, все славы без него
Лишь прах и дым, зола и ветер.
(*Падает ничком наземь, как бы в обмороке.*)

П р а в и т е л ь

Столь, Киприан, меня смутил ты
Своим безмерным дерзновеньем,
Что кары для тебя ищу,
И никакой решить не в силах.
(*Топчет его.*)

Встань!

Ф л о р

Обмороком схвачен сильным,
Он ледяное изваянье.

СЦЕНА 22-я

Солдаты. Юстина.— Те же.

С о л д а т

Юстина, повелитель здесь.

П р а в и т е л ь (*в сторону*)

(*Лицо ее да не увижу.*)
Пускай она с живым тем трупом
Здесь остается.

(*В сторону, к присутствующим.*)

Тут оставшись

Вдвоем, быть может, что они
Свое решенье переменят,
Один другого видя в смерти;
Когда ж моим богам упорно
Моления не принесут,
Умрут в тысячекратных пытках.

Л е л и й (в сторону)

Меж изумленьем и любовью
Я тень.

Ф л о р (в сторону)

Столь чувствую я много,
Что чувств своих не вижу сам.
(Все уходят, кроме Юстины.)

СЦЕНА 23-я

*Юстина; Киприан, без чувств,
распростертый на полу.*

Ю с т и н а

Все удаляетесь вы молча?
Когда я радовалась смерти,
Вы умереть мне не даете,
Затем что смерти я хочу.
(Замечает Киприана.)

Но в том моя, конечно, кара,
Что, в этой комнате замкнута,
Я медленную смерть узнаю
В сопровождаеньи мертвеца.
Лишь труп сейчас со мною вместе.
О ты, идущий в средоточье,
Откуда ты исшел,— счастливый,
Коль вера привела тебя
Теперь в такое состоянье.

К и п р и а н (приходя в себя)
Чудовище высокомерья,
Чего ж ты ждешь, не разрешая
Нить жизни мне...

(Видит Юстину и встает.)

О, небеса!

(В сторону.)

(Тут не Юстина ли со мною?)

Юстина (в сторону)
(Не Киприана ли я вижу?)

Киприан (в сторону)
Но это не она, конечно,
Созданье мысли предо мной.

Юстина (в сторону)
Но то не он, играет ветер
И привидения сплетает.

Киприан
Видение моих мечтаний.

Юстина
Желанья моего мечта...

Киприан
Плененье чувств моих забвенных...

Юстина
Мой страх и ужас, помышлений...

Киприан
Чего же хочешь?

Юстина
Что ты хочешь?

Киприан
Я не зову тебя. Зачем
Пришла.

Юстина
Зачем меня ты ищешь?
Я о тебе не помышляю.

Киприан
Я не ищу тебя, Юстина.

Юстина

Я не пришла на твой призыв.

Киприан

Так как ты здесь?

Юстина

Под стражу взята.

Киприан

Я тоже схвачен. Но, Юстина,
Какое же ты преступленье
Могла свершить? Ведь так чиста ты.

Юстина

Нет преступления на мне.
Но, верю в Христа гнушаясь,
Которого я чту за Бога,
Они меня теперь карают.

Киприан

Так добр, Юстина, твой Господь,
Что полон он к тебе защиты,
И почитать его пристойно.
Так сделай, чтоб меня услышал.

Юстина

Услышит, если с верой ты
Его зовешь.

Киприан

Зову я с верой;
Но, если в нем не сомневаюсь,
Грехов своих пугаюсь страшных.

Юстина

Не падай духом.

К и п р и а н
Без границ
Мои проступки.

Ю с т и н а
Безгранично
Благоволение Господне.

К и п р и а н
Найду прощенье?

Ю с т и н а
Достоверно.

К и п р и а н
Как я прощение найду,
Коль Дьяволу я отдал душу
За красоту твою?

Ю с т и н а
Но в небе
Нет стольких звезд, нет в море стольких
Песчинок, стольких искр в огне,
Пылинок в свете, крыльев в ветре,
Как в нем прощенья прегрешеньям.

К и п р и а н
Юстина, верю. И за веру
Тысячекратно я умру.
Но дверь, я слышу, отпирают.

СЦЕНА 24-я

*Фабий приводит взятых под стражу Москона,
Кларина и Ливию.— Киприан, Юстина.*

Ф а б и й
Войдите, будете под стражей
При господах своих.

(Уходит.)

Л и в и я

Желают

Быть христианами они,
В чем наша тут вина?

М о с к о н

Во многом;

Мы служим, это преступленье.

К л а р и н

Я от опасности — из леса —
В опасность новую попал.

СЦЕНА 25-я

Слуга.— Те же.

С л у г а

Юстину вместе с Киприаном
Правитель требует Аврелий.

Ю с т и н а

Я счастлива тысячекратно,
Когда желанный ждет конец.
Ты, Киприан, не ведай страха.

К и п р и а н

Во мне и мужество и вера,
И если за мою неволю
Отдать мне нужно будет жизнь,
Я, за тебя отдавши душу,
Большое ли свершу деянье,
За Бога отдавая тело?

Ю с т и н а

Что в смерти полюблю тебя,
Когда-то я тебе сказала;

С тобою ныне умирая,
Я, Киприан, сдержала слово.
(Юстина, Киприан и Слуга уходят.)

СЦЕНА 26-я

Москон, Ливия, Кларин.

Москон

Как любо им идти на смерть!

Ливия

Приятно жить втроем нам будет.

Кларин

Есть некая тут неприятность:
Нам разъяснить придется тяжбу,
Неподходящий случай здесь,
Но времени терять не будем.

Москон

Какая тяжба?

Кларин

А покуда
Я был в отлучке...

Ливия

Говори же.

Кларин

Без перерыва целый год
Москон твоим был господином;
И, соразмерность соблюдая,
Чтоб мы теперь совсем сравнялись,
Ты будешь целый год моя.

Л и в и я

Такого обо мне ты мненья,
Что оскорблять тебя я буду?
В те дни, в какие было нужно,
Я проливала много слез.

М о с к о н

Я в том свидетель; дни, что были
Твои, она хранила честно.

К л а р и н

Неправда это, потому что,
Когда я в дом ее вошел,
Не плакала она, и с нею
Ты чувствовал себя вольготно.

Л и в и я

Сегодня день не тоскованья.

К л а р и н

День тоскованья: если я
Припоминаю без ошибки,
В мой день отсюда я сокрылась.

Л и в и я

Нет, тут ошибка.

М о с к о н

В чем погрешность,
Я знаю: високосный год,
И в счете дней он, значит, четный.

К л а р и н

Я объяснение принимаю,
Но все расследовать нам нужно.
Но что это за страшный шум?
(Слышен великий шум грозы.)

СЦЕНА 27-я

*Правитель, Толпа; тотчас Фабий, Лелий
и Флор: все объятые смущеньем; потом Дьявол.*

Л и в и я

Дом рушится до основанья.

М о с к о н

Что за смятенье! Что за чудо!

П р а в и т е л ь

С основ, должно быть, сокрушилось
Сооружение небес.

*(Шумит гроза,
входят Фабий, Лелий и Флор.)*

Ф а б и й

Едва, поверженным на плаху,
Палач Юстине с Киприаном
Рассек, взмахнув секирой, шею,
Как восскорбела вся земля.

Л е л и й

На нас готова рухнуть туча,
А из ее воспламенений
Летят, выбрасываясь, громы
И молнии струятся ниц.

Ф л о р

Безликое оттуда чудо,
Все раковин полно чешуйных,
Как бы змея, на плаху пало
И нас к молчанию зовет.

*(Предстает плаха, на ней головы и тела
Юстины и Киприана, в вышине на плахе Змей.)*

Дьявол

Услышьте, смертные, услышьте,
Что небо мне повелевает
В защиту возвестить Юстины,
Чтоб это ведали вы все.
Я чистоту ее ославить
Хотел и, лики принимая
Обманные, к ней в дом взобрался
И в самый к ней вошел покой.
И чтобы в славе благочестной
Она ущерба не терпела,
В таком являюсь я подобьи,
Чтоб честь ее восстановить.
Тот Киприан, что вместе с нею
Счастливый памятник имеет,
Моим рабом был; но излитой
Из шеи кровью запись смыл,
И ткань его осталась белой.
Мне вопреки, взошли те двое
До высших сфер, в пределы Бога,
Чтоб в лучшем царствии там жить.
Все это правда, потому что
Я говорю, как Бог велел мне;
Хоть мало правде я научен,
Ее я вынужден сказать.

(Быстро падает и проваливается.)

Л е л и й

Вот удивления!

Ф л о р

Вот ужас!

Л и в и я

Вот диво знаменья!

В с е

Вот чудо!

П р а в и т е л ь

Все это только колдованья,
Что в смерти совершил тот маг.

Ф л о р

Не знаю, верить иль не верить.

Л е л и й

Я думаю и поражаюсь.

К л а р и н

Я думаю, что если маг он,
Так был небесным магом он.

М о с к о н

И оставляя под сомненьем,
Любовь разделена ли верно,
Волшебному мы просим *Магу*
Несовершенства извинить.

САЛАМЕЙСКИЙ АЛЬКАЛЬД

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Филипп II, король
Дон Лопе де Фигероа, военачальник
Дон Альваро де Атайде, капитан
Сержант
Искра (Чиспа)
Ребольедо, солдат
Педро Креспо, старый крестьянин
Хуан, сын Педро Креспо
Исабель, дочь Педро Креспо
Инес, двоюродная сестра Исабель
Дон Мендо, гидальго
Нуньо, его слуга
Регистратор
Солдаты
Барабанщик
Сопровождающие

*Действие происходит в Саламее
и в ее окрестностях.*

ХОРНАДА ПЕРВАЯ

*Поле вблизи Саламеи*¹

СЦЕНА 1-я

*Ребольедо*², *Искра*, *Солдаты*.

Ребольедо

Чтоб черт побрал того, кто гонит
Людей вперед от места к месту,
Ни на минуту не давая
Притом нам отдыха.

Все

Аминь.

Ребольедо

Цыгане, что ли, мы какие,
Чтобы скитаться и скитаться?
Что толку в том, что знамя кличет
И барабан...

Солдат 1-й

Запел свое?

Ребольедо

А что ж? Пока молчал я смирно,
Он не жужжал все время в уши?

Солдат 2-й

Не полагается канючить,
Когда в селенье входим мы;
Сейчас забудем про усталость.

Ребольедо

Какой там отдых, если прямо
От утомления я помер?
А если я живым дойду,
Еще лишь Господу известно,
Найдем ли тут мы передышку:
Едва прибудем к комиссару³,
Придут алькальды, чтоб сказать,
Что, ежели отряд способен
Путь продолжать, они готовы
Снабдить его необходимым.
Сперва им скажут: «Нет, нельзя.
Солдаты до смерти устали».
А если у солдата деньги
В количестве найдутся должном,
Тут будет разговор другой:
«Вниманье, господа солдаты,
Мы приказание имеем
Поход свершить без промедлений,
И тотчас дальше мы идем».
И мы, убожество являя,
Во исполненье приказанья
Пойдем как нищие монахи,
А настоятель сыт и пьян⁴
Клянусь, что, если на закате
Прибудем нынче в Саламею,
И нас заставят без задержки
Идти вперед, я не пойду.
И без меня тут обойдутся,
А если буду дезертиром,
Не первая проделка это,
Что совершил я на веку.

Солдат 1-й

И не впервые так случится,
Что это будет жизни стоить

Неисполнительным солдатам,
А особливо если мы
Сообразим, что наш начальник,
Взнесенный славою Дон Лопе
Де Фигероа, воин смелый,
Но проклинатель первый сорт,
Всегда ругается, божится,
А если судит, так в минуту,
И не поморщится, как друга
Отправит вмиг на тот он свет.

Ребольедо

Вы слышите, что говорит он?
Так что сказал я, все исполню.

Солдат 2-й

Солдат — и там хвалиться будешь?

Ребольедо

Мне что ж? Я все могу стерпеть,
Все дело в этой вот бедняжке,
Что нас в пути сопровождает.

Искра

Из-за меня-то, Ребольедо,
Свою ты душу не тревожь.
Я, знаешь, родилась зубастой,
И страх твой лишь меня позорит.
Коли служить я захотела,
Так все лишения мне в честь.
Когда бы только я устала
Жить припеваючи, так я бы
Никак из дома рехидора⁵,
Где все в избытке, не ушла.
За месяц много там подарков,
А есть такие рехидоры,
Что прямо стол у них открытый,

Хоть целый месяц пировать.
Уж если я ушла оттуда,
И мыкаюсь тут с Ребольедо,
Так мне ему не быть болячкой,
Что ж обо мне и толковать?

Ребольедо

Клянусь, что ты царица женщин.

Солдат 2-й

Он сущую промолвил правду.
Да здравствует вовеки Искра!

Ребольедо

Да здравствует! И слава ей!
Когда и под гору идем мы,
И в гору тянем нашу лямку,
Она уж воздух потревожит,
И звонко песенку поет.

Искра

Коль только речь зашла об этом,
Сейчас ответят кастаньеты.

Ребольедо

Не станет дело и за мною,
Уж как сумею, помогу.
Товарищи пусть будут судьи.

Солдат 1-й

Что хорошо, то хорошо.

(Ребольедо и Искра поют.)

Искра

Цветик я песенки, песнь голубина,
Титири, титири, титири, тина.

Ребольедо

Песни пою, веселюсь чрезвычайно,
Титири, титири, титири, тайна.

Искра

Пусть знаменосец на бой отбывает,
Пусть капитан с кораблем уплывает.

Ребольедо

С маврами бейся, кто хочет сражаться,
Мне с ними ладно, я буду смеяться.

Искра

Печка работай, на стол заработай,
Хлеба поем я с большою охотой.

Ребольедо

Ну-ка, хозяйка, петух твой напелся,
Жарь его, мне уж барашек приелся.

Солдат 1-й

Смотрите, есть и колокольня,
Мы, верно, здесь привал устроим,
Почти досадовать готов я,
Так песню слушать хорошо.

Ребольедо

До Саламеи мы добрались?

Искра

У самой башни мы церковной.
А если песня прекратилась,
Об этом стоит ли тужить?
Еще не раз мне петь придется,
Забавы эти мне по вкусу,
Иная каждый миг захнычет,

А я чуть что, и запою.
Еще сто песен мы услышим.

Ребольедо

Тут стоп, и будем ждать, покуда
Сержант не даст нам указанье,
Вступать ли нам отрядом всем,
Или входить поодиночке.

Солдат 1-й

Вот он идет, и капитан тут.

СЦЕНА 2-я

Капитан, Сержант.— Те же.

Капитан

Солдаты, с доброю я вестью,
Нам будет передышка тут,
И будем здесь мы на привале,
Покуда не придет Дон Лопе
С отрядом, что сейчас в Льерене.
Сегодня к нам пришел приказ,
Чтоб все мы были наготове,
Не шли пока до Гвадалупы,
Пускай весь полк сойдется вместе,
Тогда и он придет сюда.
Так несколько мы дней свободны.

Ребольедо

За эту весть благодаренье.
Тебе бы за нее награду!

Все

Да здравствует наш капитан!

Капитан

Уж всем назначены квартиры.
От комиссара все получают
Сейчас билеты для постоя.

Искра

Сегодня уж узнаю я,
Такой сякой, что разумел он,
Когда пропел, что не барашка,
А мясо подавай петушье.
Не курочки ли хочет он?

(Уходят.)

Улица.

СЦЕНА 3-я

Капитан, Сержант.

Капитан

Сеньор сержант, билет принес мне?
Где буду тут квартировать я?

Сержант

Принес, сеньор.

Капитан

Так где квартира?

Сержант

Здесь близко, в доме одного
Крестьянина, он богачей здесь,
Важнейший в месте, и слышал я,
Он человек весьма тщеславный,
Он так заносчив, что пышней,
Пожалуй, чем инфант Леона⁶

Капитан

Когда богат крестьянин этот,
Тщеславье в нем вполне уместно.

Сержант

В местечке лучший, говорят,
Имеет дом он, я и выбрал
Его тебе, а, впрочем, дело
Не в этом, а в ином: другую
Не сможешь в Саламее ты
Красавицу найти такую...

Капитан

Ну что ж?

Сержант

Как дочь его.

Капитан

Неважно.

Там как ни будь она красива,
Как ни тщеславься, а всего
Она мужичка, руки грубы,
И ноги велики, конечно.

Сержант

Чтоб кто-нибудь сказал такое?

Капитан

Глупец, а почему бы нет?

Сержант

Как можно провести приятней
Досуг (коль не зажжен любовью),
Чем позабавиться с мужичкой,
Все говорящей невпопад?

Капитан

Ни разу в жизни не узнал я
Подобного, хотя б случайно.
Я женщину тогда лишь вижу
И женщиной могу считать,
Когда себя в порядке держит,
Чиста и хорошо одета.

Сержант

А для меня, сеньор, любая.
Идем туда, и Бог судья,
А я уж позабавлюсь с нею.

Капитан

Кто прав из нас, ты хочешь видеть?
Кому красавица желанна,
Тот о любимой говорит:
«Есть дама здесь моя», — не скажет:
«Моя крестьянка». Значит, если
Любимая зовется дамой,
Берет мужичка напрокат
Именование такое.
Но что за шум здесь?

Сержант

Это кто-то
Слез с тощей клячи, с россинанта,
Вон на углу, — как Дон Кихот,
Чьи приключения Сервантес
Нам описал красноречиво⁷

Капитан

Приметная, скажу, фигура.

Сержант

Пойдем, сеньор, уж нам пора.

Капитан

Пусть вещи там мои поставят,
И ты, сержант, придешь сказать мне.
(Уходят.)

СЦЕНА 4-я⁸

Дон Мендо, Нуньо.

Дон Мендо

Как серый конь мой?

Нуньо

Заморился,
Не может двинуть он ногой.

Дон Мендо

Слуге сказал ты, чтоб минутку
Он поводил его?

Нуньо

Еще бы.

Какая мысль!

Дон Мендо

Ничто иное
Коня не может никогда
Так успокоить.

Нуньо

За овес я.

Дон Мендо

А чтобы с привязи спустили
Борзых, сказал ты?

Нуньо

Им приволье,
Но лишь не в барышах мясник.

Дон Мендо

Довольно. Три часа уж било.
Дай зубочистку и перчатки.

Нуньо

А если эту зубочистку
Да вдруг сочтут за знак пустой?

Дон Мендо

Коль кто вообразит, что будто
Не пообедал я фазаном,
Я заявлю, что ложь в нем скрыта,
И всюду довод поддержу.

Нуньо

Не лучше ли тебе меня бы
Питаньем поддержать немного?
Зачем поддерживать другого?
Ведь я слуга твой.

Дон Мендо

Экий вздор!

Скажи, действительно солдаты
Вошли в селение сегодня?

Нуньо

Да, господин.

Дон Мендо

Мужик несчастен,
Что должен ждать таких гостей.

Нуньо

Пожалуй, те несчастны больше,
Которые и ждать не могут...

Дон Мендо

Кто именно?

Нуньо

Кто благороден:
Гидальго⁹ Не дивись тому.
Коль нет военного постоя
В домах гидальго, в чем причина,
Как полагаешь?

Дон Мендо

В чем? Поведай.

Нуньо

Чтобы не померли у них
От глада.

Дон Мендо

Да почиет в мире
Душа родителя, который
Дворянской грамоты наследье
Великое мне завещал,
Вся в золоте она с лазурью,
И род мой волен от постоя.

Нуньо

Допустим, что нелишним было б,
Когда б оставил он тебе
И золота еще отдельно.

Дон Мендо

Хоть если говорить по правде,
Я полагаю, что не должен
Я благодарным быть ему
За то, что я рожден гидальго:
Ведь я в утробе материнской
Отца неблагородной крови
С упорством твердым бы отверг.

Нуньо

Осведомиться было б трудно.

Дон Мендо
Не трудно, а легко, напротив.

Нуньо
Как, господин?

Дон Мендо
Понять не можешь,
Ты в философии простак,
В ее основы не проник ты...

Нуньо
Постиг, сеньор, и предпосылки,
И заключенья: я ж с тобою.
На столь божественный твой стол
Ни предпосылок, ни посылок,
Ни заключенья для десерта ¹⁰

Дон Мендо
Речь не о тех веду основах.
Узнай, что, если кто рожден,
Он сущность есть той самой пищи,
Которую съедали предки.

Нуньо
Так эти предки ели пищу?
Ты не наследовал тот дар.

Дон Мендо
И превращается все это
Во плоть и кровь его. Так видишь,
Когда бы луковицу ел он,
Я вмиг признал бы этот дух
И тотчас молвил бы: «Постой-ка,
Я не хочу, чтоб из подобных
Меня творил ты экскрементов».

Нуньо

Я вижу истину теперь...

Дон Мендо

Чего?

Нуньо

Что голод утончает
Соображение.

Дон Мендо

Пустяшник,
Я голодаю?

Нуньо

Не досадуй.
Коль ты не голоден сейчас,
Голодным быть вполне ты мог бы,
Ведь три часа уж пополудни,
И лучший мел бы против пятен
С твоей слюной или с моей
Не мог никак идти в сравненье.

Дон Мендо

Довольно ль в этом основанья,
Чтобы испытывал я голод?
Пусть голод чувствует холоп,
Не все мы единообразны,
Гидальго, ест или не ест он,
Не ощущает в том различья.

Нуньо

О, если б я гидальго был!

Дон Мендо

И более о том ни слова,
Мы в улицу теперь вступаем,
Где Исабель.

Н у н ь о

Зачем когда ты
Влюблен и предан Исабель,
Ты у отца ее не просишь?
Ты и отец ее тем самым
Восполнили бы два пробела:
Ты ел бы досыта, а он
Лелеял бы дворянских внуков.

Д о н М е н д о

Не говори об этом, Нуньо.
Чтоб деньги так меня сразили,
И человек совсем простой
Моим посмел бы зваться тестем?

Н у н ь о

А я-то думал, что отлично
С простым и низким знаться тестем,
Другие, как гласит молва,
Зятьям суть камень преткновенья.
Когда не хочешь ты жениться,
Зачем любовные безумства?

Д о н М е н д о

К чему же непременно брак?
Есть Бургос, в Бургосе обитель ¹¹,
Как надоест, туда ей можно
Отправиться. Ее не видно?

Н у н ь о

Боюсь, что Педро Креспо вдруг
Меня увидит...

Д о н М е н д о

Что посмеет,
Кто б ни было, с тобою сделать,
Когда ты мой слуга? Исполни,
Что приказал твой господин.

Н у н ь о

Исполню, хоть и не придется
Мне за одним столом сидеть с ним ¹².

Д о н М е н д о

У слуг всегда есть поговорка.

Н у н ь о

Благая весть. Она идет
С своей двоюродной сестрою,
Инес, к решетке.

Д о н М е н д о

Лучше молви,
Что на востоке самоцветном
Себя желая повторить,
На склоне лня восходит солнце.

СЦЕНА 5-я

Исабель и Инес, у окна.— Те же.

И н е с

Иди к окну, сестра, не бойся,
Увидишь, как солдаты входят
В селенье.

И с а б е л ь

Ах, не говори.
Как подходить к окну могу я,
Коль этот человек близ дома,
Мне так его противно видеть.

И н е с

Упорствует, служа тебе,
Он чрезвычайно.

Исабель

Мне в том счастья

Немного.

Инес

Ты совсем напрасно
Так беспокоишься об этом.

Исабель

Что ж в этом видеть я могу?

Инес

Забаву.

Исабель

Можно забавляться
Тем, что противно?

Дон Мендо (*приближаясь к окну*)

Я поклясться

Могу, дворянское дав слово,
(А эта нерушима честь,) —
Что до сих пор не рассветало, —
Но можно ли на то дивиться?
Заря вторая с вами всходит.

Исабель

Я не один вам раз, сеньор,
Уж говорила, что напрасно
Вы расточаете любезность,
Здесь каждый день пред этим домом
Являя крайности любви.

Дон Мендо

Когда красавицы бы знали,
Как гнев к лицу им и досада,
Клянусь, они не знали б в жизни
Иных румян или белил.

Вы так красивы. Говорите
Мне неприятностей побольше.

Исабель

Коль говорить их не довольно,
Дон Мендо, сделать я могу.
Инес, иди со мной отсюда
И хлопни перед ним окошком.

(Уходит.)

Инес

Как видно, странствующий рыцарь,
Всегда вам нужно в бой вступать
С враждой подобных приключений,
Вам нелегко тут удержаться,
Так пусть же вам любовь поможет.

(Уходит.)

Дон Мендо

Инес, красавицам — их путь,
Хотят — придут, хотят — уходят.
Что ж, Нуньо.

Нуньо

Бедным незадача.

СЦЕНА 6-я

Педро Креспо; потом Хуан Креспо. — Те же.

Креспо *(в сторону)*

Чуть в улицу мою вхожу я,
А уж дворянчик тут как тут,
Гуляет поступью преважной.

Нуньо *(в сторону, к своему господину)*
Сюда подходит Педро Креспо.

Дон Мендо

Идем вот этою дорогой.
Злокачественный он мужик.
(Выходит Хуан Креспо.)

Хуан (в сторону)

Чуть я домой, уж тут у двери
То пугало в своих перчатках,
На наглom лбе его забрало.

Нуньо (в сторону, к своему господину)
А тут сынок его идет.

Дон Мендо

Смелей, не приходи в смущенье.

Креспо (в сторону)

Но тут подходит Хуанито.

Хуан (в сторону)

Однако тут идет отец мой.

Дон Мендо (в сторону, к Нуньо)

(Но в чем и виду не подай.)
Храни Господь вас, Педро Креспо!

Креспо

Храни Господь вас!
(Дон Мендо и Нуньо уходят.)

СЦЕНА 7-я

Педро и Хуан Креспо.

Креспо (в сторону)

Он задумал
Упорствовать. Ему придется
Однажды пожалеть о том.

Хуан (в сторону)

(Не одобровать ему однажды.)
Откуда мой сеньор приходит?

Креспо

Иду с гумна. Сегодня вышел
Я жатву нашу осмотреть.
Снопы большие, копен много,
Посмотришь издали, так будто
Снопы из золота, как груды,
И полновесное оно,
Тут зерна небом проверялись.
Лопата вверх и вниз летает,
И ветер, ею ранен, веет,
Ложится в сторону зерно,
Мякина в сторону другую:
И тут, кто более смиренен,
Тому, кто грузен, уступает.
Пошли Господь удачу мне,
Чтоб жатву всю собрать в амбары,
И чтобы ливень или буря
Не обездолили колосья.
А ты что делал в этот час?

Хуан

Не знаю, как тебе скажу я,
Чтоб только ты не рассердился.
Я в мяч играл, и две их было
Игры, и обе проиграл.

Креспо

Что ж, хорошо, коль заплатил ты.

Хуан

При мне не оказалось денег.
Не заплатил. Пришел просить я...

К р е с п о

Постой и выслушай меня.
Двух никогда вещей не делай:
Не обещайся, раз не знаешь,
Что ты сдержать способен слово,
Когда ж играешь, так играй
Лишь на наличность, что с тобою.
Быть может в деньгах и нехватка,
Зато себя ты не уронишь.

Х у а н

Совет как должно от тебя.
Чтоб оценить его полнее,
Другой совет тебе в отплату:
Тому советов не давай ты,
Кто просит денег.

К р е с п о

Ловко мстишь.

(Уходят.)

Двор при доме Педро Креспо.

СЦЕНА 8-я

Креспо, Хуан, Сержант.

С е р ж а н т

Живет не здесь ли Педро Креспо?

К р е с п о

Чего желает ваша милость?

С е р ж а н т

В ваш дом хочу доставить вещи,
Что принести сюда велел

Дон Альваро де Атаиде,
Он капитан того отряда,
Который нынче в Саламее
Расквартирован.

К р е с п о

Хорошо.

Чтоб послужить по чести Богу
И Королю, для капитанов
Мое имущество и дом мой.
Пока в порядок приведут
Для капитана помещение,
Оставьте вещи там при входе
И сообщите, пусть приходит,
Его мы милость будем ждать,
В том, что велит, служить готовы.

С е р ж а н т

Он будет здесь через минугу.

СЦЕНА 9-я

Креспо, Хуан.

Х у а н

И примиряешься с постоем,
Когда настолько ты богат?

К р е с п о

Как я его избегнуть мог бы?

Х у а н

Дворянской грамотой. Купи лишь.

К р е с п о

Скажи по совести, есть кто-то,
Не знающий, кто я таков?

Я человек простой, хоть крови
Я незапятнанной, конечно.
Так я ведь грамотой дворянской
Дворянской крови не куплю¹³.
Что ж, лучше буду я, чем прежде?
Бессмыслица. И что же скажут?
Что за шесть тысяч я реалов
Стал благороден. Гут мошна,
Не честь. Честь деньгами не купишь.
Рассказик маленький скажу,
Прослушай, пусть он пошловатый.
Был человек сто лет плешивым,
Уже сто лет как облысел он,
И наконец купил парик.
Что ж, в пересудах перестал он
Быть лысым? Да ничуть, любезный..
Посмотрят на него, и скажут:
«Парик он носит хорошо».
Итак, ему какая ж польза,
Что лысину его не видят?

Хуан

А он ущерб, как мог, поправил
И неприятности смягчил
От солнца, холода и ветра.

Креспо

Поддельной чести не хочу я,
Ущерб, что был, остался в доме.
Мои все предки мужики,
Пусть будут дети мужиками.
Покличь сестру.

Хуан

Она пришла уж.

СЦЕНА 10-я

Исабель, Инес.— Креспо, Хуан.

К р е с п о

Дочь, наш Король (храни Всевышний
Его еще на сотню лет!)
Путь в Лиссабон сейчас свершает,
Где будет он короноваться
Как полновластный повелитель.
И потому идут в поход
С военной пышностью отряды,
И старый Фландрский полк приходит
В Кастилью, командир — Дон Лопе,
Он, говорят, Испанский Марс.
Сегодня в дом придут солдаты,
И им тебя не нужно видеть.
Так, дочь, немедленно отправься
В то помещенье наверху,
Где комнаты мои.

И с а б е л ь

Хотела

Тебя как раз просить об этом,
И потому сюда пришла я.
Когда бы я осталась здесь,
Мне много услышать пришлось бы
Ненужных глупостей. С сестрою
В твоём мы помещении будем,
И не увидит нас никто,
Ни даже солнце не узнает,
Где мы.

К р е с п о

Побудь здесь, Хуанито,
Прими гостей благопристойно,
А я покуда поищу,
Чем угостить их хорошенько.

(Уходит.)

Исабель

Идем, Инес.

Инес

Идем, сестричка.

Но женщину, я полагаю,
Совсем безумно охранять,
Коль женщина сама не хочет
Себя хранить.

(Исабель и Инес уходят.)

СЦЕНА 11-я

Капитан, Сержант.— Хуан.

Сержант

Вот этот самый,

Тот дом.

Капитан

Пусть принесут мне вещи
Из кордегардии.

Сержант (в сторону, к Капитану)

Пойду

Сперва крестьянам смотр устрою.

(Уходит.)

Хуан

Добро пожаловать. Нам счастье,
Что в дом приходит кабальеро,
В котором благородный лик.

(В сторону.)

(Какой изящный он и стройный!
Мне хочется служить в солдатах.)

Капитан

Мне вас весьма приятно видеть.

Хуан

Прощенья просим, что еще
Мы не прибрали хорошенько.
Хотел бы мой отец, чтоб дом наш
Сегодня был роскошным замком.
Пошел он поискать еды,
Вам приготовить угощенье,
А я все приведу в порядок.

Капитан

Благодарю за все заботы.

Хуан

Всегда у ваших буду ног.
(Уходит.)

СЦЕНА 12-я

Сержант, Капитан.

Капитан

Ну что, сержант? Крестьянку видел?

Сержант

Свидетель Бог, взглянул я в кухню
И осмотрел все помещенье,
Ее нигде не повстречал.

Капитан

Упрятал девку мужичина.

Сержант

Я расспросил о ней служанку,
Та говорит, отец велел ей
Быть в помещеньи наверху,
Ревнив он, не велел спускаться.

Капитан

Какой мужик не с хитрецою?
Когда бы тут ее я видел,
Вниманья б я не обратил,
А если так оберегает
Ее старик, клянусь, хочу я
Ее найти.

Сержант

Но что ж мы можем
Такого выдумать, сеньор,
Чтобы войти без подозренья?

Капитан

Из одного упрямства только
Ее увидеть я желаю,
И хитрость должную найду.

Сержант

Не нужно и хитрить чрезмерно,
Была бы только здесь удача,
А остальное все неважно.

Капитан

Так слушай, что придумал я.

Сержант

Скажи, в чем дело?

Капитан

Ты представься...
(*Видит, что подходит Ребольеда.*)
Но нет. Вон там солдат приходит,
В котором ловкости побольше,
Он разыграет это все.

СЦЕНА 13-я

Ребольедо, Искра. — Те же.

Ребольедо (к Искре)

Поговорю я с Капитаном,
Быть может, будет мне удача.

Искра

Поговори с ним хорошенько,
Не все ж сорви быть головой.

Ребольедо

Ты поучи меня быть умным.

Искра

Уж много ли ума, не знаю,
А все бы отдала тебе я.

Ребольедо

Ты здесь покуда подожди.

(Приближается.)

С ходатайством к тебе пришел я...

Капитан

Я, Ребольедо, Бог свидетель,
Тебе во всем помочь желаю,
Мне люб твой смелый, быстрый нрав.

Сержант

Солдат отличный.

Капитан

Что ж ты хочешь?

Ребольедо

Все деньги, сколько их имею,
Имел или иметь я буду,

Я потерял, и беден я
В грядущем, в прошлом, в настоящем.
Не сделаешь ли ты мне милость
И не велишь ли знаменосцу,
Чтоб в возмещение потерь...

Капитан

Ну говори же, что ты хочешь?

Ребольедо

Чтобы он дал мне разрешение
Заведовать игрой в фортунку¹⁴,
В нужде я нахожусь большой,
И, человек вполне я честный.

Капитан

Ты рассуждаешь справедливо,
И я скажу, чтоб знаменосец
Твое ходатайство скрепил.

Искра (*в сторону*)

С ним капитан совсем приветлив.
О, если б мне фортушкой зваться!

Ребольедо

Я передам ему немедленно.

Капитан

Послушай, что еще скажу.
Тебе довериться хочу я
В том, что задумал, ты поможешь
Из затруднения мне выйти.

Ребольедо

Что ты задумал? Лишь скажи.
В осведомлении задержка
Есть замедленье в исполнении.

Капитан

Так вот. Хочу в покой я верхний
Войти сейчас же, чтоб взглянуть,
Не там ли некая персона,
Что от меня желает скрыться.

Ребольедо

Так почему же не взойдешь ты?

Капитан

Хочу, чтоб все имело вид
Такой, что это лишь случайно.
И мы поспоримся притворно,
Ты от меня спасешься бегством
Туда наверх. И в гневе я
Вбегу со шпагой обнаженной.
Ты будешь там, где та, кого я
Хочу найти.

Ребольедо

Все разумею.

Искра (в сторону)

Так с Ребольедо капитан
Беседует, что прямо нынче
Фортушкой буду называться.

Ребольедо (возвышая голос)

Свидетель Бог, такую помощь,
Как та, которой я прошу,
Вор получал, и трус, и низкий,
А честный человек тут просит,
Ему отказом отвечают.

Искра (в сторону)

Ну, загудел теперь вовсю.

Капитан

Так смеешь говорить со мною?

Ребольедо

И рассердиться не могу я,
Когда я прав?

Капитан

Нет, и не смеешь
Ни слова больше говорить.
Благодари, что я сдержался.

Ребольедо

Вы, ваша милость, капитан мне,
Лишь потому молчать я буду.
Иначе, будь со мной ружье...

Капитан (*кладя руку на шпагу*)
Что сделал бы?

Искра

Сеньор, помедли.
(*В сторону.*)

(Я вижу смерть его.)

Ребольедо

Тогда бы
Поговорил я и получше.

Капитан

Чего я жду, чтоб наглеца
Не пронизать моею шпагой?

(*Обнажает шпагу.*)

Ребольедо

Передо мною знак отличья,
Лишь потому я уступаю.

Капитан

Беги иль не беги — убью.

Искра

Он конченный!

Сержант

Сеньор, послушай!

Искра

Сеньор!

Сержант

Сдержи себя, помедли!

Искра

Не буду зваться я фортункой!

(Капитан бежит за Ребольедо; Сержант за Капитаном; Выходит Хуан со шпагой, потом его отец.)

СЦЕНА 14-я

Хуан, Креспо. — Искра.

Хуан

Спешите все сюда! Скорее!

Креспо

Что здесь случилось?

Хуан

Что здесь было?

На одного солдата в гнев
Был капитан и вынул шпагу,
За ним по лестнице бежит.

Креспо

Судьба — и как тут с нею будешь?

Искра

Бегите все за ним скорее!

Хуан (в сторону)

Напрасная была задача
Желать укрыть мою сестру.

(Уходит.)

Верхняя комната в том же доме.

СЦЕНА 15-я

Ребольедо убегает и наталкивается на Исабель и Инес; потом Капитан и Сержант.

Ребольедо

Сеньоры, храм всегда защита.
Пусть нынче здесь защиту встречу,
Как в церкви, где для всех укрытье,
Ведь я вступаю в храм любви.

Исабель

Кто вам велит скрываться бегством?

Инес

Что побудило вас укрыться
Сюда?

Исабель

И кто за вами следом?

(Входит Капитан и Сержант.)

Капитан

Я, потому что я хочу
Убить негодного. Но Боже...
Подумать...

И с а б е л ь

Я прошу, сдержитесь,
Лишь потому, сеньор, хотя бы,
Что он прибег в беде ко мне.
Таким, как вы, мужчинам, должно
Нас, женщин, защищать, затем что
Мы женщины,— того довольно,
Коль в вас вполне я вижу вас.

К а п и т а н

Прибежище он не нашел бы,
Где б моего избег он гнева,
Когда б его не защитила
От смерти ваша красота.
Во имя вас его щажу я.
Но хорошо ль, что, помешавши
Смертоубийству совершиться,
Вы убиваете меня?

И с а б е л ь

Когда учтиво, кабальеро,
Вы наши жизни обязали,
Зачем заступничеству быстро
Велите вы затрепетать?
Оставьте этого солдата,
Я вас об этом умоляю,
Но пусть не думаю я тотчас,
Что я вам что-нибудь должна.

К а п и т а н

Не только небо наделило
Вас редкостною красотой,
Но сочетало с ней в союзе
И разумение ума.

СЦЕНА 16-я

*Креспо и Хуан, с обнаженными шпагами;
Искра.— Те же.*

К р е с п о

Как, кабальеро? Я боялся,
Что вас застану за убийством,
А между тем...

И с а б е л ь *(в сторону)*

Всевышний Боже!

К р е с п о

Вы сладости, как вижу, тут
Пред женщиною говорите?
Вы, видно, очень благородны,
Что гнев так скоро гаснет в сердце.

К а п и т а н

Кто с обязательствами в мире
Рожден, тот должен исполнять их,
И в уваженье к этой даме
От бешенства я удержался.

К р е с п о

Пред вами дочь моя, сеньор,
И Исабель всего крестьянка,
Не дама.

Х у а н *(в сторону)*

*(Видит Бог, все это
Не более как лишь уловка,
Предлог, чтобы сюда войти.
Я со стыда сгорю, коль только
Подумают, что я обманут.
Не быть тому.)* Скажу сеньору
Я капитану, можно б вам

Увидеть было, что отец мой
Весьма желает послужить вам,
И неприятностей подобных
Не причинять ему.

К р е с п о
Юнец,

Тебя кто впутывает в это?
Какая тут мне неприятность?
Коли солдат его разгневал,
Он должен был идти за ним.
И дочь моя, конечно, ценит
Такую милость, как прощенье
Того, кто был в угрозе кары,
Его я уваженью рад.

К а п и т а н

Другой тут не было причины,
И это слишком очевидно,
Вам думать следует получше
О собственных своих словах.

Х у а н

Что говорю, я это знаю.

К р е с п о

Так как же говорить так смеешь?

К а п и т а н

Вы здесь, и потому лишь только
Юнца я вмиг не покарал.

К р е с п о

Прошу сеньора капитана
Сдержаться. Я отец, и с сыном,
Как будет мне благоугодно,
Могу по праву поступить,
Не вы.

Хуан

И от отца стерплю я,
Не от другого.

Капитан

Что могли бы
Вы сделать?

Хуан

За себя вступаюсь,
Могу и жизнь я потерять.

Капитан

Крестьянин честь свою имеет?

Хуан

Совсем такую же, как ваша.
И пахаря не будь, не будет
И капитана на земле.

Капитан

Клянусь, терпение есть низость.

Креспо

Заметьте, я здесь посредине.

(Обнажают шпаги.)

Ребольедо

Ну, Искра, шпаги поиграют,
Клянусь.

Искра *(кричит)*

Скорей, сюда, сюда!

Ребольедо

Дон Лопе!

(В сторону.)

(Этот глаз увидит.)

СЦЕНА 17-я

*Дон Лопе, одет парадно, с ружьем;
Солдаты, Барабанщик.— Те же.*

Дон Лопе

Что тут такое? Чуть пришел я,
И первое, что здесь я вижу,
Тут ссоры?

Капитан (*в сторону*)

В неудобный час
Дон Лопе здесь де Фигероа.

Креспо (*в сторону*)

Выходит дело-то такое,
Что против всех восстал мальчонка.

Дон Лопе

Что тут такое? Отвечать.
Иначе, вот клянусь я Богом,
Мужчин, и женщин, дом, всех к черту!
Довольно мне того, что нужно
Мне было поспешить сюда
С больной ногой моей, ее же
Чтоб дьяволы скорей схватили!
Аминь! Что было здесь такое?

Креспо

Совсем здесь ничего, сеньор.

Дон Лопе

Ответьте и скажите правду.

Капитан

Здесь мне назначена квартира,
Один солдат мне...

Дон Лопе

Продолжайте.

Капитан

Дал случай шпагу обнажить;
Сюда взошел он, убегая;
Я следом; две крестьянки были
Тут в комнате; и вот отец их,
А может быть, не знаю, брат,
Себе нашли обиду в этом.

Дон Лопе

Так значит вовремя я прибыл.
Получит каждый то, что нужно.
Скажите, где он, тот солдат,
Что своему дал капитану
Предлог для шпаги обнаженной?

Ребольедо *(в сторону)*

Что ж, мне платить за всех придется?

Исабель

Вот этот прибежал сюда.

Дон Лопе

Его на дыбу вздернуть дважды.

Ребольедо

На дыбу? Куда, сеньор, мне нужно?

Дон Лопе

На дыбу.

Ребольедо

На дыбы вставать мне?
Нет, не такой я человек.

Искра *(в сторону)*

Теперь его мне поломают.

Капитан
(в сторону, к Ребольедо)

О, Ребольедо, ради Бога
Не говори сейчас ни слова,
А я тебя освобожу.

Ребольедо (в сторону)

(Как мне не говорить возможно?
Смолчу, тогда мне руки вздернут.
Как недостойному солдату.)
Мне капитан велел, чтоб я
Изобразил притворно ссору,
И он бы получил возможность
Сюда войти.

Креспо

Теперь вам видно,
Мы были правы или нет.

Дон Лопе

Неправы, потому что случай
Чрез вас возник, который мог бы
Все погубить селенье это.
Эй, барабанщик, дай отбой,
Чтоб в кордегардию немедля
Все отправлялися солдаты,
И чтоб никто под страхом смерти
Сегодня прочь не уходил.
И чтоб заботу вашу кончить,
И чтоб довольны были оба,
Без неприятностей дальнейших,—
Себе другое капитан
В селе найдите помещенье,
А здесь я буду помещаться,
Пред тем как путь свой в Гваделупу
Направлю, где сейчас Король.

Капитан

Я указаньям подчиняюсь
Как повеленьям.

(Капитан, Солдаты и Искра уходят.)

Креспо

Все на место.

(Исабель, Инес и Хуан уходят.)

СЦЕНА 18-я

Креспо, Дон Лопе.

Креспо

Сто раз, сеньор, благодарю вас,
Что случай устранили вы,
Через который я погиб бы.

Дон Лопе

Как вы себя бы погубили?

Креспо

Убив того, кто захотел бы
Малейшую обиду мне...

Дон Лопе

Свидетель Бог, вам неизвестно,
Что был тут капитан пред вами?

Креспо

Свидетель Бог, вполне известно,
Но будь он даже генерал,
Когда б моей коснулся чести,
Его убил бы.

Дон Лопе

Кто посмел бы
И у последнего солдата
Хоть нитку тронуть на плаще,
Его повесил бы немедля.

Креспо

И если б кто посмел у чести
Моей задеть хотя пылинку,
Его повесил бы сейчас.

Дон Лопе

Клянусь, вы знать должны, что нужно,
Раз вы есть вы, терпеть повинность,
Которую вам указали ¹⁵?

Креспо

Имуществом моим, о, да,
Клянусь, служу, но лишь не честью.
Я Королю отдам именье,
И жизнь мою отдам охотно,
Но честь — имущество души ¹⁶,
И над душой лишь Бог властитель.

Дон Лопе

Христос свидетель, что вы правы.

Креспо

Да, прав, мне в том Христос свидетель,
И знаю, что всегда был прав.

Дон Лопе

С дороги я устал, и эта
Нога, мне дал ее сам Дьявол,—
Нуждается теперь в покое.

Креспо

Кто ж вам на это скажет нет?
А здесь постель мне дал сам Дьявол,
Она вам может пригодиться.

Дон Лопе

И ту постель стелил вам Дьявол?

Креспо

Да.

Дон Лопе

Так ее сейчас сомну.
Клянусь, что я устал изрядно.

Креспо

Клянусь, есть час и отдохнуть вам.

Дон Лопе (*в сторону*)

Упрям мужик. Как я клянется.

Креспо (*в сторону*)

Он с норовом. Нам с ним не быть.

ХОРНАДА ВТОРАЯ

Улица.

СЦЕНА 1-я

Дон Мендо. Нуньо.

Дон Мендо

Кто рассказал тебе об этом?

Нуньо

Все рассказала мне Хинеса,
Ее служанка.

Дон Мендо

После ссоры,
Что в доме там произошла,
(Была ль в том правда или хитрость)
Тот капитан в нее влюбился?

Нуньо

И так он в Исабель влюбился,
Что в доме дама у него
Не более чем в нашем.
Весь день перед ее он домом
И каждый час ей шлет посланья.
Тут солдатишко есть один,
Так он ему и вестonosец.

Дон Мендо

Не говори ни слова больше,
Чрезмерно много в этом яда,
Душа не вытерпит зараз.

Нуньо

Особенно коли в желудке
Нет сил, чтобы бороться с ядом.

Дон Мендо

Минутку, Нуньо, будь серьезен.

Нуньо

То Бог, чтоб я шутил.

Дон Мендо

А как она на все на это?

Нуньо

Как и с тобой, ответ такой же.
Ты знаешь, Исабель богиня
И выдыхания земли,
Того не достигает небо.

Дон Мендо

Господь пусть даст тебе награду.
*(Произнося это восклицание, он делает
движение рукой и ударяет Нуньо в лицо.)*

Нуньо

Тебе пусть даст он боль зубную,
Два зуба мне сейчас сломал.
Но это хорошо ты сделал,
Коли задумал ты исправить
Лентяев, что совсем без дела.
Вон капитан идет.

Дон Мендо

Клянусь,
Честь Исабель не будь на карте,
Его убил бы.

Нуньо (*в сторону*)

Ты бы лучше
О голове своей подумал.

Дон Мендо

Послушаю со стороны.
Иди сюда ко мне поближе.

СЦЕНА 2-я

*Капитан, Сержант, Ребольедо.
Дон Мендо и Нуньо. В стороне.*

Капитан

Такая страсть, такое пламя
Не могут быть любовью только,
Тут просто бешенство, тут гнев,
Тут распаление упрямства.

Ребольедо

Пусть никогда бы ту крестьянку
Красивую сеньор не видел.
Из-за нее тебе хлопот
Достаточно.

Капитан

Какой служанка
Дала ответ тебе?

Ребольедо

Не знаешь,
Какие от нее ответы?

Дон Мендо (*в сторону, к Нуньо*)

Чему свершиться суждено:
Ночь расстилает тени мрака,
И, прежде чем приду к решенью,
Согласному с благоразумьем,
Ступай вооружи меня.

Н у н ь о

Как, у тебя, сеньор, оружие
Имеется? Я думал только
Оно как знак в лазурной рамке
Над дверью дома твоего?

Д о н М е н д о

В седельной кладовой, наверно,
Найдется что-нибудь такое,
Чтоб в предприятии подобном
Мне послужить.

Н у н ь о

Уйдем, пока
Вас капитан не приметил.

СЦЕНА 3-я

Капитан. Сержант. Ребольедо.

К а п и т а н

Чтобы мужчине так надменно
Спротивленье оказала
И чтоб ни слова мне в ответ.

С е р ж а н т

Такие женщины, сеньор мой,
Мужчинами совсем иными,
Чем ты, способны увлекаться.
Когда бы ей простой мужик
Вниманье оказал, служил ей,
Он был бы много ей угодней.
А жалобы твои притом
Несвоевременны. Ведь ты
Уйти отсюда должен завтра.
Так как же это ты желаешь,
Чтоб женщина благоволенье
Тебе явила в день один?

Капитан

Но в день один восходит солнце
И прочь уходит; в день все царство
Сполна перемениться может;
И из утеса в день один
Законченное строят зданье;
И в день один конец сраженью;
И выясняется победа;
На море буря в день один
Взыграет и опять спокойно;
Рождаются и умирают
В пределах дня; все это значит,
Что и любовь в единый день
Способна испытать, конечно,
Лучи и тени, как планета,
Успех и неуспех, как царства,
Явление зверей, как лес.
Грозу и тишину, как море
Триумф и гибель, как сраженье,
И жизнь и смерть, как тот, в ком чувства
И в ком возможности свершать.
И если в день один сумела
Ее суровая жестокость
Меня совсем несчастным сделать,
Так почему бы в день один
Не сделать ей меня счастливым?
Иль медленней восторг родится,
Чем оскорбленье?

Сержант

Раз лишь видел
Ее и в крайности такой?

Капитан

Чего ж еще, когда увидел,
И что еще мне видеть больше?
Чуть искра вспыхнет, мы в пожаре;

Чуть пламя выбросит вулкан,
И серная клокочет пропасть;
Чуть молния вверху зажжется,
Она внизу все разрушает;
Чуть пушка грянет, страх летит;
Что ж удивительного, если
Любовь огонь четырехкратный,
Пожар, вулкан, и взрыв, и молния
Хватает, ранит, губит, жжет?

Сержант

Не говорил ли, что крестьянки
Красивыми и быть не могут?

Капитан

Как раз уверенность такая
Меня убила наповал.
Кто знает, что пред ним опасность,
Он приготовится к защите.
Кто к достоверному стремится,
Его-то именно и ждет
Опасности внезапной трудность,
К которой он не приготовлен.
Крестьянку думал я увидеть,
И я богиню увидал.
Неосмотрительность такая
Не западня ли мне, подумай?
Такой божественной ни разу
Еще не знал я красоты.
А, Ребольедо, я не знаю,
Что б сделал, чтоб ее увидеть.

Ребольедо

В отряде есть солдат, который
Изрядно в пеньи преуспел,
И Искра, что в игре в фортунку
Мне помогает, пляшет ловко

И звонко песни петь умеет,
Другой нет женщины такой.
Идем, сеньор, к ее окошку,
Устроим праздник там и песни,
Ты сможешь так ее увидеть,
А раз увидишь, говорить.

Капитан

У них Дон Лопе квартирант,
Его будить я не хотел бы.

Ребольедо

Когда ж с своей ногой больной
Дон Лопе спит? Притом, сеньор,
Коли возникнет неприятность,
Вина ведь не твоя, а наша,
Коль будешь ты с лицом закрытым
В толпе.

Капитан

Хоть возраженья есть,
И в этом трудностей немало,
Моя тоска их превышает.
Так все сберемся этой ночью.
О, ты забота, Исабель.

(Капитан и Сержант уходят.)

СЦЕНА 4-я

Искра. Ребольедо.

Искра *(за сценой)*

Держи.

Ребольедо

Что там случилось, Искра?

Искра

А вот попался мне бедняжка,
Ему лицо я пощипала.

Ребольедо

Поссорились из-за чего?

Искра

Когда игра была в фортунку,
Задумал он меня морочить.
И вот когда шары считала,
Он стал бесстыдно плутовать.
Его я этим наградила.

(Обнажает кинжал.)

Пока его цирюльник будет
Сшивать и починять прореху¹,
Мы в кордегардию пойдем,
Я там тебе отчет представлю.

Ребольедо

Когда хочу я веселиться,
Задумала ты быть сердитой.

Искра

Помехи нет тут никакой.
Вот кастаньеты. Петь где будем?

Ребольедо

А вот когда завечерееет,
Нам нужно музыку устроить.
Идем немедля и зайдем
Мы в кордегардию дорогой.

Искра

Я славу о себе оставлю,
И будет Искорка Фортунка
Известна до скончанья дней.

(Уходят.)

*Низкая комната в доме Креспо,
с видом и с выходом в сад.
Окно с одной стороны.*

СЦЕНА 5-я

Дон Лопе, Креспо.

Креспо (за сценой)

Вот в этом месте, где свежее,
Сеньору нашему Дон Лопе
Накройте стол. Здесь ужин лучше.
Ведь в августе за жарким днем
Лишь к вечеру вздохнешь немного.

Дон Лопе

Приятное здесь пребыванье.

Креспо

Обыкновение имеет
Здесь развлекаться дочь в саду.
Садитесь. Между этих веток
И меж побегов винограда
Приятно песенки лепечет
Полувоздушный ветерок,
Согласный в звуке с водоемом.
Среброжемчужная гитара,
В ней златокамешки, как струны.
Простите, если нет певцов,
А слышны только инструменты,
Поют нам песни только птицы,
И по ночам они смолкают,
Заставить петь их не могу.
Присядьте же и от недуга
Вы отдохните здесь немного.

Дон Лопе

Я не смогу найти улады.
Бог да поможет мне.

Креспо
Аминь.

Дон Лопе

Господь мне ниспошли терпенья.
Садитесь, Креспо.

Креспо
Так мне ладно.

Дон Лопе

Садитесь.

Креспо

Если мне даете
Вы позволение, сеньор,
Я вам охотно повинуюсь,
Хоть и стоять я мог отлично.
(Садится.)

Дон Лопе

Вы знаете, что я заметил?
Вчера так силен был в вас гнев,
Что из себя совсем вы вышли.

Креспо

Нет, из себя не выхожу я,
Что б ни случилось со мною.

Дон Лопе

Так как же это так вчера
Вы сели, хоть и не просил я,
Притом же и на лучшем месте?

Креспо

Вот потому что не просили.

Сегодня просите, и я
Стоять хотел бы: на учтивость
Всегда учтивым быть нам нужно.

Дон Лопе

Вчера вы были в проклинаньях,
И все у вас, чтоб так и сяк,
Сегодня вы миролюбивый,
В благоразумьи и покое.

Креспо

Всегда, сеньор, я отвечаю
В том самом тоне, как со мной.
Вчера вы говорили сами
В таком же тоне, как ответно
Я говорил. И подходящим
Я сделал правилом своим:
С тем, кто клянется, сам клянусь я,
Кто молится, и я с молитвой.
Во всем компанию держу я.
И это даже до того,
Что глаз сомкнуть не мог я ночью,
Все о ноге я вашей думал.
А утром встал, в ногах обеих
Изрядную я чуял боль:
Ведь я не знал, у вас какая
Нога болит, так значит обе
И заболели. Ради Бога,
Какая, уж скажите мне,
Чтобы вперед одна болела.

Дон Лопе

Не вправе ль сетовать я горько?
Уж тридцать лет, как боль терплю я,
Во Фландрии, в трудах войны,
Зимой страдаю от мороза,
А летом от мучений зноя,

И никогда не отдыхаю,
И я без боли ни на час.

Креспо

Да ниспошлет вам Бог терпенья.

Дон Лопе

А для чего оно мне нужно?

Креспо

Да не пошлет вам Бог терпенья.

Дон Лопе

Да, не придет оно сюда,
Пусть дьяволы меня с терпением
Возьмут и к черту удалятся.

Креспо

Аминь. А ежели замедлят,
Благого сделать не хотят.

Дон Лопе

О, Иисус. О, Сыне Божий.

Креспо

Да будет с вами и со мною.

Дон Лопе

Христос, Христос, я умираю.

Креспо

Христос, Христос, как я терплю.

СЦЕНА 6-я

Хуан, уставляет стол. Дон Лопе, Креспо.

Хуан

Вот стол накрыт и все готово.

Дон Лопе

Так почему же не приходят
Мои сюда служить мне слуги?

Креспо

Сеньор, я вам решусь сказать,
Что я о том распорядился,
Чтобы они не приходили,
Я с Божьей помощью уверен,
Что все в порядке будет здесь.

Дон Лопе

Пускай же не приходят слуги.
Прошу, чтоб ваша дочь со мною
Откушала.

Креспо

Хуан, сейчас же
Пойди и позови ее.

(Хуан уходит.)

Дон Лопе

Я так здоровьем слаб, что вряд ли
Меня подозревать здесь можно.

Креспо

Хотя б здоровье ваше было
Таким, как я того хочу,
Подозревать я вас не стал бы.
Меня обидеть вы хотите,
Так говоря: сюда входить ей
Я не велел из-за того,
Что слушать лишнее не нужно.
Но если б все солдаты были,
Как вы, учтивы, ей бы должно
Быть первой, чтобы им служить.

Дон Лопе (в сторону)

Претонкий этот мужичина,
И осторожен чрезвычайно.

СЦЕНА 7-я

Хуан, Инес, Исабель. Дон Лопе, Креспо.

Исабель

Что мне сеньор повелевает?

Креспо

Сеньор Дон Лопе хочет нас
Почтить: тебя позвал он в гости.

Исабель

Слуга покорная пред вами.

Дон Лопе

Я вам служить намереваюсь.

(В сторону.)

(Красавица, и как скромна.)

Прошу поужинать со мною.

Исабель

Уж лучше я с моей сестрою
За ужином служить вам буду.

Дон Лопе

Прошу вас сесть.

Креспо

Садитесь вы,

Сеньор Дон Лопе так желает.

Исабель

В повиновении заслуга.

(Садятся.— За сценой звучат гитары.)

Дон Лопе
Что там такое?

Креспо
А солдаты
С гитарой песни там поют.

Дон Лопе
Без этой маленькой поблажки
Труды войны большое бремя,
Солдату очень часто тесно,
И вольность эта им нужна.

Хуан
И все же славное житье их.

Дон Лопе
Попробовать его хотели б?

Хуан
Лишь Ваша Светлость захотела б,
А я попробовать готов.

СЦЕНА 8-я

Солдаты, Ребольедо.— Те же.

Солдаты (за сценой)
Вот здесь как раз и петь мы будем.

Ребольедо (за сценой)
Мы к Исабель направим песню,
А чтоб она скорей проснулась,
В окошко камень бросим мы.
(*Слышен стук камня об окно.*)

Голос (поет за сценой)
Цветочек розмарина,
Малютка Исабель,

Сегодня цветик синий,
А завтра будет мед.

Дон Лопе *(в сторону)*

(Ну музыка идет, но камень
Бросать в окно совсем бесстыдно...)
И перед домом, где живу я,
Так серенады задавать.

(Вслух.)

Вот сорванцы.

Креспо

А, это юность.

(В сторону.)

(Когда бы не был здесь Дон Лопе,
Уж я бы задал им...)

Хуан *(в сторону)*

Когда бы

Я только добыл старый щит,
Что в комнате висит Дон Лопе...

(Хочет выйти.)

Креспо

Куда ты, юноша, уходишь?

Хуан

Сказать, чтоб приносили ужин.

Креспо

Для этого есть слуги там.

Солдаты *(за сценой поют)*

О, Исабель, проснись, проснись же.

Исабель *(в сторону)*

О, Боже, чем я провинилась,
Что мне терпеть такое нужно?

Дон Лопе

Нет, более терпеть нельзя,
И непомерно это дурно.

(Опрокидывает стол.)

Креспо

И совершенно уж чрезмерно.

(Опрокидывает стул.)

Дон Лопе *(в сторону)*

(Я нетерпению подчинился.)

Ведь правда же терпеть нельзя,
Когда нога болит так тяжело?

Креспо

Я говорил как раз об этом.

Дон Лопе

Я думал о другом о чем-то.

Вы опрокинули тут стул...

Креспо

Как вами стол был опрокинут,

Я не имел перед собою

Другого ничего, чтоб бросить.

(В сторону.)

(О, честь, скрываться нужно нам.)

Дон Лопе *(в сторону)*

(Кто там на улице, узнать бы.)

Я ужинать не расположен.

Идите.

Креспо

В добрый час.

Дон Лопе

Сеньора,

Идите с Богом.

Исабель
С вами Бог.

Дон Лопе (*в сторону*)

Из комнаты моей есть выход
На улицу, и шит там видел?

Креспо (*в сторону*)

Есть выход со двора, я знаю.
Я шпагу добрую найду.

Дон Лопе
Так доброй ночи.

Креспо

Доброй ночи.

(*В сторону.*)

Детей моих запрю снаружи.

Дон Лопе

Я дом немного успокою.

Исабель (*в сторону*)

О, как притворствуют они,
И как притворствовать им трудно.

Инес (*в сторону*)

Друг друга обмануть желают,
Им удастся это плохо.

Креспо

Эй, юный.

Хуан

Я.

Креспо

В постель — сюда.

(*Уходит.*)

Улица.

СЦЕНА 9-я

*Капитан, Сержант; Искра и Ребольедо,
с гитарами; Солдаты.*

Ребольедо

Да, здесь, пожалуй, будет лучше.
Мы тут устроимся удобней.
Что каждый должен делать, делай.

Искра

Опять за музыку?

Ребольедо

Ну да.

Искра

Все это мне как раз по вкусу.

Капитан

Какая дерзкая крестьянка.
Окошка даже не открыла.

Сержант

Там в комнатах уж слышно нас.

Искра

Постой.

Сержант

Придется расплатиться.

Ребольедо

Посмотрим только, кто приходит.

Искра

Не видишь разве? Это рыцарь,
Во всеоружии идет.

СЦЕНА 10-я

Дон Мендо, с большим щитом, Нуньо.— Те же.

Дон Мендо *(в сторону, к Нуньо)*

Ты видишь, что здесь происходит?

Нуньо

Не вижу, нет, не вижу ясно,
Но слышать слышу превосходно.

Дон Мендо

Кто это мог бы вынести?

Нуньо
Я.

Дон Мендо

Что, Исабель окно откроет?

Нуньо

Откроет.

Дон Мендо

Низкий, не откроет.

Нуньо

Ну, не откроет.

Дон Мендо

О, Всевышний.

Какую пытку я терплю.
Я лезвием их всех прогнал бы,
Но надо скрыть свое несчастье,
Пока мы ясно не увидим,
В том есть ее вина или нет.

Нуньо

Так сядем здесь.

Дон Мендо

Отлично, сядем.

Я так останусь неизвестным.

Ребольедо

Ну, человечек наш уселся,
Или не человек, душа,
Которой суждено скитаться
С таким щитом за то, что в жизни
Она сломала много копий.

(К Искре.)

Брось в воздух голос свой.

Искра

Летит.

Ребольедо

Спой песню так, чтоб кровь забилась.

Искра

Пою, и будет кровь быстрее.

СЦЕНА 11-я

*Дон Лопе и Креспо, одновременно, со щитами,
каждый со своей стороны. — Те же.*

Искра (поет)

Был такой сякой Сампайо,
Цвет красивых Андалузцев,
Был большой он забияка,
Рыжевласый, золотой.
Вечерком, когда смеркает,
Он пришел болтать с Крикуньей,
А она болтала с Гарло,
Испивая с ним винцо.
Гарло на руку был ловок,

Все, что делал, делал быстро,
Был он молнией без тучи,
Прямо с неба упал.
Шпагу вынул, и немедля
Бьет вперед и бьет наотмашь.

Креспо

Должно быть, так случилось это.

Дон Лопе

Вот так удар был без сомненья.

(Дон Лопе и Креспо нападают с обнаженными шпагами на солдат и на Дона Мендо с Нуньо. Обращают их в бегство. Дон Лопе возвращается.)

Дон Лопе

Бежали. Лишь один остался.

(Креспо возвращается.)

Креспо *(в сторону)*

Какой-то тут еще солдат.

Дон Лопе *(в сторону)*

И этому задам я встряску.

Креспо *(в сторону)*

И этот не уйдет отсюда,
Чтоб стали раньше не отведал.

Дон Лопе

Беги вдогонку за толпой.

Креспо

Беги, ты побежишь скорее.

(Бьются.)

Дон Лопе (в сторону)
Клянусь, он бьется превосходно.

Креспо (в сторону)
Отлично бьется, Бог свидетель.

СЦЕНА 12-я

Хуан со шпагой. Дон Лопе, Креспо.

Хуан (в сторону)
(Дай Бог, чтоб встретился я с ним.)
Сеньор, я здесь, с тобою рядом.

Дон Лопе
Вы Педро Креспо?

Креспо
Я. Дон Лопе?

Дон Лопе
Дон Лопе. Я же говорил вам,
Чтобы не выходили вы?
Что означает этот подвиг?

Креспо
Я объясню, что извиненье
Мне в том, что сделали вы здесь.

Дон Лопе
Мое в том было оскорбленье,
Не ваше.

Креспо
Лишнее скрываться.
Я вышел, чтобы с вами рядом
Принять и встретить этот бой.

СЦЕНА 13-я

Солдаты, Капитан.— Те же.

Солдаты (за сценой)

Теснее. Мужичье покончим.

Капитан (за сценой)

Заметьте...

(Входят Солдаты и Капитан.)

Дон Лопе

Стой. Куда идете?

Что означает эта крайность?

Капитан

Здесь в этой улице сейчас,
Совсем не причиняя шума,
Солдаты пели, веселились,
Внезапно возникает ссора,
И я удерживать их стал.

Дон Лопе

Дон Альваро, я понимаю
Благоразумье вашей меры,
И так как здесь, в местечке этом,
Возник сегодня шум и гам,
Хочу беды избежать большей.
И так как ночь близка к рассвету,
Я отдаю вам приказанье,
Чтоб завтра утром свой отряд
Из Саламеи увели вы
И уж сюда не возвращались,
Затем что если будет нужно
Вторично водворить покой,
Клянусь, я применю оружие.

Капитан

Я подтверждаю, что отряд мой
В походе будет завтра утром.

(В сторону.)

*(Ты будешь стоять жизни мне,
Красивая моя крестьянка.)*

Креспо *(в сторону)*

Дон Лопе этот прихотливый,
Мы будем в добром с ним согласьи.

Дон Лопе

Идемте вместе, чтобы вас
Здесь одного никто не встретил.

(Уходят.)

СЦЕНА 14-я

Дон Мендо; Нуньо, раненый.

Дон Мендо

Ты, Нуньо, не серьезно ранен?

Нуньо

Хотя б и менее серьезно,
Мне вовсе в том отрады нет,
И раня я вовсе не желаю.

Дон Мендо

Ни разу в жизни не имел я
Такой печали неприятной.

Нуньо

И я.

Дон Мендо

Вполне уместен гнев.
Тебя он в голову ударил?

Нуньо

Вот этот бок, он весь ушиблен.
(*За сценой бой барабана.*)

Дон Мендо

Что там?

Нуньо

Отряд солдат уходит.

Дон Мендо

И в этом счастье мое:
Уж к Капитану я не буду
Испытывать такую ревность.

Нуньо

Сегодня за день уберутся.

СЦЕНА 15-я

*Капитан и Сержант с одной стороны.
— Дон Мендо и Нуньо с другой.*

Капитан

Сержант, с отрядом ты пойдешь
И будешь до заката солнца
Идти, когда ж тот светлый факел
Сокроется в волне холодной,
Уйдет в Испанский океан,
Тебя в лесу я жду, запомни,
Сегодня жизнь мою хочу я
Найти и встретить в смерти солнца.

Сержант (*в сторону, к Капитану*)
Молчи, здесь пугало сих мест.

Дон Мендо (*в сторону, к Нуньо*)
Так постараемся пройти мы,

Чтоб скорби он моей не видел.
Будь, Нуньо, тверд, скрепись наружу.

Н у н ь о

Как крепышом я покажусь?
(Дон Мендо и Нуньо уходят.)

СЦЕНА 16-я

Капитан, Сержант.

Ка п и т а н

В местечко нужно мне вернуться,
С служанкой я договорился,
Увижу, не возможно ль будет
С жестокой этой говорить.
Я ей такие дал подарки,
Что похлопочет достоверно.

С е р ж а н т

Коль хочешь ты, сеньор, вернуться,
Заметь, с подмогою приди:
На мужичье нам полагаться
Никак нельзя.

Ка п и т а н

Я это знаю.

Ты нескольких наметь, которых,
Когда пойду, возьму с собой.

С е р ж а н т

Все, что велишь ты, я исполню.
А ежели да вдруг Дон Лопе
Вернется, о тебе узнает...

Ка п и т а н

Ну, в этом мне велит любовь
Не видеть никакого страха.

Дон Лопе тоже прочь уходит
Готовить войско в Гвадалупе:
Об этом я сейчас узнал,
Как приходил к нему прощаться,
Туда Король уже в дороге.

Сержант
Во всем сеньору повинуюсь.

Капитан
Заметь, что жизнь моя вся тут.

СЦЕНА 17-я

Ребольедо, Искра. Капитан, Сержант.

Ребольедо
Сеньор, с хорошею я вестью.

Капитан
Что приключилось, Ребольедо?

Ребольедо
За эту весть хочу награды
И заслужил ее вполне...

Капитан
В чем дело?
Ребольедо

В том, что стало меньше
Одним врагом, и меньше страха.

Капитан
О ком ты говоришь? Скорее.

Ребольедо
О юном брате Исабель.

К отцу Дон Лопе обратился,
Проя, чтоб сына отпустил он,
Тот отпустил, и он уходит,
Идти он хочет на войну.
На улице его я встретил,
Щеголеватый и веселый,
Еще крестьянином смотрел он,
Но и солдатом уж глядел.
Теперь у нас одна забота:
Старик.

Капитан

Дела идут отлично.
Пойдут и лучше, если только
Мне та поможет, что дала
Надежду мне сегодня ночью
Беседовать с моей желанной.

Ребольедо

Не можешь в этом сомневаться.

Капитан

С дороги я вернусь сюда,
Теперь же нужно быть с отрядом,
Пока уходит он отсюда.
Со мной вы оба возвратитесь.

(Уходит.)

Ребольедо

Нас будет мало, видит Бог,
Хотя еще пришли бы двое,
И четверо, и шесть, и больше.

Искра

А я, коль ты сюда вернешься,
Скажи, что буду делать там?
Не в безопасности я буду,

Коль мне придется повстречаться
С тем, кто сшивал свои прорехи
Там у цирюльника.

Ребольедо

Как быть?

Не знаю, что с тобой мне делать.
Со мной идти не побоишься?

Искра

Бояться? Нет. Наряд имею,
И нрав совсем не робкий мой.

Ребольедо

Одежда для тебя найдется,
Ушедший паж свою оставил.

Искра

На месте я его и буду.

Ребольедо

Идем, уж знамя в путь идет.

Искра

Теперь я вижу, справедливо
Поется песенка, что длится
Один лишь час любовь солдата.

(Уходят.)

СЦЕНА 18-я

Дон Лопе, Креспо, Хуан.

Дон Лопе

За много вас благодарю,
Но более всего я тронут

Тем, что вы сына отпустили,
И он моим солдатом будет,
От всей души благодарю.

К р е с п о

Даю, чтоб был слугой он вашим.

Д о н Л о п е

Его беру своим я другом.
Он люб мне смелым бодрым нравом,
И тем, что воинский в нем дух.

Х у а н

Всегда у ваших ног я буду.
И вы увидите, как стану
Я правдой вам служить, стараясь
Повиноваться вам во всем.

К р е с п о

В чем вашего прошу прощенья,
Сеньор, так это в том одном лишь,
Что, может быть, он не сумеет
Вам должным образом служить.
Нам в нашей школе деревенской
Соха и борона как книги,
Умеем действовать лопатой
И ловко действуем цепом,
Но здесь не мог он научиться
Тому, что во дворцах богатых
Преподает векам учтивость
И обхождение дает.

Д о н Л о п е

Уже теряет солнце силу.
Я в путь решаюсь отправляться.

Хуан

Иду, сеньор, и посмотрю там,
Готовы ли носилки вам.

СЦЕНА 19-я

Исабель, Инес.— Дон Лопе, Креспо.

Исабель

И это хорошо, уйти так,
С тем не простившись, кто желает
Всегда служить вам?

Дон Лопе (к Исабель)

Не ушел бы
Я без того, чтоб руки вам
Поцеловать, прося прощенья,
Что дерзновенно оставляю
Вам дар, и дар не как награду,
А как покорности лишь знак.
Медаль есть эта хоть богата
Алмазами, своей оправой,
Но к вам она приходит бедной,
Возьмите этот слабый знак
И, в честь меня, прошу, носите.

Исабель

Огорчена я, что хотите,
Являясь столь великодушным,
За хлебосольство заплатить,
Мы должники, ведь вы гостили
И этим честь нам оказали.

Дон Лопе

Не плата это, лишь вниманье.

Исабель

Как знак внимания беру.
О брате я моем прошу вас,
Служить вам он чрезмерно счастлив.

Дон Лопе

О нем, прошу, не беспокойтесь,
Сеньора, будет он со мной.

СЦЕНА 20-я

Хуан. — Те же.

Хуан

Носилки поданы.

Дон Лопе
Ну, с Богом.

Креспо
Вас да храни Господь Всевышний.

Дон Лопе
А. Педро Креспо, добрый, brave.

Креспо
Сеньор Дон Лопе, смелый вождь.

Дон Лопе
Кто мог бы думать в день тот первый,
Когда увиделись мы с вами,
Что будем мы друзья навеки.

Креспо
Сеньор, так мог бы думать я,
Когда бы знал, тогда вас слыша,
Что вы...

(Хочет уйти.)

Дон Лопе
Скажите, ради Бога.

Креспо
Безумец прихоти прекрасной.
(Дон Лопе уходит.)

СЦЕНА 21-я

Креспо, Хуан, Исабель, Инес.

Креспо
Мой сын, пока сеньор Дон Лопе
Приготавливается к отбытью,
Перед сестрой, перед родною
Услышь, что я тебе скажу.
Ты родился, по воле Божьей,
Хуан, от крови самой чистой,
И чистота ее как солнце,
Но кровь крестьянская в тебе.
Тебе одно я и другое
Затем подробно сообщаю,
Чтоб слишком не смирял ты гордость
И смело большим стать хотел.
Но также, чтобы, впавши в гордость,
Чрезмерного не захотел ты,
И чтоб не стал тем самым меньше,
Ты оба твердо знай пути.
И ими пользуйся смиренно.
Смирненным будучи, ты сможешь
Спокойно рассудить, что лучше,
Забудешь также и о том,
Что служит к униженью гордых.
Сколь многие, свершив погрешность,
Ее смиреньем искупили.
Сколь многие через тщету

Себе лишь ненависть снискали.
Будь вежливым необычайно,
Будь щедрым, также и веселым:
Ты знаешь, делают друзей
Обычно деньги вместе с шляпой.
Все золото, какое только
Там в Индии соткало солнце ²
И к нам идет через моря,
Не стоит счастья быть любимым.
Дурного никогда не молви
О женщинах: и в самой скромной
Узнай, достойная душа,
И наконец, от них родился.
Не бейся из-за каждой вещи.
Когда в селеньях наших вижу,
Как биться учат тут и там,
И как учителей тех много,
Я часто про себя помыслию:
«Не эта школа нам потребна,
И нужно не тому учить,
Как биться ловко и красиво,
А почему, за что нам биться.
И утверждаю, если б только
Один такой учитель был,
Который бы учил успешно
Не как, за что нам нужно биться,
Все б сыновей к нему послали».
С такими мыслями в уме
И с деньгами, что на дорогу
Берешь, а также чтоб разумно
Приличных две одежды сделать,
С защитою Дон Лопе ты
Прими мое благословенье,
И я на Бога уповаю,
Что будешь в лучшем положеньи.
Прощай, мой сын. Уж я с тобой
Расчувствовался, так прощаясь.

Хуан

Я доводы твои запомню
И в сердце их запечатлю,
Так будут жить, пока живу.
Дай руку мне. Тебя, сестра, я
Хочу обнять. Сеньор Дон Лопе
Уж отбыл, нужно поспешить мне.

Исабель

Тебя хотела б удержать.

Хуан

Прощай, Инес, прощай, сестрица.

Инес

Тебе не говорю я словом,
Глаза мне голос заменили.
Прощай.

Креспо

Иди уж поскорей.
А то как только погляжу я,
И больно мне, что ты уходишь.
Так поступай, как говорил я.

Хуан

Всевышний с вами.

Креспо

Бог с тобой.
(Хуан уходит.)

СЦЕНА 22-я

Креспо, Исабель, Инес.

Исабель

Какой жестокий этот выбор.

Креспо (в сторону)

(Теперь, когда его не вижу,
Могу я говорить спокойней.)
Что здесь бы делал он со мной,
Всю жизнь он прожил бы лентяем?
Пусть Королю служить идет он.

Исабель

Мне жаль, что он уходит ночью.

Креспо

А в летний зной свершать поход
Приятнее не днем, а ночью,
Не так устанешь, да и нужно,
Чтоб он скорей нагнал Дон Лопе.

(В сторону.)

(Растрогал вовсе он меня,
Хоть пред другими и креплюсь я.)

Исабель

Пойдем домой, сеньор, уж поздно.

Инес

Теперь, когда ушли солдаты,
Еще помедлить можно нам,
Здесь у дверей прохладный ветер,
А вскоре выйдут и соседи.

Креспо (в сторону)

(Сказать по правде, потому я
В дом не иду еще сейчас,
Что как дорога забелеет,
Так мнится, вижу я Хуана.)
Инес, дай стул мне, посижу я.

Инес

А вот скамеечка есть тут.

Исабель

В совете городском, как слышно,
День выборов прошел сегодня.

Креспо

Так в Августе всегда бывает.

(Садятся.)

СЦЕНА 23-я

*Капитан, Сержант, Ребольедо, Искра
и Солдаты, все закутаны до глаз в плащи.
Креспо, Исабель, Инес.*

Капитан (в сторону, к своим)

Бесшумно совершайте шаг.
Иди вперед ты, Ребольедо,
Дай знать служанке, что пришел я.

Ребольедо

Иду. Но что такое вижу?
У входа к ним там люди есть.

Сержант

И я их вижу в лунном свете.
Среди теней лицо как будто,
Там Исабель.

Капитан

Она, конечно.

Мне сердце это говорит
Ясней луны. Как раз пришли мы.
Коль мы, когда сюда достигли,
На все дерзнем, исход отличный.

Сержант

А можешь выслушать совет?

Капитан
Нет.

Сержант
Так его и не скажу я.
Что ты замыслил, то и делай.

Капитан
Я подойду и дерзновенно
Схвачу оттуда Исабель.
А вы в то время помешайте
Преследованью остриями.

Сержант
С тобой пришли, и что велишь нам,
Мы будем это исполнять.

Капитан
Запомните, что мы сойдемся
В лесу соседнем, что направо,
Когда уходишь прочь с дороги.

Ребольедо
Слышь, Искра.

Искра
Что?

Ребольедо
Держи плащи.

Искра
Хранить плащи одна услада
В часы, как биться начинают,
Хоть о купаньи говорят так.

Капитан
Я первый подойду сейчас.

К р е с п о

Ну, воздухом мы насладились.
Теперь и в дом пойдем, пожалуй.

К а п и т а н *(в сторону, к своим)*

Пришла пора, друзья, спешите.
*(Солдаты подбегают к троице, задерживают
Креспо и Инес, овладевают Исабель.)*

И с а б е л ь

Предатель. Что это, сеньор?

К а п и т а н

Безумье, бешенство любви.
(Увлекает ее и уходит.)

И с а б е л ь *(за сценой)*

Предатель. О сеньор, сеньор мой.

К р е с п о

О, подлые.

И с а б е л ь *(за сценой)*

Отец мой милый.

И н е с *(в сторону)*

Уйду отсюда я сейчас.

(Уходит.)

К р е с п о

Вы увидали (О, бесчестье),
Что я без шпаги, потому лишь
Вы, трусы подлые, напали.

Р е б о л ь е д о

Уйдите, а не то вам смерть.
(Похитители уходят.)

К р е с п о

Коль честь убита, что мне пользы
В живых остаться. Если б шпагу.
За ними без оружия гнаться
Напрасно, а за ней пойду,
Так их из виду потеряю.
Что делать мне в судьбе неверной?
Как ни пойти, везде опасность.

СЦЕНА 24-я

Инес, со шпагой. Креспо.

И н е с

Тебе я шпагу принесла.

К р е с п о

Ты вовремя приходишь с нею.
Имею честь, имея шпагу,
Чтобы преследовать преступных.

(Уходит.)

Поле.

СЦЕНА 25-я

*Креспо, бьется с Сержантом.
Ребольедо с Солдатами; потом Исабель.*

К р е с п о

Предатели, трусливый род,
Свою добычу отпустите,
Из ваших рук ее исторгну,
Или я с жизнью здесь расстанусь.

Сержант

Напрасного желаешь ты,
Нас много.

Креспо

Но терзаний больше
В моей душе, и все вступают
В бой за меня...

(Падает.)

Я поскользнулся.

Шаг изменил.

Ребольедо

Убить его.

Сержант

Отнявши честь, лишить и жизни
Чрезмерно было бы жестоко.
Его мы к дереву привяжем,
В глухом лесу не сможет он
Поднять тревогу.

Исабель *(за сценой)*

Господин мой.

Отец мой.

Креспо

Дочь моя.

Ребольедо

Ташите

Его подальше.

Креспо

Дочь родная,
Тебя лишь вздох мой провожает.

(Его увлекают.)

СЦЕНА 26-я

Исабель и Креспо, за сценой; потом Хуан.

Исабель (за сценой)

О, я несчастная, увы.

Хуан (входя)

Печальный голос.

Креспо (за сценой)

О, несчастный.

Хуан

Какое смертное стенанье.
Мой конь споткнулся подо мною
При входе в лес, и я упал,
За ним слепой бегу по чаше,
И крик печальный слышу справа,
И слева горькое стенанье,
И так неясственны они,
Что я едва их различаю.
Здесь две беды ко мне зывают,
И помощи желают обе,
И голос здесь один мужской,
И женский также, вслед за ним я
Пойду, отцу так повинуюсь.
Он два мне правила преподал:
«Чтить женщину и биться там,
Где будет случай надлежащий».
И, следуя теперь призыву,
Честь женщины я защишаю,
И буду биться в должный миг.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ

Чаща леса.

СЦЕНА 1-я

Исабель, плачущая.

И с а б е л ь

О, никогда пусть не сияет
Моим глазам рассвет и утро,
Чтобы в тени не нужно было
Стыдиться мне самой себя.
Весна проворных звездных гроздий,
Не уступай заре дорогу,
Пусть по твоим полям лазурным
Она не рассылет смех,
А ежели придти уж нужно,
И надо мир твой потревожить,
Так пусть заря не смех роняет,
А с горьким плачем день ведет.
О, наибольшая планета,
Побудь в волне холодной дольше,
Дозволь, чтоб ночь продлила царство
Своих сомнительных темнот.
Дозволь, чтоб о тебе сказали,
Когда мою мольбу услышишь,
Что ты идешь не неизбежно,
А волю явствуешь свою.
Зачем ты восходить желаешь
И хочешь увидать с лазури
Мою печальнейшую повесть,
Рассказ чудовищной судьбы,
Насилий диких безымянность,

Что в посрамленье человекам
Свершилось, и по воле неба
Записан этот приговор?
Но горе мне, твое насилье,
Твою жестокость замечаю,
Тебя просила задержаться,
А ты встаешь над гранью гор.
О горе мне. За мною следом
Такие беды и несчастья,
Такое страшное бесчестье,
Такой судьбинный приговор,
И ты свой гнев стремишь мне с неба.
Что делать мне? Куда пойду я?
Когда дрожащие я ноги
Решусь направить в дом родной,
Найдет отец мой престарелый
Себе в том новое бесчестье,
Ведь он одну имел лишь радость,
Глядеться в светлую луну
Моей невозмущенной чести,
Которая узнала ныне
Такое лунное затмение.
Коль во внимание к нему
Не ворочусь домой, я этим
Возможность создаю для мысли,
Что соучастницей была я
Сама бесчестья моего.
И, будучи в том невиновной,
Неосмотрительно могу я
Злоречию дать основанье.
Как дурно поступила я,
Что я от брата ускользнула.
Не лучше ль было, чтобы гневный,
Весь распалясь, меня убил бы,
Мою судьбу он увидав?
Хочу позвать его, хочу я,
Чтоб, мщеньем яростным пылая,

Меня убил он, возвратившись,
Пусть эхо зов мой повторит...

СЦЕНА 2-я

Креспо, Исабель.

Креспо (за сценой)

Вернись меня убить скорее,
Убийцей будешь милосердным,
В том милосердья нет нисколько
Несчастному оставить жизнь.

Исабель

Что говорит там голос слабый,
Неявственный и плохо слышный,
Его признать не в состояньи.

Креспо (за сценой)

Убей из жалости меня.

Исабель

О, небо, небо, вот несчастье.
Еще другой взывает к смерти,
Еще меня он злополучней,
И против воли должен жить.
(Раздвигает ветки, предстает
Креспо, привязанный к дереву.)
Но что мои глаза здесь видят?

Креспо

Коль в том, кто здесь по лесу бродит,
Есть хоть на каплю милосердия,
Пусть подойдет меня убить...
Но что глаза мои здесь видят?

Исабель

Привязанный руками к дубу...

Креспо

Взывающую горько к небу...

Исабель

Здесь мой отец.

Креспо

Я вижу дочь.

Исабель

О, мой отец и повелитель!

Креспо

О, дочь, приди ко мне скорее

И развяжи мне эти путы.

Исабель

Не смею. Если развяжу

Тебя стесняющие узы,

Тогда, сеньор, я не посмею

Тебе сказать мои несчастья

И рассказать мою беду.

Чуть будешь с вольными руками,

Лишенный чести, ты немедля,

Проникнут гневом смертоносным,

Меня убьешь, и я хочу

Тебе сказать сначала повесть

Моих томительных несчастий.

Креспо

О, Исабель, постой, помедли,

Не продолжай. Несчастья есть,

Чтобы почувствовать их сердцем,

Нам говорить о них не нужно.

Исабель

Есть многое, о чем ты должен
Узнать, и, как о том скажу,
Твое все сердце возмутится,
И, прежде чем о том услышишь,
Мгновенного захочешь мщения.
Я вечером вчера была
В тени твоих седин спокойна,
И юность сердцу обещалась,
Когда предатели, что были
До глаз закутаны в плащи,
(Они решили, что сумеет
Их дерзость побороться с честью)
Меня похитили: так точно
Ягненка похищает волк,
Когда сосет он грудь родную.
Тот Капитан, тот гость нечестный,
Что в первый день в наш дом низринул
Раскол предательства и ссор,
Всю смуту низкого коварства,
Меня схватил в толпе он первый,
А между тем другие с тылу
Его согласно, как один,
От нападения защищали.
Вот этот лес, вот эта чаша
Ему прибежищем служили:
Когда же тирании гнет
Не укрывался в темной чаше?
Была здесь дважды без сознания,
Когда и голос твой, за мною
Звучавший, оставлял меня.
Слабел он с отдаленьем в ветре
И еле-еле доносился,
И то, в чем раньше смысл был явный,
Не голос был, а только звук,
Рассеянный летучим ветром,
Не голос был, а только эхо,

Лишь слабый отзвук смутной вести.
Так тот, кто слушает рожок,
Когда уходит в отдаленье,
Уж звук растаял, долго слышит
Намек какой-то смутной вести.
И вот предатель, увидав,
Что больше нет за ним погони,
Что мне ни в ком уж нет защиты,
Затем что и луна, сокрывшись
Меж темных туч, заемный свет,
От солнца взятый, погасила,
Опять, и сколько раз, и снова,
Притворными словами начал
Оправдывать свою любовь.
Кто не нашел бы слишком странным,
Что кто-то хочет оскорбленье
Изобразить в словах как ласку?
Как дурно, дурно человек
Поступит, если пожелает
Приобрести насильем душу,
Не понимая, что победа,
Не понимая, что любовь
Есть чувство красоты, к которой
Испытываешь уваженье:
Любить же красоту в обиде,
И без души — лишь тень одна,
Любовь то к женщине красивой,
Но не живой. Каких молений,
Каких не говорила слов я,
То вся смиренность перед ним,
То гордая. Но все напрасно.
Затем что (Пусть мой голос смолкнет!),
Надменный (Пусть не льются слезы!),
И дерзкий (Грудь моя, стони!),
И грубый (Плачьте, плачьте, очи!),
Свирепый (Пусть молчат все чувства!),
Тиран (Прервись, мое дыханье!),

Насильник (Траур мне явись!),
О, если голос изменяет,
Порою действие расскажет,
И я в стыде лицо скрываю,
Обиду я в слезах топлю,
От бешенства ломаю руки,
Пойми же действия такие,
Мой голос говорить не может.
Довольно, если я скажу,
Что в час, когда, взывая к небу,
Уж я не помощи просила,
А правосудия, с зарею
Шум веток услышала я,
Взглянула, брат был предо мною.
О, небо! Рок мой несчастливый!
Когда к злосчастному являлась
Подмога с должной быстротой?
В сомнительном огне рассвета
Он сразу угадал несчастье,
О чем никто еще не молвил,
Ведь скорбь есть рысь и видит вдруг.
И вот, не говоря ни слова,
Тот меч, которым опоясал
Его вчера ты, обнажил он,
Увидев это, Капитан
Своей блистает белой сталью,
Один к другому тесно бьются,
Ударит тот, ответит этот,
А я, покуда длился бой,
Со страхом, с болью увидавши,
Что он не знает, виновата,
Не виновата ли я в этом,
Чтоб в оправданиях пред ним
Не впасть в опасность быть убитой,
Бегу, и в чаще укрываюсь.
Не так, однако, бегство быстро,
Чтоб не смотреть среди ветвей,

Хотела знать исход я боя.
Мой брат, я вскоре увидала,
Наносит рану Капитану,
Тот падает, его убить
Он хочет, но спешит подмога,
На брата мчится нападение.
Он защищается, но, видя,
Что их толпа, скорей бежит.
Они его не нагоняют,
Важней помочь им Капитану,
Чем позаботиться о мщении.
И, раненого в руки взяв,
Они спешат скорей в местечко,
О преступленьи забывая.
В том затруднительном стеченьи
Всего, что здесь произошло,
За первое они схватились
А я, увидев цепь несчастий,
Боль с болью слитые, как звенья,
Слепая; в скорби, в смуте вся,
Бежала, падала, бежала,
Без света, без пути, без мысли,
Горами, полем, лесом, чашей,
И вот теперь у ног твоих,
Чтоб рассказать тебе несчастья,
Пред тем как смерть мою ты дашь мне.
Теперь уж все я рассказала,
Вонзи же смело сталь в меня.
Чтоб ты убил меня, я руки
Твои от пут освобождаю.

(Развязывает его.)

Пускай одна из тех веревок
Мне шею бедную сожмет.
Я, дочь твоя, и я без чести,
А ты свободен, так найди же
Свою хвалу в моей кончине,
И пусть промолвят о тебе,

Что дочь свою ты отдал смерти,
Чтоб честь твоя живой осталась.

К р е с п о

Встань, Исабель, с колен, из праха,
Не оставайся больше так:
Когда бы не было подобных
Несчастий и терзаний наших,
Без всякой пользы были б пытки,
И счастье вовсе без цены.
Судьбой они даются людям,
Мы их в груди запечатляем
С достойной твердостью сердца.
Идем скорее, Исабель:
Домой вернемся; этот юный
В большой опасности, и нужно
Принять немедленные меры,
Чтоб нам узнать скорей, где он,
Укрыть его, где безопасность.

И с а б е л ь (в сторону)

Удача мне. Как он разумен,
Иль как он скрытен.

К р е с п о

Так идем же.
(Уходят.)

Улица при входе в селение.

СЦЕНА 3-я

Креспо, Исабель.

К р е с п о

Свидетель Бог, коль только рок
С необходимостью лечиться

Так сделали, что здесь в селеньи
Тот Капитан, пускай он лучше
Умрет от раны от своей,
Не то получит он другую,
И тысячу: не успокоюсь,
Пока его я не увижу
Умершим. Дочь, идем домой.

СЦЕНА 4-я

Регистратор. Креспо, Исабель.

Регистратор

Привет сеньору Педро Креспо.
С благою вестью прихожу я.

Креспо

С благою вестью, Регистратор?

Регистратор

Сегодня выбрал вас совет
Алькальдом и к началу службы
Два важные у вас есть дела:
Во-первых, к нам Король прибудет,
Сегодня будет, говорят,
Иль завтра; во-вторых, в селенье
Солдаты принесли поспешно
Того лечиться Капитана,
Что был вчера с отрядом здесь.
Кем ранен был, не говорит он,
Но, если выяснится это,
Тут крупное возникнет дело.

Креспо (*в сторону*)

(О, небо. В час, как мыслю месть,
Жезл правосудия дает мне
Моей быть господином чести.

Как совершу я преступленье,
Когда вот в этот самый час
Меня судьбою выбирают,
Чтоб преступления карал я?
Но в миг один такие вещи
Не разрешаются умом.)
Я чрезвычайно благодарен,
Что так почтить меня желают.

Регистратор

Теперь придите в дом совета,
Жезл правосудья будет вам
Вручен, и к рассмотренью дела
Немедля приступить вам можно.

Креспо

Идем. В свой дом ты удалишься.

Исабель

О, сжался, небо, надо мной.
Тебя сопровождать нельзя мне?

Креспо

Дочь, он алькальд теперь, отец твой:
Тебе найдет он правосудье¹

(Уходят.)

Помещение Капитана.

СЦЕНА 5-я

Капитан, с повязкой, как раненый; Сержант.

Капитан

Ведь рана сущий есть пуля,
Зачем сюда меня несли вы?

С е р ж а н т

Кто мог бы что-нибудь предвидеть,
Пред тем как рану осмотрели?
Когда врачом осмотрен ты,
Не нужно ставить жизнь в опасность,
Раз может снова рана вскрыться.
И было бы гораздо хуже,
Когда бы кровью ты истек.

К а п и т а н

Коль мне перевязали рану,
Здесь оставаться безрассудно.
Уйдем, покуда разговоров
О том не будет, что мы здесь.
Другие тут?

С е р ж а н т

Они все с нами.

К а п и т а н

Так нужно нам бежать немедленно,
Чтоб с мужиками не столкнуться:
Коли узнают обо мне,
Что здесь я, нам не минуть схватки.

СЦЕНА 6-я

Ребольедо, Капитан, Сержант.

Р е б о л ь е д о

Там суд.

К а п и т а н

Какое отношенье
Ко мне имеет суд обычный?

Ребольедо
Я говорю, идут сюда.

Капитан
Тем лучше для меня: узнают,
Что здесь я, нечего бояться
Нам населения местечка.
Меня направит здешний суд
В совет военный, и хоть дело
Столь неприятно, я спокоен.

Ребольедо
Конечно, жалобу он подал,
Крестьянин этот.

Капитан
Верно так.

СЦЕНА 7-я

Креспо, Регистратор, Крестьяне. — Те же.

Креспо (за сценой)
Все выходы займите в доме,
Из всех солдат никто отсюда
Пусть не выходит; если ж будет
Кто выходить, убить его.

Капитан
Как можете сюда входить вы?
(В сторону.)
(Но что я вижу пред собою?)
(Входит Педро Креспо с жезлом²,
вместе с ним Крестьяне.)

Креспо
А как же нет? Для правосудья
Не разрешенья ль нужно здесь?

Капитан

Суд местный, как я полагаю,
(Коль вы вчера в него вступили)
Ко мне не может отношенья,
Как согласитесь вы, иметь.

Креспо

Сеньор, прошу вас, не волнуйтесь,
Здесь нечто выяснить лишь нужно,
Коль вы дадите позволение,
И разговор наедине.

Капитан (*к сержанту и Ребольедо*)
Уйдите.

Креспо (*к крестьянам*)

Вы уйдите также.

(*В сторону, к Регистратору.*)
(Солдат имеет под наблюденьем.)

Регистратор

Так будет.

(*Крестьяне, Сержант, Ребольедо и Регистратор
уходят.*)

СЦЕНА 8-я

Креспо, Капитан.

Креспо

Именем суда я
Вас обязал, чтоб вы меня
Услышали, теперь слагаю
Я этот жезл, и вот хочу я
Не более как человек о муке
Моей сейчас вам говорить.
(*Приставляет жезл к стене.*)

Сеньор Дон Альваро, мы двое
Так будем говорить спокойно,
Явиться не давая гневам,
Что в сердце скрыты в глубине.
Я честный человек, и если б
Рождение мог выбирать я,
Свидетель Бог, нет недостатка,
Который бы я захотел
В себе почувствовать, оставить.
Средь равных я всегда уважен,
Ко мне относятся с почтеньем
И управленье и совет.
Именья у меня довольно,
Во всей округе, слава Богу,
Нет земледельца здесь богаче
И состоятельней меня.
Дочь воспиталась, полагаю,
По правилам вполне достойным,
В ней сдержанность и добродетель,
Такая мать у ней была,
Бог да хранит ее на небе.
Достаточно сказать мне будет,
Сеньор, что, будучи богатым,
Не возбуждаю я кругом
Злословия; живу я скромно
И я обид ни в ком не встретил;
Отметить нужно особливо,
Что я в глухом углу живу,
Где нет иного недостатка,
Как у других искать, какие
В них недостатки, и добро бы,
Коль только бы хотели знать.
Красива ль дочь моя, пусть скажут
Те крайности, что вы свершили...
Но если говорить прямее,
О том бы плакать должен я,
Мое несчастье было в этом.

Не тронем до конца отраву,
Которая сейчас в стакане,
Пусть пострадаем в чем-нибудь.
Но пусть не все выходит сразу,
И что-нибудь нам нужно сделать.
Вот эта боль, сеньор, судите,
Как велика: хотел бы скрыть,
И не могу. Мне Бог свидетель,
Когда бы мог я эту тайну
Скрывать, в себе бы схоронил я,
И не пришел бы я к тому,
К чему иду. Я предпочел бы
Страданье, но не речь о боли.
Так оскорбленье очевидно,
Что путь единственный отмстить,
Но месть не помощь и не средство.
И вот, блуждая мыслью в разном,
Один усматриваю выход,
Мне благо в нем и вам нет зла.
Тот выход вот он: все возьмите
Мое добро, мое именье,
Ни мне, ни сыну (сын мой будет
У ваших ног), нам ни гроша.
Пускай хоть милостыню просим,
Коли другого не имеем,
В чем пропитание б снискали.
И если, в этот самый час,
Хотите нас клеймом отметить,
И нас продать, мы рабство примем³,
А выручка в доплату будет
К приданому. Но только честь,
Что отняли вы, нам отдайте.
Пятна не будет вашей чести,
Как полагаю: ваши дети,
Как внуки, может быть, мои,
Ущерб какой-нибудь потерпят,
Но выгоду получают вдвое

Они, сеньор, как дети ваши.
В Кастилье поговорка есть,
Что красит конь седло, и верно.
(*Становится на колени.*)
Вот я коленопреклоненный,
Взгляните, вас молю об этом,
И слезы льются, как вода,
На престарелые седины.
О чем прошу? Прошу о чести,
Которой вы меня лишили⁴.
И честь моя, но так прошу,
Так умоляю я смиренно,
Что не моя она как будто,
А ваша. Взять ее я мог бы
Своей рукой, но не хочу,
А чтобы вы ее мне дали.

Капитан

Уж больше я терпеть не в силах.
Старик скучнейший и болтливый,
Благодарите, что сейчас
Своей рукой вас не убил я,
И вас и сына; не хочу я
Быть с вами более жестоким,
И то во имя Исабель
И красоты ее. А если
Оружьем спор решить хотите,
Мне очень мало в этом страха.
А коль судиться — что же, в суд,
Но я вам вовсе не подсуден.

Креспо

И вам ничто вот эти слезы?

Капитан

Коль женщина, старик, ребенок
Заплакали, в том толку нет.

К р е с п о

И эта скорбь не заслужила
Хотя бы слово утешенья?

К а п и т а н

В живых остались вы — какого
Вам утешения еще?

К р е с п о

Заметьте, что повержен наземь,
О чести криком я взываю.

К а п и т а н

Какая скука!

К р е с п о

Рассудите,
Стал в Саламее я Алькальд.

К а п и т а н

Я не подсуден вам: за мною
Пришлет сюда совет военный.

К р е с п о

Вы так решили?

К а п и т а н

Да, скучнейший
И надоедливый старик.

К р е с п о

И нет исхода?

К а п и т а н

Наилучший
Для вас молчать.

К р е с п о

И нет другого?

Капитан

Нет.

Креспо

Так клянусь я Вышним Богом,
Вы мне заплатите за то.
Эй!

(Встает и берет жезл.)

СЦЕНА 9-я

Крестьяне. Креспо, Капитан.

Крестьянин *(за сценой)*

Что, сеньор?

Капитан *(в сторону)*

Что пожелают
Здесь эти мужики устроить?

(Входят Крестьяне.)

Крестьяне

Что нам прикажешь?

Креспо

Я велю вам
Сеньора Капитана взять.

Капитан

Подумаешь, какие меры.
Служу я Королю; со мною
Так поступать вам невозможно.

Креспо

Попробуем. Отсюда вам
Лишь мертвым выход или взятым.

Капитан

Я капитан и я на службе.

Креспо

Быть может, я алькальд в отставке?
Немедля сдайтесь, и в тюрьму.

Капитан

Мне невозможно защищаться,
И потому я сдаться должен.
Я жалобу на эту меру
Представлю прямо Королю.

Креспо

А я на ваше поведенье.
Он близко здесь и нас услышит.
Обоих. Шпагу здесь оставьте.

Капитан

Нет основанья для того...

Креспо

Как нет, коль вас берут под стражу?

Капитан

Вы обходитесь с уваженьем...

Креспо

Все к основанию сведем мы.
Вы с уважением его
Сведите тотчас в дом совета;
И с уваженьем наложите
Вы цепь с колодками; следите
Вы с уважением за ним,
Чтоб ни с одним не говорил он
Солдатом; тех двоих вы тоже
В тюрьму сведите; основанье

К тому имеется вполне;
И всех троих мы с уважением
Рассмотрим, пригласив к допросу.
И между нами вам скажу я,
Что, если будет матерьял,
Достаточный для рассужденья,
Я с уважением великим
Вас вздерну, Бог тому свидетель.

Капитан

Мужик, когда имеет власть.

(Крестьяне с Капитаном уходят.)

СЦЕНА 10-я

Ребольедо, Искра, Регистратор. Креспо.

Регистратор

Солдат и паж, их удержал я,
А третий обратился в бегство.

Креспо

Тот плут все песни распевает,
Так шею я ему сверну,
Что больше петь уже не будет.

Ребольедо

Сеньор, так песня преступленья?

Креспо

Достоинство, совсем напротив.
И я имею инструмент,
Что лучше петь тебе поможет.
Скажите...

Ребольедо

Что?

К р е с п о
Сегодня ночью
Что там произошло?

Р е б о л ь е д о
А лучше
Об этом знает дочь твоя.

К р е с п о
Иначе смерть.

И с к р а (*в сторону, к Ребольедо*)
Ты, Ребольедо,
Все отрицай, что б ни спросили,
И если будешь ты упорным,
Сложу я песню в честь тебя.

К р е с п о
Вы тоже после почете.

И с к р а
Меня пытаться нельзя.

К р е с п о
Скажите.
А почему?

И с к р а
Известно дело,
На это есть такой закон⁵

К р е с п о
Какая же к тому причина?

И с к р а
Большая.

К р е с п о
Так оповестите.

Искра

Беременна.

Креспо

Какая дерзость.

Вы вызываете мой гнев.

Так вы не паж кавалерийский ⁶?

Искра

О, нет, сеньор, на поводе я.

Креспо

Скажите, что сказать вам нужно.

Искра

И больше, чем известно нам.

Ведь умирать гораздо хуже.

Креспо

Избегнете вы этим пытки.

Искра

Коль так, для песни я родилась,

Жив Бог, я буду песни петь.

(Поет.)

Меня вести хотят на пытку.

Ребольедо *(поет)*

А мне какая пытка будет?

Креспо

Что с вами?

Искра

Пробуем мы голос,

Сейчас мы звонко будем петь.

(Уходят.)

СЦЕНА 11-я

Хуан.

Хуан

Когда предателя я ранил
И увидал, что на подмогу
Бегут пособники, и много,
Я прочь, и в чашу убежал,
В места глухие проникал я,
Но я сестру нигде не встретил.
Потом идти домой решился,
Чтоб все отцу мне рассказать.
Он посоветует, что делать,
Чтоб жизнь спасти, и честь спасти мне.

СЦЕНА 12-я

Инес, Исабель, очень печальная. Хуан.

Инес

Оставь такое гореванье;
Коли такой печальной жить,
Ты не живешь, а умираешь.

Исабель

Но кто, Инес, тебя уверил,
Что жизнь не стала мне противна?

Хуан

Скажу я моему отцу...

(В сторону.)

(Но это Исабель? Чего же
Я жду?)

(Вынимает кинжал.)

Инес

Ты, братец?

Исабель

Брат, что хочешь

Ты сделать?

Хуан

Отомстить немедленно

За то, в чем жизнь и честь.

Исабель

Заметь...

Хуан

Клянусь, тебя сейчас убью я.

СЦЕНА 13-я

Креспо, Крестьяне.— Те же.

Креспо

Что тут случилось?

Хуан

Я намерен

Отмстить жестокую обиду

И оскорбление кровью смыть...

Креспо

Довольно. Это заблуждение,

Что ты посмел сюда явиться...

Хуан

Что вижу?

Креспо

Ты передо мною

Так Капитану, там в лесу

Нанеши рану.

Хуан
Господин мой,
Но это было в честной битве,
И честь твою там защищал я...

Креспо
Довольно, будет уж, Хуан.
Эй там, взять и его под стражу.

Хуан
Сеньор, с твоим родимым сыном
Обходишься ты так сурово?

Креспо
И даже моему отцу
Такую ж я б явил суровость.
(В сторону.)
(Так жизнь его я обеспечу,
И скажут: это правосудье
Необычайного примера.)

Хуан
Лишь выслушай: ведь мной предатель
Был ранен, и сестру хотел я
Убить, услышь, за что.

Креспо
Я знаю.
Но не довольно мне, что я,
Как я рассказ об этом слышу,
Мне как алькальду ведать нужно
И следствие о том составить.
И должен до тех пор, пока
Твоя вина не будет ясной,
Тебя под стражею держать я.
(В сторону.)
(Ему найду я оправданье.)

Хуан

Тебя понять я не могу:
Лишенный чести, ты под стражу
Берешь того, кто так желает
Ее вернуть тебе, того же,
Кто чести враг, хранишь с собой.

(Его уводят под стражей.)

СЦЕНА 14-я

Креспо, Исабель, Инес.

Креспо

Ты, Исабель, войди, и имя
Под жалобой ты подпишешь
На оскорбителя.

Исабель

Обиду

То оскорбленье, что душа
Слезами скорби обливает,
Хотел ты скрыть и вот намерен
Ее соделать всенародной.
Коль отомстить не в силах ты,
Будь в силах сохранить молчанье.

Креспо

Хотел решить иначе это,
Решить иначе невозможно,
И ныне это будет так.

(Исабель уходит.)

Инес, дай жезл мне правосудья.
Добром он не хотел покончить,
И если невозможно дело
Добром окончить, будет зло.

(Инес уходит.)

СЦЕНА 15-я

Дон Лопе, Солдаты. Креспо.

Дон Лопе (за сценой)

Стой, Стой!

Креспо

Что там еще случилось?

Кто в дом ко мне спешит сегодня?

Кто это входит?

(Входит Дон Лопе и Солдаты.)

Дон Лопе

Я с полдороги прихожу,

В селенье это воротился.

Мне кажется, меня приводит

Сюда большая неприятность,

В другом я месте не хотел

Остановиться, потому что

Вы друг мне, связаны мы дружбой.

Креспо

Бог да храни вас. Постоянно

Меня хотите вы почтить.

Дон Лопе

А сын ваш так и не явился.

Креспо

Сейчас узнаете причину.

Но в чем причина, что вернулись,

Благоволите сообщить.

Взволнованы, сеньор, вы очень.

Дон Лопе

Взволнован большим я бесстыдством,

Чем даже можно представлять.
Никто такого никогда
Осуществить не покушался.
Солдат меня настиг в дороге
И рассказал... Я вам признаюсь,
От гнева прямо я погиб.

К р е с п о

Рассказ продолжите.

Д о н Л о п е

Какой-то

Алькальдик взял здесь Капитана
Под стражу и его так держит.
За всю дорогу я, клянусь,
Ногой проклятою моею
Так не был мучим, как сегодня,
Она-то мне и помешала
Явиться раньше, а не то
Уже его я покарал бы.
Клянусь Христом, что тот наглейший
Под палками найдет конец.

К р е с п о

Напрасно вы тогда пришли.
Алькальд не даст себя в обиду.

Д о н Л о п е

Даст иль не даст, свое получит.

К р е с п о

Не видно мне, кто был способен
Вам столь негодный дать совет.
За что он взят был, вам известно?

Д о н Л о п е

Нет. Будь что будет, правосудье

Мне полагается явить здесь.
И обезглавить также я
Умею, если это нужно.

Креспо

Мне кажется, вам непонятно,
Что здесь алькальд обозначает.

Дон Лопе

Лишь мужчину. Разве нет?

Креспо

Быть может он и мужчина,
Но если только он в упрямстве
Захочет дать ему удавку,
С ней будет Капитан, клянусь.

Дон Лопе

Не будет, я клянусь, не будет.
Проверить ежели хотите,
Скажите, где живет он, этот.

Креспо

А очень близко он живет.

Дон Лопе

Так кто алькальд тот?

Креспо

Я.

Дон Лопе

Клянусь вам,
Уже подозревал я это.

Креспо

Клянусь, как вам сказал, сказал я.

Дон Лопе

Так, Креспо, слово — слово есть.

Креспо

Сеньор, и дело, это дело.

Дон Лопе

Пришел за взятым я под стражу
И покарать такую крайность.

Креспо

Его под стражей здесь держу
За то, что здесь как раз случилось.

Дон Лопе

Известно вам, что он на службе
У Короля, и я судья в том?

Креспо

Известно вам, что дочь мою
Из дома моего украл он?

Дон Лопе

Известно вам, что в этом деле
Мне надлежит все рассмотренье?

Креспо

Известно вам, что он в лесу
Там в чаще честь ее похитил?

Дон Лопе

Известно вам, как полномочья
Мои пред вашими важнее?

Креспо

Известно вам, что я просил
О мире, и отверг он просьбу?

Дон Лопе

Вы в полномочие чужое
Вмешались, не имея права.

Креспо

Вмешался он в чужую честь,
В чем вовсе права не имел он.

Дон Лопе

Сумею я окончить дело
И обязуюсь о расплате.

Креспо

Я никогда не попросил
Другого там, где сам умею.

Дон Лопе

Взять заключенного я должен,
Обязан в этом пред собою.

Креспо

Составил дело я о нем.

Дон Лопе

Какое дело?

Креспо

А бумаги,
Что я в одну тетрадь сшиваю,
Как получаю показанья.

Дон Лопе

За ним в тюрьму пойду я сам.

Креспо

Я вас удерживать не буду,
Одно я вас прошу заметить,
Что в каждого, кто подойдет там,
Направит выстрел мой мушкет.

Дон Лопе

Я научился слушать пули.
Но в этом действии сегодня
Ничто не будет не наверно.
Солдат, беги-ка поскорей,
Оповести по всем отрядам,
Которые сейчас в походе,
Чтоб в боевом они порядке
Явились каждый эскадрон,
Фитиль зажечь, и в дулах пули.

Солдат

Нет даже надобности звать их:
Услышав, что здесь приключилось,
В селенье все они пришли.

Дон Лопе

Жив Бог, увижу, отдадут ли
Мне заключенного, как молвил.

Креспо

Жив Бог, успею сделать
То, что быть сделано должно.

(Уходят.)

Тюремная комната.

СЦЕНА 16-я

*Дон Лопе, Регистратор, Солдаты, Креспо,
все за сценой. (Бьют барабаны).*

Дон Лопе

Здесь Капитан в тюрьме вот этой.
Солдаты, ежели откажут
Его нам выдать, подожгите
Тюрьму, а если все село
В защиту встанет, сжечь селенье.

Регистратор

И хоть тюрьму вы подожжете,
Его не выпустят отсюда.

Солдаты

Смерть мужикам!

Креспо

Ну, что ж? Пусть смерть.
И больше ничего не будет?

Дон Лопе

Там к ним подмога подоспела.
Взломать тюрьму, сломите двери.

СЦЕНА 17-я

*Выходят Солдаты и Дон Лопе с одной стороны;
и с другой Король, Креспо, Крестьяне и Свита.*

Король

Что здесь такое? Я пришел,
И нахожу в таком вас виде.

Дон Лопе

Здесь, государь, явил крестьянин
Такую дерзость, вне сравненья,
Какой не знал ни разу свет.
И видит Бог, когда бы только
Вы не вошли в село поспешно,
Иллюминация была бы
К приходу вашему везде.

Король

Что здесь случилось?

Дон Лопе

Капитана

Алькальд какой-то взял под стражу,

За ним пришел я, не хотели
Его мне из тюрьмы отдать.

Король
А кто алькальд?
Креспо
Я.
Король
Оправданье
Какое в этом мне даете?

Креспо
Вот это дело, в нем подробно
Все преступленье явно нам.
Достойно смерти то деянье,
Он девушку одну похитил.
Над ней в лесу свершил насилие,
Жениться он не пожелал,
Хотя отец просил о мире.

Дон Лопе
Алькальд, отец он в то же время.

Креспо
Не важно то в подобном деле.
Когда б ко мне пришел чужой
С подобной жалобой, ему я
Не оказал я правосудья?
Так почему ж бы я не сделал
Для дочери моей того,
Что для других я совершил бы?
Притом я сына взял под стражу,
Хоть и одной он с нею крови.
Так пусть проверят, все ли я
Так сделал, как я сделать должен,
И если кто-нибудь укажет,
Что что-нибудь свершил я злое,

Что мной свидетель хоть один
Подговорен, что написал я
Не то, что ныне утверждаю,
Пусть жизни я лишусь немедля.

Король

Вы рассудили хорошо;
Но не имеете вы власти
Свой приговор свершить: здесь право
Суда иного, значит, нужно
Вам узника теперь отдать.

Креспо

Отдать его едва ль сумею,
Сеньор, суда здесь нет другого,
И потому, какой бы ни был
У нас составлен приговор,
Он исполняется немедля,
И он теперь уже исполнен.

Король

Что говорите вы?

Креспо

Когда вы

Не верите, взгляните там,
И вы увидите глазами.
Вот Капитан.

*(Открывает дверь, и предстает сидящий
на стуле Капитан, вокруг шеи его удавка⁷.)*

Король

Как вы дерзнули?

Креспо

О приговоре вы сказали,
Что он составлен хорошо,
Так значит здесь и нет дурного.

Король

Но разве приговор исполнить
Не мог совет?

Креспо

Все правосудье
Одно есть тело, Государь.
Коль много рук оно имеет,
Что в том, одна или другая
Рука убьет того, кто должен
Убитым быть? И если кто
В главнейшем справедлив, что значит,
Коль погрешил он в наименьшем?

Король

Пусть это так, но почему же,
Раз кабальеро капитан,
Он здесь не мог быть обезглавлен?

Креспо

В том, Государь, у вас сомнение?
Но здешние гидальго люди
Достойные, и наш палач
Не ведает, как обезглавить.
Притом тут жаловаться может
Лишь мертвый, и пока не будет
Кто должен жаловаться тут,
Нет в этом никому касанья.

Король

Дон Лопе, это свершено уж.
Смерть присудили справедливо,
А тот, кто в главном справедлив,
Грешить он может в наименьшем.
Ни одного пускай солдата
Не будет здесь, пусть выйдут тотчас,
Я в Португалию спешу.

В местечке этом оставайтесь
Алькальдом и притом бессменным.

Креспо

Почтить высоко правосудье
Лишь вы умеете один.

(Король и Свита уходят.)

Дон Лопе

Его Величество явился
К вам в добрый час.

Креспо

Клянусь, когда бы
Он не пришел, погибло все бы.

Дон Лопе

Не лучше ль было мне сказать,
И узника отдать, и средство
Найти честь дочери поправить?

Креспо

Она поступит в инокини,
Супруг ей выбран, он такой,
Что качество ему неважно.

Дон Лопе

Других мне узников отдайте.

Креспо

Немедленно их на свободу.

(Уходит с Регистратором.)

СЦЕНА 18-я

*Ребольедо, Искра, Солдаты; потом Хуан.
Дон Лопе, Креспо, Солдаты и Крестьяне.*

Дон Лопе

Средь них отсутствует ваш сын,
Он мой солдат, и он не может
Здесь в заключеньи оставаться.

Креспо

Сеньор, я покарать желаю
Безумца, ранил своего
Он капитана, и, хоть правда,
Что честью был к тому подвигнут,
Избрать другой был должен способ.

Дон Лопе

Так, Педро Креспо, хорошо.
Теперь его вы позовите.

Креспо

Он здесь.

(Входит Хуан.)

Хуан

Припасть к ногам мне дайте,
Сеньор, рабом я вашим буду.

Ребольедо

Уж я не буду больше петь
До самой смерти.

Искра

Я же буду,
Лишь посмотрю на инструмент я,
С которым ныне я знакома.

Креспо

Здесь автор кончит свой рассказ,
В котором истинная правда.
В чем недостатки есть, простите.

ДОПОЛНЕНИЯ

КАЛЬДЕРОН

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН

Комедия

〈 Перевод Д. К. Петрова 〉

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Василий, царь Польский
Сигизмунд, сын его
Астольф, Московский князь
Клотальдо, старик
Кларин, слуга
Эстрелла, инфанта
Розаура, дама (боярышня)
Солдаты, придворные, слуги,
стража и музыканты

*Действие происходит в пустыне, в царском дворце
и на поле битвы.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

С одной стороны горные ущелья, с другой башня, в нижней части которой — темница Сигизмунда; против зрителя в башне полуоткрытая дверь. Наступает ночь.

СЦЕНА 1-я

Розаура, в мужском костюме, на коне спускается с вершины горы; следом за нею Кларин.

Р о з а у р а

Как ветер, мчался ты, крылатый конь;
Куда теперь, о, неразумный зверь,
О, луч без пламени, без блеска птица
И рыба без чешуйных украшений,
Несешься ты, спускаешься, стремишься
К запутанному лабиринту скал?
Останься на верху горы, где звери
Тебя за Фазтонта примут¹ Мне
Один лишь путь дают судьбы веленья;
Другого нет; в отчаяньи слепом
Спускаюсь с горы я дикой и суровой,

Обращение к коню вполне в духе того «изящного стиля» (*estilo culto*), который с легкой руки поэта Луиса Гонгоры (*Luis de Góngora*, 1561—1627) привился довольно крепко к испанской литературе; неестественные сравнения, напыщенные уподобления и происходящая отсюда неясность составляют главный признак этого явления, имеющего свои параллели почти во всех литературах XVII в. Очень многие из драм Кальдерона, и между ними «Жизнь есть сон», несвободны от этого стилистического недостатка. См. ниже, действие III, сц. 9-я, новое описание коня Розауры, которое автор влагает в уста Кларина.

Пред солнцем хмурящей свое чело.
Ты, Польша, принимаешь чужеземца
Неласково, записывая кровью
Его прибытие на своих песках:
При самом входе ждут его страданья.
Сказалось это и в моей судьбе.
Но, правда, кто страдальца пожалеет?

К л а р и н

Скажи двоих; и, жалуясь, синьора,
В гостинице не оставляй меня.
Ведь мы вдвоем покинули отчизну
И, подвергаясь разным приключениям,
Вдвоем среди несчастий и безумств,
Мы прибыли сюда; вдвоем скатились
С горы; и если так, разумно ль будет
Меня лишь свесить, а не сосчитать²?

Р о з а у р а

Но горестей моих я не хочу
С тобой делить: а то и, сам страдая,
Ты не сумеешь мне давать советов.
О, жалобы приятны людям! правду
Сказал философ, что готовы люди
Всегда страдать и жаловаться горько.

К л а р и н

Философ сей изрядный был глупец;
А дай ему кто тысячу пощечин,
Была бы в жалобах ему приятность.
Но что же будем делать мы, синьора,
Пешком, одни, и заблудившись ночью

² «...оставлять в гостинице» (*dejar en posada*) — картинное выражение, смысл которого «покидать»; Кларин этими словами, а также и след. указывает Розауре, что и он, страдая одинаково с нею, имеет такое же право жаловаться, как и она.

В уединеньи гор, когда уходит
Уже к другому горизонту солнце?

Р о з а у р а

Кто испытал столь странную судьбу?..
Но если взор виденьем не обманут,
Что создала фантазия ему,
При свете угасающего дня
Мне кажется, я вижу впереди
Строение?

К л а р и н

Иль лжет мое желанье,
Иль я скажу и признаки его.

Р о з а у р а

Меж голых скал я вижу дом столь низкий,
Что он едва глядеть на солнце смеет.
Искусством грубым создан этот дом
И у подножья скал высоких камнем
Он кажется, упавшим с их вершины.

К л а р и н

Там подойдем; внимательный осмотр
Строенья этого не помешает;
Но лучше будет, если тот, кто в нем
Живет, великодушно примет нас,

Р о з а у р а

Открыта дверь, скажу вернее, пасть;
Из глубины ее исходит ночь,
Которая и возникает там.

(Слышно бряцание цепей.)

К л а р и н

Что слышу я, о, небо?

Р о з а у р а

Я дрожу,

Оцепенела вся, как в лихорадке.

К л а р и н

Должно быть цепью узник там гремит;

Там каторжник, готов я провалиться:

Мне это ясно говорит мой страх.

СЦЕНА 2-я

Сигизмунд (в башне), Розаура и Кларин.

С и г и з м у н д

О, я несчастный, о, страдалец!

Р о з а у р а

Услышала печальный голос я,

И новые в душе возникли муки.

К л а р и н

И новый страх возник в душе моей.

Р о з а у р а

Кларин...

К л а р и н

Синьора...

Р о з а у р а

Убежим скорее

От башни; заколдована она.

К л а р и н

Я не могу, когда бы и хотел.

Р о з а у р а

Как в обмороке лишь биенье пульса

И сердца стук о жизни говорят,

Так здесь мерцает бледная звезда,

Печальный свет, и оттого весь дом
Еще мрачнее кажется. Темница,
Насколько можем мы судить, пред нами,
И кто-то заживо в ней погребен.
Смотри, прикрытый шкурою звериной,
Там человек, закованный в цепях;
Он фонарем едва лишь освещен.
Бежать не можем мы; а если так,
Отсюда станем слушать, что он скажет
О горестях своих, узнаем, кто он.

*(Дверь башни отворяется, и выходит
Сигизмунд в цепях, одетый в звериную шкуру.
В башне горит огонь.)*

С и г и з м у н д

О, я несчастный, о, страдалец!
Хочу, о, небо! я узнать,
Какое зло своим рождением
Тебе я сделал, если ты
Со мною так всегда сурово?
Но понимаю, я родился,
И преступление готово.
Твое жестокое решенье
Причину явную имеет:
Весь самый величайший грех
Для человека есть родиться.
Но мне хотелось бы узнать,
Чтобы мое сомненье кончить,
(Оставив в стороне теперь
Тот тяжкий грех, что я родился)
Чем мог еще я провиниться,
За что мне больше наказание?
Другие разве не рождались?
Конечно, и они родились,
Но преимущество у них,
Которым я не наслаждаюсь.
Родится птица; перьев блеск

Дает ей высшую красу;
Но что она? цветок из перьев,
Букет крылатый, а как быстро
Летит в эфирное пространство,
Как быстро рассекает воздух,
Гнездо спокойно покидая
И негу тихую его!
Ведь у меня побольше духа,
Так почему ж свободы меньше?
Родится зверь: с своею шкурой,
Которая вся в пестрых пятнах,
Он лишь подобье звезд небесных,
(Хвала природы мудрой кисти!)
Но голод мучит и его,
Становится он смел и жаден,
Страшит жестокостью своей,
Пустыни целой он гроза.
А я с душой гораздо лучшей
Свободу меньшую имею!
Родится рыба, что не дышит,
Ублюдок пены и травы,
И лишь она себя увидит
Корабликом из чешуи,
Как всюду плавать начинает
С такой проворностью, какую
Холодные пучины моря
Ей оставляют для движенья.
Ведь лучше разум у меня,
Но почему свободы меньше?
Из-под земли ручей пробился,
И, как серебряная змейка,
Среди цветов сверкает он,
И прелесть их он прославляет
Своим журчаньем музыкальным,
И широко открыто поле
Для бега звучного его!
Ведь больше жизни у меня,

Но почему свободы меньше?
О, как в темнице я томлюсь!
И став Вулканом или Этной,
Хотел бы из груди я вырвать
И разорвать на части сердце.
Какой закон и справедливость
И разум могут у людей
Такое право отнимать,
Такое сладостное право,
Какое дал Творец ручью,
И рыбам, и зверям, и птицам?

Р о з а у р а

И страх и жалость пробудили
В душе моей его слова.

С и г и з м у н д

Меня подслушивает кто-то?!
Клотальдо, ты?

К л а р и н

Скажи, что да.

Р о з а у р а

О, нет! Страдалец здесь (увы!).
То он в ущелии холодном
Услышал жалобы твои.

С и г и з м у н д

В ущельи в этом и умрешь.
О горестях моих ты знаешь;
Но ты о них не должен знать;
Ты слышал; этого довольно,
Чтоб разорвать тебя на части
Могучими руками.

К л а р и н

Я,

Увы! я глух, не мог я слышать.

Розаура

Коль ты от женщины рожден,
К твоим ногам упасть довольно,
И ты помилуешь меня.

Сигизмунд

Твой голос мог меня смягчить,
И я невольно уваженьем
К тебе проникся. Расскажи,
Кто ты и как сюда попал?
Немного знаю я ваш мир —
Ведь это башня колыбелью
Моей была и будет гробом;
Со дня рожденья моего
(Не знаю, счесть ли то рожденьем?)
Я вижу дикую пустыню
И в ней живу, как мертвый зверь,
Скелет, подобье человека³.
Хотя из всех людей доньше
Я говорил с одним, который
О всех моих страданьях знает
И от которого узнал я
Кой-что о небе и земле,
Хотя, чудовище для всех,
Я человек среди зверей
И дикий зверь среди людей,
Хотя учился обращенью
Я у зверей и птиц пустыни,
И только милых, ясных звезд
Я наблюдал круговороты⁴,

³ Название страдающего, истомленного человека «живым трупом и скелетом» у Кальдерона довольно обычно; ср. ниже, д. III, сс. 6-я, где каждый солдат назван лишь живым скелетом.

⁴ Т. е. изящное, правильное обращение известно мне только из правильного движения звезд. Красоту звезд Кальдерон прославляет и в других драмах.

Однако ты мое страданье
Обычной горечи лишил,
Ты, восхищенье глаз моих,
Восторг ушей. Ты каждый раз,
Когда взгляну я на тебя,
Меня даришь блаженством новым.
Чем больше на тебя гляжу,
Тем больше хочется смотреть;
Мои глаза больны водянкой,
Их жажда будет бесконечна,
Они погибнут от питья
И все же пьют. И я погибну
С восторгом, глядя на тебя.
Смотреть я буду и умру.
Лишаюсь сил я и не знаю,
Что́ станется со мною, если
Тебя не буду больше видеть?
Твой ясный взор приносит смерть,
А если ты уйдешь отсюда,
Наступит нечто хуже смерти,
Ужасней бедствий и страданий;
Наступит жизнь! свое мученье
Могу я так определить:
Несчастному оставить жизнь
Ведь это — смерть послать счастливцу ⁵

Р о з а у р а

Смущен видением печальным,
Тебе внимаю с изумленьем.
Не знаю, что сказать тебе,
О чем спросить тебя, не знаю.
Одно скажу тебе я, узник;
Меня утешить хочет небо,

⁵ Обычное выражение пессимизма, считающего за благо освобождение от зол жизни при помощи смерти. Вся эта тирада Сигизмунда может служить примером, как иногда неясен стиль Кальдерона.

И потому сюда в пустыню
Меня сегодня привело;
Порой слетает утешенье
К несчастному, когда он видит
Других, чье горе еще больше ⁶
Рассказывают: жил мудрец,
Он так был беден и несчастлив,
Что только травами питался,
Которые сбирал в полях.
Он раз спросил себя: найдется ль
Другой такой бедняк, как я?
И вот когда он обернулся,
Он получил ответ, увидев,
Что сзади шел другой мудрец,
Листки смиренно подбирая,
С презреньем брошенные им.
Своей судьбою недовольный,
Жил в этом мире я, и вот,
Когда я спрашивал себя,
Другой найдется ль человек
С судьбою более жестокой,
Страдалец, ты ответил мне;
Я, поразмыслив, нахожу,
Что взял бы ты мои страданья,
Чтоб сделать их своим блаженством,
И если в чем-нибудь они
Тебе доставят облегченье,

⁶ В комедии «Тюремщик самого себя» (*El alcaide de sí mismo*) Елена, у которой убили на турнире брата, говорит Федерико, над которым также разразилась беда:

Твои жестокие страданья
Утешили мою печаль;
Тому, кто сам страдает тяжело,
Несчастливого найти отрадно.

Действие I, сц. 2-я по изданию Кейли, 4-й,
с. 373, столб. 2-ой.

О них внимательно послушай
И те возьми ты для себя,
Которые мне лишни. Я...

СЦЕНА 3-я

Те же, Клотальдо и Солдаты.

Клотальдо (за сценой)

Заснув иль оплошав от страха,
Вы, стражи башни, пропустили
Сюда каких-то двух людей;
Они темницу отворили.

Розаура

Я еще более смущен.

Сигизмунд

Тюремщик это мой, Клотальдо.
Когда ж конец моим страданьям?

Клотальдо (за сценой)

Сюда скорее, чтоб они
Не приготовились к защите;
Схватите их или убейте!

Голоса (за сценой)

Измена!..

Кларин

Стражи башни мрачной,
Вы допустили нас пройти,
И если выбор нам позволен,
Скажу я вам: схватить нас легче ⁷

*(Входят Клотальдо с пистолетом
в руках и солдаты; все в масках.)*

⁷ Трусость и грубое остроумие составляют отличительные признаки характера Кларина; ср. ниже, в этой же сцене далее, в д. III, сц. 12-я и т. д.

Клотальдо (входя, солдатам)

Вы на лицо наденьте маски;
Необходимо, чтоб никто
Нас не узнал, пока мы здесь.

Кларин

Так значит это маскарад?

Клотальдо
(Розауре и Кларину)

Вы в заповедные пределы,
Закрытые для всех людей,
Проникнули и, по незнанию,
Нарушили царя приказ,
Гласящий, чтоб никто не мог
Узнать о том, что скрыто здесь.
Свое оружие нам отдайте,
Иль пистолет, как грозный аспид,
Двух пуль жестокий яд изрыгнет
И воздух тихий и спокойный
Огнем блестящим потрясет.

Сигизмунд

Но прежде, чем обидишь их
Иль оскорбишь ты их, тиран,
Добычей будет жизнь моя
Несчастных рук моих. Клянусь
Творцом! я разорву на части
Себя руками и зубами,
Скорей умру я среди скал,
Чем допущу погибель их,
Чем оскорбленье их оплачу.

Клотальдо

Ты, Сигизмунд, прекрасно знаешь,
Как велико твое несчастье:
Ведь прежде, чем родился ты,

Ты умер — так решило небо.
Ты знаешь, что сия темница
Узда для гордости твоей
И колесо, которым я
Твой бег безумный направляю.
Зачем шумишь ты, это зная?

(Солдатам.)

Закройте дверь темницы тесной
И скройте в ней его!

Сигизмунд

О, небо!

Как хорошо, что ты меня
Свободы сладостной лишило.
Я был бы против них гигантом,
И, чтобы стекла и кристаллы
Разбить у солнца в небесах,
Горой бы яспис положил я
На основание из скал⁸.

Клотальдо

Вот чтоб ты этого не делал,
Сегодня терпишь столько зол.

(Несколько солдат схватывают Сигизмунда
и запирают его в темницу.)

СЦЕНА 4-я

Те же, без Сигизмунда.

Розаура

Я вижу, дерзость здесь бессильна,
Безумцем быть я не хочу;

⁸ Как в древней басне, по которой гиганты стали громоздить горы на горы, чтобы добраться до небес и убить Зевса.

К твоим ногам повергнув жизнь,
Пощады ей прошу смиренно.
О! пожалей меня, молю.
Была бы редкая жестокость,
Когда ни гордость, ни смиренье
Тебя бы тронуть не могли.

К л а р и н

Когда и гордость и смиренье,
Изображения которых
Духовных драм судьбу решали
Уж много раз⁹, бессильны здесь,
То я ни гордый, ни смиренный,
А средним между них являясь,
Помилуй нас и пощади,
Молю тебя...

К л о т а л ь д о

Гей, стража!

С о л д а т ы

Здесь мы.

К л о т а л ь д о

Оружие у них возьмите;
И чтоб они не увидали,
Куда и как отсюда выйдут,
Скорей глаза им завяжите.

Р о з а у р а

Тебе я только шпагу дам:
Ведь ты начальник остальных,
А доблесть меньшим не сдается.

⁹ В духовных драмах того времени (autos sacramentales) постоянно действуют аллегорические изображения гордости, смирения, идолопоклонства, сладострастия и других отвлеченных понятий. Понятно, что от искусства в их изображении зависел успех или неуспех известной драмы, на что и намекает Кларин.

К л а р и н

А я могу отдать свою
И подлецу (отдает шпагу солдату). Бери ее ¹⁰

Р о з а у р а

И если должен я погибнуть.
Тебе я шпагу оставляю,
Доверясь жалости твоей;
Ее ценить высоко можешь,
Ее носил когда-то рыцарь.
Прошу тебя, храни ее.
Хотя мне тайна неизвестна,
Одно наверно знаю я:
Великие сокрыты тайны
В сем позолоченном клинке.
Надеясь только на него,
Стремился в Польшу я отмстить
За оскорбление!

К л о т а л ь д о (в сторону)

О, небо!
Что это значит? Возросли
Мои страданья и смущенье.
Печаль и горести мои.

(Розауре)

Кто шпагу дал тебе, дитя?

Р о з а у р а

Мне женщина ее дала.

К л о т а л ь д о

Как женщину зовут?

¹⁰ Ср. выше, примеч. 7.

Розаура

Не смею

Я это имя открывать.

Клотальдо

Откуда заключаешь ты,
Что в этой шпаге тайна скрыта?

Розаура

Кто дал ее мне, тот сказал:
«Отправься в Польшу; осторожно
И ловко постарайся там,
Чтоб увидали эту шпагу
Военачальники, дворяне.
Я знаю, что один из них
Тебя полюбит, защитит.

Клотальдо (*в сторону*)

О боже правый, что я слышу?
Я даже не могу решить:
То, что случилось здесь со мною,
Действительность или мечта ¹¹?
Ведь эту шпагу я оставил
Моей прекрасной Виоланте
И ей сказал: «Кто с этой шпагой
В мои объятия придет,
Найдет во мне, как милый сын,
Благоволение отца.
Но что же делать мне (о горе!)
В таком ужасном затрудненьи?
Ему любовь дала оружие,
Оружие смерть ему дает;
Пощады просит у меня
На смерть заране обреченный.

¹¹ Первый намек, что в жизни нет резкой разницы между мечтой и действительностью.

Какая горькая судьба!
Какой непостоянный жребий!
Что сын он мне, сказали ясно
И признаки и голос сердца;
Оно зовет его ко мне
На грудь; в ней бьет оно крылами,
Не в силах цепи разорвать.
Как человек в темнице мрачной,
На улице заслышав шум,
К окну подходит посмотреть,
Так и оно теперь, не зная,
Что здесь такое, слышит шум,
К глазам поспешно подступает,
Которые суть окна сердца,
И хочет выйти через них
В слезах горючих. Что мне делать?
Его отправить к королю?
Но это значит — смерть ему!
А скрыть такое приключенье
Я не могу, я дал присягу.
Меня любовь терзает к сыну,
Но есть и верность государю.
Но, впрочем, что я сомневаюсь?
Дороже чести, выше жизни
Должна быть верность королю.
Живи, о верность! он погибнет.
И если я не ошибаюсь,
Он отомстить сюда пришел,
А если так, он оскорблен,
А всякий оскорбленный — низок.
Нет, он не сын мой; нет моей
В нем благородной крови; нет!
Но вдруг беда случилась с ним?
От ней никто не огражден;
Работы тонкой наша честь,
Ее один поступок губит!
Ее и воздух запятнает!

И что же больше мог он сделать,
Он — крови благородной отпрыск,
Когда, опасности презрев,
Пришел сюда за честью смело?
Нет! Сын он мой; в нем кровь моя,
Великую в нем вижу доблесть.
Я в обе стороны колеблюсь,
Но лучше выбрать середину;
И так пойду я к королю,
Скажу ему: «Вот это сын мой».
Пусть он убьет его. Быть может,
Увидев, что я чести верен,
Простит он юношу; и если
Удастся мне спасти его,
Я помогу ему отмстить
За оскорбление. Но если
Король с суровостью обычной
Его на казнь отправит злую,
Погибнет он и не узнает,
Что я отец ему. (*Розауре и Кларину*). Идите
Со мною вместе, чужеземцы.
Не бойтесь; горькое страданье
Не вам одним дано в удел.
Среди сомнений тяжких жить
Иль умереть, не знаю, право,
Где больше мук, где больше горя ¹²!

(*Все трое уходят.*)

¹² Верность государю, забота о чести и любовь, из-за столкновения которых так часто возникает в испанских драмах трагическое положение героя, ярко отражаются в речи Клотальдо.

СЦЕНА 5-я

Зала во дворце царя. Астольф и солдаты входят с одной стороны, с другой — инфанта Эстрелла и дамы. За сценой военная музыка и приветственные клики.

Астольф

Как луч кометы, ваши очи
Огнем блистают перед нами,
И звучный им привет поют
Ручьи, органы, трубы, птицы.
И вас в глубоком изумленьи
Равно приветствуют теперь
И вашу славят красоту
Одни — рожки из пестрых перьев ¹³,
Другие — птицы из металла ¹⁴
А пули, как своей царице,
Поют приветственный вам гимн,
И птицы — как Авроре; трубы
Вас воспевают, как Палладу,
Цветы — как Флору. День блистает
И гонит сумрачную ночь;
Но вы ясней, чем ясный день;
Аврора — вы в часы веселья,
Когда повсюду мир, вы — Флора,
В час грозный битвы, на войне,
Паллада вы, и вместе с этим
Царица вы души моей ¹⁵

Эстрелла

Когда должны согласоваться

¹³ Птицы.

¹⁴ Рожки или трубы.

¹⁵ Это напыщенное приветствие Астольфа для современного читателя является совершенно безвкусным, но у Кальдерона довольно много примеров такой речи.

Слова людские и дела,
То дурно поступили вы,
Сказав так вежливо и тонко.
У вас, пожалуй, отниму я
Великолепные трофеи,
Я в бой за них вступаю смело¹⁶
Мне кажется, не согласить
Ту лесть, которую я слышу,
С суровостью, какую вижу.
Подумайте, ведь это низко,
Скорее свойственно зверям,
Полно обмана и измены,
Словами нежно льстить, лелеять,
А поведением убивать.

Астольф

Как плохо знаете вы дело,
Когда не верите вы мне;
Эстрелла, я открою вам
Мои все мысли и желанья,
Тогда поймете вы меня.
Евсторгий третий, польский царь,
Имел троих детей; Василий
Теперь повелевает Польшей,
По праву, как его наследник.
Он дядя наш: и вы и я
Родились от его сестер;
Евсторгий — дед наш; но об этом
Я больше говорить не стану;
Оно излишне; Клорилена,
Моя синьора, ваша мать,—
Теперь она в том лучшем мире,
Под балдахинном ясных звезд,—
Родилась первая, и вы

¹⁶ Т. е. мне легко показать, что ваше пышное приветствие только ложь, и вашим истинным чувствам не соответствует.

Ей дочь; вторая, ваша тетка,
Прелестнейшая Рецизунда,
Пусть жизнь ее продлит господь!
С московским князем повенчалась;
От брака их родился я.
К другому делу перейдем.
Василий, знаете, синьора,
Влиянью времени сдается;
Наукам больше предан он,
Чем женщинам, он овдовел,
Нет сына у него, и вы
И я — наследники престола;
Вы потому, что дочь вы старшей
Сестры, а я, рожденный младшей,
Как муж, имею больше прав.
Мы о намереньи своем
Послали дяде извещение;
Он отвечал нам, что согласен
Навек соединить нас с вами;
Мы день назначили и место...
С таким намереньем уехал
Я из Московии своей;
За этим я пришел сюда,
Не воевать хочу я с вами;
Стремитесь только вы к войне.
О, пусть захочет бог Амур,
Чтобы народ, астролог верный,
Не ошибался и для нас,
Предсказывая наш союз,
В котором были б вы царицей,
Царицей моего ума.
О, если бы для большей чести
Корону дядя отдал нам,
Триумф дала бы доблесть ваша,
Моя любовь бы власть дала¹⁷

¹⁷ Т. е., вероятно, моя любовь даст вам власть над моей душою.

Эстрелла

На эти ласковые речи
Ответить лаской не хочу.
О, будь империя моей,
Она бы тотчас стала вашей.
Но все же вы неблагодарны,
И я от этого страдаю.
Мне думается, вашу ложь
Портрет, который на груди
У вас висит, невольно выдал.

Астольф

И я сейчас вас успокою
Насчет его; однако поздно:
Я слышу звуки инструмента;
Должно быть, близко государь
Со всею свитою своею.

СЦЕНА 6-я

Те же, Василий и свита.

Эстрелла

Фалес!

Астольф

Ученейший Эвклид!

Эстрелла

Ты среди звезд

Астольф

Небесных знаков

Находишься

Эстрелла

И пребываешь

Астольф

И их пути

Эстрелла

И их следы

Астольф

Описываешь

Эстрелла

Измеряешь.

Астольф

Дозволь в смирении души,

Эстрелла

Дозволь моим объятьям нежным

Астольф

Дозволь к твоим ногам склониться¹⁸

Эстрелла

Плющем быть древа твоего.

Василий

Племянники, вам мой привет!
Я знаю, что и вы с любовью
Моей любви пришли на встречу.
О, верьте мне, нет человека,
Которого бы я обидел;
И вас не стану обижать я.
Я сознаю, что я согнулся
Под тяжким бременем годов,
И потому прошу смиренно
У вас молчания; потом

¹⁸ Подобные разговоры двух лиц, постоянно прерывающих друг друга, не редкость в поэзии Кальдерона.

Настанет время изумленью,
Когда услышите рассказ
О том, что мнится невозможным.
Вы знаете, друзья мои,
Что в мире за свои познания
Стяжал я имя мудреца.
Бессильны время и забвенья
Мне повредить, когда повсюду,
На всем земном огромном шаре
Тиманта кисть, Лизиппа мрамор
Меня давно провозгласили
Василием великим. Все
Вы знаете, что до сих пор
Одной науке предан я,
Науке цифр и вычислений.
Нас учит каждый новый день,
Молва несет нам поученье,
Но предвосхитил я наукой
Обязанности их и право:
В своих таблицах вижу я
Все новости веков грядущих,
Все есть «теперь» в моих таблицах.
Что нового расскажет время?
Все сам могу я рассказать.
Небесный свод с его красою,
Лучами солнца освещенный
Иль озаряемый луной,
Миры бриллиантов и кристаллов,
Где звезды ласково сияют
И блещут знаки зодиака —
Вот вам предмет моих занятий
В течение многих, долгих лет;
Вот книги вам мои, в которых
На бриллиантовой бумаге
И на сапфировых страницах,
Златыми буквами, понятно
Судьбу людскую пишет небо,

Благоприятную и злую ¹⁹
Так быстро их читаю я,
Что духом следую своим
За ними в быстром их движеньи,
И прямо и на поворотах.
О, если б раньше умер я,
Небесным гневом пораженный,
Чем комментарием стал ум мой
Движенья звезд, регистром неба ²⁰ !
Ах! кто несчастен, для того
И преимущество есть нож!
Кто небом осужден на знанье,
Тот самого себя убийца.
И это лучше, чем я сам,
Судьба моя вам разъяснит.
У вас я вновь прошу молчанья:
Чудесен будет мой рассказ!
От Клорилены дорогой
Имел несчастного я сына;
И кажется, что все приметы,
Какие бедствием грозят,
Свершились при его рожденьи ²¹
Так, прежде чем на божий свет
Он вышел из гробницы чрева,—
Рождение подобно смерти,—
Среди видений беспокойных
Приснилось матери его,
Что зверь, по виду человек,
Ей внутренности разрывал,

¹⁹ Одним словом, Василий занимается астрологией.

²⁰ Прозаическое, но чрезвычайно смелое сравнение.

²¹ Ср. след. место из Montesquieu, *Lettres persanes* (письмо XXXIX): Il me semble, ben Josué, qu'il y a toujours des signes éclatants, qui préparent a la naissance des hommes extraordinaires; comme si la nature souffrait une espèce de crise et que la puissance céleste ne produisit qu' avec effort.

И, вся в крови, она родила
Ехидну злую, человека,
И тотчас после умерла ²²
Но вот приходит день рожденья,
И предсказанья совершились.
Как редко ложными бывают
Те предсказанья, что печальны!
Таков был сына гороскоп:
Окрашенное кровью солнце
С луной вступало в бой жестокий;
Земля была их валом темным;
Они схватиться не могли
Руками, но сражались светом.
Такого страшного затмения
Ни разу с солнцем не случалось
С тех давних пор, как смерть Христа
Оно оплакало однажды.
Земля затоплена пожаром
Была зловещего огня
И думать в ужасе могла,
Что час ее пришел последний.
Небесные затмили своды,
Дрожали зданья на земле,
Дождь каменный на землю падал,
Текли волной кровавой реки ²³
И в этот страшный час, когда
Казалось безумным солнце,
Родился Сигизмунд и сразу
Свою природу обнаружил;
Родился он, скончалась мать,
И он, причина этой смерти,

²² В древности и в Средние века полагали, что рождение ехидны влекло за собой неминуемую смерть ее матери. Ср. у Пруденция, *Namartigenia*, ст. 580—606, и многие места в пьесах Кальдерона.

²³ Ср. Евангелие от Матфея, гл. 27, с. 45—52, рассказ о знамениях, бывших при смерти Иисуса Христа.

Сказал жестокие слова:
«Я человек, и потому
Отплачиваю злом за благо».
И я в науке стал искать
Разгадку ужасов таких
И увидел, что Сигизмунд
Жестокий будет человек,
Монарх — губитель благочестья;
Добычей войн междоусобных
Из-за него вся Польша станет
И будет школою измены,
И академией пороков.
А он, безумьем увлеченный,
Среди разврата и злодейств,
Поднимет руку на меня,
И голова моя седая
Его ногам подстилкой будет.
О, горе мне! И предсказаньям
Поверил я; и как не верить
Тому, что говорит наука?
Себя мы любим и охотно
Заботимся мы о себе.
И так, предсказывало небо
Несчастья и мне и Польше;
Решил животное смирить я,
Хотя и сам родил его,
Смирить затем, чтобы узнать,
Покорны ль звезды мудрецу?
Объявлено народу было,
Что мертвым родился наследник,
А я, обдумав осторожно,
Велел в горах построить башню,
Куда и свет едва проникнет,
И вход в которую закрыт
Громадой мрачных обелисков.
Суровые мои законы,
Тогда объявленные всем,

Чтобы никто под страхом смерти
Проникнуть в горы те не смел,
Причиною имели то,
О чем сейчас я вам сказал.
Там Сигизмунд живет поныне,
Несчастный, жалкий, в тяжком плене;
При нем находится Клотальдо,
И только он с ним говорит;
Наставник Сигизмунда он;
Он научил его наукам
И католическою верой
Ребенка душу просветил;
И только он был до сих пор
Свидетелем невольных мук
И униженья Сигизмунда.
Здесь три вопроса перед нами;
Сначала первый укажу.
Я так люблю вас, дети Польши,
Что в рабство королю-тирану
Отдам ли вас когда-нибудь?
А кто в несчастья такие
Отчизну ввергнет, государем
Великодушным быть не может.
Второй вопрос не легче будет:
Прилично ли христианину
Дитя свое тех прав лишить,
Какие и людьми и небом
За ним быть признаны должны?
Такого нет еще закона —
Тираном быть, чтобы других
Спасать от дерзкого тирана,
Когда мы согласимся с тем,
Что будет Сигизмунд тираном.
И хорошо ли делать зло,
Другое зло предупреждая?
И, наконец, еще вопрос:
Я предсказаниям поверил,

Но хорошо ли так легко
Поверить им без колебаний?
Хотя несчастьями грозит
Характер дикий Сигизмунда,
Быть может, зло не победит!
Нам мнится, рок неумолим,
Дурны наклонности, планета
Вещает гибель, но они
Склоняют только нашу волю,
А не насилуют ее ²⁴.
И так колеблясь, размышляя,
Придумал наконец я средство;
И всех вас изумит оно!
Сегодня ночью Сигизмунда,
Ему не открывая раньше,
Что он мой сын и ваш король,
Я во дворец велел доставить.
Под балдахин королевским
Он на моем воссядет троне,
Повелевать он будет вами,
А вы в покорности ему
Дадите клятву. Трех вещей
Я этим способом достигну
И дам ответ на три вопроса,
Сейчас поставленные вам.
Быть может, злое предсказанье
Пустым окажется обманом,
И Сигизмунд умом и лаской
Любовь всеобщую заслужит,
И государем вашим будет
Тот, кто имеет все права,
Хотя и был он до сих пор

²⁴ Убеждение в силе и свободе человеческого духа, сближающее Кальдерона с Софоклом; ср. знаменитый хор из Антигоны, начинающийся словами: «Много могучего в свете, но что человека могучей?»

Товарищем зверей пустыни
И блеск придворного и ловкость
Мог показать лишь пред горами.
А если он и в самом деле
Безумный, дерзкий и жестокий,
Поводья закусив, помчится
Чрез поле мерзостных пороков,
Тогда я долг исполню свой:
Преодолев души страданья,
Лишу я Сигизмунда власти,
В темницу вновь его отправлю,
И заключение уж не будет
Жестокостью, но наказаньем.
И, наконец, когда мой сын
Характер дикий обнаружит,
Вас всей душой любя, вассалы,
Других я дам вам королей,
Достойных скиптра и короны:
Они — племянники мои!
Соединив права обоих,
Сердца связав святыней брака,
Отдам Эстрелле и Астольфу
Корону и свои владенья.
Вполне заслуженные ими.
Все это я повелеваю
Как государь; но как отец
Прошу об этом; как старик
Даю благие вам советы,
И если правильно Сенека
Царя рабом владений назвал,
Как раб смиренно умоляю,
Как раб об этом вас прошу.

Астольф

Тебе ответить должен я,
Мой голос больше прав имеет;
Скажу от имени других:

Верни свободу Сигизмунду!
По праву он наследник твой.

Все

Верни свободу Сигизмунду,
Его мы просим в государи.

Василий

Любезность вашу я ценю.
И вас благодарю, вассалы;
Теперь скорей идите вслед
Вы за атлантами моими²⁵
Его увидите вы завтра.

Все

Да здравствует великий царь Василий!

*(Эстрелла, Астольф и свита уходят;
Василий остается один.)*

СЦЕНА 7-я

Василий. Входят Клотальдо, Розаура и Кларин.

Клотальдо

Могу ль с тобой поговорить,
Великий государь?

Василий

Клотальдо,
Сюда пришел ты в добрый час!

Клотальдо

К твоим ногам склоняюсь я,

²⁵ Под этими атлантами Василий подразумевает Астольфа и Эстреллу, надежду и опору польского трона.

И должен, государь, склониться.
Несчастный случай! Все открыто,
Нарушен строгий твой закон,
Который стал уже привычным.

В а с и л и й

Но что случилось?

К л о т а л ь д о

Государь,

Со мной произошло несчастье,
Тогда, когда я мог считать
Себя счастливейшим из смертных.

В а с и л и й

Но что же дальше? Говори.

К л о т а л ь д о

Вот этот юноша прелестный,
Намеренно иль по ошибке,
Проник в темницу Сигизмунда,
Там принца увидал он и...

В а с и л и й

Напрасно ваше беспокойство;
Случись все это не сегодня,
Не скрою, он бы поплатился.
Но тайна всем теперь известна,
И не беда, что и ему
О ней проведать удалось.
Ко мне придите вы попозже;
Предупредить я должен вас
О многом; ваша помощь также
Нужна мне будет; да, Клотальдо,
Произойдет престранный случай,
Какого не бывало в мире;
И вы в нем будете орудьем.

Я этим пленникам прошая,
Чтоб вы не думали, что я
Сержусь на вашу нерадивость.
(Уходит.)

Клотальдо
Благодарю вас, государь.

СЦЕНА 8-я

Клотальдо, Розаура и Кларин.

Клотальдо (в сторону)
Немного легче стало мне,
Но я, пока скрывать возможно,
Не буду говорить ему,
Что он мой сын.
(Розауре и Кларину.)
Свободны вы.

Розаура
Целую ноги я твои.

Кларин
А я твои стопы целую;
Различье маленькое слов
Друзьям, конечно, незаметно²⁶.

Розаура
Синьор, вы жизнь вернули мне;
На ваш я счет живу отныне,
И потому навеки буду
Рабом я вашим.

²⁶ В подлиннике неперевоаемая игра слов: *Ros. tus piés beso; Clar. у уо los piés.* Т. е. целую твои ноги, а я попираю следы их, ставлю свои ноги на след твоих.

Клотальдо

Погоди!

То, что я дал тебе,— не жизнь:
Кто от рожденья благороден,
Тот, оскорбленный, жить не может.
Ты говорил мне, что пришел
Сюда отмстить за оскорбленье.
Не мог тебе вернуть я жизни,
Которой ты и не имел:
Ведь жизнь позорная — не жизнь!

(В сторону.)

Задеть стараюсь за живое
Я самолюбие его ²⁷

Розаура

Пожалуй, жизни не имею,
Хотя вернул ты мне ее;
Но отомщением жестоким
Я честь свою восстановлю;
Тогда, во что бы то ни стало,
Казаться будет жизнь моя
Твоим подарком.

Клотальдо

Меч блестящий,

Который ты мне дал, возьми.
Довольно этого меча:
Он, обогранный вражьей кровью,
Отмстит, я знаю, за обиду.
Он был в моих руках однажды,—
Ведь я держал его в руках,
Хотя не очень долго,— он
Отмстить сумеет за тебя.

²⁷ Мы говорили в предисловии, как ревниво оберегали испанцы свою честь от малейшего оскорбления; человек оскорбленный, по их мнению, не имел права жить, пока не смывал кровью своего оскорбления.

Р о з а у р а

Я снова опояшусь им,
И именем твоим клянусь,
Что буду мстить, хотя мой враг
Сильней меня.

К л о т а л ь д о

А он сильней?

Р о з а у р а

Он так силен, что я не смею
Его назвать перед тобою;
Не потому, чтобы боялся
Тебе открыть такую тайну;
О нет! Боюсь, что ты меня
Тогда лишишь своей защиты.

К л о т а л ь д о

Напротив, помощь от меня,
Назвав его, скорей получишь.
Когда его ты мне укажешь,
Я буду знать, что он твой враг.

(В сторону.)

О если бы узнать, кто он?

Р о з а у р а

Ценя доверие твое,
Я за него плачу доверьем.
Противник мой и оскорбитель
Был сам Астольф, Московский князь.

К л о т а л ь д о *(в сторону)*

Я поражен его словами!
Мое страдание тяжеле,
Чем думал я до этих пор.
Но выясним получше дело.

(Розауре)

Ты по рождению Москвитянин,

И твой природный государь
Едва ли мог тебя обидеть.
Ступай назад в свою отчизну
И буйный свой сдержи порыв:
К безумству он тебя ведет.

Р о з а у р а

Он государь, я это знаю,
Но мог меня он оскорбить.

К л о т а л ь д о

Не мог, когда бы даже в гневе
Тебя ударил по лицу²⁸

Р о з а у р а

Была моя обида больше.

К л о т а л ь д о

Открой мне все, не утай;
Ведь то, что я воображаю,
Наверно более того,
Что приключилось в самом деле,

Р о з а у р а

Сказал бы я, но, ах! не знаю,
С каким глубоким уваженьем
Я на тебя смотрю! Какое
В груди моей зажглось чувство!
Как я люблю тебя и чту²⁹!
С трудом промолвить я могу,
Что эта верхняя одежда —

²⁸ Король — особа священная, и никоим образом не может оскорбить своего подданного.

²⁹ Любовь и уважение к отцу, основываясь на голосе крови, невольно возникают в детях; на этой мысли основана драма Кальдерона «Las tres justicias en ipa».

Загадка, и тому, кто носит
Ее, она едва ль подходит.
Прошу, подумай хорошенько:
Ведь я не то, чем я кажусь,
И в этом случае возможно,
Что брак Астольфа и Эстреллы
Обида горькая и мне.
Я все тебе сказала ясно.

(Розаура уходит, за нею и Кларин.)

К л о т а л ь д о

Послушай, подожди, останься!
Какой возник здесь лабиринт,
В котором разум не находит
Своей руководящей нити!
Жестоко честь моя задета;
Могуч, силен мой оскорбитель,
Вассал — я, женщина — она;
Укажет небо пусть дорогу!
Хотя удастся ли, не знаю,
Когда в сей пропасти глубокой
Одна таинственность — все небо,
И чудо дивное — весь мир!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Зал во дворце Василия.

СЦЕНА 1-я

Василий и Клотальдо.

К л о т а л ь д о

Все я исполнил, государь,
Как ты приказывал.

В а с и л и й

Клотальдо,
Как было дело, расскажи.

К л о т а л ь д о

Происходило дело так.
С успокоительным питьем,
По приказанью твоему,
Составленным из трав различных,
Смешав еще такие травы,
Которые имеют силу,
Упорно, хоть и незаметно,
Рассудок мощный человека
И ослаблять, и оглушать,
И делать, чувства убивая,
Из человека труп живой...
(Зачем доказывать, что это
Возможно, если столько раз
Доказывал возможность опыт?
И, несомненно, медицина
Полна природных, чудных тайн,
И нет растенья, камня, зверя,
Чтобы таинственного свойства

В нем не было хоть одного!
И если злоба человека
Уж тысячи открыла ядов
Смертельных, надо ль удивляться,
Что усыпляющий есть яд,
Который действует слабее,
Есть и губительный состав,
Смерть приносящий без пощады?
Давно доказано все это
И опытом и размышленьем.)
Мое питье составил я
Из опиума и белены,
К нему дурмана сок прибавив;
И с чашей к Сигизмунду я
Спустился в мрачную темницу.
Здесь повели мы разговор
О человеческих науках;
Хотя немного он учился
И красноречье изучал
В пустыне у зверей и птиц,
Однако многое открыла
Его широкому уму
Безмолвная природа скал,
Небес безмолвная природа!
Его желая приготовить
К тому, что замышляешь ты,
И гордость духа возбудить,
Как бы случайно указал я
Ему на горного орла,
Который, ветер презирая,
Как грозной молнии стрела
Или свободная комета
Вздымался в верхние пределы.
И Сигизмунду я сказал,
Полет свободный восхваляя:
«Орел могучий — царь пернатых,
И потому под облаками

Над всеми гордо он вознесся». Довольно было этих слов: За мысль мою схватился он, И о величии царей Высокомерно рассуждать Он начал; нам понять не трудно, Что в самом деле кровь его К великим подвигам зовет, Волнуясь и играя в нем. Он говорил: «Смотри, Клотальдо, И в беспокойном царстве птиц Слабейшие могучим птицам В повиновении клянутся. Утешен я в своем несчастье, Когда подумаю об этом: Я подчинен, но только силой Меня принудили к тому, А добровольно человеку Не сдался бы я ни за что!» Из этих слов увидел я, Что в нем проснулся гнев обычный На горький плен и заключение; Тогда ему я подал кубок С успокоительным питьем, И лишь из чаши в грудь его Проник напиток, Сигизмунд Глубокому предался сну, И пот холодный у него По членам разлился и жилам... И если б не было известно, Что это мнимая лишь смерть, Легко бы всякий мог подумать, Что в самом деле умер принц. Приходят в это время люди, Которым ты доверил дело, Берут его с собой в карету И во дворец к тебе везут,

Где приготовлены тобою
Ему величие и блеск,
Вполне достойные его.
И здесь его в твоей постели
Они кладут, чтобы потом,
Когда минует летаргия,
Ему служить, как ты велишь.
И если я повиненьем
Себе награду заслужил,
(Прости мою неосторожность!)
Скажи, зачем ты во дворец
Так удивительно и странно
Велел доставить Сигизмунда?

В а с и л и й

Твое сомненье справедливо,
Клотальдо, и тебе охотно
Я дело разъясню теперь.
Ты знаешь сам, что Сигизмунду
Влияние звезды враждебной
Несчастиями угрожает
И множеством страданий тяжких.
И вот узнать я захотел,
Правдиво ль неба предсказанье?
Дало немало указаний
Оно суровости своей;
Но, может быть, оно смягчится,
Свою жестокость уменьшит
И, доблестью благоразумья
Побеждено, изменит жребий?
Ведь человек сильнее звезд!
Все это я хочу узнать.
Кто он, скажу я Сигизмунду.
И пусть тогда покажет он
Свои наклонности и разум.
И если он звезды влиянье
Великодушьем победит,

Он будет царствовать; но если
Тираном будет и злодеем,
Его верну к цепям обратно.
Теперь я знаю, спросишь ты:
Чтобы проделать этот опыт,
Зачем сюда он привезен
В забвении глубоком сна?
И это разъясню тебе,
Поймешь из моего ответа.
Когда сегодня он узнает,
Что он мой сын, а завтра утром
Себя в темнице вновь увидит
Конечно, жалкий жребий свой
В отчаяньи проклянет он!
Чем, как себя тогда утешит
И что в замену прав получит,
Прав на корону и престол?
Оставить надо дверь открытой
На случай горькой неудачи!
Ему ты скажешь: «Сигизмунд,
Все, что ты видел в эту ночь,
Лишь сновидение и греза».
Мы двух вещей достигнем так.
Во-первых, ближе мы узнаем
Его склонности и чувства:
Проснувшись, будет поступать он,
Как вздумает и как захочет;
А во-вторых, его утешим:
Сегодня, правда, во дворце
Все повинуются ему,
Но завтра он в своей темнице,
Припоминая день минувший,
Поймет, что только грезил он;
И хорошо, когда поймет:
Ведь в этом мире все, Клотальдо,
Все, кто живет, лишь спят и грезят ¹.

Вполне ясное выражение основной мысли пьесы.

Клотальдо

Легко бы мог я доказать,
Что не годится этот план;
Но поздно, дела не поправишь:
Насколько можем мы судить,
Проснулся он и к нам идет.

Василий

Теперь я должен удалиться.
Ты принца воспитал, Клотальдо,
И потому останься с ним
И среди стольких затруднений,
Что окружили мысль его,
Ему ты истину откроешь.

Клотальдо

Ты позволение мне даешь
Все рассказать ему?

Василий

Конечно;
Когда опасность знаем мы,
Нам легче победить ее. (*Уходит.*)

СЦЕНА 2-я

Клотальдо и Кларин.

Кларин (*в сторону*)

Четыре палочных удара!
Я заплатил за право входа!
Какой-то рыжий гренадер,
Уж больно важный, алебардой
Мне отсчитал удары эти.
За них я кой-что здесь увижу;
Нет, правда, лучшего окошка,

Как то, которое с собою,
Без разрешения кассира,
Повсюду носит человек;
Когда его со всех празднеств
Прочь гонят, все же он садится
У своего окошка смело².

Клотальдо (в сторону)

А это, кажется, Кларин,
Слуга той женщины несчастной,
Которая, торгуя горем,
Сюда позор мой привезла.

(Кларину)

Кларин, что нового?

К л а р и н

Синьор,

А вот что нового; во-первых,
Как милосердный человек,
Вчера вы помощь обещали
Моей синьоре Розауре
И дали ей совет одеться,
Как подобает... в женском платье.

Клотальдо

Я думаю, что сохранить
Стыдливость в женском платье легче.

К л а р и н

Затем, по вашему совету,
Племянницей назвавшись вашей,

² Под своим окошком Кларин подразумевает свои глаза; в эпоху Кальдерона представления давались на дворе, находившемся между несколькими домами, так что окна этих домов, выходящие на двор, представляли весьма удобное место для зрителя; Кларин говорит, что ему не надо покупать билета, чтобы смотреть из окошка.

Она переменяла имя
И так возвысилась теперь,
Что во дворце живет она,
Как дама ближняя Эстреллы.

Клотальдо

Да, мне весьма приятно сразу
Взять под защиту честь ее.

Кларин

Она полна одной надеждой.
Что, если час придет удобный,
Ты вступишься за честь ее.

Клотальдо

Надежда эта не обманет:
В конце концов наступит время
И кончит трудные дела.

Кларин

Она теперь живет в почете,
Все, как царице, служат ей
За то, что ей Клотальдо — дядя.
А я приехал вместе с нею
И вот от голода чуть жив!
И обо мне никто не вспомнит,
Забыв, что я, Кларин — рожок³;
Когда ж такой рожок затрубит,
Он все сумеет рассказать
Царю, Астольфу и Эстрелле.
Кларин — рожок, Кларин — слуга!
Сознайся сам: ведь тут все вещи,
Что плохо берегут секрет.
И если я молчать не стану,
Петь будут песню обо мне:

³ Кларин (Clarín) по-испански значит рожок.

Рожок, зарю нам возвестивший,
Не лучше пел.

К л о т а л ь д о

Сознаюсь, жалобы твои
Довольно правильны; охотно
Могу тебе я пособить,
А ты во всем мне повинуйся.

К л а р и н

Смотрите, Сигизмунд идет.

СЦЕНА 3-я

Музыка и пение. Слуги стараются одеть Сигизмунда, который выходит в большом волнении. Клотальдо и Кларин.

С и г и з м у н д

О, боже, боже, что я вижу?
На что смотрю? Что предо мною?
Всему без страха удивляюсь,
И все ж душа полна сомненья!
Я во дворце великолепном!
В одежде шелковой, в парче!
Вокруг меня толпятся слуги,
И как одеты, как ловки!
На ложе пышном и богатом
От сна я пробудился здесь!
Едва проснулся я, как слуги
Бегут помочь мне одеваться.
Сказать, что этот сон — неправда?
Но знаю я, что я не сплю.
И разве я не Сигизмунд?
Открой, о небо, мне обман!
Скажи мне, что во время сна
С моей фантазией случилось?

Но для чего я рассуждаю?
Пусть будет то, что быть должно,
И что бы ни было со мною,
Пускай мне служит все равно ⁴!

1 - й придворный
О, как задумчив Сигизмунд!

2 - й придворный
Найдет на всякого сомнение,
Когда случится то же с ним.

Кларин
А я не стал бы сомневаться!

2 - й придворный
Поди и с ним поговори.

1 - й придворный (*Сигизмунду*)
Возобновить прикажешь пенье?

Сигизмунд
Я больше пенья не хочу.

1 - й придворный
Ты так задумчив; я хотел
Тебя развлечь.

Сигизмунд
Но этим пеньем
Не разогнать моей тоски.
Одна музыка боевая
Приятна слуху моему.

⁴ См. подобные сцены пробуждения в комедии «El Alcaide de sí mismo» у Keil' я, т. IV, с. 380 б. и 388 а.

Клотальдо

Великий государь, позвольте
Поцеловать мне вашу руку.
Вам первый повинуюсь я.

Сигизмунд *(в сторону)*

Клотальдо?! Он. Но почему
Он так жесток со мной в темнице,
А здесь почтителен и вежлив?
Что происходит здесь со мною?

Клотальдо

Я вижу, новость положенья
Тебя в смущенье повергает,
И тысячи сомнений разных
Дорогу в разум твой проложат;
А я хочу тебя от них
Освободить, когда возможно.
Узнай, о государь, что ты
Великой Польши принц наследный.
А если жил ты до сих пор
В уединении печальном,
Такой жестокости причина —
Страх пред враждебною фортуной.
Она грозила государству
Жестокой гибелью, когда
Твой лоб высокий увенчает
Венец достойный, гордый лавр.
Но полагая, что ты можешь
Свою печальную судьбу
Великодушьем одолеть,—
И, правда, муж великодушный
Сумеет звезды победить,—
Из башни той, в которой жил ты,
Сюда в отцовские палаты
Тебя вчера мы привезли
В то время, как был предан сну

Твой дух. Отец твой, мой король,
Придет сюда, и от него
Побольше, верно, ты узнаешь.

Сигизмунд

И что еще мне нужно знать,
Презренный, низкий ты изменник,
Когда я знаю, кто такой я?
Могу сегодня показать
Свое могущество и силу!
Как смел отечеству так дерзко
Ты изменять, меня скрывая,
И, нарушая все законы,
В противность разуму и праву,
Меня лишать того, что было
Всегда моим?

Клотальдо
О, горе мне!

Сигизмунд

Ты был изменником закону,
Ты государя обманул,
Со мною же ты был жесток!
Итак, закон, король и я —
За столько тяжких преступлений
Тебя на смерть мы осуждаем:
От рук моих умрешь!

2-й придворный
Ах, принц!

Сигизмунд

Никто мне не мешай. Напрасно!
Клянусь Творцом, что если вы
Вперед тут будете соваться,
Вас за окошко брошу я.

2 - й придворный
Беги, Клотальдо!

Клотальдо
Принц несчастный!
Ты гордости сдержать не хочешь,
Не зная, что, быть может, спишь!
(Уходит.)

2 - й придворный
Послушай!

Сигизмунд
Прочь отсюда!
2 - й придворный
Он
Повиновался государю.

Сигизмунд
Но в том, что правду нарушает,
Царю нельзя повиноваться.
Да кроме этого, и я
Был государем для Клотальдо.

2 - й придворный
Не мог Клотальдо рассуждать,
То было хорошо иль дурно!

Сигизмунд
А вы все спорите со мною;
Куда как вежливо! смотрите!

Кларин
Принц превосходно говорит,
А вы все дурно поступали.

2 - й придворный
Но кто вам право дал судить?

Кларин

Да сам я взял его.

Сигизмунд

Ты кто?

Кларин

Я в это дело нос свой сунул,
И в нем легко я стал судьей;
Я величайшее ничто,
Какое только было в мире!

Сигизмунд

Ты только в этом новом мире
Приятное мне сделал.

Кларин

Я,

О государь, большой поклонник
Всех Сигизмундов; верьте мне.

СЦЕНА 4-я

Те же и Астольф. Музыка.

Астольф

Трижды счастлив этот день:
Сегодня вы явились Польше,
Как солнце ясное, мой принц,
И блеском радости и счастья,
Как пурпурным зари сияньем,
Вы осветили наше небо:
Ведь вы, как ласковое солнце,
Из лона гор сюда явились.
Привет вам, принц; и если поздно
Лавр ваше увенчал чело,
То пусть он поздно и завянет.

Сигизмунд

Храни вас Бог.

Астольф

Одно незнание,

Кто я такой, вас извиняет

За недостаточный привет.

Я — князь Московский; я — Астольф,

А вам — двоюродный я брат.

И должно нам хранить равенство!

Сигизмунд

Я вам сказал: храни вас Бог!

Вам этого привета мало?

Вы славою своей гордитесь?

Пеняйте сами на себя;

Когда мы вновь сойдемся с вами,

Я вам скажу: пусть не хранит

Вас Бог!

2 - й придворный (*Астольфу*)

Вы, государь, поймете,

Что он, воспитанный в горах,

Так обращается со всеми.

(*Сигизмунду*)

Но преимущество Астольфа...

Сигизмунд

Мне было неприятно слышать

Такие пышные слова,

И далее — надел он шляпу,

Как только подошел ко мне.

2 - й придворный

Он гранд.

Сигизмунд

А я важней его⁵

2-й придворный

Должны вы оба относиться
Друг к другу с бóльшим уваженьем,
Чем к остальным.

Сигизмунд

Скажите мне,
Чего суетесь вы сюда?

СЦЕНА 5-я

Те же и Эстрелла.

Эстрелла

Благословляю ваш приход,
О, благородный принц, под сень,
Где с радостью вас принимают
И все вам шлют привет любви.
И здесь в кругу друзей, не зная
Несчастий, принц, живите вы,
Блистая славой и величьем,
И пусть считается веками,
А не годами ваша жизнь.

Сигизмунд (*Кларину*)

Скажи ты мне теперь, кто эта
Великолепная краса?
Она не смертная — богиня,

⁵ Испанские гранды имели право в присутствии короля надевать шляпу; этим правом придворный думает оправдать Астольфа в глазах Сигизмунда, но С. не понимает специального значения выражения «es grande», полагая, что придворный указывает просто на важный сан Астольфа, и в ответ на это замечает, что он еще важней Астольфа. В подлиннике игра слов.

К ногам которой небеса
Свой блеск склоняют. Кто она?

Кларин

Она твоя сестра Эстрелла.

Сигизмунд

Ты лучше бы сказал, что солнце ⁶
(Эстрелле)

Желаете вы счастья мне;
Похвально это пожеланье!
Но счастье в том лишь для меня,
Что вижу вас: и вот, имея
То незаслуженное счастье,
Я за благое пожеланье
Благодарю вас; вы одна,
Как день, сияете, и в силах
Блистанье радостное дать
И так прекрасному светилу.
Зачем же солнце в небе светит,
Когда с зарею встали вы?
О, дайте вашу руку мне!
Хочу ее поцеловать;
Из этой чаши белоснежной
Пьет воздух белизну свою ⁷

Эстрелла

Повежливее будьте, принц.

Астольф (в сторону)

Когда ее он руку схватит,
Погиб я...

⁶ Estrella по-испански значит звезда; но, по мнению Сигизмунда, Эстрелла так прелестна, что ее можно назвать солнцем.
Эти комплименты в устах грубого Сигизмунда кажутся довольно неуместными.

2-й придворный *(в сторону)*
Знаю, неприятен
Астольтфу будет поцелуй.
Не допущу я Сигизмунда.

(Сигизмунду)

Подумай, государь, едва ли
Прилично это, и Астольтф...

Сигизмунд

Я вам уже сказал: отстаньте.
Какое дело вам, сеньор?

2-й придворный

Я вам заметил справедливо.

Сигизмунд

Но это все противно мне,
А если что противно мне,
То уж никак не справедливо.

2-й придворный

Однако слышал, государь,
Я от тебя, что справедливо
Повиноваться и служить.

Сигизмунд

Вы также слышали, конечно:
Кто будет мне надоедать,
Того я выброшу в окошко.

2-й придворный

Со мной нельзя так поступать!

Сигизмунд

Нельзя? Клянусь Творцом, сейчас же
Обратное я докажу.
*(Схватывает придворного и уходит; все спешат
за ним, но он немедленно возвращается.)*

Астольф

Что вижу я?

Эстрелла
Скорей на помощь!

Освободите вы его.

Сигизмунд

Он в море вылетел с балкона;
Хвала Творцу, что удалось!

Астольф

Обдумывать бы не мешало
Побольше вам свои поступки;
Далеко зверю до людей,
И до дворца горé далеко.

Сигизмунд

Как вы горды, высокомерны!
Но лучше бы умолкнуть вам,
А то, пожалуй, не сыскать
Вам головы своей, покрытой
Столь изукрашенной шляпой.
(Астольф уходит.)

СЦЕНА 6-я

Те же и Василий.

Василий

Что здесь случилось?

Сигизмунд

Ничего.

Мне тут один надоедал,
И я его с балкона сбросил.

К л а р и н (Сигизмунду)

Заметь, что это сам король.

В а с и л и й

Едва пришел ты к нам, и вот
Ты уж убийца человека!..

С и г и з м у н д

Он мне сказал, что невозможно,
А я... я выиграл пари.

В а с и л и й

Мне тяжело в тебе увидеть
Жестокий и строптивый нрав.
Я думал, что найду тебя.
Преодолевшим звезд влиянье,
Владыкою судьбы своей
И поступающим разумно!
И что же? Первый твой поступок —
Убийство злое человека.
Могу ль тебя обнять с любовью,
Когда я знаю, что сейчас
Ты руки кровью обагрил?
Когда мы видим меч блестящий,
Смертельную нанесший рану,
Ужель бесстрашно и спокойно
Смотреть мы станем на него?
И кто из нас не содрогнется,
Увидев место, на котором
Сейчас убили человека?
Мы, люди, все боимся смерти,
И самый смелый человек
Предел наш общий не преступит.
В твоих руках орудье смерти
Я вижу, кровь я вижу здесь
И отступаю от тебя,

Хотя желал тебя с любовью,
Как сына милого, обнять.
Теперь же должен уходить
Без этого: тебя боюсь я!..

Сигизмунд

Твои объятия мне не нужны,
Я обходился и без них:
Отец, который так жестоко
Мог с сыном поступать своим,
Его воспитывать, как зверя,
И, как чудовище, держать
И замышлять на жизнь его,
В объятиях сыну отказал!..
Объятия отца такого
Кому нужны? Кому приятны?
Меня не хочешь ты обнять?
Как мало в этом мне обиды!
И я не удивляюсь даже:
Кто самый образ человека
У сына мог отнять, легко
Ему откажет и в объятиях!

Василий

О, если б образа людского
Тебе я не дал! Горе мне!
Тогда бы дерзких слов не слышал
И оскорблений от тебя!

Сигизмунд

Когда бы ты его мне не дал,
Не слышал бы моих упреков!
Ты дал; тебя я упрекаю
За то, что отнял ты его.
Давать — прекрасно, благородно;
Но отнимать, что раз дано,—
Какая низость и позор!

В а с и л и й

Вчера бедняк и жалкий пленник,
Царевичем ты стал сегодня
По приказанью моему;
И так меня благодаришь!

С и г и з м у н д

Тебя благодарить за это?
Тиран души моей свободной,
Уж близок час твоей кончины,
И, умирая, что ты можешь
Мне дать? Не более того,
Что мне и так принадлежит!
Ты мой отец, ты мой король,
И потому твой сан и власть
Ко мне по праву перейдут.
Тебе ничем я не обязан.
Могу лишь требовать расплаты
За то, что долго ты лишал
Меня свободы, чести, жизни.
Но я не требую ее,
И мне приятнее сознание,
Что ты должник мой.

В а с и л и й

Дерзкий варвар!

Ты предо всеми доказал,
Что небо правду говорило:
Высокомерен ты и горд.
Теперь ты знаешь, чей ты сын;
Открыта истина тебе.
Себя ты видишь во дворце,
Среди всеобщего почтения;
Но я прошу тебя, послушай
Мои слова предупрежденья
И будь душой смирен и скромен!
Ведь, может быть, ты спишь и гредишь,

Хотя и кажется тебе,
Что это все не сон, а правда.
(Уходит.)

Сигизмунд

Мне кажется, что это правда,
А между тем я сплю и грежу?!
О нет! Не сплю, конечно, я;
Я понимаю, что я был
И что теперь! Я знаю, кто я.
Напрасны все твои старанья:
Уж невозможно уничтожить
Прав Сигизмунда на престол.
И если ты до этих пор
Меня держал в темнице мрачной,
То потому лишь, что не знал я,
Какие я права имею!
Теперь открылся твой обман;
Теперь я знаю, что во мне
Слилися зверь и человек⁸.

СЦЕНА 7-я

Те же и Розаура (в женской одежде).

Розаура (в сторону)

Эстреллу здесь я думала найти,
Но встретиться с Астольфом я боюсь:
Астольф меня не должен узнавать.
Так, по словам Клотальдо, будет лучше
И так скорее честь восстановлю я.

⁸ И, следовательно, Василий, который, не обращая внимания на лучшую, человеческую сторону существа С., держал его, как зверя, должен приготовиться к тому, что и Сигизмунд будет поступать с ним, как зверь. Таков, вероятно, смысл этого странного выражения: Yo soy un compuesto de hombre y fiera.

Клотальдо доверяюсь я вполне:
Он под защиту взял и жизнь мою и честь.

К л а р и н (*Сигизмунду*)

Конечно, удивлялись вы
Здесь многому и многим поражались,
Но что же вам понравилось больше?

С и г и з м у н д

Я ничему не удивился здесь:
Все это предугадывал я раньше.
Один предмет достоин изумленья,
Лишь пред одним склониться можно в мире:
И тот предмет есть женщин красота!
Мужчина малый мир, и потому
Творцу обязан более служить,
Чем женщина,— так в книгах я прочел.
Но мнится мне, что это дело женщин:
Их красота есть маленькое небо!
Далеко до небес земле ничтожной!
Пред женщиной какая в нас краса?
Они прелестны, но прелестней всех
Красавица, которая пред нами.

Р о з а у р а (*в сторону*)

Здесь принц; мне лучше будет удалиться.

С и г и з м у н д

Постой, красавица; меня послушай!
Зачем восток соединять с закатом,
Зачем бежишь ты сразу от меня?
Ведь если мы соединим восток
С закатом солнца, свет с холодным мраком,
То сократится день; в том нет сомненья.
(*В сторону.*) Но что я вижу?

Розаура (в сторону)

Я полна сомненья,
Но верить я должна тому, что вижу.

Сигизмунд (в сторону)

Красавицу я эту где-то видел.

Розаура (в сторону)

Мне кажется, что в мрачном заключеньи,
Без пышности и блеска Сигизмунда
Я видела.

Сигизмунд (в сторону)

Нашел я жизнь свою!

(Розауре)

О, женщина! Ты знаешь: это имя
В устах мужчины лучшая хвала⁹
Душа моя стремится обожать
Твою красу, не ведая, кто ты?
С тобою мы встречались, я уверен,
И я твои черты отлично знаю.
Откройся мне.

Розаура (в сторону)

Придется Сигизмунда
Уловкою невинной обмануть.

(Сигизмунду)

Я фрейлина несчастная Эстреллы.

Сигизмунд

Себя ты лучше солнцем назови,
А та звезда живет в твоём сияньи,
И блеск её твои лучи рождают.
Среди цветов, в их царстве ароматном

⁹ Ср. известное стихотворение Вальтера фон дер Фогельвейде: *Wip daz muoz iemer sin der wibe hohste name*, т. е. женщина — это лучшее название для женщины.

Царицей божество прекрасной розы
Над всеми возносилось: там она,
Как лучшая, была императрицей.
Где драгоценные блистают камни,
В собрании ученом их богатств,
Алмаз был императором над всеми.
В прекрасном хоре беспокойных звезд
Звезда Венеры ярче всех сияла.
И там, где солнце, в сферах совершенства,
Вокруг себя планеты собирает,
Царит оно, великий дня оракул.
Среди цветов и камней драгоценных,
Планет и звезд и знаков зодиака
Владычествует то, что лучше всех;
Так почему же меньшей красоте
Лишь ты покорствуешь, хотя ты лучше,
Прекрасней всех, ты солнце и алмаз,
Звезда Венеры, розы аромат.

СЦЕНА 8-я

Те же и Клотальдо, незаметно для других.

Клотальдо *(в сторону)*

Хочу я образумить Сигизмунда:
Ведь все же я воспитывал его.
Но что я вижу тут?

Розаура

Благодарю
Вас, Государь, за ласковые речи;
Пусть риторически мое молчанье
Ответит вам: ведь если разум слаб,
То лучше, без сомненья, отвечает
Тот, кто молчит искуснее.

С и г и з м у н д

Останься!

Ты, значит, мне загадку разгадать
Не хочешь¹⁰?

Р о з а у р а

Я прошу вас, Государь,
Позвольте мне уйти.

С и г и з м у н д

Зачем ты просишь?
Без просьбы позволение ты берешь:
Решительно ты хочешь удалиться.

Р о з а у р а

Когда не дашь ты позволения мне,
Надеюсь, что сама его возьму.

С и г и з м у н д

Дождешься ты, что стану грубияном
С тобою я, хоть вежлив был покуда;
Пойми: мое терпение не вечно,
И для него жестокий яд — упорство.

Р о з а у р а

И если яд, который пробуждает
Безумство, гнев и злобу в человеке,
Твое терпенье сможет одолеть,
Другая есть защита у меня:
Ты женщину не можешь оскорбить.

С и г и з м у н д

Вот, чтобы увидеть, могу ли я,

¹⁰ Т. е. не хочешь объяснить мне, кто ты и как из пустыни, где я видел тебя, попала сюда?

Твою красу подвергну испытаньям.
Препятствия люблю я побеждать;
То, что другим казалось невозможным,
Сегодня сделал я, с балкона сбросив
В морские волны человека; он
Мне с гордостью пред всеми говорил,
Что этого с ним сделать не придется.
Теперь хочу другое я узнать:
Смогу ль твою невинность за окошко
Я выбросить!

Клотальдо *(в сторону)*

Как он разгорячился!
Но что мне делать, если честь свою
В опасности вторично вижу я?

Розаура

Да, не напрасно было предсказанье
Стране несчастной этой, что с тобою
Придут грехи, измена, гнев и смерть.
Но правда, что и делать человеку,
Имеющему только это имя,
Бесчувственному, дерзкому и злому;
Тирану, варвару и гордецу,
Среди зверей воспитанному!

Сигизмунд

Право,
С тобою вежлив, кажется, я был;
Мне оскорблений слушать не хотелось,
И думал я, что вежливую речью
На вежливость тебя я вызывал.
Но ты меня злодеем называешь;
Клянусь Творцом! За это мне ответишь.
Гей! слуги! Нас одних оставить здесь.
Заприте дверь, и пусть никто не входит.
(Слуги и Кларин уходят.)

Розаура (в сторону)

Погибла я! (Сигизмунду)

Послушай...

Сигизмунд

Я тиран,

Меня напрасно убеждать ты хочешь.

Клотальдо (в сторону)

Какой ужасный случай!

Должен я

Безумное желанье удержать,

Хотя бы это стоило мне жизни.

(Сигизмунду)

Подумай, государь!

Сигизмунд

Опять ты здесь?

Ты снова хочешь рассердить меня,

Старик, безумный, дряхлый? Неужели

Так мало гнева моего страшишься,

Что вновь сюда осмелился войти?

Клотальдо

Я подошел, услышав крики здесь,

Сказать тебе: смиряй жестокий нрав,

Когда ты хочешь царствовать над нами,

И, повелителем себя увидев,

Не будь жесток; ведь это все, быть может,

Лишь сон и греза.

Сигизмунд

Ах, как мне досадно,

Когда ты начинаешь говорить,

Что это сон, обман и заблужденье.

Убив тебя, узнаю я наверно,

Действительность ли это или сон?

(Хочет вынуть шпагу из ножен; Клотальдо
удерживает его, становясь на колени.)

Клотальдо

Я так надеюсь жизнь свою спасти.

Сигизмунд

Прочь руку дерзкую с меча!

Клотальдо

Пока сюда не прибежит народ
Сдержать твой гнев и дикую досаду,
Я твоего меча не отпущу.

Розаура

О, боже!

Сигизмунд

Отпусти сейчас, старик,
Безумный, дряхлый, варвар, враг мой, или
Тебя я задушу. (*Борются.*)

Розаура

Сюда скорее!

На помощь! Хочет он убить Клотальдо!
(*Убегает. Клотальдо падает; входит Астольф
и становится между дерущимися.*)

СЦЕНА 9-я

Сигизмунд, Клотальдо и Астольф.

Астольф

Что здесь случилось, благородный принц?
Ужели шпага ваша оросится
Холодной кровью старика? Вложите
Свой славный меч в ножны.

Сигизмунд

Да, я вложу,
Когда он этой кровью обагрится.

Астольф

Но жизнь его прибежище свое
Нашла у ног моих, и послужу
Я кое в чем ему.

Сигизмунд

С ним умереть
Готовься ты. Убив тебя, отмщу
За оскорбление твое.

Астольф

Я защищаю жизнь свою и, значит,
Величества не оскорбляю.

(Астольф обнажает шпагу, и они дерутся.)

Клотальдо

Не оскорбляй его, о, государь!

СЦЕНА 10-я

Те же. Василий. Эстрелла и свита.

Василий

Зачем обнажены здесь шпаги?

Эстрелла

О, горе мне! Астольфа вижу здесь! Ах!

Василий

Что здесь случилось?

Астольф

Ничего, когда
Сюда пришел ты, государь.

С и г и з м у н д

Конечно,
Здесь не случилось ничего, хотя
Ты и пришел сюда; убить хотел я
Клотальдо.

В а с и л и й

Оскорбить его седины?!

К л о т а л ь д о

Не забывайте, государь, они мои,
И это все не значит ничего.

С и г и з м у н д

Желать безумно, чтобы уважал
Я седины! Быть может, и твои
Когда-нибудь у ног своих увижу;
Ведь я еще не отплатил тебе
За воспитание мое. (*Уходит.*)

В а с и л и й

Но прежде,
Чем ты увидишь это, ты заснешь
И, пробудясь от сна, поймешь, что все,
С тобой случившееся здесь сегодня,
Как в мире бывшее, есть только сон!

(*Василий, Клотальдо и свита уходят.*)

СЦЕНА 11-я

Эстрелла и Астольф.

А с т о л ь ф

Как редко, редко лжет судьба,
Когда предсказывает горе,
И, как сомнительна для счастья,

Так для несчастья верна.
Каким искусным астрологом
Она была бы, если б ей
Всегда предсказывать несчастья!
В том нет сомненья, что они
Всегда бы так и исполнялись.
На Сигизмунде и на мне
Легко проверить вам, Эстрелла,
Правдивость слов моих; различно
Судьба относится к обоим.
Ему предсказывала гордость,
Несчастья, ужасы, убийства,
И истину во всем сказала —
Все это так и происходит;
А мне, синьора, посулила
Она блестящие лучи,
(В сравненьи с ними солнце — тень,
И небо — маленькая туча.)
Затем удачи и трофеи,
Рукоплескания и блага,
И вместе хорошо и худо
Она предсказывала мне.
Но, впрочем, правда, лишь тогда
Судьба надежною бывает,
Когда нескорю исполненье
За обещанием идет!

Эстрелла

Не сомневаюсь я, что эти
Любезности вполне правдивы,
Но все назначены они
Другой, портрет которой вы,
Астольф, имели на груди
В день вашего приезда в Польшу.
И если так, то лишь она
Одна достойна похвалы.
Ступайте к ней — она заплатит.

Бездоказательны, ничтожны
В делах любви, перед судом,
Любезности и уверенья,
Назначенные для других
Красавиц, для других царей.

СЦЕНА 12-я

Те же и Розаура, незаметно для других.

Розаура (в сторону)

Хвала Творцу! Мои несчастья
Достигли своего предела;
Кто видит это, ничего
Тому не должно уж бояться¹¹

Астольф

С груди моей портрет сниму,
Он должен место уступить
Твоей красе: куда — Эстрелла,
Оттуда прочь уходит тьма;
Где солнце, там погасли звезды.
Сейчас иду. (В сторону.) О, Розаура!
Прости мне это оскорбленье;
В разлуке вряд ли кто сумеет
Обеты верности хранить!
(Уходит; Розаура приближается.)

Розаура (в сторону)

Я не слыхала ничего,
Боясь, что он меня увидит.

Эстрелла

Астрей!

¹¹ Т. е. кто застаёт своего жениха в нежных разговорах с другой женщиной, несчастья того достигли высшей точки и, вероятно, скоро начнут уменьшаться.

Розаура

Я, синьора.

Эстрелла

Мне

Приятно здесь тебя увидеть.

Одной тебе доверю я

Секрет.

Розаура

Тебе повиноваться,

Синьора, лестно и приятно.

Эстрелла

Недолго ты живешь со мною,

Но завладеть уже сумела

Ключами от моей души.

И я тебе доверю то,

Что от самой себя скрывала.

Розаура

Тебе во всем я повинуюсь.

Эстрелла

Не буду медлить. Князь Московский,

Астольтф, двоюродный мой брат,

(Сказать довольно, что он брат;

Ты знаешь, есть такие вещи,

Которые мы только мыслим,

Не смея их произнести.)

Со мною хочет сочетаться

Союзом брачным навсегда,

Когда Фортуна пожелает

За столько горестей и бед

Единым счастьем расплатиться.

И потому я огорчилась,

Увидев на груди Астольтфа

В тот день, когда приехал он,

Какой-то женщины портрет;
И я заметила ему;
Он вежлив, тотчас согласился
Мне передать портрет изящный.
Теперь ушел он за портретом;
Но стыдно мне принять его;
Прошу тебя, останься здесь
И жди, когда он возвратится.
Тогда ты примешь от него
Портрет и мне без замедленья
В мои покои принесешь.
Тебе не объясняю больше:
Красива ты, умна и знаешь,
Что есть для женщины любовь! (Уходит.)

СЦЕНА 13-я

Роза ура

О если бы не знала я!
Какая женщина, о боже!
Так осмотрительна, умна,
Чтобы помочь себе сумела
В таком ужасном положеньи?
И есть ли в мире человек,
Которому Творец жестокий
Несчастий больше посылает
И больше горестей, чем мне?
Что делать в этом затрудненьи,
Когда я вижу, невозможно
Ничем себя мне облегчить,
Ничем нельзя себя утешить!
Случилось первое несчастье,
И все, что следует за ним,
С собой несчастья приносит;
Вслед за одним идет другое,
Они наследуют друг другу;

Одно рождаясь из другого,
Они рождаются, как Феникс,
И смерть одних начало жизни
Другим, и так от пепла их
Всегда гробница горяча ¹².
«Они хитры,— сказал мудрец,—
Ведь никогда поодиночке
Они нейдут за человеком».
А я скажу, они всеильны:
Они всегда идут вперед
И никогда не отступают.
Кто взял с собою их, на все
Дерзать тот может и решаться:
Пусть не боится, что они
Когда-нибудь его оставят.
Могу я это подтвердить:
Несчастья в жизни от меня
Не отставали никогда
И не отстанут до тех пор,
Пока, убитая фортуной,
В объятьях смерти не засну.
О, горе мне! О, что мне делать?
Когда откроюсь я, Клотальдо,
Который спас меня от смерти
И охраняет здесь меня,
Имеет право оскорбиться:
Он мне сказал, что лишь молчаньем
Возможно честь мою вернуть.
А если буду пред Астольфом
По-прежнему скрывать себя,
То как я обману его,

¹² По верованиям древности и Средних веков, Феникс рождается из своего собственного пепла, следовательно, самовозрождается; поэтому и гробница его всегда содержит горячий пепел, ибо из него возникает новая жизнь.

Когда останусь с ним вдвоем?
Обманывать стараться будут
Глаза, и голос, и слова,
Но их обман душа откроет.
Что делать мне? Но для чего,
Однако, думать мне об этом?
Ведь как бы ни старалась я,
Заботилась или хитрила,
То сделает печаль моя,
Чего она сама желает.
Никто не властен над страданьем!
И если не могу решиться
Исполнить то, чего хочу,
То пусть придет мое страданье
Сегодня к своему пределу,
Дойдет путь горе до конца,
Пусть кончатся сомненья разом
И все случайности несчастья!
Но что бы ни было, о Боже,
Ты помоги мне, помоги!

СЦЕНА 14-я

Розаура и Астольф, с портретом в руках.

Астольф

Синьора, вот портрет, берите.
Но, боже...

Розаура

Что случилось с вами?
Что вас смущает, государь?

Астольф

Смущен тебя я видеть здесь,
Твой голос слышать, Розаура.

Р о з а у р а

Я Розаура? Вы ошиблись
И, без сомненья, за другую
Меня вы приняли. Но здесь
Пред вами фрейлина Астрея,
И, кажется, она не стоит,
Чтоб вы смущались из-за ней.

А с т о л ь ф

К чему обманы, Розаура?
У нас душа не может лгать;
Хотя я вижу здесь Астрею,
Тебя люблю как Розауру.

Р о з а у р а

Не понимаю, государь,
И что ответить вам, не знаю;
Скажу я только, что Эстрелла,
Которую назвать возможно
Звездой Венеры, приказала,
Мне подождать вас здесь немного
И передать вам от нее,
Чтоб вы мне отдали портрет,—
Какой портрет, известно вам,—
А я ей отнесу его.
Эстрелла этого желает,
Повиноваться я должна;
Ее желание исполню,
Хотя бы и во вред мне было.

А с т о л ь ф

Ты делай бóльшие усилия,
Но не обманешь и тогда.
Очам скажи ты, Розаура,
Чтобы они согласовали
С словами музыку свою;
А то фальшивит инструмент,

Когда он сильно так расстроен
И все же хочет выдавать
За гармонические звуки
Соединенье лжи и правды,
Той лжи, что громко произносит,
Той правды, что сокрыта в сердце.

Р о з а у р а

Я говорю вам лишь одно:
Позвольте мне портрет.

А с т о л ь ф

Ты хочешь

Обман продолжить до конца?
Изволь, обманом я отвечу.
Астрей, передай инфанте,
Что я глубоко уважаю
Ее достоинства; и если
Она портрет прекрасный просит,
Мне кажется неделикатным
Послать ей именно портрет;
Я ей pošлю оригинал,
И пусть она его оценит:
Портрет ничтожен перед ним.
Оригинал снести ты можешь,
Его всегда с тобой ты носишь:
Сама ты тот оригинал.

Р о з а у р а

Когда желаем получить
Одно, а нам дают другое,
Хотя ценой и подороже,
Мы остаемся недовольны,
Себя мы чувствуем в обиде.
К тебе пришла я за портретом,
А ты даешь оригинал,
И пусть дороже стоит он,

Но без того, о чем просила,
Досадно будет мне уйти.
Итак, позвольте мне портрет,
А если нет, я ждать останусь.

Астольф

Но если я не дам его,
Так что же? силою возьмешь?

Розаура

Да, силой я возьму его!
(*Старается вырвать портрет.*)
Отдай его, неблагодарный!

Астольф

Увы, напрасные старанья!

Розаура

Клянусь Творцом, что не увидят
Его у женщины другой.

Астольф

Ужасна ты!

Розаура

А ты изменник!

Астольф

О Розаура ты моя!

Розаура

Что, я твоя? Ты лжешь, негодный!
(*Оба стараются завладеть портретом.*)

СЦЕНА 15-я

Те же и Эстрелла.

Эстрелла

Что это значит, господа?

Астольф (в сторону)

Эстрелла здесь.

Розаура (в сторону)

О пусть любовь

Мне даст уменье получить

Портрет! (Эстрелле) Когда хотите вы,

Могу сказать я вам, в чем дело.

Астольф (Розауре)

Что замышляешь ты?

Розаура

Велели

Вы мне Астольфа дожидаться

И от него принять портрет.

Я остаюсь, и так как мысли

Легко влекут одна другую,

То я, поговоривши с вами

Лишь за минуту о портретах,

Припомнила, что у меня

В кармане свой портрет лежит.

Я захотела посмотреть

Его (легко ведь человек,

Когда один он, предается

Пустым занятиям), и вдруг

Нечаянно из рук моих

Портрет мой на ковер упал.

Астольф, который в это время

Принес красавицы портрет,

Его, должно быть, пожалел

И закупился; мой портрет

Он поднял с полу и в награду

За свой подарок хочет взять.

Ты видишь, он схватил его,

И убеждением и просьбой

Я не могла его вернуть,
И вот в досаде, в нетерпении,
Я свой портрет отнять решила.
И тот портрет, который держит
В своих руках он, это мой,
И ты сама легко увидишь,
Что он походит на меня.

Эстрелла

Астольф, позвольте мне портрет.

Астольф

Синьора...

Эстрелла

Да, черты лица

Одни и те же.

Розаура

Разве это

Не мой портрет?

Эстрелла

Твой, без сомненья.

Розаура

И так другого требуй ты.

Эстрелла

Свое бери ты и ступай.

Розаура (*в сторону*)

Теперь я свой портрет вернула;

Пусть будет далее, что будет. (*Уходит.*)

СЦЕНА 16-я

Эстрелла и Астольф.

Эстрелла

Теперь позвольте мне портрет,
Который я у вас просила;
Хоть я решила навсегда
Расстаться с вами, не хочу,
Чтоб он у вас в руках остался,
Уж если я имела глупость
Его однажды попросить.

Астольф (*в сторону*)

Ах, как бы извернуться мне!
(*Эстрелле*) Хотя готов я всей душою
Служить, повиноваться вам,
Я не могу отдать портрета,
Который просите, синьора.

Эстрелла

Ну да, конечно, кавалер
Ты грубый и неделикатный!
Не нужно мне его, не нужно,
А то, пожалуй, ты напомнимшь,
Когда я получу портрет,
Что я тебя о нем просила. (*Уходит.*)

Астольф

Постой, послушай, подожди!
Будь проклята ты, Розаура!
Откуда, как и для чего
Сюда приехала ты в Польшу,
Сгубить меня, сгубить себя? (*Уходит.*)

СЦЕНА 17-я

Темница Сигизмунда в башне. Сигизмунд, как в начале пьесы, в звериной шкуре и в цепях, лежит на земле. Клотальдо, двое слуг и Кларин.

К л о т а л ь д о

Здесь вы положите его;
Где началась его слава,
Там пусть и кончится.

1 - й с л у г а

И цепь

По-прежнему я привяжу

К л а р и н

Не просыпайся, Сигизмунд,
Затем, чтобы увидеть-здесь,
Как жребий твой переменился:
Вся слава прахом разлетелась.
Она была лишь тенью жизни
И смерти пламенем¹³.

К л о т а л ь д о

Тому,

Кто так искусно рассуждает,
Мы приготовим помещенье,
Где невозможна болтовня.

(Слугам)

Его схватите и запряте
В другой темнице, поскорей

К л а р и н

За что?

¹³ Эти слова Кларина служат как бы прологом к глубоко трогательным сц. 18-й и 19-й. Ср. Жуковского «Слава, нас учили, дым!».

Клотальдо

Кларин, который знает
Такие тайны, должен быть
В темнице мрачной заключен,
Чтобы не мог звучать *.

Кларин

Да разве
Отца убить я замышляю?
Да разве бросил за окно
Икара я в миниатюре?
Я сплю иль грежу? Для чего
Меня вы тащите в темницу?

Клотальдо

Но ты — Кларин.

Кларин

Я говорю,
Что лучше буду я корнетом,
Наигрывать не стану песен.
Когда не нравятся они.

(Слуги уводят Кларина.)

СЦЕНА 18-я

*Входит Василий, переодетый.
Клотальдо и Сигизмунд (спит).*

Василий

Клотальдо...

Клотальдо

Государь, вы здесь?!
И странно так одеты вы?

* <Напомним, что имя «Кларин» значит «рожок».—
Ред.>

В а с и л и й

Безумно наше любопытство!
Хочу я знать, что с Сигизмундом
Происходить в темнице будет,
И потому переоделся,
Чтоб не узнал меня никто.

К л о т а л ь д о

Вы видите, что снова здесь
Он в прежнем жалком положении!

В а с и л и й

О принц несчастный! в горький час
Родился ты. Ступай, Клотальдо,
И разбуди его, пора!
А то от сонного напитка
Он силу потерял и сам
Не скоро, может быть, проснется.

К л о т а л ь д о

Он беспокоен, государь,
И говорит все...

В а с и л и й

Подожди!

Послушаем, о чем он грезит.

С и г и з м у н д (во сне)

Любви достоин государь,
Который отомстит тиранам.
От рук моих умрет Клотальдо,
Отец мне ноги поцелует.

К л о т а л ь д о

Он смертью угрожает мне.

В а с и л и й

А мне жестокостью, позором...

К л о т а л ь д о

Меня лишить он хочет жизни.

В а с и л и й

Меня — склонить к своим ногам.

С и г и з м у н д *(во сне)*

Пусть на широкой сцене мира
Увидят люди нашу доблесть,
Которой в мире равной нет,
И пусть мое узнают мщенье,
И пусть увидят Сигизмунда
Триумф достойный над отцом.

(Просыпаясь)

Но где я? Где? И что со мною?

В а с и л и й *(Клотальдо)*

Меня не должен видеть он;
Ты знаешь сам, что нужно делать.
Его оттуда буду слушать. *(Отходит в сторону.)*

С и г и з м у н д

Случайно что ли я захвачен,
Закован в цепи и себя
В таком ужасном месте вижу?
Иль эта башня есть гробница?
Должно быть так! О Боже, Боже!
Что только видел я во сне!

К л о т а л ь д о

Теперь я должен подойти,
Растолковать ему все дело.

(Сигизмунду.)

Как, разве уж пора вставать?

Сигизмунд

Да, кажется, пора, Клотальдо.

Клотальдо

Должно быть, хочешь целый день
Ты спать; с тех пор, когда я начал
Следить за медленно летящим
Орлом и здесь тебя оставил,
Неужели ты не просыпался?

Сигизмунд

О нет! Да и теперь еще,
Мне кажется, я не проснулся:
Насколько я могу судить,
Теперь я сплю еще, Клотальдо;
И, вероятно, это правда.
Ведь то, что видел я во сне,
Так было ясно, несомненно...
Быть может, то, что вижу, — сон!

Клотальдо

Скажи мне, что во сне ты видел?

Сигизмунд

Ты называешь это сном!..
Но я скажу тебе, Клотальдо,
О том, что видел я очами,
А не о том, что только грезил.
О как жестоко я обманут!
Заснув в темнице, я проснулся
На ложе пышном и богатом;
По красоте и по убранству
Его сравнить возможно было
С благоухающим ковром
Цветов, рукой весны сотканным.
Там знатных тысячи людей,

Вокруг почтительно склонясь,
Меня царем своим назвали,
И пышной, царскою одеждой
И драгоценными камнями
Они украсили меня.
Моя душа была спокойна,
Но ты в восторг меня привел,
Когда сказал, что, несмотря
На прежние мои страдания,
Всегда был польским принцем я.

Клотальдо

Ты одарил меня за это?

Сигизмунд

Нет, не совсем-то одарил,
Но, как изменника, тебя
Два раза я хотел убить.

Клотальдо

За что же эта мне суровость?

Сигизмунд

Над всеми я повелевал,
Всем за себя хотел отмстить.
Одну лишь женщину любил,
И только это было правда:
Все, что там было, все исчезло,
Но не исчезла та любовь!

Клотальдо (*в сторону*)

Слова его услышав, царь,
Растроганный, уходит прочь.
(*Сигизмунду.*)

Мы об орле здесь говорили,
И потому немудрено,
Что власть увидел ты во сне;

Но и во сне бы не мешало
Любить и почитать того,
Который воспитал тебя
С таким терпеньем, Сигизмунд.
Всего разумней и вернее
Поступок добрый и во сне.

(Уходит.)

СЦЕНА 19-я

Сигизмунд один.

С и г и з м у н д

Да, правда! Мы должны смирить
Честолюбивые порывы
И буйный и жестокий нрав,
Когда мы в самом деле спим
И жизнью нашей только грезим.
Так мы и будем поступать,
В чудесном мире пребывая,
Где наша жизнь есть только сон.
Ведь опыт научил меня,
Что люди в этом мире спят
И грезят жизнью своей,
Пока от сна не пробудятся!
Царь спит и грезит, что он царь;
В обмане этом он живет,
Повелевая, управляя;
Взаймы дана ему хвала:
Она написана на ветре.
Увы! Царя в прах обратит
Царица смерть! о жалкий жребий!
И кто же царствовать захочет,
Когда он знает наперед,
Что в смертный час проснется он?
Богач своим богатством грезит,

Богатством, что полно забот,
Но также грезит и бедняк,
Терпящий нищету и голод.
Кто начинает наживаться,
Кто утомлен и жаждет счастья,
Кто оскорбляет и вредит,—
Все эти люди спят и грезят.
Ну, словом, грезят в мире все,
Хотя никто не замечает.
И сам я сплю и сам я грежу,
Что заключен в темнице я,
И грезил лишь, когда увидел
Себя в блистании царя!
Что наша жизнь? Одно безумье!
Одна иллюзия она,
Она лишь тень, мечты созданье,
И в ней великое ничтожно.
Вся наша жизнь лишь сновиденье,
И сновиденья также сон¹⁴.

¹⁴ Этот монолог интересно сравнить с § 5 I книги 1-ой части сочинения Ар. Шопенгауэра «Die Welt als Wille und Vorstellung» (по изданию Гризебаха, т. I, с. 45—52), где приводятся соображения в пользу мысли, что весьма трудно различить жизнь ото сна; там же Шопенгауэр приводит цитаты из разных поэтов на тему: «жизнь есть сон». К ним можно прибавить след. место и Bernardin de St. Pierre, Paul et Virginie: «Pourquoi douter des songes? La vie, remplie de tant de projets passagers et vains, est elle autre chose qu'in songe?»; и еще отрывок из прелестного стихотворения Вальтера фон дер Фогельвейде:

Ist mir min Leben getraumet oder est ez war?
Dar nach han ich geslafen und enweiz ez nicht;
Nu bin ich erwachet und ist mir unbekant
Daz mir hie vor was kündic als min ander Hant.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Башня, в которой заключен Кларин.

СЦЕНА 1-я

К л а р и н

Сижу в проклятой башне я,
Сижу за то, что мне известно;
Что ж сделают они со мною
За то, чего не знаю я,
Когда за то, что мне известно,
Они убить меня хотят?
Но если даже жить оставят,
То я от голода умру!
Я самого себя жалею;
И скажут все: «Тебе мы верим».
И этому легко поверить,
Когда никак несогласимо
Молчанье с именем моим:
Кларин — молчать я не могу.
Мои товарищи здесь — крысы
И пауки; а как поют!
Что сладкозвучные щеглята!
От сновидений этой ночи
Полна Кларина голова
Гобоев тысячью и труб;
И в ней процессии, кресты,
Толпы бичующихся в ней:
Одни спускаются, другие
Идут наверх; одни дрожат,
Кровь на других увидев¹, я же

Словом, у Кларина голова «трещит», и ему снилась всякая бессмыслица.

Дрожу лишь только от того,
Что голоден; в темнице тесной
Я заключен и днем читаю
Философа я Никомеда,
А в ночь беседую с Ниценом ²
И если новый календарь
Признал «молчанье» за святого,
«Святой Секрет» — патрон мой верный,
Которому служу я ныне
Постом, а не весельем. Впрочем,
Вполне я кару заслужил:
Молчал я, будучи слугою.
А это грех, великий грех!

СЦЕНА 2-я

Кларин и солдаты.

1-й солдат (за сценой)

Он в этой башне; дверь ломайте;
Войдемте все.

К л а р и н

Хвала Творцу!

Меня отыскивают люди,
Когда сказали, что я здесь.
Что нужно им?

1-й солдат (за сценой)

Войдемте в башню.

(Выходят на сцену.)

2-й солдат

Он здесь.

² В подлиннике игра слов: Nicomedo и Niceno могут значить «неедящий» и «неужинающий», т. е. Кларин ничего не ест.

К л а р и н

Не здесь.

В с е

О государь!

К л а р и н *(в сторону)*

Не в белой ли они горячке?

1-й солд а т

Ты наш природный государь,
Другого допустить не можем:
Не нужен принц нам иностранный.

В с е

Да здравствует наш государь!

К л а р и н *(в сторону)*

Постой, здесь дело не на шутку!
Обычай в этом царстве есть,
Чтоб каждый день кого-нибудь
Царем поставить надо всеми
И после тотчас возвратить
Его в темницу. Это верно,
Я это вижу каждый день,
И эту роль, как видно, нынче
Разыгрывать придется мне!

С о л д а т ы

Дай ноги нам поцеловать.

К л а р и н

Мне самому они нужны,
И их отдать вам не могу я;
Не правда ль, очень неприятно
Безногим государем быть?

2-й солдат

Мы твоему отцу сказали,
Что государем мы признаем
Тебя лишь, а не москаля.

Кларин

Но как же должного почтенья
Отцу не оказали вы?
Вы, значит, просто негодяи.

1-й солдат

Закон мы грудью защищали.

Кларин

Когда закон, прощаю вас.

2-й солдат

Иди же с нами возвратить
Себе империю свою!
Да здравствует король наш славный!

Все

Да здравствует наш Сигизмунд!

Кларин (*в сторону*)

Как Сигизмунд? Ну что ж, отлично:
Всех принцев, выбранных на сутки,
Здесь Сигизмундами зовут.

СЦЕНА 3-я

Те же и Сигизмунд.

Сигизмунд

Кто Сигизмунда призывал?

Кларин (*в сторону*)

Так, значит, принц я только в шутку!

1-й солдат

Вы Сигизмунд?

Сигизмунд

Да, это я!

2-й солдат

Так как же, дерзкий ты дурак,
Ты смел назваться Сигизмундом?

Кларин

Себя я назвал Сигизмундом?
Неправда, нет! скорее вы
Осигизмундили меня ³!
Выходит, вы и дураки,
И дерзок ваш поступок странный.

1-й солдат

По всем приметам заключаем,
Что ты и есть наш Сигизмунд,
И, полагаясь на них,
Открыто мы провозглашаем
Тебя законным государем.
Отец твой, наш король Василий,
Боясь, что предсказанья неба
Исполнятся когда-нибудь
И что, тобою побежденный,
К твоим ногам склонится он,
Тебя задумал незаконно
Лишить короны и престола
И передать Астольфу их.
В собраньи знатных он сбирался
Постановить уже решение,
Но верный твой народ, проведав

³ В подлиннике: vosotros fuisteis los que — me segismundeasteis.

О их намереньях преступных
И зная, что король законный
У Польши есть, не хочет, чтобы
Повелевал им иностранец.
Презрев веления судьбы
Немилосердной и жестокой,
Он отыскал тебя в темнице.
Оставь же башню заключенья;
При помощи его оружия
Ты власть свою верни и скипетр,
Коли тебе удастся их
Отнять у гордого тирана.
Иди же с нами. Там в пустыне
Тебя приветствуют плебеи,
Тебя приветствуют бандиты*.
Свобода ждет тебя. Послушай
Ты клики радостные войска.

Голоса за сценой
Да здравствует наш Сигизмунд!

С и г и з м у н д

Хотите вы, чтоб снова я
Величие во сне увидел
И снова не нашел его,
Когда наступит пробужденье?
Опять хотите вы заставить
Меня среди видений странных
Величием и блеском грезить,
Которые, как прах от ветра,
Рассыплются? О Боже, Боже!
Я должен снова обмануться,
Опять увидеть, как ничтожны
Могущество и власть людей?!

* <В устах восставших слово «bandidos» правильнее было бы перевести «повстанцы». — *Ред.*>

Довольно этого, довольно!
Я подчиняться не хочу
Своей фортуне; я ведь знаю,
Что наша жизнь есть только сон.
Ступайте прочь! Вы только тени,
И чувства мертвые мои
Вы обольщаете сегодня,
Мне представляя, будто есть
У вас тела и голоса,
Тогда как в самом деле нет
У вас ни голоса, ни тела!
Ступайте прочь! Не нужно больше
Величья ложного! Не нужно
Мне фантастического блеска!
Подует утром ветерок,
Они рассыплются, погибнут,
Как и миндальника цветы,
Хотя роскошно расцвели,
Теряют нежную красу
Своих пахучих лепестков,
Далеко в поле разносимых
Дыханьем легким ветерка!
Я знаю вас, отлично знаю:
Ведь с вами происходит то,
Чему подвержен всякий спящий;
Но обольщений для меня
Уж нет: глазам обман открылся,
И знаю я, что жизнь есть сон.

2-й солдат

Когда обман подозреваешь,
То обрати глаза свои
К горам великолепным этим:
Увидишь ты, что ожидает
Тебя народ, во всем готовый
Тебе повиноваться.

С и г и з м у н д

Я

Народ такой и прежде видел
Так ясно и определенно,
Как вижу я его теперь,—
И это было только сон.

2-й солдат

Нередко важные события
Нам предвещаются во сне;
Случилось это и с тобою,
Когда во сне ты все уж видел.

С и г и з м у н д

Пожалуй, было предвещенье!
И если в самом деле так,
Душа моя, погрезим снова:
Ведь наша жизнь так коротка!
Но грезить будем мы с тобою
Внимательно и осторожно,
Затем, что можем мы проснуться
Тогда, когда всего дороже
Нам будут эти наслажденья.
Когда разумно поступаем,
То меньше разочарованья;
И если примем меры раньше,
То над несчастьем посмеемся.
И если даже не во сне
Я снова счастьем наслаждаюсь,
То все ж не должен забывать,
Что наша власть взаймы дана,
И нам ее вернуть придется
Тому, кто нам дает ее;
И это зная, без смущенья
Дерзнем на все! Сюда, вассалы!
За преданность спасибо вам!

Во мне найдете человека,
Который смело и спокойно
От рабства чужеземцу вас
Освободит. Теперь к оружию!
Теперь узнаете вы скоро
Мою великую отвагу.
Против отца я поднял меч;
Да, небо истину сказало:
У ног своих отца увижу...
(*В сторону.*)
Но если раньше ты проснешься,
Не лучше ль умолчать о том,
Что, может быть, и не свершится?

СЦЕНА 4-я

Те же и Клотальдо.

Клотальдо
Что значит этот шум? О боже!..

Сигизмунд
Клотальдо...

Клотальдо
Государь... (*в сторону*) На мне
Свою испробует жестокость.

Кларин
Бьюсь об заклад, что старика
С горы он спустит. (*Уходит.*)

Клотальдо
Государь,
К твоим ногам склоняюсь я
И знаю — смерти час настал.

Сигизмунд

Нет, встань с земли, старик, скорее!
Моим наставником, вождем
Ты будешь; на тебе успех
Надежд моих теперь основан.
Я знаю, что тебе обязан
Я воспитанием своим.
Дай руку мне!

Клотальдо

Что говоришь ты?

Сигизмунд

Я сплю и грежу! И хочу
Творить добро: ведь и во сне
Не должно случая терять
Творить добро, когда возможно.

Клотальдо

И так ты взял своим девизом
Творить добро и потому
Ты, государь, не оскорбишься,
Когда увидишь, что Клотальдо
Сегодня делать хочет то же.
Идешь войной ты на отца;
Тебе я не могу советов
Давать, ни помогать тебе.
К твоим ногам склоняюсь я,
Убей меня!

Сигизмунд

Неблагодарный,
Изменник грубый! (*В сторону.*) Но я должен
Умерить пыл своих страстей:
Ведь я еще не знаю — сплю я
Или проснулся уж совсем!
Клотальдо, мне весьма завидно

Такую твердость видеть в вас;
Она приятна мне. Ступайте,
Служите государю; с вами
Увидимся на поле битвы.

(Солдатам.)

А вы беритесь за оружие.

Клотальдо

Синьор, благодарю тебя. (Уходит.)

Сигизмунд

Мы царствовать идем, фортуна!

Когда я сплю глубоким сном,

Не пробуждай меня напрасно;

Но если это все не греза,

Тогда не усыпляй меня ⁴.

Но будь то правда или сон,

Творить добро — вот наш закон:

Когда не грезим — для того,

Чтобы добро царило в мире,

А если грезим, то затем,

Чтобы тогда иметь друзей,

Когда минует сладкий сон ⁵

(Все уходят; играет музыка.)

СЦЕНА 5-я

Зал в царском дворце. Василий и Астольф.

В а с и л и й

Какой благоразумный человек

Смирить сумеет бешенство коня,

⁴ Т. е., если все это правда, не разрушай моего счастья.

⁵ В этих словах заключается как бы программа нравственной деятельности человека: если жизнь не сон, тогда надо в ней бороться за правду и расширять ее господство на земле; а если жизнь сон, то и тогда надо творить добро, ибо, где бы мы ни проснулись, лучше проснуться с чистой совестью.

Удила закусившего? Кто сможет
Остановить свободный бег ручья,
Который без удержу мчится в море?
Астольтф, скажи мне, кто громадный камень,
С горы летящий, в силах удержать?
Но все это смирить гораздо легче,
Чем гнев и бешенство толпы народной.
Разносится стоустая молва:
Ты слышишь, партии в стране явились,
В горах пустынных эхо раздаётся,
Одни Астольтф! другие Сигизмунд!
Кричат; а трон, присягой освященный,
Театром стал кровавым, на котором
Трагедию разыгрывает рок.

Астольтф

На время пусть исчезнет то веселье,
Замолкнет пусть рукоплесканий гром,
Которые сулила мне твоя
Счастливая рука! Ведь если Польша,
Которой я повелевать надеюсь,
Отказывает мне в повиновеньи
Сегодня, то причина мне ясна:
Сам должен Польшу заслужить мечом я!
Подайте мне коня; и пусть скорее
Блеснет, величья полный, луч, и гром
Ударит вслед за ним. (*Уходит.*)

Василий

Борьба напрасна,
Когда чему-нибудь свершиться должно,
И риск велик против того бороться,
Что ранее назначено судьбой;
И если что-нибудь должно случиться,
То уж его никак не миновать.
Кто убежать стремится от несчастья,

Тот раньше всех несчастье испытает ⁶
О злое бедствие! Ужасный случай!
Опасности хотел я избежать,
И сам призвал я беды на себя!
И тем себя я должен погубить,
Чего я более всего страшился,
Да, сам отечество я погубил.

СЦЕНА 6-я

Василий и Эстрелла.

Эстрелла

Когда не думаешь ты, государь,
Сам обуздать мятеж, который всюду
На улицах и площадях, увидишь
Ты царство Польское в волнах кровавых,
В крови сынов своих; уж и теперь
Повсюду кровь, страдание и ужас!
Так велико империи крушение,
Так велики убийства и раздор,
Что горестно очам смотреть на них,
И уху горестно о них услышать.
В смущеньи солнце, ветер затруднен;
Надгробной пирамидой каждый камень
Вздымается; в полях цветок стоит
Как памятник; дом каждый есть гробница,
И каждый воин лишь живой скелет.

СЦЕНА 7-я

Те же и Клотальдо.

Клотальдо

Хвала Творцу, что я живым могу
Упасть к твоим ногам.

Василий отступает от своего убеждения, что «человек сильнее звезд», выраженного им выше (действие II).

В а с и л и й

Скажи, Клотальдо,
Где Сигизмунд?

К л о т а л ь д о

Толпа, как дикий зверь,
Чудовище, сорвавшееся с цепи,
В темнице Сигизмунда отыскала
И вывела его на божий свет.
А он, себя увидев вновь свободным,
В поход отправился как храбрый воин
И объявил народу и войскам,
Что он докажет верность предсказаний,
Которые имеются о нем.

В а с и л и й

Подайте мне коня; хочу я сам
Сразить неблагодарного, наука
Моей короны защитить не может;
Поправить дело должен добрый меч.

(Уходит.)

Э с т р е л л а

Я возле солнца буду там Беллоной,
Поставлю рядом наши имена,
Я поднимусь на крыльях распростертых
И в храбрости с Палладою поспорю. *(Уходит.)*

СЦЕНА 8-я

Розаура входит и останавливает Клотальдо.

Р о з а у р а

Хотя я знаю, доблесть сердца
Тебя зовет на поле битвы,
Теперь, когда война пылает,
Однако послушай меня.
Ты знаешь сам, с каким позором,
Кем оскорбленная жестоко,

Приехала я в Польшу. Здесь
В тебе нашла я сострадание:
Ты под защиту взял меня.
По приказанью твоему,
Переодевшись, я осталась
Среди придворных дам, и ревность
Свою скрывала, и Астольфа
Оберегала, как сказал
Ты мне; но вот беда случилась:
Астольф узнал меня вчера
И, несмотря на то, что здесь я,
Как бы в насмешку надо мною,
В саду свиданье назначил
Эстрелле; я достала ключ
От сада; ты войдешь туда
И там с моей печалью кончишь⁷
Там можешь смело и спокойно
Ты честь мою восстановить,
Когда решился в самом деле
Отмстить Астольфу за меня.

Клотальдо

Да, правда, встретившись с тобою,
Я был твоей печалью тронут
И обещал тебе все сделать,
Что буду в силах, Розаура.
Я посоветовал тебе
Мужской наряд немедля снять
И план оставить безрассудный
Своей неопытной рукою
Отмстить Астольфу за обиду.
А сам я думал в это время,
Как честь твою восстановить,
И даже не страшился мысли
Убить Астольфа: так хотелось

Т. е. убьешь Астольфа и восстановишь мою честь.

За честь твою вступиться мне.
Безумный замысл старика!
Но оправдаться я могу
И пред собой и пред другими
Хотя немного в том безумьи!
Я мог Астольфу отомстить:
Он не был королем моим⁸.
Но все теперь переменялось:
От мести дикой Сигизмунда
Я был спасен рукой Астольфа!
Он защищал меня так храбро,
Что безрассудною отвагой
Назвать его поступок можно.
Могу ли я убить Астольфа,
Который спас меня? Подумай!
Того, кто даровал мне жизнь,
Убить? Ты видишь, между вами
Разделена душа моя:
Что дал тебе я, Розаура,
То сам я принял от Астольфа.
На что решиться, я не знаю.
Кому помочь? Я обязался
За оскорбленье Розауры
Тому отмстить, кому обязан
Спасеньем жизни я своей!

Р о з а у р а

Тебе доказывать не нужно,
Что для великого героя
Давать настолько благородно,
Насколько низко принимать.
И если ты согласен с этим,
За что тебе благодарить

⁸ См. примеч. 28 на с. 565. Francisco de Rojas Zorrilla написал свою знаменитую драму «Del rey abajo, nin-guno» («Кроме короля никто») на тему, что оскорб-ления можно прощать только королю.

Астольфа? За спасенье жизни?!
Его подарок жизнь твоя,
Тебе обязана я жизнью.
И так ты видишь, он заставил
Тебя позорно поступить,
А я позволила тебе
Великодушное деянье
Свершить; ты оскорблен Астольфом,
А мне обязан, если мне
Дал то, что от него сам принял.
И так подумай обо мне,
Отмсти Астольфу за меня;
Ведь я настолько больше прав
Имею на твою защиту,
Чем он, насколько выше делать,
Чем получать благодеянье.

Клотальдо

Согласен я, что благородство
На стороне того, который
Дает; но благодарным быть
Обязан тот, кто получает.
И так как я умел давать,
То, с детства честный человек,
Могу я смело называться
Великодушным, Розаура.
Позволь мне благодарным быть!
Я был с тобою щедр, дитя;
Ты знаешь, щедрость — добродетель;
Но той же чести я достигну,
Когда я буду благодарен.

Розаура

Жизнь от тебя я получила;
Но ты, Клотальдо, мне сказал,
Когда от смерти спас меня,
Что жизнь позорная — не жизнь.

И так ты видишь, ничего
Я от тебя не получила,
И жизнь моя не есть твой дар.
Сперва ты хочешь щедрым быть
И уже после благодарным,
Как сам сейчас ты говорил.
Верни мне жизнь мою, которой
Я от тебя не получала.
Давать нас больше возвышает,
И потому сперва будь щедрым,
Тогда заслужишь благодарность.

К л о т а л ь д о

Твоею речью побежденный,
Дитя, сперва я буду щедрым:
Тебе отдам свое богатство,
И ты живи в монастыре⁹.
Обдумал я все это дело
И середину в нем избрал.
В святое место удаляясь,
Ты убегаешь от грехов!
Теперь подавлено бедами
Все государство; я не буду
Как благородный человек
Несчастий этих умножать;
Избрав такое средство, я
Не изменяю государству;
К тебе я щедр и благодарен
Астольффу... Потому скорее
Ты выбирай, дитя, что хочешь;
Иначе я не поступлю,
Хотя бы был твоим отцом!

⁹ Обычный исход несчастной любви; в монастырь, напр., собираются идти донья Мария (*Gustos y disgustos son no más que imaginación*) и Доротея (*Nina de Gómez Arias*).

Розаура

Когда б ты был моим отцом,
Снесла бы я обиду эту;
Теперь же не могу снести...

Клотальдо

Но что же хочешь делать ты?

Розаура

Убить Астольфа.

Клотальдо

Ты, девица,
Отец которой неизвестен,
Дерзнешь ли ты на это?

Розаура

Да.

Клотальдо

Откуда мужество твое?

Розаура

За честь я мщу.

Клотальдо

Астольф, подумай...

Розаура

Всего дороже честь моя!

Клотальдо

Твой государь, супруг Эстреллы.

Розаура

Ее супругом он не будет.

Клотальдо

Безумье это...

Розаура

Знаю я.

Клотальдо

Смири его.

Розаура

Нет, не могу.

Клотальдо

Погубишь ты...

Розаура

Я это знаю.

Клотальдо

И жизнь и честь.

Розаура

Охотно верю.

Клотальдо

Тогда к чему же ты стремишься?

Розаура

К чему стремлюсь? Ищу я смерти.

Клотальдо

Подумай, это ведь безумье.

Розаура

Нет, это честь.

Клотальдо

Ведь это дикость.

Розаура

Отвага это.

Клотальдо

Ты безумна.

Розаура

А ты забыл мою обиду.

Клотальдо

Скажи, ужели средства нет
Против твоей безумной страсти?

Розаура

Нет средства!

Клотальдо

Кто ж тебе поможет?

Розаура

Сама я!

Клотальдо

Нет другого средства?

Розаура

Нет средства!

Клотальдо

Есть пути другие.

Розаура

Не все равно ли, как погибнуть? (*Уходит.*)

Клотальдо

Когда погибели ты ищешь,

Так подожди же, дочь моя:
Идем и все погибнем вместе. (*Уходит.*)¹⁰

СЦЕНА 9-я

*Поле. Сигизмунд, одетый в звериную шкуру;
солдаты проходят. Кларин. Музыка.*

Сигизмунд

О если бы сегодня Рим великий,
Во дни своих триумфов над вселенной,
Меня увидел! Мужеством моим
Он восхитился бы и во главе
Полков своих меня бы он поставил!
И храбрости моей, казалось бы,
Не трудно небесами завладеть.
Но для чего вздымаешь паруса,
Душа моя? Безумная отвага
Мой блеск и славу может погубить,
И тяжело мне будет, просыпаясь,
Понять, что сам все это потерял я!
(*Слышен рожок.*)

Кларин

Там кто-то мчится на коне чудесном!
Простите, принц, но этого коня
Хочу я вам представить описание.
Легко его принять за карту мира:
Земля есть тело бурного коня,
Огонь — душа, которая в груди

¹⁰ Вся эта скучная сцена служит ярким примером, в какие рассуждения, построенные по всем правилам логического искусства, пускаются герои и героини Кальдерона.

(Это примечание обнаруживает то восприятие барокко и классицизма, которое существовало в XIX в.—
Ред.)

Его; белеющая пена — море,
А воздух есть дыхание его.
Все элементы в нем соединились,
И в нем, как в хаосе, слились вместе
Огонь и воздух, море и земля —
Его душа, дыханье, пена, тело.
По яблокам, пестреющим на шерсти,
Его удобно шпорой ударять.
Не скачет он, как ветер, он летит,
И, кажется, в воинственном наряде
Красавицу подвозит он сюда.

С и г и з м у н д

Меня ее блистанье ослепляет.

К л а р и н

Хвала Творцу! Я вижу Розауру. (*Уходит.*)

С и г и з м у н д

Сам бог ее мне возвращает¹¹.

СЦЕНА 10-я

*Розаура, в пастушеском наряде,
со шпагой и кинжалом. Сигизмунд. Солдаты.*

Р о з а у р а

О, благородный Сигизмунд!
Твое величие восходит
Как яркий день из мрака ночи.
В объятьях пламенных Авроры
Забудет солнце труд дневной
И с прежней силою блистает
Поутру розам и растеньям,
И над горами и морями

¹¹ Потому что Розаура и есть та женщина, которую любит Сигизмунд.

Короной царскою сверкая,
И разливая ровный свет,
Вершины гор в сияньи топит,
И разноцветными шелками
Морскую пену расшивает.
Так новый день, о солнце Польши,
И ты под миром занимаешь!
Ты бедной женщине поможешь,
К ногам твоим с мольбой упавшей.
Кто храбр и сердцем благороден,
Тот должен женщине помочь;
А если женщина несчастна,
Тогда двойное основанье
Дает ей право на защиту.
Три раза видел ты меня
И трижды ты не знаешь, кто я!
В одежде новой каждый раз
Являлась я перед тобою!
Сперва в твоей темнице мрачной,
Где горькие твои страданья
Мне послужили утешеньем,
Меня за рыцаря ты принял.
Потом ты восхищался мною
Как женщиной, в тот день, когда
Весь блеск величья твоего
Был только сном, мечтаньем, тенью.
Сегодня видишь в третий раз;
И я чудовищем кажусь,
Соединением двух природ:
Одежду женщины на мне
Оружье мужа украшает.
И чтоб, проникшись состраданьем,
Ты лучше защитил меня,
О горестной моей судьбе
Рассказ печальный ты прослушай.
Я при дворе князей Московских
От знатной матери родилась;

Как все несчастные, она
Была красавицей прелестной.
Там на нее свое вниманье
Один изменник обратил...
Кто он, сказать я не могу,
Не знаю имени его,
И только в храбрости моей
Найдешь ты отблеск, может быть.
Величия его души.
Когда бы жили мы еще
Во дни языческих богов,
То я сказала бы тебе,
Что это был Зевес могучий,
Спускавшийся златым дождем
К Данае, к Леде прилетавший
Как лебедь белый, и Европу,
Как бык, унесший по волнам.
Казалось мне, что свой рассказ
Я замедляю без нужды
Мифологической прикрасой.
Но нет! ты понял сам теперь,
Что с матерью моей случилось.
К его любовным увереньям
Свой слух склонила мать моя,
И, будучи прекрасней всех,
Она, как все, несчастна стала.
Он клялся быть ее супругом,
Она поверила ему,
Он обманул, и до сих пор
Она не может не заплакать,
Когда подумает об этом.
И, как Эней родную Трою,
Изменник, мать мою покинул,
Оставив ей в воспоминанье,
Как тот герой, лишь добрый меч.
И этот меч теперь со мною;
До окончанья приключений

Его сегодня обнажу!
От этой связи беззаконной,
Которую назвать возможно
Супружеством и преступленьем,—
Не станем спорить мы о том,
Какое имя ей подходит,—
От этой связи я родилась.
И так устроила судьба,
Что стала я живым портретом
Несчастной матери своей,
От ней в наследство получив
Не красоту, а стыд и горе.
Ты, государь, поймешь, что я,
Наследница ее судьбы,
Таким же бедствиям подверглась!
И я своей лишилась чести,
Невинности своей лишилась —
Их, как трофей, унес... Астольф.
О, лишь я назову Астольфа,
В груди моей больное сердце
Тоской наполнится и гневом,
Как бы указывая мне,
Что я врага его назвала.
Моей любовью насладившись,
Астольф забыл свою победу
И, новой славы добиваясь,
Приехал в Польшу, где с Эстреллой
Он хочет браком сочетаться.
Зажгла Эстрелла яркий факел
Моей гибели печальной!
И кто поверит, что звезда
Любовников соединяла,
И что теперь звезда — Эстрелла
Разъединяет их навек?
Осмеяна, оскорблена
Осталась я с своей тоскою,
И в Вавилон души моей

Все муки адские собрались.
Молчала я — ведь есть страданья,
Есть беды, о которых нам
Не нужно говорить ни слова:
В поступках наших открываясь,
Они и так другим понятны.
И горестным своим молчаньем
Я матери сказала ясно,
Что я страдаю. Как-то раз
Мы с матерью вдвоем остались,
И вдруг она неосторожно
Темницу тесную открыла,
И наши горькие страданья
Толпою вырвались на волю.
Тогда я все сказала ей.
Когда рассказываем мы
О преступлениях своих
Тому, кто сам виновен был,
То, кажется, уже мы слышим
Прощенья ласковое слово.
Так и дурной пример порою
Приносит людям пользу. Словом,
Услышав жалобы мои,
Она прониклась состраданьем
И стала утешать меня...
Рассказом о своей обиде:
Судья, виновный сам, легко
Дарит преступнику прощенье.
Но, свой проступок осуждая,
Она утешить не могла
Свою тоскующую дочь:
Ей и самой не удалось
Вернуть потерянную честь.
И вот тогда она решила,
Что следом за Астольофом я
Должна отправиться скорее,
И так, во что бы то ни стало,

Его заставить заплатить
Свой долг за поруганье чести.
Во избежанье новых бед
Она велела мне надеть
Мужской наряд и на прощанье
Вот эту шпагу мне дала.
Пора мне обнажить ее!
Ее значенью доверяя,
Сказала мать: «Дитя мое,
Без страха в Польшу отправляйся
И там в собрании знатнейших
Ты эту шпагу покажи;
Быть может, в ком-нибудь найдут
Твои страданья — утешенье
И помощь — бедствия твои».
Достигла польских я пределов.
Опустим то, что здесь неважно
И что тебе уже известно.
Ты знаешь, буйный конь примчал
Меня к твоей темнице страшной,
Где ты с великим удивленьем
Меня увидел; знаешь ты,
Что пожалел меня Клотальдо,
Пощады для меня просил,
Что, внемля просьбам старика,
Меня простил король. Затем,
Узнав историю мою,
Клотальдо мне велел надеть
Наряд, мне больше подходящий.
Я стала фрейлиной Эстреллы,
И удалось мне нарушить,
Согласье между них и свадьбу
Хотя на время задержать.
Опустим то, что во дворце
Меня опять ты увидал
И форму прежнего виденья
Ты с новой женскою смешал.

Скажу я прямо, что Клотальдо,
Увидев, как полезен будет
И государству и ему
Астольфа и Эстреллы брак,
Мне посоветовал оставить
Все притязания мои.
Теперь, великий Сигизмунд,
За все ты можешь отомстить:
Ты вышел из темницы мрачной,
Где ты по чувствам был лишь зверь
И где страдания свои
Переносил, как твердый камень.
Отмщение ты отцу готовишь
И против родины своей
Ты поднял меч. И я пришла
Тебе помочь, соединяя
В себе Палладу и Диану,
Под латами одной богини
Имея пышную одежду
Другой. Обоим важно нам
Не допустить осуществиться
Мечтам Астольфа и Эстреллы:
Моим супругом будет он,
Когда похитил честь мою.
И ты препятствовать им должен:
А то они, располагая
Войсками двух могучих царств
И силу большую имея,
Сомнительной твою победу,
Пожалуй, сделают. К тебе
Как женщина я прихожу,
Защиты я прошу смиренно;
Но как мужчина, я сумею
Твой дух на подвиг возбудить,
А подвиг тот — добыть корону.
Как женщина склоняясь, слезами
Хочу твое я сердце тронуть

И как мужчина шпагой смело
И жизнью всей тебе служить.
Когда меня ты вновь полюбишь
Как женщину, в защиту чести
Тебя убью я как мужчина.
В завоевании любви ¹²
Тебе я жалуясь смиренно
Как женщина, но как мужчина
Сумею честь свою вернуть.

С и г и з м у н д (в сторону)

О боже! если в самом деле
Я сплю глубоким сном и грежу,
О прошлых днях воспоминанья
В душе моей сотри бесследно.
Ведь я не мог во сне увидеть
Все, что теперь припоминаю!
О боже, кто понять сумеет
Все эти вещи? Кто принудит
Себя ни об одной не думать?
Кто был в подобном затрудненьи?
Когда лишь сонной грезой было
Мое величие и блеск,
То почему ж она теперь
Столь ясно и определенно
О них рассказывает мне?
Так, значит, это не был сон!
А если истина, то здесь
Другое вижу затрудненье!
Как называет жизнь моя
Все это сном? Иль наша слава
На сон похожа до того,
Что мы действительную славу
Считаем ложью и обманом,
А славу, созданную грезой,

¹² Т. е. возвращая потерянную любовь Астольфа.

Считаем истиной? Ужели
Так мало разницы меж ними,
Что можно задавать вопрос,
Принять ли то, что видим мы,
Чем наслаждаемся порою,
За истину или за ложь?
Иль так похожи друг на друга
Оригинал и подражанье,
Что в нас сомненье возникает,
Который же оригинал?
Но если, словно тень, исчезнут
Величие и блеск людей
И их могущество и слава,
Сумеем захватить для счастья
Хоть то короткое мгновенье,
Какое нам дано в удел!
Ведь если мы лишь спим и грезим,
То жизнью насладится тот,
Кто и во сне ей насладится.
В моих руках здесь Розаура,
Душа моя полна любовью
К ее небесной красоте;
И так воспользуемся счастьем!
Она доверчиво пришла
Защиты у меня просить;
До этого мне дела нет!
Она в моих руках, и я
Люблю ее. Она моя!
Все это сон; и если сон —
Теперь о счастье будем грезить,
А после пусть беда приходит!
Но ах! своими же словами
Я должен обличить себя!
Ведь если это сон и греза,
Кто согласится потерять
За человеческую славу —
Божественную? Разве благо

Минувшее не тот же сон?
Кому на долю выпадало
Столь героическое счастье,
Чтобы, о нем вспоминая,
Он не сказал: «То был лишь сон!»
И если я теперь предвижу
Разоблачение обмана,
И если я теперь уж знаю,
Что наслажденье — только пламя,
Которое в ничтожный пепел
И легкий ветер обратит,
Я буду к вечному стремиться!
Оно — живительная слава,
Перед которой прах ничтожный
Величие и блеск людей.
Я вижу — чести лишена
Красавица, и государю
Приличней возвращать ее,
Чем отнимать рукою смелой.
Клянусь Творцом! Я постараюсь
Ей честь сперва вернуть, а после
Свою корону добывать.
Соблазна так избегнем мы,
А он не мал. (*Солдатам.*) Друзья, к оружию!
Сегодня битву дам я раньше,
Чем солнца яркие лучи
В водах темнозеленых моря
Схоронит сумрачная ночь.

Р о з а у р а

Как, государь, уходишь ты?
Ужели горести мои
Не заслужили даже слова?
Возможно ль, государь великий,
Что ты меня не хочешь слушать?
Смотреть не хочешь на меня?

С и г и з м у н д

Теперь я должен, Розаура,
С тобою быть суров, а после
Во мне найдешь ты состраданье!
Тебе не отвечает голос,
Тебе ответит честь моя.
Теперь молчу, но мой ответ
Из дел моих узнаешь ты.
Тот, кто среди страданий тяжких
Берется честь спасти твою,
Не должен на тебя смотреть,
Твоей красы не должен видеть.
(Уходит, и солдаты с ним.)

Р о з а у р а

Что значат эти все загадки?
Я так страдала, что сомненье
По поводу ответов странных
В душе невольно остается!

СЦЕНА 11-я

Кларин и Розаура.

К л а р и н

Синьора?

Р о з а у р а

Это ты, Кларин?
Где был ты?

К л а р и н

Был в темнице. Там
По картам я гадал о смерти,
Придет она иль не придет?
И вышло мне, что жизнь свою
Я потеряю очень скоро.
Меня держали взаперти

Затем, что важные секреты
Хотел открыть я.

Р о з а у р а

Но какие?

К л а р и н

Да тот секрет, кто ты такая!
Клотальдо... Но ты слышишь шум?

(Слышна музыка.)

Р о з а у р а

Что это значит?

К л а р и н

Из дворца,
Который крепко осажден,
Идут на вылазку полки
Сразиться с гордым Сигизмундом.

Р о з а у р а

Так почему же я не с ним?
Мне стыдно трусости своей!
Вперед, на помощь Сигизмунду!
Теперь его теснит жестокость,
Права нарушив и закон. *(Уходит.)*

СЦЕНА 12-я

Кларин. Солдаты (за сценой).

О д н и

Да здоровствует наш царь могучий!

Д р у г и е

Да здоровствует свобода наша!

К л а р и н

Привет царю! Привет свободе!
Привет обоим в добрый час!
Какое дело мне до них?
Меня заботит лишь одно:
Как обойдутся здесь со мною?
Вокруг смущение и битва,
А я один запрячусь в горы,
И, как Нерона в древнем Риме,
Меня ничто не потревожит ¹³
По правде, если беспокоюсь
О чем-нибудь, так о себе.
Я спрячусь здесь; и как чудесно
Увижу праздник весь отсюда.
Какое славное местечко!
В горах удобно притаиться,
И если смерть меня не сыщет,
Так фига смерти, даже две!
(Прячется. Слышна музыка и шум битвы.)

СЦЕНА 13-я

*Василий, Клотальдо и Астольф бегут,
Кларин, незаметно для других.*

В а с и л и й

Где более несчастный царь?
Где более отец страдает?

¹³ По преданию, Нерон любовался на пожар Рима и декламировал в это время стихи Энеиды на пожар Трои; на эту тему есть один старинный испанский романс, в котором повторяется выражение: «У él de nada se dolía» — т. е. он не тревожился ни о чем; на это место, вероятно, и намекает Кальдерон.

Клотальдо

Твои полки побеждены,
Бегут в смущеньи, в беспорядке.

Астольф

Изменники — и победили.

Василий

Тот прав, кто в битве победил,
А побежденный — вот изменник.
Бежим, Клотальдо, с поля битвы:
Спасаться должен я от злобы
И мести собственного сына.

(За сценой стреляют, и Кларин падает.)

Кларин

О боже!

Астольф

Там солдат упал;
Он весь в крови, несчастный; кто он?

Кларин

Я тот несчастный человек,
Который думал убежать
От смерти и нашел ее.
Она попалась мне навстречу,
Когда я от нее бежал.
На всей земле не сыщешь места,
Недостижимого для смерти.
Отсюда ясен вывод мой:
Кто шибче всех бежит от смерти,
Скорее тот приходит к ней.
Итак, сейчас же возвращайтесь
В кровавый бой; среди огня
И грома битвы безопасней
Вы будете, чем здесь в горах,

В уединеньи; нет дороги
Столь безопасной, чтоб по ней
Мы от судьбы могли уйти.
Спешите вы освободиться
От смерти бегством от нее?
Смотрите, вы на смерть идете,
Когда Творец решил, что вы
Должны погибнуть. (*Падает и умирает.*)

В а с и л и й

Вы идете

На смерть, когда Творец решил,
Что вы должны погибнуть! Боже!
Все заблуждения людей,
Все их невежество и глупость
Пред светом высшего познания
Презренный обличает труп,
Устами раны говорящий.
Он языком кровавым учит,
Что тщетны все стремления наши,
Когда бороться мы хотим
Против того, что нас сильнее ¹⁴!
Хотел я родину свою
От смут и гибели спасти,
И этим самым вверг ее
В то, от чего спасти стремился.

К л о т а л ь д о

Судьбе открыты все дороги,
И среди скал найдет она
Того, кого захочет взять.

¹⁴ Ср. подобный оборот в индейской драме «Malati und Madhava» (пер. Ludwig Fritze):

Sie predigen durch ihre Leiber jetzt,
..... wie doch die Menschen meist
Hinfällig und des Unheils Beute sind.

Но рассуждение твое
Христианина недостойно:
Грешно сказать, что нет защиты
Против ее слепого гнева.
Ты знаешь, храбрость помогает
Отнять победу у судьбы.
Теперь гоним ты злой судьбою,
Но хоть на будущее время
Уйти старайся от нее.

Астольф

Клотальдо правду говорит
Как умудренный жизнью муж,
А я как юноша скажу —
В густом кустарнике есть конь,
Он ветра быстрое дитя;
Беги на нем; а я меж тем
Тебе прикрою отступление.

Василий

Не знаю я небес решенья,
Умру сегодня или нет,
Но сам искать я буду смерти
И встречу с ней лицом к лицу.
(*Берутся за оружие.*)

СЦЕНА 14-я

*Сигизмунд, Эстрелла, Розаура, солдаты,
свита; Василий, Астольф, Клотальдо.*

Солдат

Там в глубине, в ущельях гор,
Скрывается король.

Сигизмунд

Идите

За ним туда и все деревья,

За веткой ветку, ствол за стволом,
Скорее там вы обыщите.

Клотальдо

Бегите, государь.

Василий

Зачем?

Астольф

Что хочешь делать ты?

Василий

Астольф,

Оставь меня.

Клотальдо

Что ты задумал?

Василий

Испробовать задумал средство,
Которым я до этих пор
Пренебрегал. (*Сигизмунду*). Меня ты ищешь,
О принц, и я у ног твоих;
И пусть ковром их будет снег
Моих волос. Возьми корону,
И честь мою ты уничтожь,
И уважение ко мне.
Отмсти за прежние обиды.
Я пленник твой, и честь моя
В твоих руках. Я вижу ясно,
Что бесполезны все старанья.
Так пусть исполнятся теперь
Небес бывшие предсказанья!
Я побежден своей судьбой.

Сигизмунд

Внемлите речи государя,
О знатные дворяне Польши,
Свидетели событий чудных,

Небес решенье неизменно,
И лжи презренной не найдется
В предвечной книге у Творца,
В которой буквами златыми
И на лазоревой бумаге
Написана судьба людей!
Что там написано однажды,
То не обманет, не солжет.
Обман и ложь создание тех,
Кто в смысл великих предсказаний
Проникнуть хочет неискусно.
Вот мой отец стоит пред вами!
Он оградить себя хотел
От зла, которым угрожала
Судьба, когда царем я стану,
И воспитал меня, как зверя,
В пустыне дикой и безлюдной.
И если б я родился кротким,
И если б царственная кровь
Во мне текла струей ленивой,
То воспитание такое
Дало бы мне привычки зверя!
Прием искусный уничтожить
Дурные свойства человека!
И если бы сказали нам:
«Вот этот дикий зверь, проснувшись,
Вас растерзает», — неужели
Мы стали бы его будить,
Избегнуть гибели желая?
Когда бы кто-нибудь сказал:
«От этой шпаги ты умрешь», —
Того сочтем безумцем мы,
Кто, избежать желая смерти,
Клинок к своей груди приставит.
И если б нам известно было,
Что мы погибнем в бурном море,
Ужели б в море мы пустились,

Когда оно вздымает гордо
Зубчатые громады волн,
Кудрявые холмы кристаллов?
С моим отцом случилось то же,
Что с тем, кто на свою погибель
Разбудит яростного зверя,
Кто шпагу обнажает, зная,
Что он погибнет от нее,
Иль с тем, кто в море выплывает
Тогда, когда оно бушует ¹⁵.
И если б даже спящим зверем
Мой непокорный был характер,
А гнев мой — шпагою в ножнах,
А злоба — тишиною моря,
То все ж судьбы не победить
Жестокостью и грозным мщением:
Кто мстит, ее ожесточает.
Над ней победу одержать
Возможно лишь тому бывает,
Кто кроток и благоразумен.
До наступления беды
От ней спастись и уберечься
Нельзя тому, кто безрассудно
Стремится сам ее накликать!
И ясно, что смиреньем можно
Нам защищаться лишь тогда,
Когда ударит час несчастья!
А избежать страданий тяжких
Никто не властен на земле.
И пусть послужит вам примером
Все, что случилось в эти дни.

¹⁵ Т. е. забросить человека с дурными наклонностями в пустыню, вместо того чтобы воспитанием постараться сгладить его недостатки, так же безрассудно, как разбудить дикого зверя и т. д., ибо в пустыне трудно человеку исправиться от своих пороков. Этими словами С. указывает Василию, что он сам вырыл себе яму.

Немало здесь событий чудных,
Ужасных бед и приключений!
Не странно ли, друзья мои,
Что, несмотря на все старанья,
Отец лежит у ног моих,
Что он монарх — и побежден!?
Да, было здесь решенье неба,
Его хотел он изменить,
И все ж не смог. Дерзну ли я,
Неопытный, ничтожный воин,
И меньший по годам и знанью,
Дерзну ли изменить его?
О встань, синьор, и дай мне руку,
И, чтобы ты вполне поверил,
Что заблуждался ты, желая
Небес решенье изменить.
Скорее обними меня,
А я к твоим ногам склоняюсь.

В а с и л и й

Мой сын, какое благородство!
Ты как бы снова зачат мною!
Ты по природе государь,
Тебе приличны лавр и пальма,
Ты победил, и пусть тебя
Твои деяния прославят!

В с е

Да здравствует наш Сигизмунд!

С и г и з м у н д

И так как я хочу немало
Побед великих одержать,
То выше всех одна победа —
Победа над собой! Астольф,
Дай руку милой Розауре;

Ведь ты ее должник, и ныне
Я этот долг хочу взыскать.

Астольф

Согласен я, что должен ей;
Чья дочь она, не знаем мы,
И унижение и бесчестье
Жениться князю на такой!

Клотальдо

Постой, довольно! Розаура,
О князь, не меньше благородна,
Чем ты. Ее отец — Клотальдо,
Он шпагой защитит ее.

Астольф

Возможно ли?

Клотальдо

Я не хотел
Вам тайны этой открывать.
Пока я не увижу дочь
Любимой всеми и в почете,
И замужем за государем;
Рассказ об этом очень длинен,
Но все же дочь она моя.

Астольф

А если так, то я согласен.

Сигизмунд

А чтоб красавица Эстрелла
Поменьше плакала, грустила,
Теряя храброго Астольфа,
Свою ей руку предлагаю;
И если счастьем я и славой
Не выше славного Астольфа,

То все же с ним могу равняться!
Дай руку мне.

Эстрелла

Какое счастье
Выигрываю я с тобою!

Сигизмунд

Клотальдо верного, который
Так доблестно служил отцу,
Мои объятия ожидают
И с ними милости мои:
Все, что попросит, дам ему.

Солдат

Когда ты милости такие
Даешь тому, кто не служил
Тебе, то что же дашь ты мне,
Который был причиной смуты
И спас тебя из башни мрачной,
Где был навек ты заключен?

Сигизмунд

Тебе дарю ту же башню;
Ты жить под стражей будешь там,
До смерти из нее не выйдешь.
Изменник более не нужен,
Когда измена миновалась.

Василий

Мы удивляемся тебе!

Астольф

Чудесно он переменился!

Розаура

Как осторожен и разумен!

Сигизмунд

Напрасно ваше изумленье!
Моим учителем был сон:
Я все еще боюсь, что снова
Проснусь и вновь себя увижу
В темнице мрачной и печальной;
А если этого не будет,
То все же наша жизнь лишь греза,
И знаю я, что наше счастье
Проходит, словно легкий сон,
Хочу я насладиться им,
Покуда будет длиться он!

(К зрителям.)

Теперь за все ошибки наши
У вас мы просим извиненья:
Сердцам великодушным вашим
Приятно ближнего простить!

К. Бальмонт

ПРЕДИСЛОВИЕ

[Ко второму выпуску издания
Сочинений Кальдерона (М., 1902)]

[...] В Севилье растут гвоздики, каких нет на Севере. Их цветы по величине равняются розам, а их нежный запах в своей свежей пряности сладко необычен для северянина.

Вот образы, которые невольно возникают в душе, когда мы вступаем в чарующий мир поэтических созданий Кальдерона. Здесь температура повышена, как в теплице, или как в жаркой стране, здесь воздух напоен дыханиями страстных цветов, и у всех предметов, составляющих это царство, необычные очертания.

Кто хочет, пусть войдет в этот сад. Но пусть он знает заранее, что здесь он встретит не те растения, к которым привык с детства.

Уже самая форма драм Кальдерона сразу обращает на себя внимание. Его стихи, легкие и быстрые, как движение ветра, капризно переходят от одного размера к другому. То они рифмованы, то они белые, то перед нами возникают условные стансы, то появляются во всей своей торжественности пышные сонеты.

Конечно, в переводе это может ощущаться лишь отчасти. В рифмованных стихах я связываю рифмой лишь вторую и четвертую строку, дабы иметь возможность не уклоняться от текста и передавать его с наивозможной близостью. Тем не менее я передаю все или почти все перемены испанского ритма. При передаче таких стильных вещей, как драмы Кальдерона, главной задачей переводчика должно быть стремление

передать все личные, национальные и временные особенности. Этим стремлением я и руководствовался главным образом, стараясь, конечно, в то же время придать русскому стиху возможно бóльшую звучность. Примечания, которыми снабжена каждая драма, принадлежат в большей части мне; не принадлежащие же мне взяты у Макса Кренкеля, Менендеса и Пеляйо, и других испанологов. У Кренкеля же взяты две статьи.

Предлагаемый том есть лишь начало длинного ряда образцовых произведений Испанского Творчества в моем переводе. Дальнейшими томами явятся Бытовые Драмы Кальдерона, его Драмы ревности и мести, Фантастические драмы, Демонические драмы Испанского Театра (Тирсо де Молина, Мира де Мескуа, Бельмонте), Крестьянские драмы Испанского Театра (Лопе де Вега, Тирсо, Франсиско де Рохас), и, быть может, еще другие. Вряд ли нужно говорить, что быстрое осуществление этого плана и заполнение такого существенного пробела в нашей переводческой литературе зависит не только от меня. Можно надеяться, что журналы и газеты, имеющие влияние на большую публику, сделают все от них зависящее, чтобы поэтические замыслы таких гениев, как Кальдерон, получили возможно широкое распространение в России.

Нельзя не высказать изумления, что эта богатая область — Золотой Век Испанской Литературы — была у нас до сих пор в таком небрежении. Пять-шесть разрозненных и в большей части крайне неудачных попыток — это все. Я, однако же, отмечаю их в своем приложении, поскольку они касаются Кальдерона, хотя их количество и качество напоминают человека, который, будучи спрошен, видел ли он море, ответил:

«Да, это большое пространство воды, а на берегу его песок и раковины: вот вам пять раковин». [...]

Не было в России и попытки подвергнуть полному рассмотрению творчество Кальдерона в его художественной и исторической цельности. Счастливей в этом отношении оказался Лопе де Вега. Молодой ученый Д. К. Петров с неутомимым вниманием изучил многообразный мир художественного его творчества, и только что выпустил свое интересное исследование «„Очерки бытового театра“ Лопе де Веги». СПб., 1901. В этой книге собран огромный материал, касающийся не только самого создателя испанской драмы, но и многих сторон испанской литературы и испанских нравов. Приходится вдвойне ценить это серьезное, богатое фактами исследование, ибо вопросы, которые затрагиваются Петровым, не только совсем новые у нас, но и мало разработаны в Европе. Для каждого, кто заинтересуется Кальдероном и испанистикой, книга Д. К. Петрова может быть очень полезной.

Для лиц, знакомых или желающих ознакомиться с испанским языком, в дополнение к литературе о Кальдероне, отмеченной мною в приложении, я могу еще указать на интересную монографию о драме «Жизнь есть сон». Segismundo, estudio crítico por Enrique Funes. Madrid. 1899. В ней есть оригинальные мысли и интересные сопоставления между типами Сехисмундо, Гамлета и Прометея.

Драма «Жизнь есть сон» до сих пор ставится на сцене в Испании. Мне пришлось ее видеть в Мадриде, и я убедился, что она не только сценична, но что и ее символический философский смысл от сценических эффектов выступает еще ярче и отчетливее. Необходимо было бы,

чтобы лица, заведующие репертуаром русских театров, не оставили без внимания богатый сценический материал, предстающий перед нами в драмах Кальдерона. Гете, бывший сам драматургом и директором театра, не был опрометчивым, когда он ставил на Веймарской сцене «Стойкого принца» и «Жизнь есть сон».

1901. Осень.

К. Бальмонт.

К. Бальмонт

[Предисловие к драме]

«ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ»

Основное свойство критики — ошибаться. Основная особенность порицателей — говоря о гениях, являть собственное ничтожество и незнание. Среди лиц, высказывавших свои суждения о Кальдероне, есть достопримечательные люди, называющие его писателем Инквизиции. Если бы они прочли драму «Любовь после смерти», не говоря уже о драмах «Луис Перес Галисиец» или «Саламейский Алькад», они должны были бы несколько изменить свой приговор. Возмутительное насилие одной народности над другой, составляющие вечную принадлежность Истории и до наших дней повторяющееся в странах слишком хорошо нам известных, нашло в религиозном философе и придворном поэте яркого изобразителя и судью. Написать в 17-м веке, в нетерпимой Испании и в придворной атмосфере, драму, в которой герои мавры, и сочувствие автора — на стороне врагов отечества, это то же самое, как если бы Шекспир написал драму, где ореолом благородства были украшены испанцы или французы.

Кальдерон, чья внутренняя утонченность была как восприимчивая нежность цветка, понял это и почувствовал. Уже в «Стойком Принце» он нарисовал чарующий образ Мулея и привлекательный образ Фесского Царя, здесь же, в драме «Любовь после смерти», все наши симпатии на стороне мавров. Дон Альваро, являясь мстителем за даму, вознесен как пример для столетий, сам Лопе де Фигероа, национальный герой испанцев, высказывает перед ним преклонение, и его геройский поступок отмечен Кальдероном как деянье лучшее любви.

Создавая эту драму, Кальдерон строго держался исторической основы. В ней описано восстание морисков, т. е. мавров, оставшихся в Испании после падения Гранады, вспыхнувшее в 1568-ом году и укрощенное Дон Хуаном Австрийским в 1570-ом году. Отдельные места драмы указывают на заимствования из знаменитой книги Diego de Mendoza (1503—1575), «Guerra de Granada», например, речь Малека в начале I хорнады и описание Альпухарры в начале II (Lib. 1, p. 72, 73, 75). Некоторые частности взяты также из книги Luis del Marmol Carvajal «Historia del rebelión y castigo de los moriscos del reino de Granada». Основной мотив — любовь после смерти любимой женщины — взят из книги Gípnés Pérez de Hita, «Guerras civiles de Granada».

Так как наше впечатление от драмы может только усиливаться, когда мы узнаем, что события и страсти, в ней представленные, взлелеяны живою кровью, приведем из книги Переса де Ита (глава 22 и след.) рассказ о действительно случившемся, послуживший для Кальдерона основным мотивом.

Во время осады Галеры в ней находилась

сестра военачальника Малеха, которая гостила там у своих родных. Во время взятия города она была убита, вместе с множеством других женщин. Она была необыкновенно красива, и слава о красоте ее гремела по всему Гранадинскому царству.

Человек пятнадцать морисков, как мужчин, так и женщин, при разграблении Галеры спаслись от смерти через водопровод, которым шли в Галеру речные воды; они-то и рассказали обо всем, что там происходило.

Малех, узнавши обо всем этом в Пурчене и весьма огорчившись, размышлял, кто бы мог тайком отправиться в Галеру, разведать о судьбе его сестры, и, если она убита, отыскать ее труп, а если взята в плен, узнать, куда увели ее. Один молодой мавр, который хотел сделаться его зятем и давно уже был влюблен в его сестру, вызвался исполнить такое поручение, разузнать о ней, и, если она взята в плен, то отправиться к самому Дон Хуану, выкупить ее и удалиться с ней в Гвескар или в Мурсию.

Итак Мавр простился с Малехом, сел на прекрасного коня и направился в Галеру. По прибытии в Орсу он нашел город опустошенным; тем не менее он оставил свою лошадь в одном известном ему доме, и достиг Галеры в полночь. Шел дождь, было темно, и, смущенный, он увидел город совершенно иным, чем знал его прежде. С ужасом он смотрел на улицы заваленные трупами, о которые он спотыкался на каждом шагу. Он не мог даже узнать, где именно он находился, и, хотя дом, в котором жила его возлюбленная, был ему очень хорошо знаком, он не мог найти его на улицах, пересеченных траншеями, и, дожидаясь рассвета, должен был провести ночь стоя, прислонившись к одному из окопов.

Под шум дождя он слышал только вой собак и вопли кошек, скорбевших в опустошенном городе.

При восходе солнца смелый Мавр взошел на одно из высоких мест, откуда можно было видеть лагерь Дон Хуана, подивился на его размеры и, вернувшись, поспешно отправился к дому, где жила его возлюбленная. Войдя во двор, он увидели трупы нескольких мужчин, а подальше несколько зарезанных женщин. Среди них была его Малеха. Мавр не мог не признать ее: хотя она была убита уже три дня тому назад, в своей красоте она была как живая. Только она была вся белая-белая, по причине потери крови. Она была в одной рубашке, христианские грабители сняли с нее все другие одежды, и это единственное одеяние уже указывало, что в убившем ее солдате было хоть сколько-нибудь честности, потому что рубашка эта была роскошная, вышитая по зеленому шелку, согласно обычаю морисков.

В день взятия города, к вечеру, был возведен отбойный марш, а потом, благодаря сильным дождям, христиане не могли вернуться для срытия укреплений, как приказал Дон Хуан, потому-то Малеха так и лежала, как в минуту смерти, в своей окровавленной рубашке. У нее было две раны, обе на груди, и поистине это было на редкость прискорбное зрелище, видеть, что такую красоту постигла подобная жестокость.

Когда Мавр признал свою возлюбленную, он взял ее на руки, и, проливая жгучие слезы, говорил ей тысячу нежных и жалобных слов. Покрывая поцелуями ее бескровные уста, он восклицал: «О, мое блаженство, о, чаянье любви моей! Так затем я семь лет служил тебе, чтобы получить эту ласку, которая была бы моей

нежнейшей славой, лишь тогда, когда твои похолодевшие уста говорят мне, что смерть восторжествовала над твоими чарами? Безжалостный христианин! Как мог ты иметь презренное мужество лишить мир такого совершенства? Или ты не был никогда влюблен? Или ты не знал, что такое красивая женщина? Если ты когда-нибудь любил, как не вспомнил ты любовь свою, как не вспомнил ты, что та, кого ты находил красивой, несомненно имела хоть в чем-нибудь сходство с этой? Одного взгляда ее не было ли достаточно, чтоб остановить твою яростную руку? Если какой-нибудь мавр тебя ранил в бою, ты должен был направить свою месть на мавра, не на ангела. Или ты думал, что, поражая ее, ты победил врага? Или ты думал, что ты возвышаешь славу твоего полководца, проливши кровь такой красоты, какой никогда не видали в Гранадинском царстве? Ты дурно поступил, христианин. С бойцами ты должен был биться. Зачем ты не сделал ее пленницей? Я пришел бы разделить ее цепи, и у тебя было бы два пленника вместо одного. Ты дурно поступил, христианин. Клянусь тебе душой этой несчастливой, я отыщу тебя и заплачу тебе то, что ты заслужил подлым своим преступлением».

Дав полную волю своей скорби, тысячекратно покрыв поцелуями мертвую возлюбленную, Мавр задумал, дождавшись ночи, отнести ее тело в долину Альманзоры. Но, видя невозможность выполнить такой план, он решил похоронить свою возлюбленную в Галере. Достав заступ, он вырыл около одной стены могилу и зарыл ее. После этого он взял уголь и по-арабски написал на стене следующее:

«Здесь лежит прекрасная Малеха, сестра Малеха. Я, Тусани, похоронил ее, потому что она

была моей возлюбленной и моим божеством. Христианский пес умертвил ее. Я его найду, я его встречу, и он умрет от руки моей».

Тусани не захотел более оставаться в Галере. Он вернулся через водопровод, Шел дождь и снег, и он мог совершить свой путь незамеченным. В Орсе он сел на своего коня и в один переезд приехал в Пурчену, где рассказал Малеху об избииении женщин и детей, и о том, как он увидел Малеху мертвой.

Вот что случилось далее с этим храбрым Мавром, происходившим из Кантории. Он был тверд сердцем и очень умен. Выросши с самого детства среди настоящих христиан, он так хорошо говорил по-кастильски, что никто бы не мог принять за мориска. Едва он возвратился в Пурчену, как, решившись отомстить за смерть своей дамы, он покинул пределы Альманзоры, одетый христианским солдатом, опоясанный доброю шпагой, и с мушкетом на плече, стрелять из которого он научился в Валенсии. Имея для мавров пропуск от Малеха, он направился в Базсу, а оттуда в лагерь Дон Хуана, где поступил в Неаполитанский полк.

Находясь в армии испанцев, среди событий, связанных с военной жизнью, он неизменно хранил в своей памяти мысль о смерти прекрасной Малехи. Он обожал ее при жизни, но после смерти выказал еще бóльшую любовь к ней. Ее образ был неразлучен с его душой, ее портрет был у него всегда на сердце, и он постоянно повторял про себя клятву мести. Чтобы найти убийцу, он подходил то к одной, то к другой группе солдат и заводил разговор о разграблении Галеры. «Что правда, то правда», говорил он, «такого славного дела, товарищи, ни разу еще не бывало, ни такого избииения мавров. Сам про себя могу сказать: я убил не меньше сорока женщин, и каких красивых, не счи-

тая мужчин и детей». Солдаты, конечно, наперевыв принимались рассказывать о своих подвигах, что кто поджег и разграбил, и когда кого убил. И вот раз при такой беседе один солдат сказал: «Верно, брат, сердце у тебя железное, если все ты так сделал, как говоришь. Так или иначе, а не радостная это вещь — увидеть смерть женщины, особенно ежели она красива. Всего одну я убил, а пожалел об этом до глубины души, особенно когда после ее смерти другие женщины, которых я не тронул, сказали мне, что это была сестра военачальника Малеха из Пурчены. Да и видно было по ее одежде, по запястьям и серьгам, которые я снял с убитой, что женщина это была знатная. Чтоб ей не быть нагой, я оставил на ней рубашку, хотя она была роскошная. Вот кажется и сейчас ее вижу: шитая, по зеленому шелку. Другие солдаты хотели взять ее, да я им не дал. Так я ее жалел, так жалел, сказать нельзя: таких красивых немного мне приходилось встречать. Видит Бог, она уж была мертвой, а заставляла умирать от любви всех, кто ее видел. Все меня кругом проклинали. «Подлец», говорили, «Бесчестный, какую красоту похитил у мира». Один говорил: «Я бы за нее дал пятьсот дукатов». Другой: «Я бы ее к самому Королю отвел, он один ее достоин». Да и правда, товарищ, кабы увидел ты ее, как она лежала на земле, мертвая, в вышитой рубашке, и как у нее по груди волосы рассыпались, светлые, точно из золота, сказал бы, что это ангел. Художник у нас был знаменитый, при капитане Бертроне де ля Пенья, убитый потом при этом самом приступе, — так он целый день писал с нее портрет, и так похоже, что на редкость. Вышел я из Галеры со стыдом и с проклятиями, и до сих пор все на сердце у меня мысль об этой несчастной».

Каждое из слов этого солдата было как удар

кинжала для Тусани. «Изменник, ты заплатишь за эту смерть, или я не буду Тусани», повторял он про себя и, по мере того как тот говорил, он бледнел настолько, что другие солдаты заметили это. Он спросил у солдата, не осталось ли у него что-нибудь из вещей, принадлежавших Мавританке. «Я все продал в Баэсе», ответил тот, «у меня остались только серьги да кольцо; я охотно бы их продал, чтобы попытаться счастья в игре». — «Я куплю эти вещи», сказал Тусани, «и, если мы сговоримся насчет цены, снесу их в Велес-эль-Блянко, показать одной из ее сестер, она рабыня у маркеса». — «Идем в мой барак, и дело с концом». — «Идем».

Они отправились вдвоем в то место лагеря, где помещался солдат; из мешка были вынуты серьги и кольцо. Тусани сто раз видел их прежде. Он не мог удержаться от скорбных вздохов, но овладел собой, договорился о цене и немедленно уплатил деньги. Положив драгоценности около сердца, он предложил солдату пройти вместе с ним по окрестностям Андаракса. Когда они несколько отошли от селения, Тусани спросил солдата: «Если б я показал портрет убитой Мавританки, ты узнал бы ее?» — «Сейчас же», ответил солдат, «она не выходит у меня из памяти; мне кажется, что еще и часу не прошло, с тех пор как я ее убил». — «Не эта ли?» — «Она, она», воскликнул солдат, «дивлюсь, что ее вижу». — «Скажи же мне», вскричал тогда Мавр, «человек без чести, солдат без совести, зачем умертвил ты эту красоту? Узнай, она была моим блаженством. Я должен отомстить за нее. Защищайся. Увидим, восторжествуешь ли ты над двумя жизнями, умеешь ли ты убивать влюбленных».

С этими словами он обнажил шпагу и с яростью устремился на солдата. Тот, хотя изум-

ленный, не потерял мужества, он в свою очередь, устремился на Мавра и дрался как лев. Но Тусани был более искусен во владении шпагой и нанес противнику смертельную рану со словами: «Получи, чего стоит твое варварство: это прекрасная Малеха посылает тебе смерть». Христианин упал, и Мавр нанес ему вторичный удар. «Ты убил мою даму двумя ударами», сказал он, «ты должен умереть от двух ран». После этого он ушел в горы и лишь к вечеру вернулся в Андаракс. Солдат умер через несколько часов. Он звался Франсиско Гарсес.

Тусани мог бы спокойно вернуться к своим, но один подлый мориск, находившийся на службе у Дон Хуана, предал его. Увидев, что он узнан, Мавр не захотел ничего скрывать, и на вопрос Дон Хуана, откуда он родом, ответил: «Я из селения, что находится между Канторией и Пурченой и называется Финис. Я надел эту одежду, чтобы убить подлого, умертвившего при взятии Галеры мою возлюбленную, которая была красивейшей женщиной в мире, тогда как он мог взять ее в плен. Я поклялся найти его и лишить жизни. Я его нашел и убил два дня тому назад. Такова истина. Пусть теперь Его Высочество делает со мной, что хочет. Если умру, я буду доволен, что я отомстил за мою возлюбленную. Надеюсь на милосердие Бога, я думаю, что увижу ее после смерти, и она не упрекнет меня, что я оставил ее смерть неотомщенной. Умру довольный, что умираю по повелению такого знаменитого властителя. Только одна у меня к тебе просьба: сохрани ее портрет, чтобы он не попал в какие-нибудь жалкие руки, недостойные к нему прикасаться. Возьми также эти драгоценности; на вид они мало стоят, но они принадлежали ей, и потому им нет цены». Сказав все это, с лицом несколько не изменившимся, он преклонил

колени и подал Принцу портрет и драгоценности Малехи.

Измученный мужеством Тусани и хладнокровием, с которым он все рассказал, Принц подошел к Мавру и взял из его рук пергамент и украшения. Отдавая их, Тусани испустил глубокий вздох, как будто он отдавал ему свою возлюбленную вместе с своим сердцем. Дон Хуан взглянул на портрет и восхитился красотой Мавританки, так же как и другие находившиеся при этом рыцари, которые все без исключения сказали Принцу, что Тусани поступил как храбрый солдат и как истинный рыцарь, отомстивши смерть столь прекрасной дамы.

Дон Лопе де Фигероа, пленившись поведением этого Мавра, встал и, произнеся два-три крепкие ругательства, воскликнул, обращаясь к Принцу: «Солдат представил достаточное оправдание, его не за что лишать жизни, и если Его Высочество даст ему свободу и вернет ему оружие, я прошу отдать его в мой полк, потому что, клянусь Богом, если бы кто-нибудь умертвил мою возлюбленную, я убил бы его, — и его и всех из его рода».

«Иди, приятель», сказал Дон Лопе, обращаясь к Тусани, «иди в мой полк, я люблю таких солдат, как ты. А чтобы ты служил мне охотнее, я сохраню у себя портрет твоей возлюбленной». — Тусани отвечал ему: «Я знаю, о, Марс наших дней, что отныне ты будешь владыкою судьбы моей, какая бы она ни была. Но мне кажется, что я вторично теряю мою даму. Я буду служить как честный солдат, если только утрата этого портрета не послужит причиной моей смерти». Дон Лопе, хорошо понимавший, что значит — забить себе что-нибудь в голову, побоялся, как бы утрата портрета не вовлекла солдата в меланхолию, а отсюда к смерти, и потому сказал: «Бери, Тусани, храни у себя

свое утешение и будь всегда при мне. Я знаю, что ты мне будешь верным другом». Ему вернули драгоценности Малехи, и он вышел из комнаты, оставив всех изумленными.

С тех пор он не расставался с Лопе де Фигероа, участвовал вместе с ним в битве при Лепанто, а после смерти своего генерала поселился в Вилье-Нуева де Алькаудетэ. Автор рассказа, Хинес Перес де Ита, сам видел Тусани и говорил с ним. Он видел портрет прекрасной Малехи и восхитился им. Вокруг тонкой его рамки на арабском языке было начертано: «*Day fati Maleha aynia*». Что означает «Красавица очей моих».

Вот безыскусственный рассказ, сразу переносящий нас в далекую эпоху, когда умели любить лучше, чем мы. Изменивши все, мы изменили и любовь, превращая ее или в дымный пламень сладострастия, или в скучные тяготы ежедневного самоотвержения. Здесь же мы видим полную гамму ощущений, которые возникают в любви, порванной судьбою.

Кальдерон весьма искусно воспользовался материалом, представлявшимся в этом рассказе. Он делает, конечно, различные уклонения от исторической правды, впрочем, незначительные, вроде перемещения даты, когда говорит о битве при Лепанто, — но в целом его драма, так же как и летописное повествование, сразу перемещает нас в жгучую и пряную атмосферу арабской любви. Кальдерон еще усилил рыцарский оттенок романтического сюжета, создав чудесные перепевы двух любящих душ, томящихся тоскою неслитой любви, нарисовав нежный образ Доньи Клары и дав нам возможность усладиться вулканическими монологами пламенного Дон Альваро. Вся драма развивается с поразительной легкостью, и даже шут Алькускус, который кстати является одним

из лучших кальдероновских шутов, не нарушает нежной и трагической возвышенности общего настроения.

Среди поэтических произведений, отмеченных печатью высокого гения, в разных литературах есть произведения повторные или способные к повторности и есть произведения единственные. Хороши драмы Лопе де Веги, хороши хроники Шекспира, или романы французов 19-го века; но таких произведений можно написать сколько угодно, и их написано более чем нужно. А «Фауст» или «Макбет» могли возникнуть только один раз, хотя много существует образов убийц, и несмотря на то, что много есть поэтических редакций Фауста.

К числу таких единственных произведений должна быть отнесена и драма «Любовь после смерти». В ней сказано нечто, что должно было быть высказанным и без чего наша внутренняя жизнь была бы неполна.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Д. Г. Макогоненко

КАЛЬДЕРОН
В ПЕРЕВОДЕ БАЛЬМОНТА.
ТЕКСТЫ
И СЦЕНИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ

I

Переводы К. Д. Бальмонта из Кальдерона явились подлинным открытием для русской литературы одного из величайших представителей Золотого века испанской литературы. Бальмонт не только стремился к точному и поэтическому переводу текстов, но и сопровождал его значительным историко-литературным и библиографическим аппаратом. Задуманное необычайно широко для своего времени издание было самым современным научным типом издания. И в этом плане во многом не уступает уровню известных изданий (Шекспира, Байрона) под редакцией С. А. Венгерова.

В истории становления русского театра и драматургии начала XX в. обращение Бальмонта к Кальдерону имело особый смысл. Появление переводов Кальдерона выходило далеко за рамки научно-просветительские. Они как бы непосредственно включались в литературную борьбу за новое литературное направление. Традиции барокко и романтизма являлись неотъемлемой частью программ и новых художественных моделей. По своему значению переводы К. Д. Бальмонта из Кальдерона можно сравнить с ролью, которую сыграли немецкие романтики начала XIX в. в ознакомлении с драматургией Кальдерона европейской литературы.

Уже в начале XIX в. имя Кальдерона стало знаком новых художественных исканий, определяло новую романтическую модель драматургии и театра. Не случайно Ф. Шеллинг, сопоставляя его с Шекспиром, видел в нем идеальный образец

романтического творчества: «Разрозненные начала романтизма Кальдерон объединил в более строгое единство, которое приближается к подлинной красоте; не соблюдая старых правил, он сконцентрировал действие; его драма драматичнее и уже поэтому чище...»¹

В этих словах — итог понимания Кальдерона и его места в истории немецкой романтической школы. Бальмонт, издавая собрание сочинений Кальдерона, не ставил перед собою аналогичную задачу. Творчество самого Бальмонта складывалось в эпоху великих исторических бурь и катастроф и отразило эстетические и духовные переживания русской жизни начала XX в.

Обращение Бальмонта к переводу Калидасы и особенно к Кальдерону явилось в какой-то мере практическим и теоретическим обновлением его художественного мировосприятия. В перестройке структурно-смысловой основы художественного творчества у символистов большую роль играет обращение к театру. Драмы И. Анненского, В. Брюсова, А. Блока, Вячеслава Иванова отразили новые потребности театра и искусства. С другой стороны, театр и его деятели обращаются к символизму. «То движение, — писал В. Брюсов, — которое в конце прошлого века обновило все формы искусства, перекинулось, наконец, в театр...»²

Переводы Бальмонта, не менее чем оригинальные пьесы Блока или Сологуба, во многом отразили процессы, происходящие в театре тех лет. Недаром молодой участник «условного» театра А. А. Мгебров, прочитав «Чистилище святого

¹ Шеллинг Ф. *Философия искусства*. М., 1966. С. 438.

² Брюсов В. *Реализм и условность на сцене / Театр. Книжки о новом театре*. СПб., 1908. С. 249.

Патрика» в переводе Бальмонта, вспоминал: «Я упивался Кальдероном. Сколько раз, бывало, целыми днями читал я маленькую, драгоценную книгу, растворялся благодаря ей во всей вселенной...»³

К. Д. Бальмонт начал переводить очень рано. В предисловии к книге своих переводов чешского поэта Ярослава Врхлицкого (1928) он писал, что, еще будучи четырнадцатилетним мальчиком, «тайком от старших», выучил немецкий язык и перевел стихи немецкого романтика Ленау. Но всерьез переводческой деятельностью Бальмонт занялся в конце 90-х — начале 900-х годов, когда вышли его переводы Шелли и Эдгара По. В 1903—1907 гг. Бальмонт издал полное собрание сочинений Шелли в трех томах. Так определилась его репутация переводчика. Неблагоприятная критика даже видела в нем два лика: лицо Бальмонта-переводчика «озарено светом ума, трудолюбивых и почтенных вдохновений», тогда как «другое лицо — маска плутоватого дурачка, полу-шарлатана, полу-юродивого»⁴

Переводами Бальмонт занимался всю жизнь. После Шелли его внимание привлекли произведения Байрона, испанские народные песни, стихотворения Бодлера, Адама Мицкевича и многое другое.

Переводческую деятельность Бальмонта отличает беспримерное разнообразие интересов: «Хорошее знание многих языков, большие лингвистические способности и основательная филологическая эрудиция позволили Бальмонту широко развернуть переводческую деятельность. Реперту-

Мгебров А. А. Жизнь в театре. М., 1932. Т. 2. С. 32.
Амфитеатров А. В. Собрание сочинений. П., [б. г.]
Т. 37. С. 174.

ар ее громаден, охватывает и Запад и Восток, и глубокую древность и новое время»⁵

Естественно, его переводы обратили на себя внимание и специалистов и поэтов. Мнения о них были самыми различными — одни хвалили, другие отзывались критически. Наиболее резко в 1906—1907 гг. выступил К. И. Чуковский: «Бальмонт как переводчик — это оскорбление для всех, кого он переводит, для По, для Шелли, для Уайльда»⁶.

Современный советский исследователь Вл. Орлов, говоря об оценке, данной К. И. Чуковским переводам Бальмонта, пишет: «Чуковский справедливо указывал на ошибки Бальмонта, но в целом его критика (с уязвимой позиции «буквализма») носила внешний, фельетонно-резвый характер»⁷

Время меняло восприятие переводов Бальмонта, и оценка его трудов пересматривалась: так, то, что было для Чуковского неприемлемым (переводы Шелли), иначе воспринимается Б. Пастернаком: «Русский Шелли был и остается трехтомный бальмонтский. В свое время этот труд был находкой, подобно открытиям Жуковского. Пренебрежение, высказываемое к этому собранию, зиждется на недоразумении. Обработка Шелли совпала с молодыми и творческими годами Бальмонта, когда его свежее своеобразие еще не было опорочено будущей водянистой искусственностью»⁸

Орлов Вл. Бальмонт. Жизнь и поэзия / К. Д. Бальмонт. Л., 1969. С. 68.

⁵ См. статьи К. Чуковского: *Весы*. 1906. № 10; № 12; 1907 № 3.

Орлов Вл. Указ. соч. С. 69.

Пастернак Б. Заметки переводчика / *Лит. Россия*. 1965. № 13. С. 18.

Заслуживает внимания и мнение Ал. Блока: «Эдгар По требует переводчика, близкого его душе, непременно поэта, очень чуткого к музыке слов и к стилю. Перевод Бальмонта удовлетворяет этим требованиям, кажется, впервые»⁹

Особое место в деятельности Бальмонта-переводчика занимало творчество великого испанского драматурга Педро Кальдерона де ла Барки.

Интерес к Испании, к драматургии Золотого века, в особенности к творчеству Кальдерона у Бальмонта был поистине огромным. Первоначальный его замысел включал в себя переводы различных по жанру драм Кальдерона (философские и религиозные драмы, драмы чести, комедии плаща и шпаги). Но мысли переводчика были сосредоточены не только на произведениях великого представителя испанского барокко. Он мечтал перевести и «демонические драмы испанского театра» (Тирсо де Молины, Бельмонте), «крестьянские драмы испанского театра» (Лопе де Веги и Тирсо де Молины), каждое издание сопроводив комментариями и пояснительными статьями.

По договоренности с М. и С. Сабашниковыми он передает им для издания шесть драм Кальдерона, которые вышли в трех сборниках. В первый сборник (1901) — вошла драма «Чистилище святого Патрика». Во второй (1902) — четыре драмы: «Стойкий принц», «Жизнь есть сон», «Поклонение кресту», «Любовь после смерти». Третий вышел только в 1912 г. и состоял из одной драмы — «Врач своей чести».

В архиве К. Д. Бальмонта мы обнаружили

⁹ Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Л. Т. 5. С. 618.

интересный документ, характеризующий отношения переводчика с издателем:

Господам М. и С. Сабашниковым в Москве

Милостивые государи,

Ссылаясь на бывшие между нами личные переговоры, имею честь подтвердить состоявшееся между нами соглашение в следующем:

1) Я предполагаю перевести с испанского стихами 12 драм Кальдерона и уступаю Вам право на первое издание этих драм в моем переводе.

2) В вознаграждение за уступку Вам указанного права я имею получить от Вас половину всей чистой прибыли, какая окажется по распродаже каждого выпуска отдельно, причем при определении чистой прибыли Вы имеете предварительно удержать в свою пользу из валовой выручки издания 10% с номинальной стоимости издания, на покрытие расходов по складу, а именно на наем помещения для склада, страховку, переписку и счетоводство, а также на общие с прочими Вашими изданиями публикации. Специальная же публикация о сочинениях Кальдерона будет ставиться непосредственно в расходе по этому изданию, равно как скидка, делаемая книготорговцами, и расходы по пересылке книг.

3) Ввиду неопределенности того вознаграждения, какое может получиться по предыдущему пункту, Вы гарантируете мне получение не менее пятидесяти рублей с печатного листа русского текста, содержащего 37 тысяч букв прозаического набора или 672 строки стихов, и будете уплачивать мне это полистное вознаграждение в счет той прибыли, какая будет мне причитаться по 2-му пункту сего условия следующим порядком:

а) при заключении настоящего условия в виде задатка 500 рублей.

б) по предоставлению Вам готового к печати перевода каждой драмы отдельно по 250 рублей за драму.

в) затем, по отпечатании каждого выпуска или тома, Вы должны уплатить мне полностью по 50 рублей с листа, удержав в погашение предварительных платежей, указанных в пунктах а и б, по триста рублей за каждую драму.

4) За мной остается право помещать переводы Кальдерона в ежемесячных журналах, но с тем, чтобы в каждом томе или выпуске Вашего издания было не менее одной, а во всем Вашем издании сочинений Кальдерона не менее четырех, нигде в других изданиях не появлявшихся.

5) Внешность издания, число экземпляров, равно и цена его и порядок появления в свет определяются Вами.

6) Каждой драме я имею право предпослать маленькую заметку, текст которой оплачивается Вами на общих условиях сего договора, как сказано в пунктах 2 и 3. Размер этих заметок или статей не должен, однако, превышать пять листов для 3-х драм и 1 листа для каждой из остальных.

7) Я имею перевести и подготовить к печати все 12 драм в течение 2-х лет со дня заключения настоящего соглашения, доставляя Вам материал для печати в течение всего периода равномерно, т. е. приблизительно по 3 драмы в полугодие. Драма «Чистилище св. Патрика» не входит в состав 12 драм, относительно которых мы вступили в настоящее соглашение.

8) За мною остается право последующих переизданий драм Кальдерона в моем переводе, но не иначе как по окончательной распродаже Вашего издания.

9) По представлении мною 2 драм, готовых

к печати, Вы обязуетесь напечатать их и выпустить в свет не позже как через полгода.

10) Вы обязуетесь доставлять мне по отпечатании по 100 экземпляров бесплатных каждого выпуска.

К. Д. Бальмонт

Согласно пункту 3-ему (а) пятьсот
рублей получил.

К. Бальмонт»¹⁰

Издание драм Кальдерона Бальмонт сопроводил научными комментариями и пояснительными статьями, не утратившими своего научного значения и сегодня. Второй выпуск драм Бальмонт сопроводил обширной библиографией, которая доказывает компетенцию поэта в сложных вопросах толкования философских драм Кальдерона. В подавляющем большинстве случаев Бальмонт сам комментировал драмы, но в некоторых случаях считал необходимым воспроизвести в издании статьи ученых-испанистов, в частности, статьи известного немецкого исследователя М. Кренкеля.

Высоко оценил Бальмонт труд Д. К. Петрова «Очерки бытового театра Лопе де Веги», не исключено, что он послужил для поэта неким толчком при переводе произведений испанского драматурга.

Увлеченно работая над переводами кальдероновских драм, Бальмонт стремился сделать их не только достоянием читающей публики; его заветным желанием было увидеть драмы Кальдерона на русской сцене. В предисловии ко второму выпуску он пишет: «Драма «Жизнь есть сон» до сих пор ставится на сцене в Испании. Мне пришлось ее видеть в Мадриде, и я убедился,

¹⁰ ГБИЛ. ОР Архив К. Д. Бальмонта. Ф. 26/732.

что она не только сценична, но что и ее символический философский смысл от сценических эффектов выступает еще ярче и отчетливее. Необходимо было бы, чтобы лица, заведующие репертуаром русских театров, не оставили без внимания богатый сценический материал, представляющий перед нами в драмах Кальдерона. Гете, бывший сам драматургом и директором театра, не был опрометчивым, когда он ставил на Веймарской сцене «Стойкого принца» и «Жизнь есть сон»»¹¹

Поэт считал себя обязанным сообщить публике свое понимание перевода и принципы, которые легли в основу его работы над драмами Кальдерона. «В рифмованных стихах я связываю рифмой лишь вторую и четвертую строку, дабы иметь возможность не уклоняться от текста и передавать его с наивозможной близостью. Тем не менее, я передаю все или почти все перемены испанского ритма». Стремясь к точному воспроизведению стиля эпохи, он продолжает: «При передаче таких стильных вещей, как драмы Кальдерона, главной задачей переводчика должно быть стремление передать все личные, национальные и временные особенности»¹²

Этим принципам он строго следовал. Бальмонту чужд буквализм. Он передавал не только философский смысл драм Кальдерона, но и проявлял их художественное своеобразие, особенности поэтического стиля великого драматурга. И смысловые, и стилистические отступления от оригинала, конечно, были, что неизбежно при переводе, когда автор принципиально отказывается от буквализма.

¹¹ Бальмонт К. Д. Предисловие к книге «Сочинения Кальдерона». М. 1902. С. VIII.

¹² Там же. С. VI.

Одно из важнейших современных требований к переводу — историзм в передаче замысла поэта, его философии, его поэтической лексики. Характерно, что при сравнении «старых» переводов Бальмонта с современными оказывается, что поэт бывал историчнее наших сегодняшних переводчиков Кальдерона.

Конечно, в выборе перевода имеет значение и субъективный момент. Бальмонт признавался: «Не счастье ли найти клад, и не высокая ли радость прочесть неожиданно, в подлиннике, на чужом и на близко-родном языке то, о чем когда-то думал сам, думал и забыл или не умел выразить»¹³.

Подобная субъективность не вела Бальмонта к искажению переводимого произведения. Еще раз подчеркнем, что его переводы Кальдерона отличает научная и поэтическая точность. Субъективность же в данном случае проявляется в признании поэта, какое именно произведение близко и дорого ему, и объяснения, почему оно избрано для перевода. Такая субъективность свойственна и лучшим переводам Жуковского, Лермонтова (из Гете, Гейне).

II

С бальмонтскими переводами драм Кальдерона связаны и важные искания театральных режиссеров начала века, их стремление реформировать театр, в котором господствовали окостеневшие и заштампованные приемы и принципы сценического искусства. Интерес театральных деятелей к переводам Бальмонта, несомненно, был обусловлен их высоким поэтическим уровнем. В известной мере верный истории, Бальмонт

¹³ *Врхлицкий Я.* Избранные стихи. Прага, 1928. С. XIX.

в своих переводах воссоздавал и дух времени и особенности мышления человека эпохи, изображаемой Кальдероном.

В. Э. Мейерхольд был первым, кто вдохновился «русским Кальдероном» и попытался воссоздать его на сцене приемами современного театрального искусства. Выбор его пал на драму «Поклонение кресту». В драме Кальдерона действие происходит в XIII в. Но Мейерхольд считал главной своей задачей связать современность с тем испанским театром XVII в., когда таким успехом пользовались драмы Кальдерона.

Осуществить этот замысел режиссеру удалось не в профессиональном театре, а на сцене любительского Башенного театра, организованного в Петербурге на квартире Вячеслава Иванова, в доме на Таврической улице. Здесь устраивались не только спектакли, но и литературные вечера, собиравшие любителей искусства и литературы.

Организаторами постановки драмы Кальдерона в Башенном театре выступили В. К. Иванова-Шварсалон, падчерица Вяч. Иванова, ее подруга Н. П. Краснова и Борис Мосолов. Исполнителями были близкие к дому литераторы, художники и т. д. В их числе М. Кузмин, В. Пяст, В. Княжнин. Для постановки приглашены Мейерхольд и художник С. Судейкин.

Спектакль состоялся 19 апреля 1910 г. В журнале «Аполлон» появилась статья Евг. Зноско-Боровского. Подробно рассказывая о нем, он останавливается на новых приемах раскрытия характеров, организации сценического действия и оформления спектакля. Фиксирование мельчайших подробностей имеет большое значение для истории театра и эстетической позиции постановщика. Но главную задачу автор статьи видел в том, чтобы показать, какими средствами

режиссер и художник воссоздавали образ испанского театра XVII в. «И в этом было особое значение спектакля, далеко превысившее то, которое имеет факт, сам по себе такой отрадный, постановки редкого в России Кальдерона, стало до очевидности ясно, что все привычные, казалось, необходимые черты современного театра, весь механизм этой сложнейшей машины совсем не нужен, и что при минимальной затрате средств можно достичь не меньших, если не больших, результатов и эффектов. При этом надо особенно отметить, что все попытки и достижения спектакля,— и в этом видим мы залог их жизненности,— что все они добыты не отвлеченным рассуждением, но родились из подлинной жизни театра, жизни современной, равно и очень старой: современные искания были направлены к драгоценным сокровищам давней старины, а ее лучшие заветы усвоены были нынешними приемами.

Это была попытка воскресить испанский театр XVI—XVII веков»¹⁴.

Участник спектакля В. Пяст в своих воспоминаниях рассказывает, какими средствами достигалась эта задача: «Весь фон сцены был заткан, закрыт бесконечными развернутыми, разложенными, перегнутыми, сбитыми и пышно взбитыми витками тысяч аршин тканей, разных, но преимущественно красных и черных цветов. В квартире Вячеслава Иванова хранились вот такие колоссальные куски и штуки старинных и не очень старинных материй. Тут были всякие сукна, бархаты, шелка... Изобилие материй пленяло Судейкина; наворотивши вороха тканей, он соз-

¹⁴ *Зноско-Боровский Евг.* Башенный театр / Аполлон. 1910. № 8. С. 31.

дал настоящий пир для взора. Истинную постановку в сукнах, в квинтэссенции сукон и шелков. Он же соорудил и особенно пышный занавес,— вернее две завесы. Два арапчонка, по окончании каждой картины, задерживали сцену с двух противоположных концов; всякая механизация, в виде ли колец на палочке или проволоке, в виде ли электрического света (все освещалось свечами в тяжелых шандалах), была изгнана из этого средневекового представления»¹⁵.

Спектакль в Башенном театре — первая попытка постановки Кальдерона в современном театре. В процессе создания спектакля были найдены и разработаны новые средства театрального раскрытия жизни людей далекой эпохи. Вс. Мейерхольд чувствовал, что это не только его режиссерский спектакль, но и постановка художника Судейкина. Его яркое оформление, эффектность цветового решения и произвели огромное впечатление на зрителей.

Заслуживает внимания и тот неожиданный, ломавший традицию прием, примененный Мейерхольдом в спектакле.

В драме Кальдерона главному герою Эусебио должны принести лестницу, но «подмости» Башенного театра не позволяли этого; лестница не проходила в единственную дверь, ведущую на сцену. В. Пяст рассказывает: «Мейерхольду ни за что не хотелось расставаться с лестницей. И вдруг его осеняет мысль. Мысль — поистине историческая...

— Несите отсюда! — воскликнул Мейерхольд, показывая рукою налево от себя, направо от сцены,— на дверь, через которую входила

¹⁵ Пяст В. Встречи. М., 1929. С. 169.

публика в столовую из соседней комнаты. Больше в столовую дверей не было.

— Т. е. как? Из публики? Через зрителей?

— Ну, конечно, да. Именно так. Пусть все расступаются.

И в первый раз в истории, по крайней мере современного театра, «актер вышел в публику»¹⁶.

Спектакль в Башенном театре шел только один раз. Но мысль о «русском Кальдероне» продолжает волновать воображение Мейерхольда.

В 1912 г. в Териоках Мейерхольдом было создано «Товарищество актеров, писателей, художников и музыкантов». В него входили: Л. Д. Блок, А. А. Мгебров, художники Ю. М. Бонди, Н. И. Кульбин, Н. Н. Сапунов, композитор Ю. Л. Де-Бур, поэт М. А. Кузмин и др.

Театр в Териоках существовал один сезон. Репертуар его не сложился. Первое представление — 3 июня. Оно состояло из нескольких частей: пантомимы, сцены из Сервантеса, в центре — «Арлекин — ходатай свадеб» (В. Н. Соловьева). В связи со смертью Августа Стриндберга (1 мая 1912) 14 июля Товарищество устроило вечер его памяти. Была поставлена неизданная пьеса Стриндберга «Виновны — невиновны».

Но Мейерхольда продолжала интересовать Испания. Было задумано сценическое воплощение «Каменного гостя» Пушкина, но замысел не был осуществлен. И тогда режиссер вернулся к Кальдерону. Он решил создать вторую редакцию драмы «Поклонение кресту». Спектакль в Териоках состоялся 15 июля. Сохранились режиссерские экспликации, которые дают довольно ясное представление о новом замысле и его воплощении.

¹⁶ Там же. С. 176.

Мейерхольда в новом спектакле интересовало прежде всего раскрытие не обстоятельств действия, а убеждения и поведение созданных Кальдероном характеров. Акцент переносился на актерское исполнение. М. В. Бабенчиков указывал, что главная цель постановки Мейерхольда сводилась к тому, чтобы максимально помочь актерам, ибо, по мысли Мейерхольда, «только в игре актеров... лучше всего мог выявиться дух Кальдерона»¹⁷

В своих режиссерских экспликациях Мейерхольд пишет о подчинении этой задачи всего оформления спектакля. Основная декорация — белый шатер. На заднем полотне его навешивали вертикальные полосы, между которыми входили актеры. Мейерхольд объясняет символический смысл этого шатра—занавеса: «Этот белый занавес, с нарисованным на нем длинным рядом синих крестов, является символической границей, отделявшей место действия католической пьесы от внешнего враждебного мира. По бокам сцены стояли высокие белые фонари; в них за матовой бумагой горели маленькие лампы, но фонари стояли лишь как символы фонарей, а сцена освещалась верхними и боковыми софитами (рампы не было)»¹⁸

Эта идея осуществлялась и в дальнейшем оформлении. О второй хорнаде Мейерхольд писал: «Чтобы показать, что действие происходит в монастыре, два отрока под однотонный звон колокола за сценой вносили и ставили большие белые трехстворчатые ширмы, на которых был нарисован строгий ряд католических святых»¹⁹.

¹⁷ Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы. М., 1968. Ч. 1. С. 255.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Эти два отрока исполняли ту же роль «курамбо», но это использование «курамбо» носило не формальный характер — таким образом создавалось действие на просцениуме. Режиссер считал, что именно Мольер стремился вынести действие из глубины сцены на просцениум, на самый край его. По мысли Мейерхольда, это было нужно Мольеру, чтобы преодолеть традиционное в театре отделение актера от публики. Опыт Мольера нужен был режиссеру для решения своей центральной задачи: сделать актера главным выразителем авторской концепции пьесы.

Приведем следующее высказывание Мейерхольда: «Как свободно зажили ничем не стесняемые гротескные образы Мольера на этой сильно выдвинутой вперед площадке. Атмосфера, наполняющая это пространство, не задушена колоннами кулис, а свет, разлитый в этой беспыльной атмосфере, играет только на гибких актерских фигурах»²⁰

Все эти сценические новации применялись при постановке пьесы Кальдерона «Поклонение кресту» и в Башенном и в Териокском театрах. Это кальдероновское начало в исканиях Мейерхольда почувствовал А. Блок, присутствовавший на спектакле в Териоках. Он писал: «Итак, Кальдерон 1) в переводе Бальмонта; 2) в исполнении модернистов; 3) с декорациями, «более чем условными», однако — этот «католический мистицизм» был выражен как едва ли выразили бы его обыкновенные актеры»²¹

Через три года Мейерхольд вновь обращается к Кальдерону. 23 апреля 1915 г. в Александринском театре в бенефис актера Ю. Э. Озаровского

²⁰ Мейерхольд В. О театре. СПб., 1913. С. 124.

²¹ Блок А. Собрание сочинений. М.: Л. Т. 7 С. 135.

он ставит драму Кальдерона «Стойкий принц» в переводе К. Д. Бальмонта.

Программа спектакля извещала: ««Стойкий принц» драма в 3-х хорнадах сочинения Кальдерона, перевод К. Д. Бальмонта. Декорации художника А. Я. Головина. Костюмы и бутафория по рисункам художника А. Я. Головина. Постановка режиссера В. Э. Мейерхольда. Музыка В. Г. Каратыгина. Действующие лица: Дон Фернандо — г-жа Коваленская; Дон Энрике — г. Вивьен; Д. Х. Кутиньо — г. Вертышев; Царь Феса — г. Студенцов; Таруданте — г. Озаровский; Феникс — г-жа Стахова; Роза — г-жа Шигарина; Сара — г-жа Рашевская; 1 кл. — г. Локтев; 2-й — Казарин; Эстрелья, Селима, Селин, португальские солдаты, мавры и пленники — ученики Императорских драматических курсов, сотрудники драматической труппы и ученики студии Вс. Мейерхольда».

Появление на сцене Императорского театра драмы Кальдерона «Стойкий принц» в постановке Мейерхольда вызвало противоречивые отзывы. Непосредственным откликом на спектакль явилась рецензия А. Р. Кугеля в журнале «Театр и искусство», написанная в задиристо-фельетонном стиле. Критик считал, что «это был скучный спектакль». Виновником «скуки» был объявлен Мейерхольд. Отрицалась новизна режиссерского замысла, целесообразность постановки и интерпретации драмы Кальдерона: «Вместо духа — живого, какое-то стремление соригинальничать, да показать что-нибудь почудней — в пределах приличий, без чего, разумеется, нельзя в Александринском театре»²² Отрицая оригинальность режиссерского замысла, критик отка-

²² Кугель А. Р. Театр и искусство. 1915. № 17. С. 293.

зывается видеть художественное единство спектакля: «Что же показал нам г. Мейерхольд? Реконструкция старинного театра? Неправда, это не реконструкция. Стилизация? Нет, и не стилизация! Просто собственное сочинение г. Мейерхольда, которое не могло быть ни ярче, ни острее, ни эффектнее, ни талантливее своего творца»²³

Иронически отзывался рецензент и о смелом решении режиссера поручить заглавную роль принца — женщине (актрисе Г. Коваленской).

Критик не приемлет новое театральное искусство, ни МХТ, ни Мейерхольда. Отзыв театрального критика не был серьезной попыткой понять и раскрыть смысл и драмы Кальдерона, и ее театральной интерпретации. Естественно, эта статья вызвала ответную реакцию. В следующем, 1916 г., в журнале «Любовь к 3-м апельсинам» появилась серьезная статья молодого историка западной литературы В. М. Жирмунского, писавшего под псевдонимом Victor — «Художественная идея постановки». Автор раскрывает идейное содержание драмы Кальдерона, которое получило верное воплощение в режиссерском решении.

По мнению В. М. Жирмунского, единая задача режиссера и художника сводилась к тому, чтобы в центре спектакля было «не внешнее правдоподобие действительной жизни», не воссоздание «исторической обстановки, в которой происходило действие». Тем самым режиссер и художник «избегали соблазна, который представляет исторический этнографизм на сцене»²⁴.

²³ Там же.

²⁴ Victor. Художественная идея постановки. Любовь к 3-м апельсинам. СПб., 1916. № 2—3. С. 136.

Излагая концепцию спектакля, близкую к замыслу Мейерхольда (это вполне естественно, т. к. В. М. Жирмунский готовил статью для журнала Мейерхольда), он писал: «Только то казалось пригодным для постановки, что могло воплотить основное лирическое настроение кальдероновской драмы: игра актеров, их декламация и костюмы, грим, движения и жесты, вместе с тем, та внешняя обстановка, в которой развивается действие, все должно было стать выражением душевного содержания драмы»²⁵

Естественно, оправдывается введение на мужскую роль — принца — актрисы. Мотивируется это режиссерское решение особенностью самой драмы, ее лиризмом и «женственной» философией характера главного героя. Подробно об этом пишет другой сотрудник журнала, М. М. Жирмунский²⁶

Постановка В. Э. Мейерхольдом двух драм Кальдерона свидетельствует о его интересе к идейно-философской концепции произведений испанского драматурга, о желании раскрыть своеобразие драм Кальдерона. Режиссер ведет поиски новых выразительных театральных средств. При этом два последних спектакля — в Териоках и Александринском театре — отчетливо проявили главную тенденцию режиссерского поиска — ставку на актера, на передачу психологической достоверности сложного символического содержания драм Кальдерона.

Драмы Кальдерона в переводе Бальмонта вызвали интерес и у других режиссеров русских

²⁵ Там же. С. 137.

²⁶ Жирмунский М. М. «Стойкий принц» на сцене Александринского театра, Любовь к 3-м апельсинам. СПб., 1916. № 1.

театров. В частности, в 1911 г. в Старинном театре в Петербурге режиссер Н. В. Дризен поставил драму Кальдерона «Чистилище святого Патрика».

Спектакль, и прежде всего режиссерская интерпретация драмы Кальдерона, вызвали противоречивые оценки. Рецензент А. Ростиславов писал под непосредственным впечатлением от увиденного. Критику все понравилось: декорации, костюмы, план постановки и т. д., драму он именуется «красивой и проникновенной мистерией».

Акцент был сделан не на раскрытии идейно-философского и эстетического содержания пьесы, а на реставрацию эпохи и театрального действия того времени, когда ставились драмы Кальдерона при дворе Филиппа IV в театре Buen Retiro. «Театральная археология» господствует в спектакле. Кальдероновская поэзия оказывалась в тени, ее глубокое содержание не раскрывалось.

Авторитетный критик тех лет Эдуард Старк — летописец Старинного театра — справедливо и беспристрастно оценил постановку режиссера Дризена и попытался объяснить серьезные режиссерские просчеты²⁷. Он решительно выступил против эстетики театральной археологии. Мудрость драмы Кальдерона требовала современной формы театрального прочтения, которая исключала и стилизацию, и ненужную реставрацию старинной манеры игры.

Эд. Старк писал, что постановка драмы Кальдерона свидетельствует о правильности выбора театра. Оттого представление было «чудом»: «Чудо глубокой мысли, настроенной на серьезный философский лад и обвеянной сладким

²⁷ Старк Эд. Старинный театр. П. 1922. С. 60.

ароматом великолепной поэзии. Чудо это принадлежит Кальдерону»²⁸

Обратим внимание на то, что театральный критик подчеркивает высокие поэтические достоинства драмы, которая была ему известна в переводе К. Бальмонта.

При этом критик отмечал, что замысел драмы не был полностью раскрыт: «Ввиду блестящей поэзии Кальдерона, перед глубиной его мысли и возвышенностью идей стала как-то совершенно неинтересна реставрация игры; то, что в этом предприятии было главным, вдруг сделалось второстепенным, и вы ловили себя на мысли: да ведь это совсем неважно, как оно происходило при Филиппе IV, в загородном дворце Buen Retiro! Театральная археология совершенно стусевалась перед Кальдероном, может быть, потому, что он сам очень уж явно не археология. Между примитивной постановкой и упрощенными приемами игры, с одной стороны, и внутренними достоинствами кальдероновской драмы — с другой, не получалось необходимой гармонии вследствие того, что достоинства эти, весь сценический материал, заключенный в творении испанского поэта, бесконечно превышают тогдашние театральные возможности»²⁹

В спектакле Старинного театра было допущено искажение текста. Оно происходило по причинам как независимым от театра — цензура, так исходило и от самого театра — были сделаны неоправданные купюры в тексте. Вмешательство цензуры носило анекдотический характер: не было разрешено вынести на афишу подлинное название драмы: «...называется она «Чистилище Патрика», так по афише, ибо последняя есть уступка цен-

²⁸ Там же. С. 60.

²⁹ Там же. С. 60.

зуре; настоящее же имя чуду: «Чистилище святого Патрика». Это очень характерно для нашей страны, где не только соответствующие инстанции, но и целые категории людей все еще продолжают смотреть на театр как на бесовское заведение. Иной взгляд был в Испании XVII века, «инквизиционной Испании!.. Бесчисленное множество религиозных пьес игралось там на всевозможных сценах, и это не только никого не оскорбляло, но напротив, содействовало, с одной стороны, возвышению достоинства театра, а с другой — пробуждению и укреплению в зрителях добрых чувств»³⁰, — отмечал Эд. Старк. По поводу неоправданных купюр, сделанных театром, он писал: «Дирекция произвела в тексте драмы такие сокращения, которые в подобном художественном произведении совершенно недопустимы.

Необходимо было поставить «Чистилище Патрика» целиком прежде всего потому, что такая задача удовлетворила бы прежде всего эстетическую потребность самих работников театра, предполагая, что им была дорога каждая строка поэта...

Наконец, уж если так необходимы были купюры, последние, во всяком случае, должны были быть сделаны с большим выбором: никакими соображениями нельзя было оправдать пропуск во II действии великолепного диалога между царем и Патриком по поводу того, куда идет человеческая душа после смерти; это одно из лучших мест драмы»³¹.

В 1915 г. в Москве открылся новый театр, получивший название Камерного. Одну из главных задач театр видел в определении собственного ре-

³⁰ Там же. С. 54.

³¹ Там же. С. 58—59.

пертуара. Любопытно, что первые два спектакля были непосредственно связаны с переводческой деятельностью К. Д. Бальмонта. Театр открылся премьерой в постановке Таирова индийской драмы «Сакунтала» в переводе Бальмонта. Вторым спектаклем стал «Жизнь есть сон» Кальдерона, режиссер Зонов.

Спектакль «Жизнь есть сон» активно обсуждался театральной критикой. Мнения рецензентов были не просто противоречивыми, но и взаимоисключающими. В журнале «Любовь к 3-м апельсинам» Сергей Игнатов резко осудил спектакль. В «Театральной газете» рецензент похвалил постановку. В «Рампе и жизни» Юрий Соболев критиковал режиссера.

В противоречивости оценок сказалось, прежде всего, различное понимание драмы Кальдерона, ее поэтики. Так, С. Игнатов писал: ««Жизнь есть сон» — относится к циклу философских драм Кальдерона, а глубина мысли, пафос драматурга — совершенно пропали за ненужной напыщенностью стилизованных декораций.

Не было гармонии и между декорациями и актерами. Краски, слова, жесты — существовало отдельно, без необходимой слитности»³².

Рецензент считал, что успех мог быть достигнут только в случае соблюдения принципов театрального действия старинного испанского театра. Он утверждал: замысел Кальдерона «остался неясным для режиссера. Как нельзя ставить *fiab'u* Гоцци, не зная принципов *commedia dell'arte*, так и здесь — надо было, прежде всего, постичь характер испанского театра, не допускающего замедленного темпа и стилизованных пауз,

³² Игнатов С. «Камерный театр», «Сакунтала», «Жизнь есть сон», «Любовь к 3-м апельсинам», 1914. № 6—7. С. 104.

медлительных движений и застывания у колонн. В результате — спектакль оставляет расплывчатое впечатление. Здесь и элементы испанского театра, и стремление к стилизованному реализму современности. Эта нестройность проходит и в постановке, и в декорациях, и в исполнении»³³.

Критик «Театральной газеты», в целом положительно оценивая спектакль, хвалит театр, как это ни парадоксально, за «преодоление Кальдерона»: «Камерный театр подошел к Кальдерону с большой любовью, с тонким пониманием стиля. Намечено все было очень правильно и по мере возможности осуществлено. Я говорю «по мере возможности» потому, что играть Кальдерона очень и очень трудно. Дать его во всей монументальности невозможно уже потому, что техника нашей сцены не знает этих средств. Наш театр, театр характера, театр человека, а театр Кальдерона — театр формул на ходулях, театр поучений на котурнах. С другой стороны, опростить в обыденном смысле Кальдерона, значит лишить его всякой внутренней силы и смысла и сделать от начала до конца фальшивым. Камерный театр взял хорошую середину, оттенив монументальность условно-тяжелой четкой стихов, а в остальном стараясь приблизить и смягчить структуру пьесы до наших восприятий»³⁴

Критик Ю. Соболев считает, что оба спектакля Камерного театра — «Сакунтала» и «Жизнь есть сон» — не были удачными, и эти неудачи объясняет неверным пониманием замысла драматурга. Особенно наглядно это проявлялось в постановке драмы Кальдерона: но ни «Сакун-

³³ Там же.

³⁴ Э. Б. Кальдерон в Камерном театре / Театральная газета. 1915. № 1 С. 4.

тала», ни «Жизнь есть сон» не были осуществлены так, как должны осуществляться на сцене произведения, столь огромные и по внутренней и по внешней своей конструкции.

И как ни помогали декоратор, режиссер и композитор «Сакунтале» сделаться близкой нам, современным зрителям, так и осуществляющие спектакль Кальдерона ни хорошими декорациями, ни общим удачным планом постановки не спасли драму от привкуса какой-то археологичности, столь утомляющей скуки, заметной с первой картины.

Правда, в дальнейшем своем течении спектакль не казался таким грузным. Жгучая философия Кальдерона волновала и находила отклик в душе зрителя.

Но если бы исполнители до конца верно поняли основной «тон» трагедии, — какими яркими огнями мог бы озариться весь спектакль»³⁵.

Обратим внимание на противоречивость суждений критиков. С. Игнатов упрекает театр и режиссера в том, что не восстанавливается принцип старинного театра, а Ю. Соболев видит причину неудачи спектакля в излишней археологичности и нежелании театра найти новые сценические средства для выражения глубоких идей Кальдерона.

Интересно, что и в обсуждении постановки в Камерном театре, и спектаклей, осуществленных Мейерхольдом, и спектакля в Старинном театре поднимался вопрос не только о современном воплощении художественных произведений XVII в., но ставился шире — речь шла о принципах их воссоздания средствами современного театра.

³⁵ Соболев Ю. Кальдерон в Камерном театре / «Рампа и жизнь». 1915. № 1. С. 7.

Так драмы Кальдерона в переводах Бальмонта оказались важным этапом в развитии театрального искусства. При этом характерна общая тенденция режиссуры при воссоздании идей далекой эпохи, проявившаяся прежде всего в выдвигании актера на первый план спектакля и возложении на него главной задачи по раскрытию замысла драматурга.

Как мы уже отмечали, к этому пришел в своих поисках Вс. Мейерхольд. Критика оказалась единодушной, признав крупной удачей спектакля Камерного театра исполнение актером Шалаховым роли Сехисмундо: «Центральную роль Сехисмундо с большим подъемом и темпераментом вел г. Шалахов, отлично читавший стихи и умевший подняться до грандиозности кальдероновского замысла»³⁶.

В «Рампе и жизни» мы читаем: «Но, увы, только отдельные вспышки радовали, да и то только благодаря одному исполнителю — г. Шалахову, давшему четкий и смелый образ Сехисмундо. И внешне и внутренне роль сыграна очень выпукло. В особенности удались последние картины: пробуждение после «сна» и вешнее провидение жизни, которая не более, как «сновидение»... Большой монолог читал г. Шалахов прекрасно; это волновало и звучало так торжественно-скорбно»³⁷.

Актриса Камерного театра Алиса Коонен в своих воспоминаниях пишет, что спектакль «Жизнь есть сон» не удался. Он не был принят ни публикой, ни критикой. Одна только удача была несомненной — исполнение Шалаховым цент-

³⁶ Э. Б. Кальдерон в Камерном театре / Театральная газета. 1915. № 1. С. 4.

³⁷ Там же.

ральной роли Сехисмундо. Шалахов играл действительно великолепно. И даже критики, браня спектакль, единодушно хвалили его темперамент и голос, а одна из газет объявила даже, что родился 2-й Шалапин»³⁸

Мы кратко остановились на театральной жизни драм Кальдерона, поставленных в первые десятилетия XX в. Театральное воплощение Кальдерона на русской сцене раскрывает один из важных моментов происходившего в начале века обновления театра и, в частности, решения важной проблемы раскрытия классики прошлых эпох современности средствами.

III

Как мы отмечали, К. Д. Бальмонт, приступая в начале века к переводу драм Кальдерона, руководствовался обширным замыслом дать читателю и театру русского Кальдерона. Переводчик, задумывая свое издание, отчетливо понимал все трудности, которыми оно будет сопровождаться. «Вряд ли нужно говорить, что быстрое осуществление этого плана и заполнение такого существенного пробела в нашей переводческой литературе зависит не только от меня. Можно надеяться, что журналы и газеты, имеющие влияние на большую публику, сделают все от них зависящее, чтобы поэтические замыслы таких гениев, как Кальдерон, получили возможно широкое пространство в России»³⁹

Поначалу, как мы видели, план не был выполнен. Переведено и издано только пять драм. Раз-

³⁸ Коонен Алиса. Страницы из жизни / Театр. 1967. № 9. С. 112.

³⁹ Бальмонт К. Д. Предисловие к книге «Сочинения Кальдерона», выпуск 2-й. М., 1902. С. VI.

ные обстоятельства отвлекали Бальмонта от осуществления задуманного. Но Кальдерон продолжал интересоваться его. Так, находясь во Франции в 1912 г., он перевел «Врача своей чести», снабдив перевод вступительной статьей. В письме к М. В. Сабашникову он писал:

«1912.I.13. Пасси.

Дорогой Миша. Ты, верно, удивишься, получив посланное. Хочется думать, что удивление будет симпатического свойства. Я послал тебе «Врача своей чести» Кальдерона (бандеролью) и предисловие к нему при сем. Если бы ты согласился выпустить его без промедлений, я был бы счастлив. Я успел бы еще получить весь набор (во всяком случае набор предисловия), я здесь до 2-го — 28-го. Я думаю, что 3-й выпуск Кальдерона подхлестнет и остальное, как по свойству драмы (кто-то в мире не ревнует!). Так и дешевизна выпуска.

Жду ответа»⁴⁰

Бальмонту удалось продолжить работу над Кальдероном только в 1919 г. В архиве поэта мы обнаружили договор на продолжение издания драм Кальдерона:

«Москва, июля. 24, 1919 г.

Мы, нижеподписавшиеся, Константин Дмитриевич Бальмонт и Товарищество под названием Изд-во М. и С. Сабашниковых, заключили между собой следующее соглашение:

1) К. Д. Бальмонт переведет для издательства стихами с испанского на русский язык драмы Кальдерона: «Волшебный маг», «Саламейский алькальд» «Луис Перес Галисиец», «Бойтесь тихой воды», «Возлюбленная Гомеса Ариаса».

2) Эти драмы издательство приобретает от

⁴⁰ ГБИЛ. ОР, Архив К. Д. Бальмонта. Ф. 261.2.74.

К. Д. Бальмонта с правом выпуска их в количестве экземпляров и изданий по усмотрению издательства, отдельно или совместно с другими переводами из Кальдерона, а также с присовокуплением статей или примечаний, если таковые не будут даны самим К. Д. Бальмонтом.

3) Гонорар К. Д. Бальмонта определяется в 15% с нарицательной цены книги (без переплета), объявленной издательством в момент ее выпуска, уплачиваемых постепенно по мере продажи книги или книг с количества действительно проданных издательством экземпляров, причем расчет учиняется ежегодно по заключении издательством отчета и установления количества проданных экземпляров.

4) Авансом в счет вышеозначенного отчисления К. Д. Бальмонт получает по 3 рубля с каждого переводимого им стиха по представлению им издательству рукописи каждой драмы вполне законченной к печати.

5) В счет аванса упомянутого в пункте 4 с/д К. Д. Бальмонт получает при подписании сего 3 тысячи рублей, т. е. по 600 рублей за каждую драму.

К. Д. Бальмонт.

1919/VII, 24»

На общих условиях сего договора К. Д. Бальмонт подготовил еще несколько переводов из Кальдерона (драма «Дама Привидение») ⁴¹

В том же архиве мы обнаружили четыре неопубликованных перевода драм Кальдерона: «Волшебный маг», «Саламейский алькальд», «Луис Перес Галисиец», «Дама Привидение». Сохранилось письмо Бальмонта к издателю Миха-

⁴¹ ГБИЛ, ОР, Архив К. Д. Бальмонта. Ф—261, 7, 32.

илу Васильевичу Сабашникову о завершении работы над драмой «Луис Перес Галисиец».

«Дорогой Миша!

Я принес тебе 2-ое действие «Люиса Переса». Притязая на 3760 руб. (1320 строк — 200 руб. аванса). Мне нужно было бы переговорить с тобой о точном счете строк. Я считаю все строки и не знаю, согласен ли ты с моей арифметикой. Но я думаю 1) что прозаическая строка берет столько же у меня внимания и механического труда, как и целый стих, будь это строка лишь означение действующего лица; 2) строка, независимо от счета букв, занимает отдельное типографское место; 3) гонорар есть лишь аванс, и позднее все равно перейдет к иному масштабу, т. е. к 15%.

Жалею, что не застал тебя в твоём прелестном саду.

Жму руку.

1919 VIII 6/19.

Твой К. Бальмонт»⁴².

Почему же именно на этих четырех драмах остановил свой выбор Бальмонт, из огромного наследия Кальдерона выделив именно их? Нам кажется, что Бальмонт, вновь возвращаясь к своему титаническому замыслу, решил в новых переводах дать русскому читателю возможность представить более четкую картину многообразия поэтического мира Кальдерона. Если на раннем этапе работы над пьесами испанского драматурга Бальмонта интересуют принципиально важные для его концепции литературы и театра «мисти-

⁴² ГБИЛ, ОР, Архив К. Д. Бальмонта, Ф—261, 2, 75.

ческие» драмы, то спустя два десятилетия меняются его взгляды, и теперь поэт стремится представить многожанровую систему кальдероновского наследия. И действительно, Бальмонт переводит четыре драмы, почти полностью отражающие жанровое разнообразие драматургии Кальдерона: пьеса «Волшебный маг» (в 1637 г. впервые поставлена, напечатана в 1633 г.) — философская драма. По-русски публикуется впервые. Другие переводы этой драмы нам обнаружить не удалось. Важность публикации — еще и в том особом месте в истории литературной культуры, которое занимала эта драма. Именно о ней писал К. Маркс, рассказывая о своем изучении испанского языка: «Начал с Кальдерона, с его «Чудодейственного мага» — католического Фауста — Гете почерпнул для своего «Фауста» не только отдельные места, но и целые сцены»⁴³

«Саламейский алькальд» написан в 1640-х годах, первое издание — в 1651 г. «Луис Перес Галисиес» написан в 1628 г., издан в 1647 г., принадлежат к числу драм чести. И комедия «плаща и шпаги» «Дама Привидение» (первая постановка — 1629 г., издана в 1636 г.). Кстати, Бальмонт впервые берется за перевод кальдероновской комедии.

Обратим внимание и на тот факт, что Бальмонт выбрал одни из лучших произведений Кальдерона, до сих пор остающиеся в центре внимания ученых разных стран. Интересны мнения современных испанских исследователей творчества Кальдерона о «Саламейском алькальде». Вот что пишет об этой драме А. Вальбуэна Брионес: ««Саламейский алькальд» — возможно самая популярная драма

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 300.

Кальдерона и одно из самых известных сочинений испанской литературы за рубежом»⁴⁴ Другой известный ученый отмечает: «Самый драгоценный камень в поэтической короне Кальдерона — «Саламейский алькальд». Она (драма.— Д. М.) является исключением в театре Кальдерона; мы в ней находим реалистические описания окружающего мира, страстные характеры, напряженные конфликты между этими персонажами»⁴⁵

Одной из самых популярных комедий среди критиков является «Дама Привидение». О ней много написано и в самой Испании и за ее пределами, в частности Анхель Вальбуэна Брионес считает, что «Дама Привидение» — «один из шедевров XVII в., драма полифонического автора, умеющего создать сложный и многообразный театральный мир»⁴⁶ Много внимания этой комедии уделяли и советские ученые. В. С. Узин считает, что «ситуация, разработанная в комедии «Дама Привидение», представляет значительный интерес именно потому, что в ней вскрыто резкое противоречие между естественным человеческим чувством, которое властно предъявляет свои права, и косными условиями, в силу которых люди вынуждены скрывать свои чувства. При помощи простого сценического приема, заимствованного у Тирсо де Молины, Кальдерон как бы обнажает

⁴⁴ *Valbuena-Briones A.* Perspectiva Critica de las dramas de Calderón. Madrid, 1965. P. 136.

⁴⁵ *Meregalli Fr.* Consideraciones sobre tres siglos de recepción del teatro Calderoniano, в кн. *Calderón, actas del Congreso internacional sobre Calderón y el teatro español del Siglo de Oro.* Madrid, 1983. P. 119.

⁴⁶ *Valbuena-Briones A.* Calderón y la Comedia Nueva. Madrid, 1977. P. 164.

перед нами самый механизм насилия над человеческой природой»⁴⁷

Выдающийся русский поэт Константин Дмитриевич Бальмонт был замечательным переводчиком и филологом, знатоком многих языков. Отвергая педантичное воспроизведение особенностей, чуждых русскому языку, Бальмонт в своих переводах средствами современного ему стихосложения сумел передать поэтическую стихию драм Кальдерона, не отступая при этом от смысла оригинала.

Однако ни при жизни, ни после смерти его переводы драм Кальдерона не были собраны и изданы полностью. Настоящее издание является первым собранием всех сохранившихся переводов К. Д. Бальмонта.

Г. А. Коган

МАТЕРИАЛЫ ПО БИБЛИОГРАФИИ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ КАЛЬДЕРОНА

1. К ИСТОРИИ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ КАЛЬДЕРОНА

В начале XIX в. имя Кальдерона появляется на страницах русских журналов. Хотя опыт перевода Кальдерона относится к концу XVIII в., когда Екатерина II сделала «вольное переложение» семи начальных сцен комедии Кальдерона «Спрятанный кабальеро». Эта рукопись, озаглавленная «Чулан», была опубликована в 1901 г. Затруднительно определить, с французского или с немецкого языка сделан перевод. Второй известный нам перевод сделал в 1809 г. П. А. Корсаков, ориентируясь на испанское издание, — «Сонет о розе» из драмы «Стойкий принц»; перевод был напечатан лишь в 1840 г.

Первый появившийся в печати перевод Кальдерона, выполненный П. В. Киреевским, относится к концу 20-х годов. В 1828 г. «Московский вестник» публикует прозаический перевод первого действия комедии «Трудно стеречь дом о двух дверях». В примечании редакции сказано о намерении П. В. Киреевского «заняться переводом всех лучших произведений Кальдерона»¹ И действительно после смерти Киреевского в его бумагах было обнаружено несколько переведенных на русский язык пьес испанского драматурга.

В самом начале 30-х годов появляется еще один перевод Кальдерона. В. А. Каратыгин перевел для своего бенефиса драму «Врач своей чести», которая под названием «Кровавая рука» шла

Моск. вестн. 1828. Ч. II. № 19/20. С. 271.

на сцене Большого театра в Петербурге в 1831 г. Вокруг перевода развернулась дискуссия. В «Литературных приложениях к Русскому инвалиду» говорилось, что переводчик «по неразумению своему обезобразил ее (немецкую версию пьесы, с которой был сделан перевод.— Г. К.) до того, что многие в ней места трудно или, вернее сказать, невозможно понять»². Рецензент «Северной пчелы» также отметил «темноту перевода»³. Однако перевод взяли под защиту литераторы, группировавшиеся вокруг журнала «Сын отечества». В этом журнале в 1831 г. появилось сообщение о намерении одного из литераторов выпустить в свет «Испанский театр», в том числе 8 пьес Кальдерона, включив в издание биографию, разбор творчества, комментарии, а также отрывки из сочинений испанских историков, описывавших эпоху, которой посвящены пьесы испанского драматурга. Ни один из этих переводов не был напечатан.

Пьеса Кальдерона «Последняя дуэль в Испании» была переведена на русский язык и поставлена в Петербурге в Александринском театре в 1838 г. В 1843 г. в двух выпусках «Испанского театра» были опубликованы «Жизнь есть сон» и «Саламейский алькальд», переведенные К. И. Тимковским. Эти переводы, выполненные с испанского, были доброжелательно встречены большинством журналов и газет того времени (подробнее см. в нашей статье «Сценическая история драматургии Кальдерона в России XVIII—XIX вв.» в сборнике «Iberica». Л., 1986, вып. 2).

² Лит. прибавл. к Рус. инвалиду. СПб. 1831. 15 апр. Ч. 2. № 30. С. 238.

³ Сев. пчела. СПб. 1831. 14 янв. № 10.

Общественный подъем конца 1850-х — начала 1860-х годов способствовал росту интереса к классической литературе Европы. Предпринимаются новые издания, знакомящие читателей с испанской драматургией. В 1860—1861 гг. в Москве выходят в свет два выпуска «Избранных драм Кальдерона», в которых были напечатаны стихотворные переводы двух трагедий: «Врач своей чести» и «Жизнь есть сон». Переводчик С. В. Костарев был известен как оригинальный автор, написавший ряд исторических драм, и как деятельный пропагандист испанской литературы, познакомивший русских читателей и зрителей также с «Саламейским алькальдом». Есть указания на то, что Костарев работал над переводом еще двух драм Кальдерона («Благоговение к кресту» и «Чудный маг»), однако эти переводы не были изданы. Опубликованные переводы Костарева вызвали критические отклики в печати. «Отечественные записки», в целом благожелательно оценив появление «Избранных драм», отметили: «Что касается стиха, то видно, что г. Костареву в некоторых местах немалого труда стоило совладать с ним. Желательно, чтоб г. Костарев обращал побольше внимания на его обработку...»⁴ Рецензент «Северной пчелы» писал: «Я... уверен, что нам надлежит ознакомиться... и с испанской литературой... Только какая надобность сблизать нас с иноземным поэтом посредством дурных русских стихов»⁵. «Санкт-Петербургские ведомости» указывали: «...Стих г. Костарева очень угловат и вовсе не плавен: к тому же стихосложение такое, что не годится никак для сцены...»⁶.

Вслед за Костаревым переводом произведений Кальдерона занялся поэт-переводчик Н. П. Гре-

⁴ Отеч. зап. СПб., 1862. Т. 140. № 1. Янв. отд. 1. С. 364.

⁵ Сев. пчела. 1861. 13 янв. № 10. С. 38.

⁶ Санкт-петерб. ведомости. 1861 11 мая. № 103. С. 592.

ков. Им были переведены две драмы: «Ересь в Англии» и «Жизнь есть сон». Отрывки первой были напечатаны в «Модном журнале» в мае 1865 г., в 1866 г. драма была поставлена на сцене московского Малого театра. В том же году там были поставлены «Саламейский алькальд» в переводе Костарева и комедия «Сам у себя под стражей», переведенная с немецкого С. А. Юрьевым. Позже, в 1891 г., эта комедия была опубликована в журнале «Артист». С. А. Юрьев, много и плодотворно работавший над переводом испанской драматургии познакомил русского читателя с кальдероновской трагедией «За тайное оскорбление тайное мщение» (напечатана в 1871 г.). Им же был переведен «Саламейский алькальд», поставленный лишь в 20-х годах нашего столетия.

В 1872 г. в журнале «Вестник Европы» появляется отрывок из пьесы Кальдерона «Дочь воздуха» в переводе В. П. Буренина. В это же время к переводу произведений Кальдерона обращается А. Н. Островский, высоко ценивший испанского драматурга. В архиве Островского, хорошо знавшего испанский язык, остались фрагменты переводов комедии «Дом с двумя выходами трудно стеречь» и драмы «Вера в крест».

Русская печать отметила в 1881 г. двухсотлетие со дня смерти Кальдерона. В 1884 г. в серии «Библиотека европейских писателей и мыслителей», издаваемой литератором В. В. Чуйко, появился прозаический перевод трех пьес Кальдерона: «Поклонение кресту», «Час от часу не легче» и «Алькад в Саламее».

В 90-е годы интерес к Кальдерону возрастает; появляются новые переводы его произведений. В журнале «Артист» в 1891 г. печатается его драма «Дон Фернандо, стойкий принц», переведенная с немецкого языка с оглядкой на французский пе-

ревод Н. Ф. Арбениным, в то время артистом Малого театра. В 1894 г. там же напечатан анонимный перевод «Невидимки», а в 1898 г. основатель отечественной испанистики, профессор Петербургского университета Д. К. Петров публикует свой перевод кальдероновской драмы «Жизнь есть сон». Этот перевод, напечатанный незначительным тиражом, воспроизводится в нашем издании. Заметим попутно, что в это же десятилетие появляются новые переводы пьес Кальдерона, выполненные для театра. Известная переводчица с испанского М. В. Ватсон вновь переводит комедию «Сам у себя под стражей», озаглавив ее «Тюремщик самому себе». Тогда же сделаны новые переводы «Саламейского алькальда» и драмы «Сила веры». В конце 90-х годов к произведениям Кальдерона обращается К. Д. Бальмонт, сделавший очень много для популяризации его творчества.

В 1909 г. в журнале «Театр и искусство» появилось сообщение о предстоящем издании полного собрания драматических сочинений Кальдерона в переводе драматурга И. М. Булацеля, потратившего на этот труд около пяти лет. Однако это издание так и не вышло в свет.

Нельзя не упомянуть о заслуживающем внимания эпизоде бытования Кальдерона в нашей стране. Накануне революции 1905 г. Ян Райнис перевел «Саламейского алькальда» на латышский язык. В свете революционной ситуации, сложившейся в России, пьеса приобрела в глазах цензоров опасный характер. «...В драме Кальдерона де ла Барка «Судья Саламеи», — писал цензор, — много фраз, которые нельзя не считать неудобными... Я полагал бы драму «Судья Саламеи»... не дозволить к исполнению»⁷

Дрейден С. Театр 1905—1907 годов и царская цензура // Театр. 1955. № 12. С. 107—108.

Лишь после Октябрьской революции «Саламейский алькальд» наряду с другими пьесами Кальдерона был рекомендован к постановке.

Наиболее значительной из постановок кальдероновского театра в первое десятилетие после революции явился спектакль Второй студии МХТ «Дама—Привидение», премьера которого состоялась 9 апреля 1924 г. Государственный Центральный театр юного зрителя в Москве поставил в 1934 г. комедию Кальдерона «Сам у себя под стражей». Новое прочтение кальдероновской пьесы (автор переработки — драматург Белла Зорич) способствовало созданию веселого жизнерадостного спектакля, с большим успехом исполнявшегося на сцене театра вплоть до Великой Отечественной войны.

Большой интерес к испанскому классическому театру, вызванный героической борьбой испанского народа против фашистских мятежников, вновь поставил на повестку дня вопрос о постановке пьес Кальдерона и переводе его произведений на русский язык.

Следует отметить, что издательство «Academia» еще в 1935 г. планировало приступить к переводу драм Кальдерона. Однако это издание не осуществилось.

В 1939 г. отдельной книгой издается «Саламейский алькальд» в переводе М. М. Казмирова с содержательной вступительной статьей К. Н. Державина.

Существенным рубежом в знакомстве с творчеством Кальдерона следует считать 1940 г., когда появляется перевод «Дамы—Привидения», мастерски выполненный Т. Л. Щепкиной-Куперник (напечатан в 1946 г., затем неоднократно переиздавался). Появление этого перевода вдохнуло новую жизнь в бытование театра Кальдерона на совет-

ской сцене. Поставленная в том же году в Москве и Ленинграде, эта пьеса начала свое сценическое существование на подмостках советского театра. «Дама—Привидение» была широко представлена в репертуаре театров военных лет и в послевоенное время. В 50—70-е годы она шла ежегодно на сцене не менее десятка театров страны. Как правило, это был один из наиболее посещаемых спектаклей. Успех драмы разделила и другая пьеса Кальдерона, идущая в течение многих лет на советской сцене,— комедия «С любовью не шутят». Первую ее постановку (в переводе М. М. Казмичова) осуществил в 1948 г. Н. П. Акимов в Ленинградском театре комедии (вышла отдельным изданием в 1949). В 1955 г. в Ленинградском театре им. Ленсовета была поставлена комедия Кальдерона «Спрятанный кабальеро», переведенная М. М. Казмичовым. В том же году она была опубликована. Многие ТЮЗы страны ставят комедию «Сам у себя под стражей», трактовавшуюся как спектакль для юношества. Пьесы испанского драматурга нашли в нашей стране благодарного зрителя.

В 1961 г. предпринимается издание двухтомника произведений Кальдерона. В этом издании, включавшем 12 пьес испанского драматурга, приняли участие советские переводчики: Б. Пастернак, Т. Щепкина-Куперник, О. Савич, М. Казмичов, И. Тынянова, Ф. Кельин, Ю. Корнеев, В. Бугаевский. Четыре пьесы были впервые напечатаны на русском языке.

В 1963 г. читатели знакомятся с пьесой Кальдерона «В тихом омуте» в переводе А. Голембы. В 1982 г. выходит в свет пьеса Кальдерона «По секрету — вслух» в переводе М. А. Донского. В настоящее время Г. А. Товстоногов готовит к постановке в Ленинградском Академическом Боль-

шом драматическом театре пьесу Кальдерона «Жизнь есть сон» (перевод М. Донского). Ряд сонетов и эпиграмм Кальдерона в различных переводах напечатан в антологии «Испанская поэзия в русских переводах» (1978, 1984), в сборниках «Испанская классическая эпиграмма» (1970), «Испанская эстетика» (1977), «Жемчужины испанской лирики» (1984) и др.

Таким образом, можно констатировать, что советские читатели и зрители имеют возможность широко и разносторонне знакомиться с творчеством Кальдерона в высокохудожественных переводах, выполненных ведущими переводчиками нашей страны.

2. ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАЛЬДЕРОНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Избранные произведения. Сборники

1. Испанский театр/Пер., предисл. и примеч. К. Тимковского. Т. 1. Кальдерон. СПб.: тип. К. Жернакова, 1843. XII. 210 с. [Вып. 1, т. 1.] Жизнь есть сон; [Вып. 2, т. 1.]: Саламейский алькальд.

Рец.: Кони Ф. // Лит. газ. 1843. 4 апр. № 14. С. 282—285; Лит. газ. 1843. 16 мая. № 19. С. 377—380; Кони Ф. // Лит. газ. 1843. 30 мая. № 21. С. 424—425; Отеч. зап. СПб. 1843. Т. 28, № 5. С. 12; № 6. С. 37—44; (Плетнев П. А.) // Современник. СПб. 1843. Т. 31, № 7. С. 112—113; Рус. инвалид. СПб. 1843. 9 мая. С. 401—403; (Полевой Н. А.) // Сев. пчела. СПб. 1843. 12 окт. С. 910—911; Подп.: Z. Z. [Белинский В. Г.] // Отеч. зап. 1844. Т. 32, № 1. С. 37, [паг. 5-я].

2. Избранные драмы Кальдерона: Вып. 1, 2 / Пер. С. Костарева. М.: тип. Каткова и К°, 1860—1861.

Вып. 1: Врач своей чести. 1860. XXXIII. 141 с.;

Вып. 2: Жизнь есть сон. 1861. V. [5]. 150 с.

Рец.: Моск. ведомости. 1860. 8 дек. С. 2124; —цкий // Сев. пчела. 1861. 13 янв. С. 37—39; СПб. ведомости. 1861. 11 мая. С. 591—592; Отеч. зап. 1862. Т. 140, № 1. С. 362—364.

3. Драматические произведения: Поклонение кресту; Час от часу не легче; Алькад в Саламее. СПб.: тип. газ. Новости, 1884. 204 с. (Б-ка европ. писателей и мыслителей / Изд. В. В. Чуйко. Сер. 2; № 16). (Переводчик не указан).

4. Сочинения Кальдерона: Вып. 1—3 / Пер. К. Д. Бальмонта. М.: изд. М. и С. Сабашниковых. 1900—1912.

Вып. 1: Чистилище святого Патрика. 1900. CXLII. 150 с.

Содерж.: Предисловие переводчика; Бальмонт К. От страстей к созерцанию: (Поэзия Кальдерона); Руанэ Л. Заметка о Чистилище святого Патрика; Текст пьесы.

Вып. 2: Философские и героические драмы. 1902. VIII. 772 с.

Содерж.: Предисловие; Жизнь есть сон: Кренкель М. Статья;

Текст пьесы; Примечания; Поклонение кресту: Бальмонт К. Статья;

Текст пьесы; Примечания; Стойкий принц: Кренкель М. Статья;

Текст пьесы; Примечания; Любовь после смерти; Бальмонт К. Статья; Текст пьесы; Примечания; Книголюбительские приложения: Литература о Кальдероне.

Вып. 3: Врач своей чести. 1912. XXVIII. 187 с.

Содерж.: Бальмонт К. О ревности; Текст пьесы.

Рец.: Правит. вестн. СПб. 1900. 10 сент.; (Амфитеатров А. В.) // Россия. СПб. 1900. 19 сент.—
Подп.: Old gentleman // Новый мир. СПб. 1900.
№ 12. С. 92—94, [паг. 2-я]; Ежемес. соч. СПб.
№ 46. С. 128; Деген Е. // Мир божий. СПб. 1900.
1900, № 11. С. 288; Рус. Богатство. СПб. 1900.
№ 11. С. 70—71; Буренин В. // Новое время. СПб.
1902. 3 мая; Венгерова З. // Образование. СПб.
1902, № 7/8. С. 116—120; Почталъон. СПб. 1902.
№ 6. С. 334; Айхенвальд // Речь. СПб. 1912.
13 авг.; К—ский Л. // Рус. ведомости. М. 1912.
5 июня; Бюл. лит. и жизни. М. 1912. № 10. С. 414—
415; № 19. С. 392.

5. Пьесы: В 2-х т. / Сост., вступ. статья и примеч. Н. Б. Томашевского. Ред. пер. Н. М. Любимова. М.: Искусство, 1961: (Б-ка драматурга). Т. 1: [Драмы] / Вступ. ст. и примеч. Н. Б. Томашевского. 702 с.

Содерж.: Томашевский Н. Б. Театр Кальдерона; Стойкий принц / Пер. Б. Пастернака; Луис Перес Галиснец / Пер. В. Бугаевского; Любовь после смерти, или осада Альпухарры / Пер. О. Савича; Врач своей чести / Пер. Ю. Корнеева; Жизнь — это сон / Пер. И. Тыняновой; Саламейский алькальд / Пер. Ф. Кельина; Томашевский Н. Б. Примечания.

Т. 2: [Комедии] / Примеч. Н. Б. Томашевского. 688 с.

Содерж.: Дама-невидимка / Пер. Т. Щепкиной-Куперник; Сам у себя под стражей / Пер. О. Савича; Спрятанный кавальеро / Пер. М. Казминова; Дама сердца прежде всего / Пер. Т. Щепкиной-Куперник; Апрельские и майские утра / Пер. Т. Щепкиной-Куперник; Не всегда верь худшему / Пер. М. Казминова.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

A secreto agravio secreta venganza

6. За тайное оскорбление тайное мщение: Трагедия в 3-х д. / Пер. С. Юрьева // Беседы в О-ве любит. рос. словесности. М. 1871. Вып. 3. С. 87—135.

El alcaide de si mismo

7 Сам у себя под стражей: Комедия в 3-х д. / Приспособл. к сцене С. А. Юрьевым // Артист. М., 1891. № 15. С. 1—8; № 16. С. 1—7; № 17 С. 1—8.

8. Тюремщик самому себе: Комедия в 3-х д. / Пер. и приспособл. к рус. сцене М. Ватсон: Рукопись. ЛГТБ. 1895.

9. Сам у себя под стражей: (Комедия в 3-х д.) / Пер. В. Левика и В. Узина: М.: ВУОАП, 1945. 47 с. Ротап rint. (См. № 5.)

El alcalde de Zalamea

10. Саламейский алькальд: Драма в 3-х д./ Пер. С. Костарева: Рукопись. ЛГТБ. 1865. 117 с.

11. Саламейский судья: Драма в 3-х д./ Пер. для сцены С. Юрьева: Рукопись. ЛГТБ. [Не нумер. листы].

12. Саламейский алькальд: В 3-х д.: Рукопись. ЛГТБ. 1896. [Не нумер. листы].

13. Саламейский алькальд: Драма в 3-х д./ Пер. М. М. Казминова; Под ред. М. Л. Лозинского; Вступ. ст. К. Н. Державина. Л.; М.: Искусство. 1939. 200 с. (См. № 1, 3, 5.)

14. Саламейский алькальд: (Отрывки) из пьесы / Пер. Ф. В. Кельина // Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII века. М.: Учпедгиз, 1940. С. 201—205. То же. 2-е изд., доп. и испр. М., 1949. С. 187—191.

15. Саламейский алькальд: Отрывки из драмы / Пер. М. М. Казмичова // Хрестоматия по истории западноевропейского театра. 2-е изд. М.: Искусство, 1953. Т. 1. С. 373—378.

16. Наставленья Педро Креспо сыну / Пер. Ф. Кельина // Европейская поэзия XVII века. М.: Худож. лит., 1977. С. 417—419.

Amar después de la muerte

(См. № 4, 5.)

Antes que todo es mi dama

(См. № 5.)

Casa con dos puertas mala es de guardar

17. Трудно стеречь дом о двух дверях: Комедия. День первый / [Пер.] П. В. Киреевского // Моск. вестн. 1828. Ч. II, № 19/20. С. 234—271.

La cisma de Inglaterra

18. Ересь в Англии: Драма в 3-х д./ Пер. Н. П. Грекова: Рукопись. ЛГТБ. 1865. 48 л.

19. Ересь в Англии: Сцены из драмы / Пер. Н. П. Грекова // Модный магазин. СПб., 1865. № 15. С. 225—229.

20. Слепец: [Фрагмент из драмы] / Пер. И. Тыняновой // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 419.

21. Презренье к славе: [Фрагмент из драмы] / Пер. И. Тыняновой // Там же. С. 420—421.

La dama duende

22. Невидимка: Комедия в 3-х днях // Артист. М., 1894. № 39. Прилож. С. 1—23.

23. Дама-невидимка: Комедия в 3-х д./ Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник; Вступ. статья В. С. Узи-

на. М.; Л.: Искусство, 1946. 168 с. (Испанский театр XVII века; Вып. 3).

То же // Щепкина-Куперник Т. Л. Избранные переводы. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 2. С. 319—428.

То же // Испанский театр. М.: Худож. лит., 1969. С. 579—684.

То же: М.: ВААП, 1974. 121 л. Ротапринт. (См. № 5.)

Рец. на изд. 1946 г.: Февральский А. // Сов. книга. М., 1946. № 8/9. С. № 141—143.

24. Дама-невидимка: Отрывки из пьесы / Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник // Сов. искусство. М., 1938. 22 дек.

La devoción de la cruz

25. Сила веры: В 3-х д./ Пер. СБ: Рукопись. ЛГТБ. 1898. 63 с. Под загл.: Поклонение кресту см. №№ 3, 4.

El escondido y la tapada

26. Чулан: Вольное переложение из Кальдерона де ла Барка. Отрывок // Соч. императрицы Екатерины II, на основании подлинных рукописей и с объяснит. примеч. ак. А. Н. Пыпина. Т. 3. СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1901. С. 387—395.

27. Спрятанный кабальеро: Комедия в 3-х д., 4-х карт./ Пер. М. М. Казмирова. М.: ВУОАП, 1955. 123 с. Ротапринт.

То же: Выступ. ст. и примеч. М. Казмирова. М.: Искусство. 1957. 211 с., 1 л. портр.

То же: М.: ВААП, 1974. 135 л. Ротапринт. Под загл.: Спрятанный кавальеро см. № 5.

Guárdate del agua mansa

28. В тихом омуте...; Комедия в 3-х д. /Пер. А. Голембы: М.; ВУОАП, 1936. 146 л. Ротапринт.

То же: Выступ. ст. А. Д. Михайлова. М.: Искусство, 1963. 175 с.

La hija del aire

29. Дочь воздуха: Отрывок из трагедии/[Пер.] В. Буренина // Вестн. Европы. СПб., 1872. Т. 2, март. С. 62—81.

То же: *Зотов В. Р.* История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1878. Т. 2. С. 661—665.

Luis Pérez, el Gallego

См. № 5.

El mágico prodigioso

30. Тайный зов любви: Отрывок из драмы / Пер. А. П. Тамбовского // *Тамбовский А. П.* Триумф любви. СПб.: Г. В. Енисейский, 1895. С. 123—124.

Mañanas de abril y mayo

См. № 5.

El médico de su honra

31. Кровавая рука: Трагедия в 5-ти д. на исп. яз./ Пер. с нем. В. А. Каратыгина: Рукопись. ЛГТБ. 1830. 130 с.

32. Врач своей чести: Драма/Пер. К. Д. Бальмонта // Вестн. иностр. лит. 1908. Янв. С. 7—95.
См. №№ 2, 4, 5.

No hay burlas con el amor

33. С любовью не шутят / Пер. М. Казмирова. М.; Л.: Искусство, 1949. 188 с.

No siempre lo peor es cierto

См. № 5.

Peor está que estaba

См. № 3.

El postrer duelo de Espana

34. Последняя дуэль в Испании: Драма в 3-х сутках: Пер. с исп.: Рукопись. ЛГТБ. Не нумер. листы.

El príncipe constante

а) Полная публикация пьесы

35. Дон Фернандо, стойкий принц: Трагедия в 5 д. и 8 карт./ Пер. и перед. для рус. сцены Н. Ф. Арбенина // Артист. М., 1891. № 12. С. 1—14; № 13. С. 1—11; № 14. С. 1—9.

То же / Театрал. М., 1898. Кн. 2, № 152. С. 3—99.

То же // *Арбенин Н. Ф.* Западный театр. СПб., 1906. С. 317—426.

36. Стойкий принц / Пер. К. Д. Бальмонта // Вестн. иностр. лит. СПб., 1902. Март. С. 149—171; Апр. С. 179—200; Июнь. С. 139—158.

37. Стойкий принц / Пер. Б. Пастернака // Испанский театр. М.: Худож. лит., 1969. С. 487—577.

См. №№ 4, 5.

б) Отрывки из пьесы

38. Дон Фернандо. Стойкий принц: Трагедия в 5-ти д.: Отрывок / Пер. Н. Арбенина // В. память С. А. Юрьева. М., 1890. С. 397—404.

39. Стойкий принц: [Отрывки из трагедии] Пер. М. Травчетова // Хрестоматия по западно-европейской литературе. М.: 1937. С. 508—540.

в) Сонет о розах

40. Роза и человек / Вольный пер. П. Корсакова // Невский альбом. СПб., 1840. С. 92—93.

41. Сонет («С веселостью и пышной, и беспечной...») / Пер. К. Д. Бальмонта // Под знаменем науки. М., 1902. С. 243.

42. Сонет («Они очей очарованием были...») / Пер. О. Румера // Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII века. М., 1940. С. 187; 2-е изд., испр. и доп. М., 1949. С. 168—169.

То же // *Румер О.* Избранные переводы. М., 1959. С. 74.

То же // Испанская поэзия в русских переводах. М.: Прогресс, 1978. С. 401; 2-е изд., испр. и доп. М.: Радуга, 1984. С. 291.

43. К цветам («Казались сада гордостью цветы...») / Пер. Б. Пастернака // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 423.

То же. Под загл.: Сонет // Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 856; 2-е изд. М., 1984. С. 588.

44. К розам / Пер. П. Грушко // Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 857; 2-е изд. М., 1984. С. 588—589.

45. Розы / Пер. Б. Дубина // Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 858; 2-е изд., 1984. С. 589.

То же // Жемчужины испанской лирики. М., 1984. С. 113—114.

г) Другие сонеты

46. «Нет, меня не веселит...» / Пер. Б. Пастернака // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 417.

То же // Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 403; 2-е изд. М., 1984. С. 291, 293.

47. «Рассыпанные по небу светила...» / Пер. Б. Пастернака // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 424.

То же. Под загл.: Сонет // Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 405; 2-е изд. М., 1984. С. 293.

То же // Жемчужины испанской лирики. М., 1984. С. 113.

El purgatorio de San Patricio

См. № 4.

Saber del mal y del bien

48. Щедрость (Фрагмент из драмы «Знание добра и зла») / Пер. И. Тыняновой // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 420.

El secreto a voces

49. По секрету — вслух: Комедия в 3-х д. / Пер. М. Донского. М.: ВААП — Информ. 1982. 158 л.

50. Из комедии «По секрету — вслух»: Сцены / Пер. М. Донского // Бычья шкура. Л.: Худож. лит., 1978. С. 71—85.

51. Рассказ Фабыо о мартышках: Фрагмент из комедии / Пер. М. Донского // Там же. С. 86—87.

То же // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 422.

52. Рассказ Фабыо о блохе: Фрагмент из комедии / Пер. М. Донского // Там же. С. 422—423.

La vida es sueño

53. Жизнь есть сон: Комедия / Пер. и предисл. Д. К. Петрова. СПб.: тип. Дома призрения малолет. бедн., 1898. 170 с.

То же // Сборник пьес. СПб., 1906. Т. 37. С. 1—169.

Рец.: Венгерова З. // Образование. СПб., 1898. № 4. С. 54—57; Сев. вестн. СПб., 1898. № 1. С. 69—70 [паг. 2-я]; ЖМНП. СПб., 1898. Ч. 315, янв. С. 166—167 [паг. 2-я]

См. №№ 1, 2, 4, 5.

54. Жизнь есть сон: [Отрывки из пьесы] / Пер. Д. Петрова // Русская историческая хрестоматия с приложением важнейших образцов иностранной литературы / Сост. К. П. Петров. 6-е изд. СПб., 1901. С. 471—473.

55. Жизнь есть сон: [Отрывок из драмы] / Пер. К. Д. Бальмонта // Под знаменем науки. М., 1902. С. 95—98.

56. Жизнь есть сон: Отрывки из пьесы / Пер. С. Н. Протасьева // Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII века. М., 1940. С. 188—201.

57. Жизнь есть сон: Из пьесы / Пер. В. Я. Парнаха // Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII века. 2-е изд., испр. и доп. М., 1949. С. 170—187.

58. Жизнь есть сон: Отрывки из трагедии / Пер. К. Д. Бальмонта // Хрестоматия по истории западноевропейского театра. 2-е изд., испр. и доп. М., 1953. Т. 1. С. 367—373.

59. «В лохмотьях, голодом томим...»: [Отрывок] / Пер. В. Васильева // Испанская классическая эпиграмма. М., 1970. С. 94.

60. Утешение: [Отрывок] / Пер. И. Тыняновой // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 421.

61. Романс («Вы меня не узнаете?..») / Пер. О. Б. Румера // Хрестоматия по западноевропейской литературе. М., 1937. С. 561—563.

То же // Хрестоматия по западноевропейской

литературе XVII века. М., 1940. С. 187—188; 2-е изд., 1949. С. 169—170.

62. «Взглянув на кудри, коим ночь дала...» / Пер. М. Самаева // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 424.

То же // Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 407; 2-е изд. М., 1984. С. 215.

63. «Ты видишь розу?..» / Пер. М. Самаева // Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 409; 2-е изд. М., 1984. С. 295, 297

64. «Придворный угощал посла...» / Пер. В. Васильева // Испанская классическая эпиграмма. М., 1970. С. 89.

65. «Нельзя столь несчастливым стать...» / Пер. В. Васильева // Там же. С. 90.

66. «Гнусавый Пабло в плен попал...» / Пер. В. Васильева // Там же. С. 91.

67. «Я слышал, что, когда однажды...» / Пер. В. Васильева // Там же. С. 92.

68. «Латал подмастерье жилет...» / Пер. В. Васильева // Там же. С. 93.

69. Эпиграмма («Про ученых с умом осла...») / Пер. П. Грушко // Лит. Россия. М. 1968. 20 сент. С. 18.

То же // Испанская эстетика. М., 1977. С. 139.

70. Эпиграмма («Книга,— нет друга скромнее...») / Пер. П. Грушко // Там же. С. 139.

71. Эпиграмма («Однажды плохой художник...») / Пер. П. Грушко // Там же. С. 139—140.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН

(La Vida es sueño)

Знаменитая драма Кальдерона, наиболее сложная в философско-художественном отношении. Дата написания остается спорной (1632—1635 гг.). Поставлена на сцене в 1635 г. и опубликована в Мадриде: «Parte primera de Comedias de Don Pedro Calderón de la Barca».

Сюжет драмы восходит к легенде о Варлааме и Иосафате, христианской адаптации жития Будды.

Однако у драмы есть и другие источники. Это «русская тема», события гражданской войны на Руси в XVII в. См. об этом наст. изд., с. 702.

Тема «Жизнь — Сон» повторена во многих драмах Кальдерона: «Жизнь есть сон» (ауто), «Дьявол садов», «Дочь воздуха», «Цепи дьявола», «Аполлон и Климена», «Эхо и Нарцис», «В этой жизни все истина и все ложь» и др.

О постановках драмы на русской сцене см. наст. изд., с. 680—712.

Хорнада I

Гиппогриф (греч.) — сказочное животное, полулошадь и полугрифон, в свою очередь, объединяющий черты льва и орла. Не исключено, что образ создан итальянским поэтом Боярдо (1430—1494). В этом образе сливаются два мифологических представления: в колесницу Аполлона были впряжены то кони, то грифоны.

² *Фаэтон* — вероятно, речь идет о Фаэтоне, сыне Гелиоса и Климены, но не исключено, что подразумевается Фаэтон, один из коней Эос (Авроры) (ср. имя Rosaura = rosa + aurga, лат. — розовое сияние, розовое небо). Возможно, Кальдерон в этой метафоре имеет в виду и первое и второе значение.

³ *Грех величайший — бытие. // Тягчайшее из преступлений — // Родиться в мире* (El delito mayor // del hombre es haber nacido). — Запутанный богосло-

- вами вопрос, отражавшийся в испанской драме и до Кальдерона. Ср. у Лопе де Веги в драме «Варлаам и Иосафат» та же мысль, но в вопросительной форме.
- ⁴ *Ручей родится, извиваясь, // Блестя, как уж, среди цветов, // И чуть серебряной змеею // Мелькнет по зелени лугов.*— Метафорическое отражение известной латинской поговорки: «*Frigidus latet anguis in herba*» («Змея холодная скрывается в траве»). Нередко в XVI—XVII вв. встречается в произведениях многих испанских поэтов.
- ⁵ *аспид из металла.*— Раздвоенное змеиное жало используется для метафоры двуствольного пистолета, появившегося на вооружении в конце XVI — начале XVII в. Под аспидом в метафоре подразумевается средиземноморский аспид, у которого в агрессивном состоянии раздувается шея: она напоминает рукоять пистолета, зажатую в руке. Плевков аспида считался смертельным. При выстреле пистолет издавал звук, напоминающий плевков.
- ⁶ *И коль надменность и Смиренье, // Сии почтенные особы, // Что в тысяче Священных Действ // Пред нами исполняли роли...*— Надменность и Смиренье — в действительности весьма часто встречаются среди аллегорических персонажей испанских аутос. О Кальдероновских аутос см. в кн.: Ibergica, вып. II: Кальдерон и мировая культура; кратко в статье Н. И. Балашова, наст. изд., с. 782.
- ⁷ *Когда Эвсторхио скончался...*— См. роман Суареса де Мендосы «*Eustorgio y Clorirene, historia moscovica*». Его, вероятнее всего, и использовал Кальдерон при создании генеалогии в драме «Жизнь есть сон». Короли и принцы — дети и внуки Эвсторхио. Астольфо родился от младшей дочери Эвсторхио, Ресисунды; жена Басилио, мать Сехисмундо, носит имя Клорилены, жены Эвсторхио из романа Мендосы.
- В реально-историческом плане Астольфо имеет возможный прототип — королевич Владислав (Владислав IV, 1595—1648, король Польши в 1632—1648 гг.; в ходе польского и шведского вторжения в Русское государство в начале XVII в. часть русской знати провозгласила его царем, 1610; по Поляновскому миру, 1634, отказался от претензий на русский

престол); само же имя, возможно, заимствовано у известного персонажа поэм Боирдо и Ариосто (итальянское Астольфо соответствует старофранцузскому Estout, имени одного из паладинов Роландова цикла).

⁸ *Мудрец Фалес.* — Фалес Милетский (639—548 до н. э.) — греческий философ, физик, астроном.

⁹ *Живописания Тимантов, // И изваяния Лисиппов...* — Тимант — греческий живописец (IV в. до н. э.); самая известная его картина — «Жертвоприношение Ифигении»; в XVI—XVII вв. его знали, вероятно, по Плинию и Квинтилиану.

Лисипп — знаменитый греческий скульптор второй половины IV в. до н. э., с его именем связано много легенд: при жизни он был весьма почитаем и пользовался особым расположением Александра Македонского, герма которого, созданная Лисиппом, была весьма популярна и в XVII в. Для Кальдерона важно, что Лисипп начал изучать природу и тем самым положил начало эллинистическому этапу в искусстве, основным принципом которого было изображение духовного в человеке. Оба художника жили в Сикионе. В этом городе в античности процветало искусство и он был известен свободой творчества.

¹⁰ *...схоже — // Родиться в мир и умирать...* — Мысль, часто повторяемая у Кальдерона. Образ чудовища, умертвляющего своим рождением мать, есть в ауто «Великий театр мира».

¹¹ *В ночном бреду и в сновиденьях // Неоднократно повторялось // Одно жестокое виденье // Несчастной матери его...* — В древности сны, которые снятся беременным женщинам, считались вещими.

¹² *Лучи планеты нечестивой // Лишь могут повлиять на волю, // Ее принудить им нельзя.* — С древних времен существовало представление о том, что человек может изменить свою судьбу вопреки року, при помощи свободы воли. В драмах Кальдерона «либерум арбитриум», «свобода воли», становится универсальным понятием, обозначающим в этике — свободу выбора, честь, достоинство и т. д.; в гносеологии — способность человека постигать свою зависимость от необходимости природы.

¹³ *Как нам Сенека рек испанский...* — Сенека (ок. 4 г. до

н. э.— 65 г.) — латинский философ и писатель, родился в испанской провинции Римской Империи. Он был широко известен в испанской литературе XV—XVII вв. и оказывал большое влияние на нее. Кальдерон сравнивает Басилио с Сенекой в значении «мудреца, познавшего мирскую суету и занявшегося исследованием провидения и свободы воли». Возможно также соотнесение с Хуаном II Кастильским (1406—1454), которого называли «испанским Сенекой» за то, что он пропагандировал идеи Сенеки в Испании.

Хорнада II

Кларин разбудит, он поет, // И, как рожок, он весть дает.— Цитируется романс Гонгоры «Contando estaban sus rayos».

- ² *...так в женщине, он, значит, // Нам небо малое явил.*— Это сравнение, дословно повторяемое в других пьесах Кальдерона: «Великий театр мира», «В этой жизни все истина и все ложь». В пародийном плане основывается на словах Пифагора (ок. 580—500 до н. э.) о том, что «человек — это малый мир». Буквально у Кальдерона: «Если мужчина это малый мир, то женщина малое небо».
- ³ *Астрея (греч.)* — богиня справедливости, дочь Юпитера и Фемиды. У Кальдерона — «дворцовое» имя Росауры. В этом псевдониме заключено соотнесение главной героини с идеей высшего блага и справедливости.
- ⁴ *Они, как Феникс, восстают...*— Феникс — легендарная птица, священная в Древнем Египте. Символ вечной жизни. Согласно легенде, птица Феникс сгорала и вновь рождалась из пепла.
- ⁵ *Или карманного Икара // С балкона в воду сошвырнул?* — Намек на греческий миф об Икаре, который упал в море, когда неосторожно поднялся слишком близко к солнцу и растопил воск, скреплявший его крылья.
- ⁶ *...добро живет веки, // Хоть ты его во сне свершил.*— Те же стихи есть в ауто Кальдерона «Великий театр мира».

Хорнада III

Коль назовут святым Молчанье, // В календаре его означив, // Я Сан-Секрето выбираю... // В свои святыи навсегда.— Имеется в виду «новый стиль»— календарь, который ввел папа Григорий XIII в 1582 г. Христианские календари, по предписанию Второго Никейского собора (787 г.), кроме отсчета времени, содержали указание на церковные праздники и их даты, которые стали неясны после введения нового календаря. Вероятно, это и послужило основой для иронической реплики Кларина: если Молчание возвели в ранг святого, то я его буду почитать как Сан-Секрето.

² *Так вступим в роль.*— Этот мотив «принца-самозванца» позднее используется Кальдероном в пьесе «Сам у себя под стражей», где Бенито случайно был принят за принца Федерико.

³ *А между тем народ, узнавши, // Что у него есть Царь законный, // Не хочет, чтоб над ним владыкой // Был чужеземец.*— Вполне вероятно, что этот мотив был навеян легендами об истории Дмитрия. Интересно, что в Испании многие верили в его подлинность. См. об этом в пьесе Лопе де Веги «Великий князь Московский» и в статье Н. И. Балашова, наст. изд., с. 768.

⁴ *Так рядом с Солнцем буду я Беллоной...*— Беллона в римской мифологии богиня войны, ее функции отождествлялись с Марсом.

⁵ *С Палладой в состязание вступлю я.*— Греческая богиня мудрости Афина Паллада, в римской мифологии — Минерва, часто интерпретировалась как богиня военного ума, стратегии. Под Палладой в этом случае Эстрелья подразумевает свою соперницу Росауру.

⁶ *Чтобы в безумии поверить, // Что в изменениях различных // Данае, Леде и Европе // Предстал он золотым дождем, // Быком и лебедем.*— Имеется в виду Зевс и три связанных с ним мифа (о Данае, к которой он явился под видом золотого дождя, о Ле-

де, принявшей Зевса как лебедя, о Европе, похищенной Зевсом, представшим ей в облике быка).

- ⁷ *Ее тиран, был столь Энеем // Своей, покинутой им, Трои, // Что ей оставил даже шпагу.*— Сравнение основывается на легенде (Вергилий, Энеида, кн. 2), по которой после того, как греки захватили Трои, Эней с уцелевшими троянцами покинул город, бросив там свои доспехи. Кальдерон строит образ на сближении с деталями этой легенды.
- ⁸ *В своем душевном Вавилоне // Я изъяснялась немотой.*— Метафорическая игра библейским образом вавилонского столпотворения смятением (смешением языков) среди строителей башни и города Вавилона.
- ⁹ *Да, я узнал, людское счастье // Проходит все, как быстрый сон.*— Перифраз речения «Sic transit gloria mundi» («так проходит слава мира») из популярного в Европе «De Imitatio Christi», 1441 (русское издание «О подражании Христу» в переводе М. М. Сперанского, 1819), приписываемого немецкому мистику Фоме Кемпийскому (1379—1471). С XVI в. фраза произносилась при возведении пап на престол.

ВРАЧ СВОЕЙ ЧЕСТИ

(El médico de su honra)

Драма написана около 1633—1635 гг. Впервые поставлена 26 августа 1635 г. в Королевском дворце театром Хуана Мартинеса де лос Риос. Напечатана в 1637 г. во «Второй части комедий Кальдерона». Сюжет драмы восходит к легендам, окружавшим образ кастильского короля дона Педро Жестокого (1350—1369), убитого своим единокровным братом доном Энрике. Некоторые ученые предполагают знакомство Кальдерона с одноименной пьесой Лопе де Веги, изданной в 1633 г. в Барселоне. В драмах Лопе де Веги и Кальдерона действительно есть ряд совпадений (название, сюжет и т. д.).

Перевод Бальмонта был издан в 1912 г.

Подробную характеристику «драм чести» в срав-

нении с комедиями Кальдерона см. в статье Н. И. Балашова. наст. изд., с. 804.

Имена дона Гутиэре и дона Диэго в соответствии с современной нормой пишутся не через «э», а через «е».

Хорнада I

...если могут слышать стены.— Кальдерон намекает на придворные нравы и на название известной комедии Хуана Руиса де Аларкона «И стены имеют уши» (1622).

² *Эней своих же ощущений.*— Эней здесь — образ, навеянный троянским героем Энеем (сын Анхиса и Афродиты), который вынес на своих плечах престарелого отца из горящей Трои (см. «Энеида» Вергилия).

³ *И чтоб в одно и то же время // Твою отпраздновали свадьбу // И погребение мое.*— Характерный для барокко образ, построенный на сближении жизни и смерти.

Низка, чтоб быть твоей супругой, // Настолько ж, как горда я слишком, // Чтоб быть возлюбленной твоей.— Эти строки были использованы Виктором Гюго в менее изысканной форме в драме «Эрнани» (1830).
Донья Соль: «Тгор roug concubine, et trop peu roug l'épouse» (II).

⁵ *Король: Чем ты смущен? // Солдат: Как чем? Тебя увидел!*— Здесь Кальдерон использует легенду, по которой один взгляд короля Педро Жестокого нагонял страх на собеседника.

⁶ *Кто школу высшую влюбленности проходит, // Тот узнает любовь по разным степеням.*— Современникам был ясен намек на ренессансные «Академии любви», где понятие любви делилось по многостепенной шкале (но надо отметить, что в оригинале Кальдерон ренессансные академии называет университетами).

Что, правда, было б лучше мне // Не сохранять ее с таким позором явным //, а потерять тайком и в тишине.— Почти точно передается народная поговорка: «*Más vale ser cornudo que no sepa ninguno, que sin serlo pensarlo todo el mundo.*»

Хорнада II

Мне оправданье — Актеон. — Имеется в виду миф о том, как юный охотник Актеон глядел на купающуюся Артемиду (Диану). Разгневанная богиня натравила на беспечного юношу собак, которые растерзали его.

² Песни Теодоры не было в прижизненном тексте драмы, возможно, она является более поздней вставкой.

³ *Король: Я расписал им светлой кровью... // Дон Диего: Что? // Король: Их ремесленный диплом.* — В буквальном переводе следует понимать это место так: «Их же кровью я засвидетельствовал ее чистоту» (или: «их кровью я подписал свидетельство о ее чистоте»). Испанское «certamen», т. е. свидетельство о чистоте крови (или, точнее, «чистоте рода»), которое было необходимо для занятия высоких должностей при королевском дворе, а также при вступлении в рыцарские ордена Калатравы и Сант-Яго. Известно, что самому Кальдерону с трудом удалось получить такой документ от папы Урбана VIII, относительно благожелательно относившегося к крупным художникам своего времени, когда он хотел стать членом ордена Сант-Яго.

И Аристотель справедлив. — Имеется в виду «Поэтика» Аристотеля.

Хорнада III

Дон Педро, чье чело осветит // Индийский полюс в должный час, // С тобой одним я быть хотел бы. — Немецкий издатель Кальдерона Вольфганг фон Вурцбах отмечал на S. 75, в своем издании Кальдерона («Kalderons Werke», Bd. 6, S. 75), что в метафорическом словоупотреблении Кальдерона это означает: «корона Америки («обеих Индий») увенчает чело наследников короля (дона Педро)».

² *Чье имя — Порция, Томирис, // Лукреция...* — Перечисление имен легендарных женщин, которые считались образцами преданности долгу и семейной чести.

³ *Я буду птицей, что с камнем // Изображается во рту.* — Пародия на рассказ Плиния об аистах, которые, чтобы не уснуть и тем самым не стать легкой до-

бычей для хищников, держат под лапой камень. Образ этот можно понимать как желание не проговориться. «...*Не можешь ли,— так модница шепнула,— // Мне ипохондрии немножко принести?*» — Насмешка над модной в то время болезнью ипохондрии. Эти строки прекрасно иллюстрируют желание Кальдерона в каждом удобном случае ввести в текст своих пьес (даже если время их действия относится к далекому прошлому) черты современной ему жизни.

⁵ ...*в Консуэгру.* — Консуэгра — маленькое селение в окрестностях Толедо, пользовавшееся в фольклоре мрачной славой. Именно там, как гласит легенда, на горе Кальденке граф Юлиан задумал предательство, которое привело к вторжению мавров в Испанию в VIII в. Эти обстоятельства, вероятно, и могут служить объяснением, почему Кальдерон остановился на выборе именно этого селения, введя его в песню, предупреждающую о смерти дона Педро от руки братьев.

⁶ ...*там Инфант, // Маэстре...* — В оригинале «магистринфант» — подразумевается брат короля Педро дон Фадрике (умерший в 1358 г.).

ВОЛШЕБНЫЙ МАГ

Драма датируется 1637 г. и принадлежит к числу наиболее известных произведений Кальдерона. Она основана на легенде, во многом схожей с немецким преданием о докторе Иоганне Фаусте. Драма заинтересовала Гете, ее переводил Шелли, драму читал К. Маркс.

Интерпретация драмы и мотивы, по которым ее заглавие следовало бы переводить «Необычайный маг» (Киприан печется не о суетных интересах, как свойственно магам, а о познании истины), дана в статье Н. И. Балашова (наст. изд., с. 811).

Об истории открытия перевода Бальмонта, печатающегося впервые, см. в статье Д. Г. Макогоненко (наст. изд., с. 708).

Действие драмы происходит в III в. Место определено без особой скрупулезности (не свойственной испан-

ской драме XVII в.). Киприана, о котором идет речь, легенда связывала с Антиохией Писидийской, а в драме скорее говорится о более крупном городе Антиохии, столице тогдашней римской провинции Сирия.

Хорнада I

Лес вблизи Антиохии. — Местом действия драмы является Антиохия на Оронте — столица провинции Сирия в Римской империи (ныне — Анталья), объясняется это, прежде всего, географическим положением: близостью гор и моря. Антиохия на Оронте была известна как один из крупнейших христианских центров. Но основой сюжета послужило предание о мученической смерти Киприано, епископа другой Антиохии — Писидийской, расположенной во Фригии, но при этом обстоятельства добровольного мученичества главного героя удивительно похожи на обстоятельства, при которых погиб епископ Карфагена Фасций Киприан в 258 г. (Всего в древности насчитывалось около 10 Антихий.)

² *С тех пор, как в Плинии прочел я // То место, где в словах он странных // Дает определенье Бога.* — Киприан читает книгу Гая Плиния Старшего (23—79) «Естественная история». Здесь ставится главная проблема драмы: не могущая быть согласованной с богословием тема возможности самостоятельного, без откровения свыше, познания бога.

³ *Допустим — это мнение верно, // В противном буду убеждать.* — Дьявол предлагает Киприану философский спор, который был принят в средневековых университетах, так называемый *quodlibet* («на выбор»), обсуждался любой вопрос в связи с любым предметом (*de quodlibet ad voluntatem cuiuslibet*). Вопросы задавались магистру и иногда бывали так неожиданны, что ставили отвечающего в затруднительное положение. *Disputatio quodlibet* имело строгую форму, отвечающий независимо от своих убеждений должен был занять противоположную позицию.

⁴ *Я помню четко это место — // «Бог высшая есть доброта //, Он сущность, также как основа, // // Весь зрение, и весь он руки».* — Свободный пересказ из

Плиния («*Historia Naturalis*». 1. II, с. VII) «Полагаю, что доискиваться образа и вида бога есть свойство человеческой глупости. Каким бы ни был бог, если он только иной (чем солнце), в любой своей части он весь — чувство, весь — зрение, весь — слух, весь — душа, весь — дух, он собственная самость». В этом чрезвычайно важном для Кальдерона вопросе (проблемы соотношения предопределения и свободы воли, свободы и необходимости) нашли отражение теологические споры начала XVII в. (См. подробнее примечания А. С. Науменко к книге «*Calderón de la Barca. Tres dramas y una comedia*». Moscú, 1981).

⁵ *Где Бог такой, не знаю я, // Как тот, о коем мыслит Плиний.* — В споре между дьяволом и Киприаном поднимается актуальный для теологии XIV—XVII вв. вопрос о возможности или невозможности дать рассудочное определение понятию «бог».

⁶ *В тех, столь сомнительных, ответах // Что нам дают их изваянья.* — В период распада язычества в Римской империи жрецы для поддержания веры в народе прибегали к различным приемам: в полую статую божества помещали человека, который вещал «волю богов». Мистификации были распространены в разные периоды существования христианской церкви.

...есть гении... — В античной мифологии гении — то же, что и демоны. Они занимали промежуточное положение между небом (богами) и землей (людьми); когда-то им приписывались только добрые свойства — они сообщали божественные знания людям. Здесь Киприан рассуждает как языческий философ-скептик. Он думает, что если природа гениев (дьяволов) двойственна, то двойствен и сам Бог, так как они сообщают его волю, а следовательно, он (Бог) не может быть истиной, так как она должна быть неделима.

⁸ *Условий поединка...* — Основными обстоятельствами и условиями поединка между Лелио и Флором были: 1) подозрение в ущемлении чести; 2) бесчестие не должно быть доказано свидетелями; 3) оба участника дуэли должны быть в равном качестве (равного сословия, одинаковое оружие; позиция во время поединка и т. д.); 4) причина должна быть только личного

- характера; 5) власти не должны знать о поединке.
- ⁹ *Да, Ливии неблагодарны...*— Значимое имя от лат. *levis* — легкий, легкомысленный. В римской истории известны две Ливии: 1) Ливия Друсилла (род. ок. 56 г. до н. э., с 38 г. вторая жена Августа, мать будущего императора Тиберия; умерла в 29 г.). 2) Ливия Юлия, внучка предыдущей, дочь Друза, сестра Германика; в 23 г. совместно с Сеяном отравила своего второго мужа — Друза, сына Тиберия; умерла в 31 г. Назидательные и полные авантюры биографии обеих Ливий были хорошо известны. И их имена стали нарицательными — они были метафорой коварства, неблагодарности, легкомыслия. «Женская типичность» этого имени привлекла внимание Кальдерона и он использовал его в 17 драмах.
- ¹⁰ *Лисандром я зовусь...*— Прототип этого действующего лица есть в исходных латинских текстах: это диакон Прогелий, который обращает Юстину, а затем и ее родителей в христианство.
- ¹¹ *Тот город — каменная гидра, // Имеющая семь голов.*— Речь идет о Риме, стоящем на семи холмах; семь голов было у мифической Лернейской гидры, которую победил Геракл.
- ¹² *Разумный Александр, наш папа...*— Вероятно, имеется в виду Александр — епископ Иерусалимский, погибший в 250 г. мученической смертью во время гонений при императоре Деции; имя это упоминается Кальдероном как указание на время действия. Папами назывались епископы, возглавлявшие христианские общины с середины II в.
- ¹³ *...я теперь Юстину // Ослаблю,* — Для того, чтобы опорочить честь девушки или дамы, считалось достаточным появление (замеченное свидетелями!) незнакомого мужчины вблизи балкона или под окном ее дома.

Хорнада II

Следя, как аргус, за судами, Мифологическая метафора: видящий все корабли на море. Аргус в древнегреческой мифологии, титан — тысячеглазый страж Ио, аллегория «всевидящего» звездного неба.

- ² *Тот грубый лес. Немрод скалистый, // Что спутаннее Вавилона.* — Библейская метафора: символ силы и противления. Немрод, внук Ноя: «сей начал быть силен на земле. Он был сильный зверолов пред Господом; потому и говорится: сильный зверолов, как Немрод, пред Господом. Царство его вначале составляли: Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сенаар». (Бытие, 10; 8, 9, 10). Речь идет о «горе», над которой Дьявол будет совершать чудеса.

- ³ *К правителю властитель Деций // Прислал декрет...* — Речь идет о декрете императора Деция (249—251), изданном в 250 г. Именно этот декрет ознаменовал начало одного из самых длительных гонений на христиан.

Свободной воле, мысля я, // Нет понуждений в заклинаньях. — Здесь Киприан затрагивает одну из важнейших для Кальдерона тем — тему «свободной воли». См. подробнее об этом вопросе в статье Н. И. Балашова, наст. изд., с. 813, и примеч. 12 (хорнада I) к драме «Жизнь есть сон».

- ⁵ В этой сцене для Дьявола главное — отведение Киприана от познания сущности бога.

Хорнада III

И некромантия, разъята мной она // Ее узоры теневые // Раскроют предо мной пределы гробовые. — Некромантия, один из разделов магии, способ мистического познания с помощью вызывания умерших, а также — по внутренностям мертвых людей и животных. В европейской культуре известна с гомеровских времен. В эпоху Кальдерона стала символом проникновения в тайну смерти.

- ² *(Раскрывает покров и видит скелет).* — Эта сцена, по мнению многих исследователей, считается заимство-

ванной из драмы *Миры де Амескуа* (1574—1644) «Раб дьявола» (ок. 1612), в центре этой пьесы сделка с дьяволом по имени Анхелио (кстати, именно так и хотел назвать своего Дьявола Кальдерон). Продажа души за обладание женщиной, изучение магии в пещере; герой драмы «Раб дьявола» Хиль Сантарем, обнимает, как ему кажется, Леонору, но обнаруживает вместо нее лишь костяк.

САЛАМЕЙСКИЙ АЛЬКАЛЬД

(El Alcalde de Zalamea)

Примерная дата написания драмы — около 1645 г. Впервые «Саламейский алькальд» был опубликован под названием «El garrote más bien dado» в сборнике «Лучшие из лучших сборников новых комедий», Алькала, 1651 г.

В основе драмы подлинное происшествие в эстремадурском селении Саламея, описанное в «Historia de Portugal y conquista de los islas Azores», 1591, Антонио де Эрреры. Автор приводит документ, свидетельствующий о распущенности в войсках: «Под страхом смертной казни никто из солдат или командиров не смеет покушаться на честь женщин, к какому бы сословию те ни принадлежали». Приказ этот датируется 28 марта 1580 г.

Были у Кальдерона и непосредственно литературные источники: 47 новелла Мазуччо и одноименная драма Лопе де Веги.

Подробно об этой драме см. в статье Н. И. Балашова, наст. изд., с. 825. История нахождения перевода Бальмонта описана в статье Д. Г. Макогоненко, наст. изд., с. 708.

Хорнада I

- Саламея* — большое селение в Бадахосе в провинции Эстремадура, на границе с Португалией.
- ² *Ребольедо* — имя солдата-грассосо, «говорящее» имя: «толстый», «пузатый», «коренастый». Имя его подруги «Чиспа» Бальмонт дает в переводе «Искра».
- ³ *Едва прибудем к комиссару.* — Комиссар — имеется в виду интендант, квартирмейстер.
Пойдем, как нищие монахи, // А настоятель сыт и пьян. — Намек на богатства и привольную жизнь так называемых «нищенствующих» монашеских орденов, учрежденных в XIII в. в расчете на то, что, завоевав доверие народа проповедью бедности и примером благочестивой жизни, они смогут преодолеть распространявшееся недоверие к нравам церкви. Монахи нищенствующих орденов, согласно уставу, не могли иметь личной собственности, постоянного жилья и должны были кормиться подаванием. Обет бедности фактически мало соблюдался.
- ⁵ *Никак из дома рехидора.* — Рехидор — член городского управления.
- ⁶ *Он так заносчив, что пышней, // Пожалуй, чем инфант Леона.* — Древнее королевство Леон наряду с Астурией было первой территорией, отвоеванной у мавров во время Реконкисты. Жители Леона очень гордились этим обстоятельством. Они считали себя самыми храбрыми, достойными среди испанцев.
- ⁷ *Как Дон Кихот, // Чьи приключения Сервантес // Нам описал красноречиво.* — Уважительное отношение к Сервантесу характерно для Кальдерона. Обычный для испанской драмы XVII в. анахронизм. События, описанные в «Саламейском алькальде», происходили за четверть века до написания романа «Дон Кихот».
- ⁸ В сцене 4-й диалог дон Мендо и Нуньо также, вероятно, навеян беседами Дон Кихота с Санчо Пансой.
- ⁹ *Гидальго* — теперь по-русски принято писать «идадьго». Идадьгия — испанское дворянство, в большинстве своем мелкое и разорявшееся.
- ¹⁰ *Постиг, сеньор, и предпосылки, // И заключенья: я ж с тобою. // На столь божественный твой стол // Ни*

предпосылок, ни посылок, // Ни заключенья для десерта // ...— Нуньо намекает на двойной смысл слова *principios*, означающего: 1) принципы, начало; 2) первое кушанье.

¹¹ *Есть Бургос, в Бургосе обитель.*— Имеется в виду знаменитый в то время женский монастырь в Бургосе — Санта Мария де лас Уэльгас.

¹² *Исполню, хоть и не придется // Мне за одним столом сидеть с ним.*— Намек на испанскую поговорку: «делай, что тебе прикажет твой господин, и ты сядешь с ним за стол».

¹³ *Так я ведь грамотой дворянской // Дворянской крови не куплю.*— Во времена Кальдерона звание дворянина можно было покупать за деньги. В XXI главе (I г.) романа Сервантеса есть соответствующее высказывание Дон Кихота: «...Когда я воссяду на королевский престол, ты у меня сей же час получишь дворянство, и тебе не придется ни покупать, ни выслуживать его» (перевод Н. Любимова). Но Педро Креспо утверждает, что честь купить нельзя, так как это достояние, дарованное человеку богом.

¹⁴ *Заведовать игрой в фортунку.*— Фортунка — азартная игра, напоминает упрощенный вариант рулетки.

¹⁵ *Дон Лопе: Клянусь, вы знать должны, что нужно, // Раз вы есть вы, терпеть повинность, // Которую вам указали.*— В оригинале «Por ser quien sois» — формула, утверждающая незыблемость сословных принципов, в том числе чести.

¹⁶ *Педро Креспо: Но честь имущество души...*— Для Креспо честь — это высшее благо, дарованное богом, и именно поэтому равняющее всех: и дворянина и крестьянина. Некоторые теологи того времени также рассматривали сословные представления о чести как проявление «человеческой гордыни». (Напр.: Diego de Estella. Tratado de la vanidad del mundo. I, II).

Хорнада II

Пока его цирюльник будет // Сшивать и починять прореху.— В одной из назидательных новелл Сервантес изображает наемного убийцу (*bravo*), ранившего противника и требующего вознаграждения, соответствующего числу швов, наложенных цирюльником на рану.

- ² *Все золото, какое только // Там в Индии соткало солнце.*— Имеется в виду золото, которое добывали испанцы в своих американских колониях.

Хорнада III

...он алькальд теперь, отец твой // Тебе найдет он правосудьс.— Кальдерон, возможно, имеет здесь в виду испанскую народную пословицу, относящуюся чаще к алькайду (начальнику крепости, тюрьмы): «*Quien padre tiene alcaide, seguro va a juicio*» («Имея отца алькайда, легко можно добиться правого суда»).

- ² *Входит Педро Креспо с жезлом.*— Жезл алькальда — черный, с набалдашником из слоновой кости.

- ³ *Хотите нас клеймом отметить // И нас продать, мы рабство примем.*— В оригинале: *Y si quiereis desde luego // Per una S y un clavo // Hoy a los dos y vendernos, etc.*— Из слов *una S* и *un clavo* — образуется «*esclavo*» — «раб». Эта игра слов употребляется испанцами и доказывает, что в Испании на теле рабов выжигалось клеймо — буква *S* и гвоздь.

- ⁴ *О чем прошу! Прошу о чести, // Который вы меня лишили.*— Смирненное начало разговора Креспо с дворянином, капитаном армии, реально. Некоторые западные ученые ищут более частные аспекты ситуации. С. Э. Левитт, посвятивший этому эпизоду статью, считает, что Кальдерон пожертвовал верностью изображения характера ради того, чтобы вызвать у зрителей симпатию к Педро Креспо и тем самым оправдать его решение казнить капитана (см.: *Leavitt S. E. Pedro Crespo and the Captain in Calderon's «Alcalde de Zalamea». Hispania». (Baltimore), 1955. Vol. XXXVIII, № 4. P. 430—431*). Последнее, вероятно, верно, чего не скажешь о мнении английского ученого Данна, который готов обнаружить в

этой сцене действительное стремление «обратить капитана в свою веру» (См. *Dunn P. N. Honour and the Christian Background in Calderón Bulletin of Hispanic studies. Liverpool, 1960. Vol. XXVII, N 2. P. 100—102*).

⁵ *На это есть такой закон.* — В испанском законодательстве того времени имелась статья, по которой запрещалось пытаться беременных женщин.

⁶ *Так вы не паж кавалерийский?* — Пажи в кавалерии несли хинеты капитанов — короткую, изящную пику, знак их должности.

Открывает дверь, и предстает сидящий на стуле Капитан, вокруг шеи его удавка. — При удушении гарротой приговоренный сидел на табурете, прижатый к вертикальному столбу, и палач удавливал его с помощью завертки, прижимая к столбу. Эта завертка состояла из коротенькой палки, называемой *garrote*, отчего и получила свое название казнь.

СОДЕРЖАНИЕ

КАЛЬДЕРОН

Драмы в переводе К. Д. Бальмонта

КНИГА ВТОРАЯ

Жизнь есть сон	5
Врач своей чести	134
Волшебный маг	262
Саламейский алькальд	403

ДОПОЛНЕНИЯ

Жизнь есть сон. <i>Перевод Д. К. Петрова</i>	529
<i>К. Д. Бальмонт.</i> Предисловие [Ко второму выпуску издания Сочинений Кальдерона]	664
<i>К. Д. Бальмонт.</i> [Предисловие к драме] «Любовь после смерти»	667

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Д. Г. Макогоненко.</i> Кальдерон в переводе Бальмонта. Тексты и сценические судьбы	680
<i>Г. А. Коган.</i> Материалы по библиографии русских переводов Кальдерона	713

Примечания

Жизнь есть сон	732
Врач своей чести	737
Волшебный маг	740
Саламейский алькальд	745

*В книге первой
публикуются*

Дама Привидение	11
Стойкий принц	156
Луис Перес Галиснец	271
Поклонение Кресту	393
Любовь после смерти	501
Чистилище святого Патрика	644

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Н. И. Балашов.</i> На пути к не откры- тому до конца Кальдерону	753
1. Как сложилось издание	753
2. Взаимный антагонизм Кальдерона и Контрреформации. «Жизнь есть сон»: самые «трудные» драмы и ауто Кальдерона	757
3. Вехи творчества Кальдерона. Ко- меди. «Драмы чести»	786
4. Философские драмы. «Волшебный маг», «Стойкий принц», «Любовь после смерти»	811
5. Исторические драмы. «Луис Перес Галиснец» и «Саламейский аль- кальд»	825

Примечания

(Составила Д. Г. Макогоненко)

Обоснование текста (<i>Составил Н. И. Балашов</i>)	839
Дама Привидение	842
Стойкий принц	845
Луис Перес Галиснец	851
Поклонение Кресту	852
Любовь после смерти	855
Чистилище святого Патрика	857

ПЕДРО
КАЛЬДЕРОН
ДЕ ЛА БАРКА

ДРАМЫ

В двух книгах

КНИГА ВТОРАЯ

*Утверждено к печати редколлегией серии
«Литературные памятники» АН СССР*

Редактор

И. Г. Древлянская

Художник

В. Г. Виноградов

Художественный редактор

Н. Н. Власик

Технический редактор

Л. И. Куприянова

Корректоры

В. А. Бобров, Г. Г. Петропавловская, Е. Л. Сысоева

ИБ № 35997

Сдано в набор 06.10.87. Подписано к печати 27.05.88.

Формат 70×90¹/₃₂. Бумага офсетная импортная

Гарнитура литературная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 27,77. Усл. кр. отт. 55,27. Уч.-изд. л. 34

Тираж 25000 экз. Тип. зак. 799. Цена 4 р. 30 к.

*Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва Б-485, Профсоюзная ул., 90*

*Отпечатано в 4-й типографии издательства «Наука» 630077.
Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25*

*Константин Дмитриевич
Бальмонт*

F A M A, V I D A,
Y E S C R I T O S

DE DON PEDRO CALDERON
de la Barca Henao y Riaño, Cavallero del
Orden de Santiago, Presbytero, natural de
ta Coronada Villa de Madrid, Capellando
Honor de su Magestad, y de los señores Reyes
Nuevos de la Santa Iglesia de la Ciu-
dad de Toledo.

P O R

DON JUAN DE VERA TASSIS
y Villarroel.

Al se estrechára en la esfera breve de mi labio, quien generosamente ocupa todas las lenguas de la Pama, y mal cenire a vn epilogo tan corto al que no cabe en los dilatados espacios de los fglós, porque quien pone margenes al resplandor, mas que lisonjea, agravia su claridad; pero hado en el aseo mio, que suplira la dapacidad del assumpto suyo, corro veloz la pluma, para des-
civir en vn abreviado suspiro vn permanente follozo, que le refucite en el ancho Templo de la memoria de quantos en la posteridad le registraren, y sean sus elegantes escritos los que ron mas viva, y eficaz lengua persuadan, ensenen, y muevan a todos los estudiosos; resultando los veverados ecos de sus numerosas voces desde Madrid en Espana, en Entopa, y en el Orbe enteto, porque solo el Orbe odra ser Esfera capaz de oerbirlos; que aviendo mi zelosa obligacion de publicarlos

¶

¶

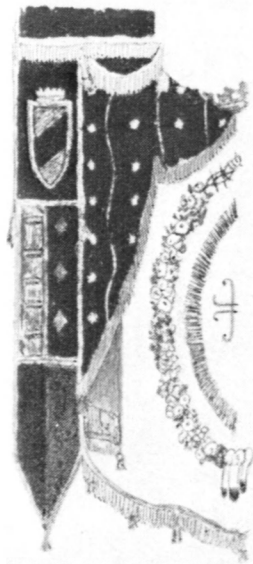
*Первая страница Введения Хуана де Вера Тассис
и Вильяррозль к Собранию драм Кальдерона.
Ч. 1. Мадрид. 1726*

Спектакль "Чистилище святого Патрика". Старинный театр. 1911. Режиссер Н.В. Дрейзен. Эскиз декораци. Художник Е.Е. Лансере

Спектакль
"Чистилище святого Патрика"
Старинный театр. 1911.
Режиссер Н.В. Дрейзен.
Эскиз декораций.
Художник Е.А. Лансере

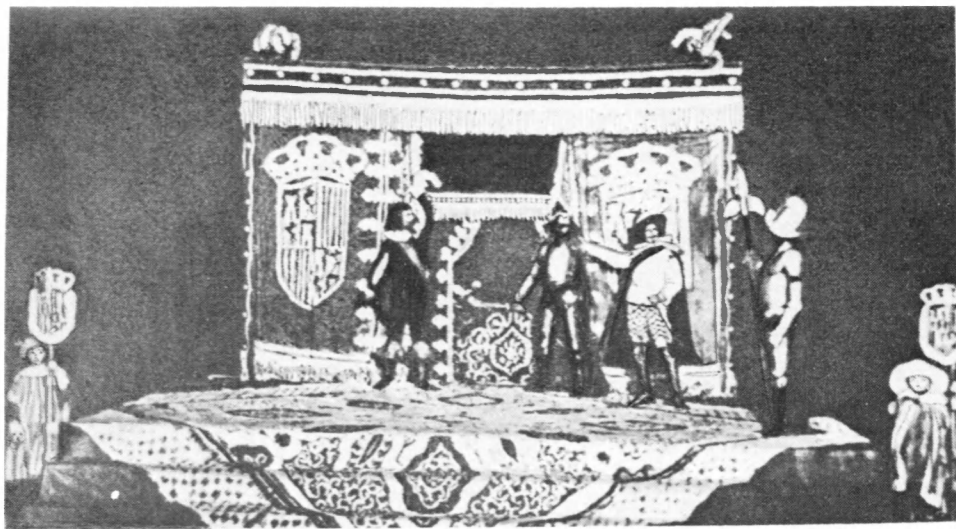
Спектакль
"Стойкий принц".
Александринский театр.
1915.
Режиссер В.Э. Мейерхольд.
Эскиз
заключительного
занавеса.
Художник А.Я. Головин

Стойкий принц

10 оконч. занавес

*Спектакль "Поклонение кресту", Башенный театр. 1910. Режиссер В.Э. Мейерхольд.
Художник С.Ю. Судейкин. Группа участников спектакля*

*Спектакль "Стойкий принц". Александринский театр. 1915. Режиссер В.Э. Мейерхольд.
Художник А.Я. Головин. Сцена из спектакля*

Спектакль "Чистилище святого Патрика". Старинный театр. 1911. Режиссер Н.В. Дрейзен. Эскиз костюма Полонии. Художник И.Я. Билибин